

На 1-м форзаце — карта Италии XVI в. (в границах 1559 г.). На 2-м форзаце — карта Западной Европы XVI в. (в границах 1559 г.).

10603-528 042(02)-74

79-74

Издательство «Наука» 1974

Италия и Европа накануне нового времени. Эта тема не может уложиться в рамки одной книги. Десятки исследований отражают отдельные ее аспекты: экономический, политический, культурный. Обычно каждое исследование посвящено одной из стран Европы; целая библиотека книг написана об Италии. Попытка сделать сводку этих работ в лучшем случае привела бы к составлению небесполезной справочной книги типа историографической хрестоматии. Рациональнее представляется использовать

материалы наиболее свежих и оригинальных трудов, показывающих самые характерные новые черты в истории Италии и неразрывно связанных с ней европейских стран. В этом случае на первый план выдвигается вопрос о судьбах Италии, ее месте и роли в сложном переплетении общеевропейских событий. Рассмотрение этого вопроса невозможно при обращении к Италии в целом, так как она не была единым политическим и социально-экономическим организмом. Речь может идти об отдельных региональных государствах, и прежде всего о Генуе, Венеции, Милане, Флоренции, Неаполе — разных, но не лишенных некоторых общих черт, свойственных итальянской обстановке XVI в. Изучение, изложение и сопоставление истории итальянских государств или хотя бы их взаимоотношений может дать лишь энциклопедическую схему. Для определения самых существенных сторон итальянской истории этого периода следует выделить наиболее характерные для своего времени государства Италии, например Геную, Милан, Тоскану, Папскую область. Сознательное самоограничение дает возможность если не решить, то поставить некоторые важные вопросы такой многогранной проблемы, как Италия и Европа накануне нового времени.

Тематическое, хронологическое и пространственное ограничение темы этой книги сочетается с широким фоном исследования, что исходит из стремления осветить все важнейшие моменты исторического процесса. Такой подход объясняется прямой необходимостью: «История не может быть только экономической, или политической, или литературной и т. д., но историей всего этого вместе взятого», — как удачно сформулировал эту непреложную истину один из крупнейших современных итальянских историков 'Армандо Сапори.¹

Для каждого исторического этапа и каждой страны сочетание, взаимодействие и значение всех сторон жизни общества не одинаковы. Эта мысль глубоко обоснована Энгельсом в одном из писем, которое является лаконичным изложением сути исторического процесса и марксистского метода его изучения:

«... согласно материалистическому пониманию истории в историческом про-

¹ A. Sapori. L'eta della Rinascita. Seooli 'XIII—XVI. Milano, 1958, p. 3.

цессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм. Существует взаимодействие всех этих моментов, в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей. . . В противном случае применять теорию к любому историческому периоду было бы легче, чем решать простое уравнение первой степени».² Так и история Италии изучаемого периода отражает в себе «взаимодействие всех этих моментов»: относительное экономическое ослабление не помешало ей идти во главе всей Европы в области культуры; политическая разнохарактерность ее государств наряду с известными недостатками способствовала многообразию культуры Возрождения; раннебуржуазная культура противостояла такой «буржуазной революции № I»,³ как Реформация, оказавшая значительно большее влияние на другие страны Европы, чем на Италию; банковско-учетная техника, будучи надстроечным явлением, способствовала укреплению или во всяком случае прогрессивной трансформации экономического базиса; отдельные факторы базиса и надстройки проявлялись с разной силой в специфической обстановке переходной эпохи, предшествовавшей новому времени.

Под новым временем обычно понимают эпоху капитализма, первым веком которого для Западной Европы принято считать XVI столетие. Однако в XVI в. в экономике, социальной структуре, политике и культуре не было еще достаточно прочно сложившихся основ нового буржуазного общества, хотя существенно усилилась общность исторического процесса в масштабе всей

² Ф. Энгельс. Письмо Йозефу Блоху, 21[—22] сентября 1890 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 394—395.

³ Ф. Энгельс. К «Крестьянской войне». Из рукописного наследия Ф. Энгельса. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 417.

Западной Европы,⁴ что способствовало созреванию новой формации. Несмотря на специфику отдельных европейских стран, процессы становления капитализма в XVI в. необходимо рассматривать не по странам, а в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Зарождение и становление капитализма не было синхронным для всех государств Западной Европы, но с XVI в. общеевропейская обстановка в значительно большей степени оказывала влияние на каждое из них. Своеобразные наблюдаемые явления в конечном итоге составили общий процесс становления новых капиталистических порядков в Западной Европе. Раннекапиталистические отношения появились прежде всего в Италии XIV в., в

условиях полного господства феодальных отношений во всех странах. Поэтому ранний капитализм в Италии был лишь одним из истоков тех явлений, которые приведут Европу к кануну нового времени. Несколько позднее раннекапиталистические отношения зародились и в других странах Европы: XVI в. для многих из них и был периодом раннего капитализма, кануном нового времени.

Для Италии это столетие было начальным этапом феодальной реакции, что, однако, не дает права рассматривать ее историю односторонне, как сплошное отступление. Раннекапиталистические отношения в Италии не пресеклись в XVI в., а лишь приспособились к новой внешней и внутренней обстановке. В XVI и первой половине XVII в. Италия продолжает развивать новые формы капиталистических отношений, многие из которых имели общеевропейское значение: наряду с еще существующей мануфактурной промышленностью появляются новые формы и направления торговли, новые методы счетного дела, создаются общекатолический финансовый центр и международная фондовая биржа.

Политическое преобладание крупных централизованных государств в XVI в. не лишило Италию своеобразия ее государственного строя и некоторой самостоятельности: ее отдельные региональные монархии и республиканские государства играли немалую роль в процессе оформления и укрепления политической структуры раннего этапа общеевропейского капитализма.

После периода синьорий с новой силой вспыхивает классовая борьба народных масс, переплетаясь с политической борьбой ранней буржуазии, нового дворянства и старого нобилитета, стремящегося использовать эти народные движения. Эта последняя черта, свойственная уже периоду синьорий, приобретает своеобразный оттенок. Классовые бои XVI в. в отличие от боев предшествующего столетия происходят в условиях международных конфликтов, вмешательства в их ход папства, Империи, Испании и Франции. Примером тому является малоизученное доныне генуэзское восстание 1575 г. Общеевропейское полити-

⁴ Ф. Энгельс. Диалектика природы. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 501.

ческое звучание классовых стычек — характерная черта изучаемого переходного периода. В эпоху зрелого капитализма она будет себя проявлять с еще большей силой.

Накануне нового времени Италия подошла к последнему этапу Возрождения, оказавшему значительное влияние на культуру других европейских стран. Раннебуржуазная культура Возрождения, далекая от глубокого социального анализа и показа человека и общества, обращенная к поискам идеального, достигла, однако, реалистического по своему характеру метода в искусстве и мышлении. Сложное сочетание и взаимная борьба новых художественных течений, приводящих к барокко, — это уже процесс развития искусства нового времени. Поэтому проблемы Возрождения, раннебуржуазной культуры, создающейся в этот период, — один из неотъемлемых разделов этой книги. В западной историографии последних десятилетий существует теория об исключительности XVI в., о том, что он «ближе к нам, чем времена, следующие за ним».⁸ Исходя из этого, XVII век рисуется периодом сплошного отступления, провала, кризиса. Эта теория весьма убедительно опровергнута в советской литературе и трудах прогрессивных историков Запада. XVII век, несмотря на ряд болезненных процессов, связанных с появлением новых производственных отношений, политических структур, форм классовой борьбы, политических и философских учений, искусства, стал веком капитализма, нового времени для Западной Европы в целом. И в Италии, даже в условиях феодальной реакции, наблюдались не только негативные процессы. Новое Возрождение в экономике, обозначившееся в первой половине XVIII в., а в политической жизни — в XIX в., обязано своими истоками не только XVI, но и XVII столетиям, но это уже тема для особой книги.

⁸ H. Hausser. La modernité du seizième siècle. Paris, 1956, p. 11; см. также: H. Hausser, A. Renaudet. Les débuts de l'âge moderne. Paris, 1946; H. G. Koenigsberger, G. L. Mosse. Europe in the sixteenth century. London, 1968.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭКОНОМИКА

... быстрое, интенсивное и прогрессивное развитие, длившееся непрерывно с XI по XIV век, обеспечило тем областям Италии, где коммуны получили наибольшее развитие, то есть Северной Италии и Тоскане, экономическое преобладание в Европе. Превосходство этих областей сохранилось вплоть до XVI века. . . Джордже Канделоро. История современной Италии.

Глава первая

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

XVI ВЕК: РАЗВИТИЕ ИЛИ «ОБРАТИМОСТЬ ПРОЦЕССА»?

Развитие экономики Италии, по характеристике Канделоро, было интенсивным и прогрессивным до XIV в.¹ Эта традиционная точка зрения имеет определенную почву под ногами: XV в. — особая страница, качественно новый этап. Однако и этот новый этап, несмотря на перегруппировку различных отраслей производства и новые организационные формы, продолжал прогрессивное развитие XIV в.² Что XVI в. не был периодом сворачивания итальянской экономики, показали, исследования последних лет. «Крепкие гвозди, способные поддержать вес этой новой идеи», были «вколочены», — по образному выражению Армандо Сапори,³ — такими западными историками, как Федерико Шабо, Фернан Бродель и Карло Мариа Чиполла.⁴ В советской литературе это положение было развернуто на основе марксистского анализа в работах А. Д. Роловой.⁵ Экономическое превосходство Северной и Средней Италии, естественно, не могло бы сохраниться до XVI в., как считает Канделоро, а в действительности — до XVII в., если бы прогрессивное развитие остановилось в XIV в. Именно поэтому Канделоро говорит не об общем экономическом упадке Италии, а только некоторых отраслей хозяйства. Обращаясь к Италии XI—XIV вв., можно отметить непрерывность политической эволюции коммун,

¹ Дж. Канделоро. История современной Италии, т. I. М., 1958, с. 23.

² Подробнее см.: В. И. Рутенбург. О прогрессивности капиталистических отношений в Италии XIV—XV вв. — В сб.: Средние века, вып. VI, М., 1955.

³ А. Сапори. L'eta della Rinascita. Secoli XIII—XVI. Milano, 1958, p. 3.

⁴ F. Chaboud. Lo Stato di Milano nell'impero di Carlo V. Roma, 1934; F. Braudel. La Mediterranee et le Monde mediterranean a l'epoque de Philippe II. Paris, 1949; C. M. Cipolla. The decline of Italy. — The Economic History Review, 1952, ser. 2, vol. V, № 2.

⁵ А. Д. Ролова. 1) Экономический строй Флоренции во второй половине XV и в XVI в. — В сб.: Средние века, вып. VIII, 1957; 2) К вопросу о состоянии промышленности Флоренции во второй половине XVI в. и в первой половине XVII в. — В сб.: Средние века, вып. 23, 1963; 3) Структура промышленности Флоренции второй половины XVI—начала XVII в. — Уч. зап. Латв. гос. ун-та им. П. Стучки, т. LXI, 1965; 4) Основные черты экономического развития Италии в XVI—XVII вв. — В кн.: Возникновение капитализма в промышленности и-сельском хозяйстве стран Европы, -Азии и Америки. М., 1968. — В указанных статьях см. перечень работ по этой теме.

которые сменяются в XV в. синьориями типа Медичи или Сфорца. Новые формы политической организации государства и хозяйственной деятельности способствовали развитию экономики. Поэтому представляется убедительным положение М. Беккера, что в XV в. во Флоренции «родилась новая экономика, которая зависела от расходов и приходов правительства — гигантской корпорации, которую можно назвать государством Возрождения (Stato del Rinascimento)».⁶ Новый государственный организм, отличный от коммуны — республики XIII—XIV вв., был способен на новые, невиданные в XIV в., финансовые затраты. Так, если война «Восьми святых» (Флоренции против папской курии) в 70-х годах XIV в. обошлась в 2.5 млн флоринов, то в 1390—1420 гг. военные расходы (на завоевание Пизы и ее порта) достигали 10—11.5 млн, причем половина доходов государства, из которых черпались эти суммы, поступала из контадо и сельских коммун. Колоссальные затраты окупались. Они приносили большие проценты богатым горожанам — держателям государственных займов (в 1431 г. — 600 тыс. флоринов) и немалые прибыли от торговых операций, значительно расширившихся в результате овладения Пизой, т. е. выходом к морю.⁷ Значительные прибыли получали и крупные компании: медичейская уже в 1436—1450 гг. получала 13.5 тыс. флоринов в год.⁸ Эти прибыли притекали не только из торговли и финансовых операций, но и из промышленности, в частности из сукноделия. Положение Дорена об упадке сукноделия во Флоренции XV в. и полном упадке всех отраслей промышленности в XVI в.⁹ подвергнуто критике и опровергнуто Сапори;¹⁰ Федерико Мелис показал значение Флоренции в экономической жизни Европы первой половины XVI в.¹¹ В конце XV—начале XVI в. развитие английского сукноделия привело, правда, к некоторому сокращению (а не упадку и гибели) флорентийского шерстоткачества. Но это послужило толчком к его перестройке и появлению новых отраслей текстильной промышленности. В первой четверти XVI в. количество сукно-дельческих мастерских сократилось на 25% (по сравнению с XIV в.), однако выросло количество изготовленных кусков

⁶ M. Becker.- Problema della finanza pubblica Florentine della seconda meta del Trecento e dei primi del Quattrocento. — Archivio Storico Italiano, disp. IV, 1965, p. 466.

⁷ Ibid., p. 443-465.

⁸ R. de Hoover. Cosimo de'Medici come banchiere e mercante. — Archivio Storico Italiano, disp. IV, 1965, p. 478.

⁹ A. Dorén. 1) Die florentiner Wollentuchindustrie vom XIV bis zum XVI Jahrh. Stuttgart, 1901; 2) Italienische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1934.

¹⁰ A. Sap'ori. Studi di Storia economica (Secoli XIII—XIV—XV), vol. I. Firenze, 1955.

¹¹ F. Melis. Il commercio transatlantico di una compagnia fiorentina stabilita a Siviglia a pochi anni dalle imprese di Cortes e Pizarro. — In: Estudios del V Congreso de historia de la corona de Aragon, vol. III, Zaragoza, 1954.

сукон (на 34%) и их стоимость (на 40%).¹² Если с 1572 г. можно снова отметить сокращение сукнодельческого производства (на 55%), то уже с 1573 г. начинается заметное расширение шелкоткачества.¹³

Поэтому представляется недостаточно убедительным мнение об экономическом регрессе во Флоренции XV в.¹⁴ и ослаблении там ранних капиталистических отношений.¹⁶ Тем маловероятней в приложении к Италии представляется весьма интересная в целом теория, выдвинутая А. Н. Чистозвоновым, об обратимости и необратимости исторического процесса.¹⁶ Согласно этой теории, «вопрос об уровне развития и степени зрелости капиталистических отношений в той или иной стране связан с проблемой обратимости или необратимости в ней прогрессивного экономического развития», причем ранним стадиям капитализма свойственна обратимость, «попятные движения, рецидивы феодальной реакции», «поздние обладают характером необратимости». Среди стран обратимого развития первой названа Италия, затем Испания и Португалия.¹⁷

Обращаясь к экономическому развитию Флоренции, можно убедиться, что фактор «обратимости» в ее истории не реализуется: с небольшими отклонениями вплоть до середины XVII в., а иногда и далее во Флоренции происходит развитие промышленности, торговли и совершаются крупные финансовые операции. Однако Флоренция — это еще не вся Италия. Теорию «обратимости» следует проверить в общетальянском масштабе.

Итальянские войны не могли не нарушить нормального хода развития экономики в первой половине XVI в. Войны, которые велись в XVI—XVII вв. на территории любой страны — независимо от принадлежности ее к странам ранних или поздних стадий капитализма, — естественно приводили к разорению хозяйства. Но это была не закономерность, а военно-политическая конъюнктура.

Исследования Алеати, Да Сильва, Делюмо, Каицци, Келленбенца, Конильо, Лэйна, Мерони, Седла, Чиполлы, Шабо, проведенные на материалах Северной Италии (Генуи, Милана, Павии и других городов Ломбардии, Комо и Кремоны), Италии

¹² А. Д. Ролова. Экономический строй. . . , с. 219—220.

¹³ А. Д. Ролова. К вопросу о состоянии промышленности . . . , с. 168, 176.

¹⁴ А. Д. Энштейн. К вопросу о «раннем капитализме» во Флоренции в XIV в. — В сб.: Средние века, вып. IV, 1953.

¹⁵ А. Н. Чистозвонов. Исследовать явления в их исторической самобытности и связях. — В сб.: Средние века, вып. VI, 1955.

¹⁶ А. Н. Чистозвонов. Понятие и критерии обратимости и необратимости исторического процесса. — Вопросы истории, 1969, № 5; см. также: Теоретические и историографические проблемы генезиса капитализма. Материалы научной сессии, состоявшейся в Москве 11—13 мая 1966 г. М. 1969.

¹⁷ Там же, с. 274.

11

Центральной (Рим) и даже Южной (Неаполь), свидетельствуют об отсутствии экономического упадка в XVI в. Во второй половине века в Италии как в области промышленности, так и торговли начинается определенный подъем, продолжавшийся до XVII в.¹⁸

Неоспоримы более или менее явные признаки феодальной реакции в социально-политическом плане, — что является предметом особого рассмотрения, — но «обратимости экономического развития» Италия XV—XVI вв., по сути дела, не знала. Ее можно скорее наблюдать в Испании второй половины XVI в., где причиной экономического упадка была не «ранняя стадия капитализма» (так как он возник здесь в первой половине XVI в., как и в странах «необратимого развития»), а сложный комплекс общеевропейской «революции цен», усугубившийся феодальными пережитками. Гибель испанской мануфактуры была скорее следствием относительно «позднего развития капитализма» по сравнению с Англией и Францией. В целом же весь период развития мануфактурной промышленности в Европе надо рассматривать как этап общеевропейского «раннего развития капитализма».

Обращаясь к данным хозяйственного развития Италии XVI в., можно обнаружить не только наличие мануфактурной промышленности, но и отметить укрупнение компаний, начавшееся еще в XV в. и приведшее к увеличению их капитала. Так, в 1591 — 1600 гг. среднее количество сукнодельческих компаний в каждом году в Тоскане составляло 2,6, а их капитал равнялся 11,7 тыс. дукатов. В следующем десятилетии (1601 — 1610 гг.) среднее количество компаний сокращается вдвое (1,3), в то время как их капитал падает всего на 35% (8 тыс. дукатов). С 1611 по 1670 г. происходит очевидное возрастание капитала с 13 тыс. до 25 тыс. дукатов. В шелкоткацкой промышленности Тосканы (даже учитывая некоторое падение ценности денег) также происходит неустанный возрастание капитала компаний: в последнем десятилетии —

¹⁸ G. Aleati, C. M. Cipolla. Il treno economico nel Stato di Milano, il caso di Pavia. — Bollettino della Società Pavese di Storia Patria, XL, ser. nuova, vol. 3, fasc. 1—2; T. Delumeau. Vie économique et sociale de Rome dans la seconde moitié du XVI siècle, vol. I. Paris, 1957; J.-G. Da Silva. Banque et crédit en Italie au XVIIe siècle. Paris, 1969; B. Cazzini. Il Comasco sotto il dominio spagnolo. Saggio di storia economica e sociale. Como, 1955; H. Kellenbenz. Der italienische Grosskaufmann und die Renaissance. Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Bd. 45, H.

2, 1958; G. C o n i g l i o. II Viceregno di Napoli nel secolo XVI et XVII. Roma, 1955; F. C. L a n e. Notes and Suggestions. The Mediterranean spice trade. Further evidence of its revival in the 16-th century. — The American Historical Review, vol. XLV, № 3, 1940; U. M e r o n i. Cremona. Cremona, 1957; D. S e l l a. Les mouvements longs de l'industrie lanierie a Venise au XVIe et XVIIe siècles. Annales, 1957, № 1; C. M. C i p o l l a. Mouvements inonetaires dans l'Etat de Milan (1580—1700). Paris, 1952; H. K e l l e n b o n z. Les industries dans l'Europe moderne. (1500—1750). — Colloques internationaux du Centre national de la recherche scientifique. Lyon, 1970.

12

тии XVI в. они владеют капиталом в 11.5 тыс. дукатов, в первом десятилетии XVII в. — 17.2 тыс., а в последующих (вплоть до 1670 г.) он увеличивается с 49 тыс. до 100 тыс. дукатов. Аналогичную кривую роста можно наблюдать и в других районах Северной и Центральной Италии. В Венеции в эти же десятилетия капитал компаний (между 1591—1600 гг. их было в среднем 7) вырос с 18.2 тыс. до 20 тыс. (при 4 в среднем компаниях в 1601—1610 гг.), а затем (к 1670 г.) — до 40 тыс. дукатов.¹⁹ Сокращение, а не исчезновение²⁰ сукноделия с лихвой компенсировалось почти до середины XVII в. заметным возрастанием шелкоткачества. В последнем десятилетии XVII в. капитал сукнодельческой промышленности достигал 5.7 тыс., а шелкоткацкой — 56.2 тыс. дукатов.²¹ Упадок шелкоделия в Италии происходит только в XVIII в.²²

Эти показатели не опровергают существенной экономической эволюции, происходившей в Италии в XVI—XVII вв.: часть капиталов направлялась на приобретение и производственное освоение земель, ставших объектом внимания деловых людей — владельцев мануфактур, лавок, складов, банковских контор. Они покупают земли, нередко вместе с титулами, становятся владельцами феодалов, не оставляя, однако, своей индустриально-коммерческо-финансовой деятельности. Такого рода «феодалная реакция» не была простым возвратом к старым порядкам («рефео-дализацией»). Новые землевладельцы не столько «феодализировались» сами, сколько «обуржуазивали» приобретенное ими хозяйство, улучшая организационную и техническую стороны сельскохозяйственного производства, что приводило к уменьшению затрат и увеличению его рентабельности. Все это можно охарактеризовать как появление в земледелии новых полукapиталистических методов эксплуатации. Недвижимая собственность в руках деловых людей становилась не только материальной гарантией их финансового и торгового процветания, но и существенным источником разнообразных доходов.²³ С конца XVII в. процесс

¹⁹ J.-G. Da S i l v a. Banquo et credit . . . , p. 104, 107.

²⁰ G. R. B. Richards. Florentine merchants in the age of the Medici. Cambridge, Mass., 1932, p. 5.

²¹ J.-G. Da S i l v a. Banque et credit . . . , p. 104.

²² А. Д. Р о л о в а. 1) Экономический строй . . . , с. 227; 2) Основные черты. . . , с. 86.

²³ A. d o M a d d a I e n a. Contributo alla storia dell'agricoltura della «bassa» lombarda. — Archivio Storico Lombardo, ser. 8, vol. VIII, 1958; J.-G. Da S i l v a. Richesse et enrichissement dans une économie pré-capitaliste. — Annales, 1962, № 5. — Даже Руджеро Романо в своей спорной, но очень интересной статье о «кризисе» XIV в. находит, что в XV в. итальянская экономика восстанавливается и держится на определенном уровне, и считает, что одной из существенных сторон развития итальянской экономики является совмещение «нового феодализма» с «буржуазными элементами» (R. Romano. L'Italia nella crisi del XIV secolo. — Nuova Rivista Storica, fasc. V--VI, 1966, p. 593, 594).

13

одворяния буржуазии и феодальной реакции дал себя знать в полной мере.

Возрастание капиталов в промышленности вовсе не означало прямой линии ее развития, без отклонений и качественных сдвигов. Текстильное производство в XVI—XVII вв. было раннекапиталистическим, особенно шелкоделие. Несмотря на упадок экономики Италии в XVII в., дальнейшее развитие капиталистических отношений в XVIII и даже XIX вв. происходило на почве сохранившихся еще с XVII в. традиций и условий.²⁴

ПЕРЕСТРОЙКА В ПРОМЫШЛЕННОСТИ

По удачной формуле А. Д. Головой, «применительно к XVI в. следует говорить не столько об упадке, сколько о некоторой перестройке деловой жизни».²⁶ Так, в Павии реорганизуются старые мануфактуры и открываются новые.²⁸ Наиболее характерным, если не радикальным способом перестройки был особенно заметный в первой половине XVII в. процесс перенесения промышленной деятельности из крупных городских центров, где ее тормозили цеховые нормы и традиции, в мелкие города, свободные от них. Из Милана промышленность переходит в небольшие города герцогства,²⁷ из Комо в поселения вокруг города — Маччо, Фино, Уджиате или в более далекие — Дженестерио, Кьяссо, Мендризио.²⁸ В таких крупных центрах, как Болонья, Генуя, Павия, шелкоткачество несколько сокращается, но оживает в Виджевано, Вероне, Виченце, Пизе, Пьяченце.²⁹ В Ломбардии отмечается активизация промышленной деятельности в совершенно незначительных мелких поселениях.³⁰ Мануфактурное производство обосновывается в новых, обычно небольших, центрах, где при меньших затратах оно могло конкурировать со старым, процветавшим когда-то в крупных городах Италии. Если этот процесс и не был решающим для судеб всей итальянской промышленности, он представляется крайне показательным как фактическое распространение итальянской мануфактуры в деревне. Фредерик Моро в обзоре литературы, посвященной эконо-

²⁴ А. Д. Ролова. 1) Структура промышленности . . . , с. 52—53; 2) Основные черты. . . , с. 97.

²⁶ А. Д. Ролова. Основные черты. . . , с. 78. ²⁵ Там же, о. 71.

²⁷ С. М. Cipolla. Il decline economico dell'Italia. Storia dell'eta moderna e contemporanea. Torino, 1959, p. 610—611.

⁸⁸ B. Caizzi. Il Comasco . . . , p. 108.

²⁹ M. Lescce. La fiera di merci di Vicenza (secoli XIV—XVIII). Verona, 1957-, p. 41—42; B. Vassalini. La casa dei mercanti di Verona. Suoi ordini e sue vicende. Verona, 1927.

³⁰ G. Barbieri. Origini del capitalismo lombardo. Milano, 1961, p. 442-445.

14

мическому развитию Европы в XVI в., указал на появление в Италии и Фландрии уже в XIV—XV вв. глубоких перемен, новых форм экономической жизни, при которых ясно выражены противоречия труда и капитала. Для XVI в. он отмечает технические и организационные нововведения в сельском хозяйстве и промышленности, в результате которых улучшается обработка земли в Тоскане и Ломбардии, увеличивается объем продукции, выпускаемой во Флоренции (особенно после 1550 г.) и Венеции, главным образом в шелкоткачестве, на базе капиталистической структуры производства, централизованной и рассеянной мануфактуры.³¹ В первой половине XVII в. Италия проходила не через полосу экономического кризиса,³² а проделывала сложный путь перестройки своей экономики. Тезис Аминторе Фанфани об экономическом регрессе в XVI—XVII вв., о полном переходе «господствующих классов» (*classi dirigenti*) от промышленности к торговле, ростовщичеству, сельскому хозяйству в целом справедливо, но несколько односторонне характеризует экономическое положение Италии XVI в. Нельзя также принимать за правило, что промышленность развивалась в столицах за счет небольших городов и округи. Фанфани называет итальянский меркантилизм «протекционизмом десяти маленьких Кольберов».³³ Италия действительно не обладала единым национальным рынком подобно Франции и Англии, но в условиях раздробленности приобретали значение рынки региональные. Исследования последних лет (на Западе — Броделя, Чиполлы и других; в советской историографии — А. Д. Родовой) значительно ослабляют аргументы Фанфани и близких к его позициям Барбагалло и Лейхта.³⁴ Их работы, относящиеся к этой проблеме, можно считать устаревшей страницей историографии — и хронологически, и по сути дела, несмотря на попытки Фанфани укрепиться на своих позициях в позднейших работах.³⁵

Положение Фанфани об абсолютном упадке Италии XVI—XVII вв. не всегда совпадает с им же приводимым фактическим материалом: именно в это время появляется серия изобретений и новшеств в текстильной и полиграфической промышленности.

³¹ F. Mauro. Le XVIe siecle europeen. Aspects economiques. Paris, 1966.

³² R. Romano. Tra XVI e XVII secolo. Una crisi economica 1619—1622. — Rivista Storica Italiana, vol. LXXV, 1962.

³³ A. Fanfani. Storia del lavoro in Italia della fine del secolo XV agli inizi del XVIII. Ed. 2. Milano, 1959, p. 33—49 (1 ed. — 1943).

³⁴ C. Barbagallo. La crisi economico-sociale dell'Italia della Rinascenza. — Nuova Rivista storica, disp. 5—6, 1950; disp. 1—2, 1951; P. S. Leicht. Operai artigiani agricoltori in Italia dal secolo VI al XVI. Milano, 1946.

³⁵ A. Fanfani. 1) Il mancato rinnovamento economico. La civiltà veneziana del settecento. Firenze, 1960; 2) Nuove vedute sulla decadenza di Venezia in una storia economica della Serenissima. — Economia e Storia, 1962, № 1.

15

Так, в 1568 г. в Комо начинают использовать механические приспособления для обработки полотна, а в Милане мастера Мит-тилана и Ольдони применяют новый метод обработки шелковых тканей. В 1596 г. создают станок для механического прядения золотых и серебряных нитей, заменяющий 20 рабочих. В 1501 г. в Венеции Кастальдо и Оттавио Петруччи усовершенствовали печатание книг, а в 1516 г. Уго да Капри ввел новый способ тиснения иллюстраций. Только за первое десятилетие XVI в. в Риме были напечатаны книги 41 названия, во Флоренции — 47, в Милане — 99, в Венеции — 536.³⁶

Если явления технического прогресса можно объяснить общеевропейским процессом развития общества накануне нового времени, то и многие стороны относительного упадка Италии в этот период также отражали общеевропейские условия при сохранении отличительных особенностей каждой страны. В этом плане имеет некоторое основание в какой-то степени категоричное положение Дюпре о потере Средиземноморьем своего былого значения, что не могло бы не отразиться на положении тесно с ним связанных итальянских государств. Более близок к истине Ката-лано, считающий, что, хотя Средиземное море продолжало играть ведущую экономическую роль, конкуренция Атлантики сказалась на ослаблении его значения. Однако результатом этого был не просто экономический упадок, а вытекающая из перестройки экономики социальная трансформация — закат феодальной аристократии и укрепление новой аристократии, вышедшей из буржуазии.³⁷ Эти процессы касались не только Италии, поэтому взаимовлияние европейских стран следует учитывать при решении вопросов, казалось бы, специфически итальянских, так как «история Италии и Европы тесно связаны».⁸⁸

Противоречивое влияние общеевропейской обстановки на экономическую жизнь Италии XVI в. отражено в примере, приводимом Джордже Спини: Венеция, лишенная Кипра и ослабленная англо-голландской конкуренцией, ощущает заметное падение торговли, но усиливает свою промышленность (стекольную, зеркальную, текстильную).³⁹ Своеобразную перестройку венецианской экономики в этот период отмечает и Т. Д. Фомичева.⁴⁰ Перестройка промышленности происходит во всей Италии.

³⁶ A. Fanfani. Vita economica italiana dall'antichità al XVIII secolo. Roma, 1954, p. 114—124.

³⁷ E. Dupré. Italia ed Europa. Eta moderna, vol. II. Messina-Firenze, 1956, p. VI—VII, 8—34, 44—50, 109—152;

F. Cattalano. Stato e società nei secoli. Vol. 2. L'eta moderna. Messina-Firenze, 1967.

³⁸ «... la storia dell'Italia e dell'Europa sono strettamente congiunte» (E. Dupré. Italia ed Europa, p. VII).

³⁹ G. Spin i. Storia dell'eta moderna dall'impero di Carlo V all'illuminismo. Roma, 1960, p. 358—359,

⁴⁰ Т. Д. Фомичева. К вопросу об особенностях экономической и культурной жизни Венеции XVI в. — Тр. Гос. Эрмитажа, т. VI. Л., 1961.

16

РАЗЛОЖЕНИЕ ЦЕХОВ

В этом процессе на первый план выступают вопросы структуры производства, вырастающей в XVI—XVII вв. на базе цеховых порядков, претерпевающих в наиболее развитых центрах Италии существенные изменения вплоть до фактического превращения в раннюю мануфактуру.⁴¹ Уже в XV в. известны случаи наступления синьории на мешавшие ей цеховые прерогативы при сохранении купеческих корпораций.⁴² Хозяйственные осложнения в Италии XVI в. приводят к некоторому оживлению цеховых порядков и использованию цехов для укрепления экономики региональных государств. Таково воздействие политической надстройки на экономический базис. Однако искусственное оживление цехов в крупных городах в условиях XVI в. не приводило к достаточным успехам, доказательством чему может служить возникновение мануфактурной промышленности в небольших городах и деревнях. История XVI—XVIII вв. показывает, что цех не был в состоянии обеспечить прогрессивное развитие итальянской промышленности.

Обратимся к примеру Тосканы, где эволюция цеха происходит в условиях перерастания синьории в регионально-абсолютистское государство.

Положение цехов во Флоренции меняется уже в XV в.: члены 21 цеха, платившие прямые налоги и записанные в книги коммун, являлись гражданами города. Но полноправными (Бепе-физети) считались только те, чьи отцы, деды и прадеды занимали высшие должности в государстве, хотя формально до 1494 г. политические права имели все граждане. После этого года ремесленники теряют политические права навсегда. Цехи из политических ячеек коммуны превращаются в чисто производственные ячейки поздней республики, а затем тосканского регионального абсолютизма; политическая роль цеха ослабляется вместе с ослаблением ранней буржуазии и усилением патрициата. Если в XIV в. государство было инструментом цехов, то в XVI в. цех становится инструментом государства.⁴³

Близкий к этому процесс происходил и в других странах Европы, где абсолютистские государства поддерживали зарождающийся капиталистический уклад, ломая старые цеховые формы промышленного производства, хотя окончательно их смели только

⁴¹ См.: В. И. Рутенбург. Очерк из истории раннего капитализма в Италии. Флорентийские компании XIV в. М.—Л., 1951.

⁴² В. В. Стоклицкая-Терешкович. Основные проблемы истории средневекового города X—XV вв. М., 1960, с. 330—332.

⁴³ F. Valsocchi. Comune e Corporazione nel Medio Evo Italiano Milano—Venezia, 1948—1949, p. 40; А. Д. Полов а. Роль народных масс в период последней республики во Флоренции (1527—1530 гг.). — В кн.: Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959.

2 В. И. Рутенбург

17

буржуазные революции. В Италии такую же политику, правда далеко не последовательно, проводили небольшие абсолютистские государства типа Тосканского или Миланского герцогства и олигархические республики типа Венеции, хотя этот процесс был здесь усложнен и замедлен социально-экономической обстановкой. Цеховые привилегии сдерживали частную инициативу, расширению которой способствовали главы абсолютистских или синьориальных государств. В новых условиях ремесленные корпорации выглядели как рутинные объединения, а члены цеха — как замкнутая каста, нередко в течение 10—20 лет из-за боязни конкуренции не пополнявшая свои ряды: «Корпорация из крепости становится тюрьмой».⁴⁴

Первые признаки потери цехами самостоятельности наблюдаются уже в XIV в. в условиях появления синьории в Милане или усиления венецианской олигархии. В Падуе цеховые братства (Unioni delle fragole) начинают терять самостоятельность и политическое значение при одновременном фактическом восстановлении прав нобилей уже после 1318 г. В Вероне анцианы и гастальды были лишены права избирать подеста и контролировать соблюдение уставов в 1393 г. Если в Падуе и Вероне, где коммуна рано перешла в синьорию, этот процесс происходил естественным путем, то в таких крупных ломбардских центрах, как Брешиа и Бергамо, за ликвидацией политических прав цехов следил ректор в

качестве официального представителя венецианского правительства.⁴⁵

В Милане паратики, как здесь именовались цехи, организуются только с разрешения синьора, более того, вся деятельность протекает при строгом контроле викария и 12 проведиторов (*vicario e dodici di provisione*), представляющих власть синьора; уже в 1385 г. появляется распоряжение, запрещающее любое собрание цеха без их санкции. Государство, синьориальное или монархическое, низводит цехи до состояния простых хозяйственных единиц, отбирая у них все политические права и сохраняя лишь необходимую для существования профессиональную автономию,⁴⁶ уставы почти перестают соблюдаться, и провозглашается свобода деятельности в промышленности.⁴⁷ Все это не исключало заботы синьориальных властей о цехах, поскольку товарная продукция цехов еще не могла быть полностью заменена продукцией предприятий нового типа.

⁴⁴ F. V a l s e c c h i. *Comune e Corporazione*, p. 41—42.

⁴⁵ A. Ventura. *Nobiltà e popolo nella società veneta del'400 e'500*. Bari, 1964, p. 5—7, 30—32, 106—111.

⁴⁶ Ibid., p. 40—42, 63—65, 70—73, 90.

⁴⁷ C. Barbagallo. *Le origini della grande industria contemporanea (1750—1830)*, vol. I. Venezia, 1929, p. 3—7; P. B o n f a n t e. *Storia del commercio*, part. II. Torino, 1946, p. 4—10; G. T o n i o l o. *Storia dell' economia sociale in Toscana nel Medio Evo*, libr. 2. Città del Vaticano, 1948, p. 409.

18

Если в Лукке и Ливорно цехи находили поддержку у властей и даже имели право на участие в вопросах регулирования рынка и установления цен (*prezzo giusto*), то во Флоренции в 1534 г. 14 младших цехов были объединены в 4 общества (*Universita*), во главе которых стояли выборные консулы; вместе с другими должностными лицами они образовывали орган руководства младшими цехами (*Gonsoli del Minor Gorpo delle Arti*). Истинными хозяевами цехового ремесла были управители цеха (*Ministri delle Arti* или *Pratica Segreta*), которые хотя и утверждались консулами, но в действительности были пожизненными представителями суверена. Медленно отмиравшие цехи подчинялись государству, а государственные мануфактуры (*manifatture del Do-minio*) были освобождены от подчинения цехам.⁴⁸ Так в XVI — XVII вв. отступали в прошлое, но еще не исчезали средневековые корпорации, несколько подновляемые и оживляемые силой государственной власти, еще нуждавшейся в ремесленной промышленности из-за слабости новых форм производства. Даже в такой типично пополанской республике, как Лукка, ремесло в XVI в. теряет свое бывшее значение, ремесленники лишаются политических прав. Активно действуют лишь полноправные члены купеческих корпораций, возглавляемые купеческим двором (*Corte dei mercanti*).⁴⁹

В значительно более резкой форме происходило разложение и отмирание цехов в городах Венето и городах, находившихся в сфере политического влияния Венеции, где, не без влияния ее олигархических порядков, образуется правящая замкнутая аристократическая прослойка (*ceto dirigente chiuso*), так называемые «граждане Совета» (*cittadini di consiglio*) или должностной патрициат (*patriziato degli ufici*). Для характеристики положения цеховых ремесленников и состояния цехов показательным являлось правило, согласно которому в Совет города мог входить только тот горожанин, чей отец и дед не были членами цеха (*arti meccaniche*), так как это занятие почиталось низким. Фактически это правило действовало в Бреши в XV в., а юридически узаконено там в XVI в. В Виченце по закону 1567 г. членом Совета Ста мог быть горожанин, предки которого не менее ста лет были полноправными гражданами и не были членами цеха. Правда, в XVII в. эти права приобретались также за деньги (за 250 дукатов в 1625 г. и за 500 дукатов в 1695 г.), что было недоступно рядовым ремесленникам.

В ^ Вероне из полноправных граждан исключались не только работавшие собственноручно (*cum mariu propria*), но даже врачи. В Бергамо в 1618 г. закон исключал из Совета не только ремеслен-

⁴⁸ G. P a g e n t i. *Prime ricerche sulla rivoluzione dei prezzi in Firenze*. Firenze, 1939, p. 88—104.

⁴⁹ M. Berengo. *Nobili e mercanti nella Lucca del Cinquecento*. Torino, 1965, p. 65—82, 285—289.

19

2*

ников, но и их сыновей. Во всех этих городах в XVI в. для вхождения в коллегию юристов и нотариусов требовалось, чтобы два-три поколения предков не были бы запятнаны членством в цехе (*meccanica*). В 1644 г. в Бреши при полном приоритете нобилей в Совет были допущены несколько пополанов (врачи, юристы, богатые горожане), которые безмолвно сидели на заседаниях. В Вероне через викария купеческой палаты (*Casa dei mercanti*) в сущности цехами управляли нобили.⁸⁰ Нобили, лишенные в XIII—XV вв. пополанами политических прав, в XVI—XVII вв. берут реванш, отбирая их у членов цеха и у цеха, способствуя тем самым его разложению.

Наиболее рельефными показателями потери цехом политической, а иногда и социально-экономической жизнеспособности являются административные меры, принимаемые правительством для его сохранения и удержания в нем мастеров; в XVI—XVII вв. членство в цехе было обязательным. Процесс разложения в XVIII в. привел цехи к фактическому отмиранию. Город классической коммуны, Флоренция, первой, в 1770 г., пришла к официальной отмене цехов, распространив это решение на все остальные города Тосканского великого герцогства в 1781 г. Здесь сыграло роль не столько давление

внецеховых отраслей хозяйства, сколько понятая великим герцогом Петром Леопольдом необходимость для обеспечения внешней торговли отечественными товарами оградить промышленность от тормозящих цеховых привилегий, находившихся к тому же в руках дворян. £ | За Флоренцией последовал Милан, где упразднение цехов было провозглашено указом от 27 июня 1787 г. Дольше всего они (62 *maestranze*) существовали в Палермо, где были активнейшим элементом восстаний 1647 и 1773 гг. К XVIII в. им была доверена защита городских стен, а затем поручено, правда ненадолго, поддержание общественного порядка. Важную роль сыграли цеховые ремесленники в революции 1820 г., но уже в 1822 г. цехи были упразднены и в Палермо.

Цехи, как средневековые организации, естественно уступали свое место капиталистической мануфактуре. В XIV—XV вв. ранняя мануфактура имела для истории Италии прогрессивное значение, но ее довольно слабые ростки были несколько заглушены в XVI—XVII вв. военно-политическими потрясениями и могучим ростом стран-конкурентов.

В XVIII в. почти повсеместно в Италии развивается мануфактурное производство: в Милане и Комо создаются сукнодельное, шелкоткацкое и бумажное, которым покровительствует правительство; меркантилистская политика савойских государей способствует возникновению сукнодельных и шелкоткацких мануфактур в Пьемонте; крупные мануфактуры, вырабатывавшие льняные и

⁵⁰» A. Ventura. *Nobiltà e popolo* . . . , p. 276-285, 300-303, 440-470.

20

хлопчатобумажные ткани, появляются в Вичентино, Скио, Фриули и других небольших городках Венето, изготавливающие креп и вуаль, а также производящие канаты — в Болонье; в Тоскане можно отметить лишь мелкие мануфактуры, а на юге Италии, среди моря ремесленной промышленности, наблюдаются (в Неаполе, Реджо, Сан-Леучо) отдельные островки частных и государственных мануфактур.⁵¹

Прогрессом в XIV—XV вв. Италия во многом обязана ранней мануфактуре, родившейся в рамках перерождающихся цехов; относительной отсталостью в XVI—XVIII вв. — пережиткам цеховой системы, которая отмирала в условиях крайнего экономического и политического разнообразия отдельных частей Италии. Фабричная машинная промышленность в Италии появлялась относительно медленно в отличие от стран, где в XVIII в. победила буржуазная революция, как это было во Франции, или стран, где эта революция не была столь радикальной, однако развитие которой, как это было в Англии, ускорило промышленный переворот.

Все же в первой половине XIX в. можно отметить появление первых фабрик и в Италии:

хлопчатобумажные фабрики сменяют мануфактуры в Ломбардии, несколько шерстоткацких возникает в Прато. Даже на юге (в Абрुццах, Терра-ди-Лаворо) появились бумажные фабрики. К первой половине XIX в. можно отнести зарождение в Ломбардии и Пьемонте промышленного пролетариата. Эти укрепляющиеся ростки капиталистической промышленности сыграли свою роль во второй половине XIX в. в качестве экономических предпосылок объединения страны в эпоху Рисорджименто, когда в длительной и тяжелой борьбе рождалась независимая единая Италия.

Таким образом, уже этот краткий обзор эволюции цеховой системы в XVI—XIX вв. дает основание утверждать, что мануфактурное производство в XVI—XVII вв. стало почвой для прогрессивного развития итальянской промышленности вплоть до появления машинного производства в XIX в.

РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ — ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

Мануфактурное производство в итальянских государствах XVI—XVII вв. имело предшественником ранние мануфактуры, зародившиеся в развитых центрах Италии XIV—XV вв.⁶² Под ран.

⁵¹ Д?к. К а и д е л о р о. История современной Италии, т. I с 107 119, 143, 167, 181.

⁶² В. И. Р у т е и б у р г. 1) Очерк из истории раннего капитализма. . . ; 2) О прогрессивности капиталистических отношений. . . ; 3) Народные движения в городах Италии. XIV—начало XV в. Л., 1958; 4) *Popolo e movimenti popolari nell'Italia del '300 e '400*. Bologna, 1971.

21

ним капитализмом понимается зарождение и развитие мануфактурного производства в условиях в целом еще феодальной Европы, которое затем распространяется все шире в ходе первоначального накопления. Итальянский образец этого явления обычно рассматривался как уникальный. Однако К. Маркс предполагал возможность появления ранних мануфактур не только в итальянских городах, но и в других европейских центрах, ведущих^ крупную внешнюю торговлю, городах-эмпориях Фландрии, Голландии, Испании и Балкан, т. е. в условиях, при которых торговля способствует перерождению цеха в мануфактуру.⁵³ Таким образом, уникальность и спорадичность этого явления не случайны и говорят лишь о том, что оно не стало и не могло еще стать достаточно распространенным. Рассмотрим эту проблему на основании исследований советских историков.

Одним из наиболее ранних примеров разложения цеха и зарождения мануфактурного производства является^ английский город. В таком текстильном центре Англии, как Йорк, разложение цеха происходит в XIV в. Корпорации, связанные с производством сукна, все больше подчиняются вновь образованному цеху, объединявшему скупщиков. Зависимые от скупщиков ремесленники

приближаются по своему положению к наемным рабочим. Об обострении противоречий свидетельствовало восстание ткачей-сукноделов в 1380 г. Итак, не только в морских экспортных гаванях Англии возникали мануфактуры — «новые питомцы промышленности», как их называл Маркс, но и в «корпоративных городах» в недрах цехового строя создавались условия для зарождения новых производственных отношений.⁶⁴

В XIV—XV вв. это еще одиночные случаи, и они происходят в тот период истории, когда назревали решительные перемены, выдвинувшие Англию на первое место в процессе капиталистического развития Европы.⁶⁵ Нет сомнения, что эта обстановка возникла не внезапно, а в связи с длительной и сложной эволюцией города, который играл в Англии своеобразную, но не менее значительную, чем в Италии, роль.⁶⁶

До XV в. сукноделие существовало в Англии в качестве чисто городского ремесла, но уже в XV в. оно захватывает сельские

⁶³ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. М., 1940, с. 48.

⁶⁴ The publication of the Surtees Society: York Memorandum Book, part. I (1376—1419). London, 1912; Register of the Freemen of the City of York from the City Record, vol. I. Durham, 1897.

⁵⁸ Е. А. Косминский. Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? — В сб.: *Средние века*, вып. X, 1957, с. 267, 270, 271.

⁶⁶ А. Я. Левицкий. *Город и городское ремесло в Англии в X—XII вв.* М.—Л., 1960.

22

районы, подобные, например, Уилтширу.⁸⁷ Деревенская суконная промышленность развивается как рассеянная мануфактура, работавшая на экспорт. И здесь, и в городах-эмпориях экспортный характер производства способствует его расширению и зарождению капиталистического сукноделия. Главным направлением этого процесса было быстрое развитие новых мануфактурных центров, возникавших за счет упадка старых городов, но известен также и путь капиталистического перерождения цехов,⁵⁸ который наблюдается в Англии и в XVII в., когда ремесленные мастера теряют свою самостоятельность, попадают в экономическую зависимость и живут на заработную плату. В английской рассеянной мануфактуре работали многие наемные рабочие, главным образом из обедневших, в прошлом самостоятельных ремесленников города и деревни или же не до конца экспроприированных крестьян. К положению наемных рабочих приближались ученики и подмастерья, хотя оно было еще скрыто под внешней формой обычных для средневековой цеховой организации социальных групп.⁵⁹

Особенностью социально-экономического строя Англии в этот период является проникновение и развитие капиталистических отношений в деревне, разложение феодальной собственности на землю и образование новой буржуазной собственности, на которой базировались капиталистические отношения.⁶⁰

Здесь рассматривается лишь одна сторона процесса зарождения капиталистических отношений в недрах феодального строя Англии, касающаяся роли городов в процессе возникновения раннего капитализма. Материалы советских исследований говорят о том, что в стране классического развития капиталистических отношений наряду с бурным развитием сельской мануфактурной промышленности происходит в качестве второстепенного явления процесс становления раннего капитализма в городах на почве разложения цеха.

Особый интерес представляет процесс появления раннего капитализма в Нидерландах, где город играл большую роль в экономическом развитии страны. В середине XV в. в Лейдене происходит процесс разорения ремесленников, с одной стороны, и превращение суконщика-предпринимателя в центральную фигуру сукноделия — с другой. Эти новоявленные предприниматели под-

⁵⁷ D. G. Ramsay. *The Wiltshire Woolen Industry in the 16th and 17th centuries*. London, 1943.

⁶⁸ В. В. - III то м а р. *Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета*. Л., 1962, с. 24—25.

⁶⁹ Н. М. Мещерякова. К проблеме формирования наемных рабочих в промышленности Англии первой половины XVII в. — В сб.: *Средние века*, вып. XXII, 1962, с. 117, 124, 128.

⁶⁰ К. Д. А в д е в а. Из истории английского землевладения накануне буржуазной революции XVII в. — В сб.: *Средние века*, вып. XIII 1958.

23

чинили себе мелких и средних суконщиков, добились удвоения нормы выработки, расширили применение наемного труда как в стенах города, так и в окрестных селах. Суконщик иногда выступал здесь в качестве капиталистического мануфактуриста, дело доходило до создания ранних форм мануфактуры, во всяком случае имело место сочетание примитивных раннекапиталистических отношений с корпоративным ремеслом.⁶¹ Даже если эти формы развития раннего капитализма на почве разложения цеха были не основным путем экономической эволюции, наличие этого процесса само по себе является весьма показательным. Тем более, что эти факты не единичны, они происходили на фоне разложения феодальных форм хозяйства.

Капиталистические мануфактуры возникали в Нидерландах повсеместно, главным образом в новых отраслях производства и в новых промышленных центрах, не связанных с цеховой системой, как это наблюдалось и в Италии. Речь идет, например, об Антверпене, где выросли мануфактуры мыловаренные и сахаро-рафинадные, по обработке сукон, а также типографская; централизованные текстильные мануфактуры появились в Монсе, Валансьене, Хондсхоте; в Льежской области возникла целая сеть шерстоткацких мануфактур рассеянного типа; во Фландрии прогрессивное капиталистическое развитие основывалось с конца XV в. на сельских промыслах. Возникали различные виды смешанной мануфактуры. В Голландии капиталистическое производство охватило мыловарение, маслоделие, пивоварение.⁶²

Таким образом, в деревне, в новых городах и в меньшей степени на базе разложения цехового производства возникали раннекапиталистические хозяйства, ставшие наряду с новыми формами аграрного строя экономической почвой буржуазной революции. Наличие в Нидерландах раннекапиталистических отношений, рождающихся нередко в рамках гибнущего цеха, несомненно. Как и в других странах, они нередко прослеживаются под цеховой оболочкой. Естественно, характер этих отношений осложнялся условиями приходившего в упадок цеха. Несмотря на сложность и противоречивость обстановки, свойственной переломному периоду, здесь выявляется основной признак капиталистических отношений: большинство непосредственных производителей — наемные рабочие, продающие свой труд за заработную плату.⁶³

Что касается развития наиболее типичной и самой ранней отрасли мануфактурной промышленности — сукноделия, то, как пишет А. Н. Чистозвонов, «в целом это было поступательное про-

⁶¹ А. Н. Чистозвонов. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. М., 1964, с. 51, 58.

⁶² А. Н. Чистозвонов. Нидерландская буржуазная революция XVI в. М., 1958, с. 14, 16, 60.

• ⁶³ М. М. Громыко. Промышленность северных городов Нидерландов в XVI в. — В сб.: Средние века, вып. X, 1957, с. 182, 185.

24

грессивное движение от средневекового цеха к капиталистической мануфактуре. Но развитие шло не по прямой, не по непрерывно восходящей линии, а отдельными этапами, довольно четко отграниченными во времени и географическом пространстве».⁶⁴

В стране классического феодализма, во Франции, наблюдения о развитии раннего капитализма также дают интереснейший материал. В обстановке абсолютизма в промышленности происходила борьба феодальных и капиталистических элементов: королевская власть поддерживала цеховое ремесло, но также покровительствовала и возникавшему капиталистическому производству, предоставляя привилегии и субсидии мануфактурам. Цеховая организация в XV—XVI вв. вступила во Франции в стадию глубокого разложения, что способствовало зарождению капиталистического уклада, а с ним — предпролетариата и ранней буржуазии.⁶⁵ В целом для французской промышленности этой эпохи характерно разнообразие ее форм — цехи, свободное ремесло, рассеянная мануфактура, а в отдельных отраслях и централизованная.⁶⁶ В цехах, переживавших период разложения, богатые мастера постепенно превращались в предпринимателей капиталистического типа, хотя развитие рассеянной мануфактуры происходило главным образом на селе. Вокруг крупных городов (Бордо, Руан, Париж, Тулуза) рассеянная мануфактура нередко сочеталась с централизованной. Во Франции, как и в других государствах, развитие капиталистических форм организации промышленности происходило очень неравномерно. В XV—XVI вв. капиталистическая мануфактура далеко еще не была преобладающей формой, она вырастала из ремесла.⁶⁷ Новые отрасли промышленности, возникавшие во Франции в XV в., — металлургия, книгопечатание, производство атласа и парчи — быстро шли по пути развития централизованной мануфактуры.⁶⁸ В отличие от крупных централизованных мануфактур XVII в. мануфактуры предшествующих XV и XVI вв. были главным образом рассеянными, для них характерно сращивание купеческого капитала с промышленным. Сравнительно слабое развитие централизованных мануфактур во Франции и других странах Европы в известной степени компенсиро-

⁶¹ А. Н. Чистозвонов. Реформационное движение. . . , с. 61.

⁶⁵ М. А. Покровская. К вопросу экономической политики французского абсолютизма первой половины XVI в. — В сб.: Средние века, вып. VII, 1955, с. 138, 140, 151.

⁶⁶ А. Лайбс. Bergbau und Hüttenwesen in Frankreich um die Mitte des 15. Jahrhunderts. Eine Studie über die Entstehung kapitalistischer Produktionsverhältnisse in den Gruben des Lyonnais und Beaujolais. — In: Freiburger Forschungshefte, D. 38, Montangeschichte, Leipzig, 1964.

⁶⁷ М.А. Молдавская. Зарождение капитализма в книгопечатном производстве во Франции в первой половине XVI в. — В сб.: Средние века, вып. VII, 1955, с. 155—157.

⁶⁸ М. А. Покровская. К вопросу экономической политики . . ., с. 140—141.

25

ваилось широким распространением рассеянных мануфактур, работавших на внутренний и внешний рынки.⁸⁹

Некоторые характерные черты французского раннего капитализма приложимы к Италии в неменьшей степени, чем к Франции: «Было бы неверным, — пишет А. Д. Люблинская, — сводить весь процесс развития капитализма только к эволюции крупной централизованной мануфактуры. . . при исследовании общего хода развития капитализма в его последовательности необходимо учитывать и другие типы мануфактур. . . количественное преобладание рассеянной мануфактуры еще не является (само по себе) показателем недостаточного капиталистического развития в целом. . . неверен также вывод о консервативном характере *par excellence* рассеянной мануфактуры».⁷⁰

На первых этапах развития капитализма рассеянная мануфактура является естественной формой промышленности, она не исчезает и при появлении мануфактуры централизованной, редко существовавшей в чистом виде. И если обычно подчеркивается примитивизм и медленность развития раннего капитализма, особенно при преобладании рассеянной мануфактуры, то правильнее было бы говорить о том, что «медленный ход развития капитализма на мануфактурном его этапе. . . — свойство, неотъемлемо присущее мануфактуре».⁷¹ Эти положения имеют прямое отношение и к итальянской мануфактурной промышленности.

Материал из истории раннего капитализма во Франции дает также возможность уточнить вопрос о роли цеха в процессе зарождения капиталистических отношений. Уже отмечалось, что во французских цехах отдельные мастера превращались в «зародышевых» капиталистов. Искусственное сохранение цехового строя во Франции в XV—XVI вв. не могло препятствовать превращению цеховых мастеров в мелких промышленных капиталистов, процессу роста капитализма, хотя и замедленного. Условия разложения цехов, сохраняемых и возрождаемых королевской властью, приводили к тому, что мастера становились эксплуататорами наемных рабочих; тем самым расчищался путь для развития этих «зародышевых» капиталистов в капиталистов настоящих. Цеховая форма в определенных условиях может способствовать развитию крупной цеховой мастерской в мелкую капиталистическую мануфактуру.⁷²

Средневековой Германии, несмотря на своеобразие и сложность развития отдельных ее экономических районов и политических

⁶⁹ А. Д. Люблинская. Франция в начале XVII в. Л., 1959. с. 34-35, 37.

⁷⁰ А. Д. Люблинская. О некоторых особенностях мануфактурного этапа в развитии капитализма. — В сб.: Средние века, вып. 27, 1965, с. 38.

⁷¹ А. Д. Люблинская. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.—Л., 1965, с. 73.

⁷² А. Д. Люблинская. Франция в начале XVII в., с. 38—39.

26

объединений, также знакомы элементы раннего капитализма. В -XV—XVI вв. в отдельных городах, таких как Аугсбург, наряду с цехами возникало предпринимательство, приближавшееся по форме к рассеянной мануфактуре; аугсбургские богачи переходили к капиталистической эксплуатации зависимых от них ремесленников.⁷³ В горнорудной промышленности Саксонии уже с середины XV в. наблюдался процесс разорения мелких товаропроизводителей, зарождение предпринимательских капиталистических элементов («участники»-предприниматели), усиление эксплуатации наемных рабочих. Все эти явления были крайне осложнены: горнорабочие еще не потеряли связи с собственным хозяйством, а «участники»-предприниматели в борьбе с регаль-но-феодальной администрацией находили точки соприкосновения с рабочими рудников.⁷⁴

Несмотря на примитивные даже по сравнению с другими странами формы раннего капитализма, в Германии уже в XIV—XV вв. происходил процесс перерождения текстильного цеха: богатая верхушка расшатывает изнутри цеховую организацию, превращая ремесленную массу в наемных рабочих. В Кельне происходил начальный процесс перерождения цеха, в Аахене — полного его вырождения. Наиболее четко выраженная социальная дифференциация ремесленной массы обнаруживалась в тех отраслях промышленности, которые работали на экспорт,⁷⁵ что лишний раз подтверждает положение К. Маркса об условиях зарождения ранних форм мануфактуры.⁷⁶

В странах Центральной Европы (Чехия и Словакия, Польша, Австрия, Венгрия, часть Румынии, некоторые районы Германии) раннекапиталистические отношения появились прежде всего в горном деле и железообрабатывающей промышленности. В текстильной промышленности XVI—XVIII вв. в этих странах наблюдается своеобразное раздвоение сельских прядильщиков и ткачей, которые, будучи в зависимости от своих феодалов, вступают в новые экономические отношения со вторым работодателем — скупщиком. В последние десятилетия XVII в. происходило массовое возникновение текстильных мануфактур в Австрии и чешских землях, хотя спорадически они возникали и раньше.

Большое значение для чешских, австрийских и некоторых немецких земель

⁷³ Д. Э. Э и ш т е и н. Из экономической и социальной истории Аугс-бурга в XV и начале XVI в. — В сб.:

Средние века, вып. X, 1957, с. 135, 164.

⁷⁴ М. М. С м и р н. 1) Социальные отношения в горной промышленности Фройбергского района Саксонии в 40—80-х годах XV в. — В сб.: Средние века, вып. XX, 1961, с. 121, 127, 133; 2) К истории раннего капитализма в германских землях (XV—XVI вв.). М., 1969.

⁷⁵ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М.—Л., 1936, с. 97—98, 100—101.

⁷⁶ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, с. 48—49.

27

имело развитие системы скупки, которая приводила к созданию рассеянных мануфактур.

Капиталистические элементы в экономике развивались в Центральной Европе значительно медленнее и с большими трудностями, чем в Западной Европе.⁷⁷

В Византии некоторые советские исследователи находили процесс вызревания капиталистических элементов,⁷⁸ который состоял в переходе сельского хозяйства к товарному производству,⁷⁹ однако более убедительными представляются аргументы исследований, отрицающих наличие византийской мануфактуры или каких-либо элементов капиталистических отношений.⁸⁰

Таким образом, на фоне общеевропейских процессов развития раннего капитализма итальянская мануфактура XVI—XVII вв. представляется не обособленным явлением, а частью общего процесса. Поэтому следует рассмотреть одинаковые для Италии и других стран Европы условия ее зарождения. Следует уточнить вопрос о возможности и закономерности бесконфликтной ситуации при проникновении торгового купеческого капитала в средневековый цех. В период полного господства феодальных отношений товарное производство и купеческий капитал могли относительно мирно уживаться с цеховым производством и феодальными порядками в целом, постепенно разлагая их. При переходе к позднему феодализму в большинстве европейских стран создается сложный комплекс условий, порождающих элементы раннего капитализма. В Италии это происходит в XIV—XV вв., в Англии, Нидерландах, Франции — в XV—XVI вв., наступает конец относительно мирного сожительства цеха и купеческого капитала; последний нередко, но не всегда и не автоматически, становится заметной силой прогрессивного экономического развития и на базе с давних пор развивающегося товарного производства составляет один из исходных моментов раннего капитализма. На примере византийского города XIV—XV вв. можно показать, как взаимодействие купеческого капитала и город-

⁷⁷ А. К. Клима, И. М а ц у р е к. Вопрос о переходе от феодализма к капитализму в Центральной Европе (XVI—XVIII вв.). — В сб.: Средние века, вып. XX, 1961, с. 191—198.

⁷⁸ А. П. К а ж д а п. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, с. 197.

⁷⁹ М. Я. С ю з ю м о в. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — В кн.: Византийские очерки. М., 1961, с. 59. — Нет необходимости доказывать, что сам по себе переход к товарному производству не равнозначен появлению капиталистических отношений.

⁸⁰ Б. Т. Г о р я н о в. 1) Византийский город XIII—XV вв. — Византийский временник, т. XIII, 1958, с. 163, 168—171, 183; 2) Поздневизантийский феодализм. М., 1962, с. 240—286; И. П. Медведев. Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре. — В кн.: В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970; Л. Г. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи. — Византийский временник, т. 30, 1969, с. 16—22.

28

ского ремесла не привело к возникновению каких-либо элементов раннекапиталистических отношений; определенную роль в этом сыграл захват итальянскими городскими республиками торговых позиций внутри Византии,⁸¹ но главным здесь было наличие полного господства феодальных отношений, при котором подчинение ремесленного производства купеческому капиталу консервирует старые производственные отношения.

Страны Центральной Европы могут проиллюстрировать, как недостаточное развитие всего комплекса условий, подготовлявших процесс зарождения и развития капиталистических отношений, приводит к недолговечному существованию «раннего капитализма XVI века»⁸² в горнорудной и железнотермической отраслях промышленности, которые затем возвращаются к чисто феодальным порядкам.

В Германии XIV—XV вв. в горнорудной промышленности появляются промежуточные формы раннекапиталистических отношений, а в текстильной перерождение цеха приводит к примитивным формам раннекапиталистической промышленности.

В Англии, Нидерландах, Франции купеческий капитал играет революционную роль и приводит к капиталистическому укладу, который, развиваясь, способствовал процессу, приведшему эти страны к буржуазным революциям.

Широкое развитие товарных отношений в Италии, активное воздействие купеческого капитала на ремесленную промышленность в условиях перерождения цехов привело к развитию капиталисти-

ческих отношений, зародившихся здесь еще в XIV в.: «В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения».⁸³ Даже несмотря на крайне неблагоприятную внутреннюю и внешнюю обстановку, раннекапиталистические отношения, сложившиеся в Италии в XIV в., не исчезли в XVI—XVII вв., свидетельством чему было появление новых мануфактурных предприятий, без которых Италия не пришла бы в XVIII—XIX вв. к машинной фабрике, к капитализму.

В европейских странах в истории раннего капитализма можно выделить несколько вариантов, отмеченных выше, но все они имели и много общих черт. Так, общим для всех государств является проблема перехода от формального к реальному подчинению труда капиталу. В самом начале возникновения прослойки наемных рабочих, когда социальные различия между хозяевами и рабочими были невелики, в Англии XIV в., где еще не была нарушена система самостоятельных крестьянских хозяйств в деревне и цехового строя в городе, «подчинение труда капиталу было

29

лишь формальным, т. е. самый способ производства еще не обладал специфически капиталистическим характером».⁸⁴ Речь идет об обществе, в котором пока господствуют феодальные отношения, но уже начинает играть определенную роль наемный труд; такой первый этап его развития Маркс условно и называл формальным подчинением труда капиталу.⁸⁵ Его можно обнаружить в XIV в. в самом примитивном виде в горных промыслах Саксонии, в более развитом виде — в текстильных цехах Аахена и Кельна.

Само по себе формальное подчинение труда капиталу порождает лишь абсолютную прибавочную стоимость и не обладает еще специфически капиталистическим характером, однако при благоприятных условиях «формальное подчинение труда капиталу уступает место реальному». «Следовательно, производство относительной прибавочной стоимости предполагает специфически капиталистический способ производства, который с его методами, средствами и условиями сам стихийно возникает и развивается лишь на основе формального подчинения труда капиталу».⁸⁸

На примере Италии XIV в. можно наблюдать, как в условиях ликвидации крепостного права и перерождения цеха формальное подчинение труда капиталу перерастает в реальное, крайне обостряя социальную рознь между хозяевами и рабочими. Это перерастание встречается и в итальянских мануфактурах XIV—XVIII вв. В еще более сильной степени оно происходит в Англии и Нидерландах XVI—XVII вв. и во Франции XVII—XVIII вв.

Этот общий, генеральный путь перехода от формального подчинения труда к реальному свойствен всем европейским странам, где отмечалось зарождение и развитие раннего капитализма. Обычно называют два пути перехода от феодального способа производства к капиталистическому: 1) производитель становится купцом и капиталистом — это революционизирующий путь; 2) купец подчиняет себе производство — это консервативный путь. Эти пути, указанные К. Марксом, следует рассматривать в зависимости от конкретной исторической обстановки, учитывая страну и время действия этих явлений. Не случайно Маркс, говоря о втором пути, подчеркивал, что хотя он и консервирует старый способ производства, все же «велико историческое значение последнего пути в качестве переходной ступени», так как он превращает непосредственных производителей «в простых наемных рабочих и пролетариев», что является прогрессивным. К тому же весьма важно было, оставался ли купец только посредником или становился промышленником. Иногда же первый и второй путь в сущности

⁸⁴ Там же, с. 748.

⁸⁶ «Dies nenne ich die formelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital» (К. Маркс. Der Produktionsprozess des Kapitals. — Архив Маркса и Энгельса, т. II (VII). 1933, с. 90).

⁸⁶ К. Маркс. Капитал, т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 518.

30

переплетались: «Купец становится промышленником. . . С другой стороны, производитель становится купцом».⁸⁷

Большая или меньшая прогрессивность всех этих форм развития раннего капитализма определяется тем, в каких условиях и в какое время пробивают они свой путь среди сложного комплекса явлений исторического процесса данной страны.

В Италии XIV в. фактически главным был первый путь: производитель — компании сукнодельного цеха Лана или сукнообрабатывающего Калимала — занимался также доставкой сырья и продажей готовой продукции. Но знаком был этому периоду и третий путь. В этом случае происходила двойная социальная диффузия: купец и промышленник совмещались, о чем свидетельствует история торговых компаний XIV в., в рамках которых возникают мануфактуры. Классическим образцом такого процесса является торговая компания Дель Бене, изученная Сапори.⁸⁸ В ее рамках создается сукнодельная мануфактура, купец становится промышленником,⁸⁹ как и в компании Уццано.⁹⁰ Примитивность этого периода выражалась в нераздельной торговой, банковской, промышленной деятельности в пределах каждой отдельной компании, поэтому нельзя в сущности выделять здесь производителя в «чистом

виде». В XV в. промышленниками становятся купцы и банкиры типа Медичи.⁹¹ В XVI—XVII вв., когда цеховые мастера покидают крупные городские центры и уходят в небольшие города округи (как это было, например, в Комо), производитель становился купцом, что говорит об особой роли торгового капитала, место и значение которого должны быть рассмотрены отдельно.

⁸⁷ К. Маркс. Капитал, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 367—369.

⁸⁸ A. S a p o r i. Una compagnia della Calimala ai primi del Trecento. Firenze, 1932.

⁸⁹ В. И. Р у т е н б у р г. Очерк из истории раннего капитализма . . . , с. 139—146.

⁹⁰ V. R u t e n b u r g. 1) La Compagnia Uzzano. Studi in onore di Armando Saporì, vol. II. Milano, s. d. [1957]; 2) Libri commerciali della compagnia degli Uzzano.— В кн.: Итальянские коммуны XIV—XV вв. Л., 1965, с. 21—68.

⁸¹ R. de Hoover. 1) Cosimo de'Medici come banchiere e mercante; 2) The Rise and Decline of the Medici Bank. Cambridge, Mass., 19(i3).

Глава вторая

ТОРГОВЛЯ

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ, НОВЫЕ ФОРМЫ, НОВЫЕ МАСШТАБЫ

Значение торгового капитала в мануфактурный период, как известно, усиливается. На ранних этапах капиталистического производства торговля является определяющим фактором хозяйства, именно она подталкивает и направляет развитие промышленности. Каким бы ни был путь образования мануфактуры, торговый капитал наряду с ростовщическим был только одним из источников всего процесса первоначального накопления. Как правило, в этот период торговый капитал господствовал в производственной сфере.

Формы и масштабы торговли определяли размер, а значит и возможную роль торгового капитала. Первая половина XVI в. в полной мере отразила в себе катастрофические, по мнению современников, последствия открытия пути в Индию (достаточно вспомнить записи дожа Джир'«ламо Приули), возрастания турецкого могущества на Средиземном море, конкуренции с другими европейскими странами и сокращения внешних рынков для итальянских товаров в связи с усилением протекционистской политики централизованных государств. На осложнении экономической ситуации в Италии сказались и итальянские войны.

Тяжелое экономическое положение не привело Италию к гибели, оно заставило деловых людей пойти на поиски нового пути перестройки экономики в целом, и торговли прежде всего.⁹²

В XVI в. Венеции удалось удержаться в качестве одной из крупнейших торговых держав Средиземноморья и не допустить португальской монополии на торговлю пряностями. Более того, Венеция смогла стать хозяином португальского потока пряностей. Филипп II после присоединения Португалии к Испании, несмотря на традиционные контакты с Генуей, предложил Венеции на откуп торговлю пряностями, главным образом перцем. Переговоры велись в течение трех лет (1584—1586 гг.), проект сулил Светлейшей республике большие выгоды, однако политические мотивы — нежелание рвать политические и экономические связи с Турцией — привели к отказу ее от столь заманчивого, казалось бы, предложения. Еще более решительный поворот в торговле совершила Генуя, уже в XV в. вырвавшаяся из рамок Средиземноморья и теперь смело шагнувшая на пиренейские рынки и в Атлантику, с выгодой используя географические открытия. По* этому пути пошло и Тосканское герцогство, владевшее перво-

⁹² А. Д. Р о л о в а. Основные черты . . . , с. 58—64.

32

классным портом Ливорно,⁹³ который Джорджо Спини назвал «малым Средиземноморским Амстердамом». Будучи порто-франко, Ливорно в XVI в. стал международным центром торговли, в котором количество прибывающих английских и голландских кораблей возросло с 1578 по 1605 г. в пять раз.⁹⁴

Итальянские государства смогли переориентироваться в связи с изменениями в экономической географии и «революцией цен», приведшей к переоценке стоимости итальянского, особенно сицилийского, зерна. Увеличение его стоимости на западноевропейских рынках привело к тому, что флорентийские и генуэзские купцы перешли к организации массового экспорта зерна из Сицилии и даже к скупке там земель.⁹⁵ Это был не столько процесс перемещения капиталов в земельную собственность, сколько оперативная перестройка торговой деятельности с учетом обстановки, сложившейся накануне нового времени.⁹⁶ Этот процесс приводил не к потере буржуазности, а к увеличению накопления торгового капитала. Выгоды от хлебной торговли подталкивали итальянских купцов к поискам новых источников. Тосканское великое герцогство попыталось организовать экспорт товаров из России, получив от царя Бориса Годунова право свободной торговли на некоторые товары в Новгороде и Пскове,⁹⁷ однако вывоз хлеба из России не производился. Насколько важной была эта статья торговли, можно определить, если учесть крайне высокий уровень реальных цен на хлеб в XVI—XVII вв. не только под влиянием «революции

цен», но и из-за относительно низкой производительности труда. Так, в XIV в. для получения центнера хлеба требовалось 75 часов работы, в XV в. — 195, в XVI в. — 125—185, по сравнению же с современной (1950 г.) реальной стоимостью зерна цены на хлеб в Европе XVI в. были в 10 раз выше.⁹⁸

Современники весьма внимательно следили за ходом хлебной торговли, рассматривая ее как важный показатель хозяйственного процветания. Такой колоритный источник, как «Дневник» флорентийского ремесленника Бастиано Ардити, отмечает случаи продажи зерна: в октябре 1575 г. Генуя обратилась к великому герцогу Франческо Мариа Медичи с просьбой о поставке ей партии зерна

⁹³ I. Corvelli. *Intorno alia decaderiza di Venezia. Uii episodici di storia economica, ovvero un affero mancato.* — Nuova Rivista Storica, fasc. V—VI, 1906; *I. B r a u d e l, R. Romano. Navires et marchandises a l'entree du port de Livourne (1547—1611).* Paris, 1951.

⁹⁴ G. S p i n i. *Storia dell'eta moderna.* . . , p. 358—359.

⁹⁵ Ibid., p. 357—359.

⁹⁶ Л. Д. Ролова. Основные черты. . . , с. 58—59.

⁹⁷ И. С. Ш а р к о в а. К истории русско-итальянских экономических связей в XVII в. — В сб.: Средние века, вып. 35, 1973, с. 233—234.

¹⁰⁸ I. Fourastie (et R. G r a n d a m y). *Osservazioni sui prezzi salariati di coraoli.* — Rivista Storica Italiana, fasc. II, 1966, p. 422—424. — Поданным этих авторов, центнер хлеба ныне требует 8 час. работы в- США, 15 — в ФРГ, 17 -- во Франции, а в XVIII в. — до 200 час.

³ В. И. Рутенбург

33

(per avere del grano), которая и была предоставлена за 12 тыс. скуди." Медичи, проводившие торговые операции от Северной Европы до берегов Африки и Индии, контролировали крупную торговлю зерном.¹⁰⁰ Этот вид торговли был не единственной, но весьма важной статьей коммерческих операций итальянцев.

Купцы из Генуи, Флоренции, Рима, городов Ломбардии заняли общеевропейские, а затем и мировые позиции, овладевая рынками Испании, Португалии и Америки.¹⁰¹ Речь идет не только о накоплении капиталов, но и об определенном влиянии торгового капитала Италии на весь ход заокеанской колониальной экспансии европейских стран.¹⁰² Мировой размах торговли говорил о новых ее масштабах, невиданных до XVI в. Не менее важным было влияние ее новых форм, направлений и масштабов на внутриитальянскую экономику. Исследуя материалы о состоянии зернового рынка в Италии, Эмилио Серени обратил внимание на тенденции к формированию будущего общенационального зернового рынка (mercato nazionale), а главное, к формированию региональных рынков.¹⁰³ Это явление, специально рассмотренное в работе А. Д. Роловой,¹⁰⁴ наиболее показательно в отношении Милана как важнейшего центра хозяйственной жизни если не всей Ломбардии, то во всяком случае Миланского герцогства.¹⁰⁵

ВОСТОК И ЗАПАД

Вопрос о региональных рынках нередко рассматривался как второстепенный, так как прежде всего подчешдавалось^раздроблен-ность Италии. Одной из основных причин ее считалась^торговля итальянских государств, сталкивающиеся на внешних рынках. Примером тому является известная вражда Венеции и Генуи — главных торговых государств Италии. Однако сама по себе внешняя торговля не препятствует существованию региональных рынков, а может даже способствовать их формированию. Для экономического развития Италии важное значение имели характер и направленность торговли, которые существенно изменились с ранних этапов расцвета городской жизни до кануна нового времени: от

⁸⁸ В. A g d i t i. *Diario di Firenze e di altre parti della cristianita (1574 — 1579)* a cura di K. Cantagalli. Firenze, 1970, p. 71—72.

¹⁰⁰ G. S p i n i. *Storia dell'eta moderna.* . . , p. 358.

¹⁰¹ E. G r e n d i. *Traffico portuale, mercantile e consolati genovesi nel Cinquecento.* — Rivista Storica Italiana, fasc. III, 1968, № 3.

¹⁰² А. Д. Ролова. Основные черты. . . , с. 66.

¹⁰³ E. S e r e n i. *Mercato nazionale e accumulazione capitalistica nell' unita italiana.* — Studi storici, 1964, № 4.

¹⁰⁴ А. Д. Р о л о в а. Основные черты. . . , с. 76, 77.

¹⁰⁵ С. A l e a t i, С. М. С i p p o l l a. *Aspetti e problemi nell'economia milanese e lombarda nei secoli XVI e XVII.* — In: *Storia di Milano*, t. XI. *Il declino spagnolo (1630—1700).* Milano, 1958.

34

закрепления на Леванте, а затем и на Черном море до овладения рынками европейских стран. Проблема Запада и Востока для итальянских государств состоит не только в изучении географических смещений товарных потоков, но в основном в изменении качественной характеристики этой торговли. Если Венеция была и осталась преимущественно торговой

державой восточной ориентации, то Генуя перешла от торговли восточной к западной. Это привело ее в канун нового времени к иным методам ведения торговли в отличие от Венеции, сохранившей в общем старые методы, хотя и пережившей определенную перестройку в своем хозяйстве.

При изучении взаимосвязей Италии и других стран Европы накануне нового времени история Генуи дает весьма показательный материал. Хотя в XVI в. все итальянские государства ощущали на себе силу централизованных европейских держав, ни одно из них не являло собой такого сложного узла противоречий между Италией и государствами «большой» Европы, как Генуя. Прежде всего следует отметить идущие в глубь веков связи Генуи с европейскими странами, ее активность не только на Леванте, но и на Западе. Уже в XII в. она ведет борьбу за овладение торговыми путями в Иберию, на Майорку, к африканским берегам. В XIII в. Генуя укрепляет связи с Францией, Кастилией, Англией: под руководством генуэзцев создается флот Испании, арсенал в Эг-Морте, осуществляется и военное командование флотом (адмирал Уго Венето — в Испании, адмирал Леркари — у французского короля). В XIV в. генуэзцы достигают Азорских островов (Николозо да Рекко в 1341 г.), в XV в. начинают осваивать пути в Африку (Антонио да Ноли — на Зеленом Мысе в 1441 г., Антонио Узодимаре — у берегов Гвинеи в 1445 г., Антонио Маль-фанти — в одной из африканских земель в 1447 г.).

Продвижение на Запад (и в Африку) не было обособлено от продвижения на Восток, так как генуэзские мореплаватели исходили из широких хозяйственных задач приморской торговой республики.

Запад и Восток нужны были Генуе одновременно. Так, освоение Генуей квасцовых разработок в Фокее естественно совпадало с развитием сукноделия в западноевропейских странах и в государствах Италии.¹⁰⁸

Многовековая борьба Генуи и Венеции привела к сохранению за республикой св. Георгия влияния на Леванте, в Черном и Азовском морях, в то время как республика св. Марка, не отказываясь от Леванта, твердо держалась за господство в Адриатике.¹⁰⁷

Сокращение деловой активности Генуи на Леванте и потеря некоторых колоний стимулировали ее продвижение на Западе,

¹⁰⁶ T. O. De Negri. Storia di Genova. Milano, 1968, p. 611—613.

¹⁰⁷ G. L. Bratianu. Recherches sur le commerce genois dans la Mer Noire au treizieme siecle. Paris, 1929; R. S. Lopez. Storia delle colonie genovesi nel Mediterraneo. Bologna, 1938.

35
3*

особенно в районе Северного моря. В XV в. Генуя занимала первое место в Европе по количеству судов, за ней следовала Венеция, а затем Флоренция.¹⁰⁸ Это способствовало успешному освоению Генуей рынков Фландрии и Англии, на которые она поставляла квасцы и другие товары. В отличие от Венеции, поставлявшей главным образом пряности, торговля Генуи носила характер, в большей степени свойственный новому времени, когда решающим фактором была масса товаров, а не их исключительность. Новые методы торговли совпадали с техническим, совершенствованием флота: средневековые галеры заменялись кораблями с высоким бортом (сагасса), которые могли преодолеть океанский простор.¹⁰⁹

Сдвиги в технике мореходства, усовершенствование методов торговли и перевозки товаров были характерны не только для деловой активности Генуи на Западе. Не менее важные сдвиги происходили и на Востоке, задолго до трагической для Генуи потери такого портового центра, как Каффа, и первоклассной крепости Солдайи. Новые методы управления и организации колоний вырабатывались в этих генуэзских владениях на протяжении веков: сначала колонии переходят из рук правительства республики в руки отдельных лиц (Захариа, Гаттилузио и других). Лопец отмечает, что уже в XIV в. (с 1346 г.) компании, владеющие кораблями, и купцы выполняют функции, недавно принадлежавшие республике.¹¹⁰ Так, в 1373 г. появляется маона (морская компания) дома Джустиниан на Искии (La Maona Nuova dell'Albergo del Giustinian), а на Капри — маона Пьетро Фрегозо; в 1383 г. — маона Леонардо Ломеллино на Корсике (Maona di Corsica). Ослабление государственной власти доминиона в колониях выразилось также в допущении избрания консулом Каффы не только граждан Генуи (cives genuenses), но и родившихся в Таврии (burgenses).¹¹¹ Следует, однако, отметить, что, потеряв колонии на Востоке, Генуя не перестала быть «колониальной» державой. В политическом отношении она стала в XVI в. владычицей Корсики, в экономическом ее «колонией» во многом стала Испания, а также Неаполитанское королевство.

Еще более важным изменением был переход колоний в руки банка Сан Джордже.¹¹² В 1447 г. банк установил в Фамагусте

¹⁰⁸ T. O. De Negri. Storia di Genova, p. 623.

¹⁰⁹ Ibid., p. 624. — Де Негри с некоторым местным патриотизмом (*amor di campanile*) считает открытие Америки испано-генуэзским мероприятием (правда, ссылаясь на мнение главы Генуэзской республики Андреа Дориа), а Колумба, хотя и действующим во имя своей собственной идеи, но имевшим «сердце генуэзца» («il suo cuore di genovese», *ibid.*, p. 620—621).

¹¹⁰ R. S. Lopez. *Storia delle colonie*. . . , p. 45; W. Miller. *The Genovese in Chios (1346—1566)*. — *English Historical Review*, 1915.

¹¹¹ T. O. De Negri. *Storia di Genova*, p. 595—597.

¹¹² Банк Сан Джорджо именовался *Casa di San Giorgio* или просто *Casa*, а также *Ufficio* или *Compere*. См.: Н. Sieveking. *Studio sulle finanze*

36

должность капитана, облеченного правами гражданской и военной власти. В труднейших условиях 1453 г. банк устанавливает через Балканы связь с Кафзой, в том же году пытается установить свою власть на Корсике, и позднее, после периода персонального владения Фрегосо между 1464 и 1482 гг., добивается этого.¹¹³ В 1468 г. банк продает Флоренции Сарцану и ведет дипломатические переговоры с Карлом VIII и Лодовико Моро. Фактический переход экономического и дипломатического управления Генуей из рук средневековой коммуны в руки банка Сан Джорджо символизировал рождение олигархической республики нового времени.¹¹⁴ Как образно, хотя и несколько преувеличенно, сформулировал Эре: «Сан Джорджо представлял собой в сущности коммуну, избавившуюся от всех феодальных элементов».¹¹⁵ Более того, он справедливо считал, что политическая деятельность банка Сан Джорджо была источником конституционной реформы 1528 г., а организация банка в целом была прообразом Генуэзской республики

XVI в.¹¹⁸

Было бы неверным Геную этого периода рассматривать как единственный район, где в социально-экономическом развитии проявляются новые формы и методы деловой активности. Уже XV в. стал поворотным пунктом для всей средиземноморской, да и западноевропейской экономики. Однако Генуя быстрее и более определенно стала приспосабливаться к условиям новой торговой географии и новой экономической ситуации, не повторяя собой опыта Венеции или Флоренции: «город испытал на себе потрясения эпохи живее и драматичнее, чем другие центры».¹¹⁷

Это положение находит объяснение в экономическом развитии Генуи, которая издавна питалась из двух главных источников: морской торговли и банковских операций, уже с XV в. приобретающих общеевропейский, в условиях того времени международный, масштаб.¹¹⁸ С XV в. некоторое значение имеет шелко-

делие.

¹¹⁹

ше.—

Естественная связь промышленности с торговлей в Генуе выглядела довольно своеобразно, так как ее посредническая тор-

genovesi nel medio evo e in particolare sulla Casa di S. Giorgio. — *Atti della Società ligure di Storia Patria*, t. XXXV (1906—1907); C. Marengo. *Il Banco di S. Giorgio*. Genes, 1929.

¹¹³ T. O. De Negri. *Storia di Genova*, p. 600—603.

¹¹⁴ «... il passaggio dalla floridezza del Comune antico... del Medioevo alla Repubblica aristocratica dell'ero moderno» (*ibid.*, p. 606).

¹¹⁶ J. Heers. *Genes au XV-e siècle*. Paris, 1961, p. 146.

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ Ibid., p. 2.

¹¹⁸ C. Manfredi. *Il Banco di San Giorgio*. Roma, 1929; G. Andriani. *La fiere di cambio genovesi*. Genova, 1931.

¹¹⁸ R. di Tucci. *Lineamenti storici dell'industria serica genovese*. — *Atti SL*, vol. IV, 1964 (*Atti della Società ligure di Storia Patria*, vol. LXXI, 1948).

37

говля могла удовлетворяться за счет товарных потоков других городов и стран и в меньшей степени базироваться на собственной промышленности. Исследуя этот вопрос, К. Маркс наряду с нидерландским и венецианским примерами обращался непосредственно и к генуэзскому: «Тот закон, что самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства, с особенной ясностью обнаруживается в истории посреднической торговли (*carrying trade*), например у венецианцев, генуэзцев и голландцев, следовательно, там, где главный барыш извлекается не из вывоза продуктов своей страны, а из посредничества».¹²⁰

Здесь действовала и другая закономерность, установленная К. Марксом: «на пороге капиталистического общества торговля господствует над промышленностью».¹²¹ Широкая и многогранная торговля республики-извозчика способствовала развитию местной отечественной промышленности.

Генуя была крупным торговым, а с XV в. и промышленным центром, не имевшим, однако, значительной внегородской территории, почему Эре именовал ее «единственным в своем роде,

великим средиземноморским городом».¹²³ Это не означало отсутствия на ее землях товарного сельского хозяйства — с XV в. там появляются высокотоварное парцеллярное садоводство и цветоводство. Кроме того, она уже в XV в. владела одним из самых могучих в Европе финансовых институтов. Банк Сан Джорджо распространял свое влияние на другие области Италии, на страны Леванта, а также на Францию и Испанию. Об этом свидетельствует не только размах операций, но и колоссальная для своего времени концентрация денежного капитала. В руках одной финансовой компании: в 1461 г. капитал Сан Джорджо превышал сумму в 10 млн, а в 1515 г. достиг почти 23,5 млн лир.¹²³

Сам по себе банковско-ростовщический капитал независимо от его масштабов не служит подтверждением наличия капиталистической экономики,¹²⁴ но в условиях Италии XV в. он оказывал положительное воздействие на расширение экспортной торговли, которая в свою очередь подталкивала развитие судостроения, а также шелководия и сукноделия, переходивших на рельсы ранней капиталистической мануфактуры. Эре приводит данные, свидетельствующие об инвестировании денежного капитала в промышленность Генуи и о превращении обладателя денежного капитала в купца-предпринимателя подобно тому, как это было во Флорен-

¹²⁰ К. Маркс. Капитал, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. 9*, ч. I, с. 361.

Соч., т. 25, ч. I, с. 361.

¹²¹ Там же, с. 363.

¹²² J. Неегс. Genes au XV-e siecle, p. 2. ¹²³ Ibid., p. 117.

¹²⁴ К. Маркс. Капитал, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 142.

с.

38

ции или в городах Фландрии, с тем лишь отличием, что роль капитала и его обладателей в республике св. Георгия была выражена более определенно, чем в других местах.

Эре считает возможным условно характеризовать состояние генуэзской экономики этого времени как «промышленный капитализм» (*le capitalisme industriel*), имея в виду ослабление и перерождение цеха, отступающего перед новыми раннекапиталистическими формами промышленности, которые ощущали на себе благотворное влияние систематических инъекций торгово-банковского капитала в крупных дозах, в большей степени, чем в каких-либо других городах.¹²⁵ Эре отмечал большую организационную маневренность денежных капиталов генуэзских компаний (*societa a carati*) по сравнению с тосканскими. Несмотря на более позднее, чем в Милане или Флоренции, развитие, для мануфактурной промышленности в Генуе характерна высокая интенсивность и крайнее многообразие направлений (добыча железной и медной руд, выработка и обработка железа, меди, бронзы, производство бумаги, выработка шелка, сукна, хлопчатобумажных изделий, мешковины и т. д.).¹²⁶

Только в шелководии насчитывалось в 1565 г. до 18 тыс. станков. Под командой одного предпринимателя-шелковщика (*sestiero*), по архивным данным, недавно изученным Габриеллой Сиволи и суммированным нами, работало в среднем 122 мастера-ремесленника и наемных рабочих — последних было около 60% из общего количества.¹²⁷ Часть «независимых» ремесленников и наемные рабочие получали заработную плату. Х.-Ж. Да Сильва устанавливает размер прибавочной стоимости в шелководии: за выработку 1 локтя ткани наемный рабочий получал 4 сольда, а на рынке за 1 локоть брали 14 сольдов; таким образом,

¹²⁶ «Le role du capital et de l'homme d'affaires y semble beaucoup plus net» (J. Неегс. Genes au XV-e siecle, p. 251); «...une des villes en somme le plus „capitaliste“ de son temps» (ibid., p. 257); «L'industrie genoise est dominee par les financiers. Elle est, a cette epoque, nettement plus capitaliste que celle des autres villes» (ibid., p. 266). — Кавычки, неоднократно применяемые Эром при использовании термина «капиталистический», свидетельствуют об условном и ограниченном его понимании, в целом закономерном для генуэзской экономики. Придавая первостепенное значение мощи денежного капитала, он видит капиталистический характер генуэзской экономики («le caractere tres evolue, tres capitaliste de l'economie genoise», ibid., p. 256) в приложении к производству товаров. Менее убедительно дана характеристика капиталистических отношений в Генуе в работе: R. S. Lopez. Aux origines du capitalisme genoise. — *Annales historiques, economiques et sociales*, 1937, № 5.

¹²⁶ J. Неегс. Genes au XV-e siecle, p. 205. — Особенно интересное сравнение с Миланом и Флоренцией можно сделать в области сукноделия, см.: R. S. Lopez. Le origini dell'arte della Lana. — *Studi sull'economia genovese nel medio evo*. Torino, 1936; A. Дероис. Les routes terrestres des laines anglaises vers la Lombardie. *Revue du Nord*, 1939.

¹²⁷ G. Sivoли. Il tramonto dell'industria serica genovese. — *Rivista Storica Italiana*, vol. LXXXIV, fasc. IV, Napoli, 1972, p. 895—896.

39

прибавочная стоимость была равна 10 сольдам.¹²⁸ Во главе производства стоял не цеховой мастер, а возглавляемая предпринимателем «капиталистическая компания» (*compagnie capitaliste*), доставляющая сырье и организующая все производство. Эти «капиталистические компании» по своему социальному составу не были однородны.

«Правящий класс, — по выражению Эрса, — был двойственным» (*la classe dirigente est double*), в

социальном плане он состоял из «двух аристократических прослоек» (*les deux aristocraties genoï-ses*): земельная аристократия, феодальные владетели типа Фьески или Дориа, принимавшие также активнейшее участие в финансовых и торгово-промышленных операциях, и аристократия ку-печеско-банковская — пополары типа Фрегози или Чентурионе, почти целиком посвятившие себя деловой жизни.¹²⁹ У последних наблюдалось стремление к вложению капиталов в сельское хозяйство, приобретению и постройке вилл для отдыха и развлечений. Правда, это было распространено в меньшей степени, чем у флорентийских «жирных» пополанов, что объяснялось ограниченностью внегородской территории республики. Приобретение земли поэтому происходило в Неаполитанском королевстве. В Генуэзской республике почти вся земля принадлежала феодальной части «правлящего класса», монастырям и в незначительной степени крестьянам.¹³⁰ Флорентийские дворянские роды типа Барди или Уццано, обратившись к банковской или торговой деятельности, обычно порывали со своим феодальным прошлым. Генуэзские же нобили владели землями, обрабатываемыми зависимыми от них крестьянами. В исключительных случаях нобили призывали горцев, которые оказывали им военную помощь; на принадлежавших им землях они воздвигали замки, а в самой Генуе пышные городские дворцы. Пополанский флорентийский банкирский дом Перуцци, как и ему подобные, занимался скупкой земель, которые служили не только источником дохода, но и материальной гарантией торгово-банковской компании.¹³¹ В генуэзских условиях значительные земельные приобретения были затруднены даже для таких богатейших пополаров, как Фрегози, и таких представителей финансовой олигархии, как Ломеллини или Чентурионе.

J.-G. Da S i l v a. Forza-lavoro, dopprezzamento della moneta e str-ategia del capitale nel XVII sccolo (Element! genovesi per UD modello storico sull mstauratione doi rapporti capitalistic! di produzione). — Rivista Storica Itahana, vol. LXXXIV.fasc.IV, 1972, p. 960.

¹²⁹ "D" "П" ij¹²⁹is

a lenye горожане именовались пополарами (*popolari*), во Флоренции — пополанами (*popolani*); об этом см.: A. E. S a y o u s. Aristocratic et noblesse a Cones. — Annales, 1937; V. V i t a l i. Il Comune del Podesta a Genova. Milano, 1951.

¹³⁰ J. H e e r s. Genes an XV-e siecle, p. 197, 512—562.

¹³¹ Л¹³¹ - Руте и бург. Очерк из истории раннего капитализма. . ., С. 71 —70.

40

Таблица 1 Цены на зерно и муку во Флоренции 1576—1579 гг.

(по данным «Дневника» Ардити)¹

Дата	Вес зерна или муки	Стоимость	Страница источника
24 VIII 1576	1 стайо зерна	3 лиры	118
5 III 1578	1 стайо муки	4 лиры 8 сольдов	201
23 V 1578	1 стайо зерна	4—5 лир	181
22 XI 1578	1 стайо муки	4 лиры	194
22 XI 1578	1 стайо зерна	3 лиры 12 сольдов	194
3 VII 1579	1 стайо муки	5 лир	210 211
31 VII 1579	1 стайо муки	5 лир 8 сольдов ²	211
28 X 1579	1 стайо муки	5 лир 18 сольдов	219—220

¹ B. A r d i t i. Diario di Firenze e di altre parti della cristianita (1574—1579) a cura di R. Cantagalli. Firenze, 1970.

² «случай невиданный» («il caso non più visto») по дороговизне, хотя через 3 месяца мука вздорожала еще на 10 сольдов.

Среди различных видов деловой активности итальянских государств большая роль принадлежала торговле, масштабы и характер которой претерпевали значительные изменения. Говоря о новых чертах, формах и масштабах итальянской торговли в XVI—XVII вв., нельзя обойти связи Италии и других западноевропейских государств со странами Восточной Европы.¹³² Следует отметить некоторые успехи в отношении экспорта хлеба на западные рынки из Прибалтики и Польши.¹³³ Итальянские купцы и банкиры, как уже было сказано, становились владельцами зерновых хозяйств и экспортерами сицилийского хлеба в европейские страны, однако и сама Италия была весьма выгодным для них рынком, потребляющим зерновые ресурсы. В «Дневнике» Ардити, опытный и наблюдательный пополан, в течение нескольких лет

¹³² См.: М. Х р о х (М. Н г о с h). 1) К вопросу об экономических отношениях стран Восточной Европы в переломный период Тридцатилетней войны. — В сб.: Средние века, вып. 24, 1963; 2) Obchod mezi Vychodni a Za-padni Evropou v obdolu pocatku kapitalismu. Ceskoslovensky casopis historicky, 1963, № 4; 3) Uloha zapadovropskeho kupeckeho kapitalu ve zpfostfedkovani obchodu s Vychodni Evropou. Otazky studia obecnych dejin, vol. III. — Acta Universitatis Carolinae, Philosophica et historica, № 2, Praha, 1964; И. С. Ш а р к о в а. Заметки о русско-итальянских отношениях XV—первой трети XVI в. — В сб.: Средние века, вып. 34, 1971.

¹³³ С. Д. С к а з к и п. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. — Вопросы истории, 1958, № 2; Н. S a m s o n o w i c z. Relations commerciales entre la

Baltique et la Mediterranee aux XVIe et XVIIe siecles. Gdansk et l'Italie. — In: Histoire economique du monde mediterranean 1450—1650. Melanges en l'honneur de F. Braudel. Paris, 1973, p. 537—545.

Таблица 2 Вес и цена одного печеного хлеба во Флоренции 1575—1578 гг.

(по данным «Дневника» Ардити) *

дата	Вес	Цена	Страница источника
IV 1575	1 унция		44
VIII 1576	2 фунта	8 кватринов	118
III 1578	18—19 унций	—	201
III-IV 1578	23 унции	—	181
IV 1578	10 унций	—	181
V 1578 (начало месяца)	1 — 5 унций	—	181
V 1578 (конец месяца) ²	18—19 унций	8 кватринов	181

¹ G. A. G. i. t. i. Diario di Firenze e di altre parti della cristianita (1574—1579) a cura di R. Gantagalli. Firenze, 1970.

² «Производили плохой, с примесями хлеб» («Faccendo un brutto e mal pane»).

фиксирует факты недостатка хлеба во Флоренции в 70-х годах XVI в. Цены на зерно колеблются в 1576—1579 гг. от 3 лир за стайо до 4—5; на муку — от 4 лир до 5 лир 8 сольдов (табл. I).¹³⁴ Последняя цифра расценивается автором «Дневника» как «невиданный случай»,¹³⁵ т. е. необычно высокая цена, хотя через 3 месяца цена стайо муки еще более возрастает (до 15 лир 18 сольдов).¹³⁶ Эту высокую цену ввели не без участия великого герцога Тосканского, который, учитывая острую нехватку хлеба и не желая допустить волнений, в декабре 1579 г. приказал направить на флорентийский рынок муку из своих хранилищ. Не без сарказма Ардити пишет об этом: «Вот какое благодеяние сделал он для народа!». ¹³⁷ Был и другой способ выколачивания доходов при продаже хлеба на внутреннем рынке — снижать вес в единицах выпечки (pane, la coppia del pane) при сохранении цены на каждую единицу. В хорошие времена вес отдельного хлебца доходил до 2 фунтов при стоимости 8 кватринов, но если вес падал [до 18—19 унций, то цена сохранялась].¹³⁸ Иногда вес каждой единицы хлеба падал до 10.5 унций и ниже или при общем весе в 18—19 унций ¹³⁹ значительную часть хлеба составляли низкокачественные примеси (табл. 2).¹⁴⁰ Воздорожание хлеба в 70-х годах XVI в. во

¹³⁴ B. A. G. d. i. t. i. ¹³⁶ Ibid. p. 211.

p. 219, 220.

p. 220.

p. 118, 181.

Diario.

p. 118, 181, 194, 201, 210, 211, 219, 220.

¹³⁹ Ibid.

¹³⁷ Ibid.

¹³⁸ Ibid.

¹³⁹ Ibid.

p. 44, 118, 181, 201.

¹⁴⁰ «Faccendo un brutto e mal pane» (B. A. G. d. i. t. i. Diario. . . , p. 181).

42

Таблица 3

Цены на продукты питания во Флоренции 1574—1578 гг. (по данным «Дневника» Ардити)¹

Дата	Продукт	Количество	Стоимость	Страница источника
VII 1574	Фрукты, овощи (фасоль и др.)	—	« . . . все . . . предметы питания стали дорогими » ²	8
II 1575	Говядина	—	5 сольдов	84
	Телятина, баранина	—	7 »	84
IV 1578	Вино	1 бутыл	3 лиры	179
VI 1578'	Вино, хлеб	1 »	4 » «Были значительно повышены цены	182

IX 1578	Фрукты, овощи	—	на зерно и также на вино» ³ «Фрукты и овощи, необходимые для питания, вздорозали все» ⁴	188
IX 1578	Вино	1 бутылъ	7 лир	194
IX 1578	Вино (в тавернах)	1 фьяска	8 сольдов	194

¹ B. Ardit. Diario di Firenze e di altre parti della cristianita (1574—1579) a cura di R. Cantagalli. Firenze, 1970.

² «Tutte ... cose da mangiare a l'avente care».

³ «Fece salire ol grano e così el vino di preggio assai». ' «I fruttami da mangiare ... cari tutti».

Флоренции вызвало общий рост цен на другие продукты питания? фрукты, овощи, бобовые, вино, мясо (табл. 3).¹⁴¹ Стоимость меры вина (some) выросла в сентябре 1578 г. в 2—2.5 раза при сопоставлении с апрелем того же года (с 3—4 до 7 лир).¹⁴² Цены поднимались искусственно, независимо от урожайности, чтобы не потерпеть убытков по сравнению с международным зерновым рынком (табл. 4). В июне 1578 г., по словам Ардити, «уродилось небывало много винограда, а также зерна ... повсеместно собран хороший урожай пшеницы и ячменя»,¹⁴³ однако цены на вино выросли вдвое, цена на муку не снизилась и на хлеб снизилась только на 25% по сравнению со временем, предшествовавшим урожаю.¹⁴⁴ Политика цен хотя и проводилась не без учета урожайности, но определяющим ее фактором была потребность зерна на чужеземных рынках, где условия «революции цен» создали небывало благоприятную обстановку для поставщиков зерна. В неурожайном 1579 г.,

когда

¹⁴¹ Ibid., p. 8, 84, 179, 181, 182, 188, 194.

¹⁴² Ibid., p. 179, 181, 194.

¹⁴³ Ibid., p. 183.

¹⁴⁴ Ibid., p. 183, 194, 201.

43

Таблица 4

Урожайность во Флоренции 1575 — 1579 гг.

(по данным «Дневника» Ардити)¹

Дата	Состояние посевов и результаты урожая	Страница источника
X 1575	«Невиданное за всю мою жизнь обилие продуктов. . . пшеницы, ячменя и овса, масла и вина» ²	102
V 1575	«Нет надежды на хороший урожай» ³	153
VII 1577	«Урожай не получился хорошим» ⁴	163
II 1578	«Последовали западные ветры и сирокко, несколько засушившие поля» ⁵	•200
III-IV 1578	«Зерно наливается хорошо для своего сезона» ⁶	202
IV 1578	«Виноградные лозы повреждены морозом» ⁷	179
VI 1578	«Уродилось небывало много винограда, а также и зерна» ⁸	183
VI 1578	«Повсеместно собран хороший урожай пшеницы и ячменя» ⁹	183
VII 1578	«Буря с градом такой небывалой величины, что доходил до 4 фунтов веса ... он побил все каштаны, оливы и ... посе́вы зерна (и в июне прошли и в Ферраре)» ¹⁰	185
VII— VIII 1578	«Была благоприятная погода» ¹¹	188
VIII— IX 1578	«Была необычайная жара и не было дождей ... последовала необычная превеликая засуха» ^{1a}	188—189
XI 1578	«Постоянные ливневые дожди ... в контадо затоплены засеянные участки земли» ¹³	197
XI— XII 1578	«Обильный урожай винограда и фруктов» ¹⁴	208

VII 1579	«Во Флоренции была великая нехватка хлеба» ¹⁶	210
VII 1579	«Обилие продуктов ... за исключением хлеба» ¹⁶	211
X 1579	«Герцог . . . направил на рынок муку из своих хлебных запасов» ¹⁷	219—220

¹ B. A r d i t i. Diario di Firenze e di altre parti della cristianita (1574—1579) a cura di R. Cantagalli. Firenze, 1970.

² «Abundanzia di frutte non vidi mai in vita mia . . . di grano, orzo e blade, olio e vino».

«Non dava speranza alia ricolta».

«Le ricolte non riuscivono bene».

«Seguitandq venti ponenti e cirocchi, e'guali poco rasdiugavano le campagne».

«El grano rivilio assai rispetto a la stagione».

«Le viti avevano patito per il freddo».

«Apparse tante uve ch'd cosa miracolosa, e cosl del grano».

«Fu la ricolta del grano e orzo buona universalmente»

groseza

«Un temporale tanto istrano di gragnola . . . La quale gragnola era si smisurata i che pasava el peso di 4 libre . . . battendo e'castagni e li olivi . . . e i granl»,

(i giugno pasato a Ferrara). «Andorno di bella istagione».

«Furno caldi grandlssimi e non piovve», «seguito una gran secco straordinario». «Continuvo plover . . . pel contado . . . sofocando di molti poderi semina[t]i». «Apariva universalmente una grande abondanzia d'uve, frutte». «Nella citta di Firenze si stette con grandissima penuria di pane». «Grande abondanzia di fruttame . . . eccetto ch'el pane». «II Duca . . . messe la farina in piazza del suo grano».

44

под страхом смертной казни было запрещено вывозить хлеб из Папского государства, тосканские власти дают указание о вывозе хлеба на испанские рынки, имея в виду высокие прибыли. С естественным для этой обстановки горьким сарказмом старый популан Ардити замечает: «Для того чтобы помочь Испании, которая умирает от голода, не жаль опустошить Тоскану!». Таким образом, вывоз зерновых в Испанию и Францию происходил не от изобилия зерновых товаров на внутреннем рынке, откуда нередко изымалось зерно, крайне необходимое итальянцам.

Этим же объясняется и приобретение хлеба на зерновых рынках некоторых стран Восточной Европы, как уже было сказано. Относительно дешевый хлеб этих стран производился в условиях усиления крепостнических форм феодальной эксплуатации,¹⁴⁵ что происходило не без воздействия раннего капитализма Западной Европы. Однако не менее важным было и обратное влияние экономики восточноевропейских стран на процесс развития раннего капитализма в западноевропейских странах. Во многом оно определялось направлением и содержанием товарных потоков, отвечавших потребностям стран Западной Европы.¹⁴⁶ Восточная торговля была сферой внешнеторговой деятельности купеческого капитала западноевропейских стран, который, овладевая внешними рынками, способствовал развитию промышленности. Речь идет не только об Англии и Голландии, но и об Италии. Из Западной Европы на восточные рынки помимо вина, соли, сельди шло сукно, полотно, шелк, тафта. Среди текстильной продукции, направляемой на восточные рынки, были и ткани из Флоренции, Лукки, Венеции, Болоньи и Генуи. Немалую роль играли также заокеанские колониальные товары (пряности, табак), их экспорт на Восток помогал в общем процессе первоначального накопления на Западе.

Весьма интересным был состав товарных потоков из стран Восточной и Северной Европы на Запад: железо, медь, лес, лен, смола, деготь, т. е. предметы, без которых невозможно широкое судостроение; в частности, древесина, пригодная для постройки кораблей, шла 'из Польши, Прибалтики, Швеции, мачтовый лес — из России и Норвегии. Кроме тканей из Италии в Московское государство шли квасцы, бумага, стекло, оружие и другие товары. В Италию направлялись русские меха, икра, воск.¹⁴⁷ В целом с середины XVI до середины XVII в. экспорт товаров из Западной Европы уступал импорту.

Таким образом, Запад

¹⁴⁵ Ibid., p. 211.

¹⁴⁶ X. A. П и и р » м я э. О влиянии балтийской торговли на процесс генезиса капитализма в Западной Европе (конец XVI —XVII в.). — В кн.: Проблемы генезиса капитализма, М., 1970, с. 14—15.

¹⁴⁷ И. С. Ш а р к о в а. Заметки. . ., с. 205—206.

45

имел пассивный торговый баланс, который покрывался за счет вывоза драгоценных металлов. Это свидетельствует о насущной необходимости западноевропейских стран в товарном обмене со странами Восточной Европы в период раннего капитализма, накануне нового времени."''

¹⁴⁸

¹⁴⁸ X. A. П и и р м я э. О влиянии балтийской торговли. . ., с. 18— 21, 41, 46, 50—55. — Проблеме влияния хозяйственного развития стран Восточной Европы на процесс эволюции раннекапиталистических отношений в Западной Европе посвящён интересный доклад венгерского ученого З. Паха на IV конгрессе экономической истории в Блумингтоне (США) в 1968 г. (S. P. P a c h. Favourable and unfavourable conditions for capitalist growth: the shift of international trade routes in the 15—17th centuries (ротапринт)). Сопоставление социально-экономических структур стран Западной и Восточной Европы см.: M. M a l o w i s t. Wsch6d a Zachod Europy w XIII — XVI wieku.

ФИНАНСЫ

ОТ ТОРГОВЫХ ЯРМАРОК К ФИНАНСОВЫМ

Крайнее разнообразие отдельных районов Италии не исключало их тяготения друг к другу, что было выражением экономической закономерности. Потребность товарообмена еще в период средневековья подтверждают ярмарки, на которых встречались купцы разных итальянских городов. От города к региону — таков был итальянский, хотя и не только итальянский, способ решения экономических и политических проблем на пути к централизации.¹⁴⁹ Экономическая и политическая централизация в региональных пределах не всегда совпадает по времени и месту. Уже в условиях феодализма возникает необходимость в создании международных связей, классическим образцом которых являются Шампанские ярмарки. Межрегиональные ярмарки предшествуют централизации государств, они появляются, когда торговые и денежные проблемы решаются в масштабах нескольких экономически связанных между собою стран. Затем отдельные централизованные государства активно вмешиваются в дело организации и проведения ярмарок, превращая их в национальные институты.¹⁶⁰

Во второй половине XV в. намечается значительная интенсификация торговых и обменных операций, что приводит к продлению срока деятельности ярмарок (до 6 недель). С XVI в. они утрачивают торговый характер, сворачивают деятельность (например, в Женеве) или превращаются в финансовые ярмарки.¹⁵¹ Так, с XV в. Лион, стоявший на перекрестке путей Средиземноморья и Атлантики, стал одним из главных торгово-менных рынков Западной Европы. В XVI в., когда во Франции наступил исходный этап первоначального накопления, этот рынок играл особо важную роль. Главными источниками прибылей во Франции были финансовые операции, хотя в XVI в. они еще не отделились от торговли. Финансово-ростовщический капитал широко применялся в кредитовании государства. Все эти черты приложимы к характеру и деятельности Лионских ярмарок, где в XVI в. большую роль играли итальянские купцы и банкиры, выступавшие (через Лион-

¹⁴⁹ «Une solution à l'italienne» (J.-G. Da Silva. Banque et credit. . ., p. 415).

¹⁶⁰ F. P e r g o u x. Economic et societe. Paris, 1960, p. 11—12, 29—31.

¹⁶¹ J.-F. B e r g i e r. Geneve et l'economie europeenne de la Renaissance. Paris, 1963, p. 219, 435.

47

скую биржу) в качестве кредиторов французского правительства.¹⁵² О необходимости займов убедительно говорят следующие данные: с 1461 по 1558 г. финансовые средства, полученные правительством от кредиторов, выросли в 10, а к 1589 г. — в 17 раз.¹⁶³

В Лионе совершались крупные кредитные и другие финансовые операции, он выступал в качестве видного центра посреднической торговли. В 1540 г. благодаря установлению таможни Лион стал распределительной базой сырья для шелковой промышленности. В результате торгово-банковской деятельности город накопил огромные капиталы. Только гражданские войны подорвали его активность, что имело и положительную сторону — из банковско-ярмарочного центра Лион превратился в город шелководства.¹⁵⁴

Несмотря на международное значение Лионских ярмарок, на которых совершались крупные финансовые сделки банковскими компаниями разных стран, их характер и методы деятельности были еще средневековыми как по технике, так и по методу сочетания торговой, ростовщической и банковской активности. Дифференциация, выделение финансовой деятельности в особую отрасль, подтверждающая существенный перелом в экономике, произойдет на итальянской почве и будет свидетельствовать о процессах, характерных для экономики кануна нового времени.

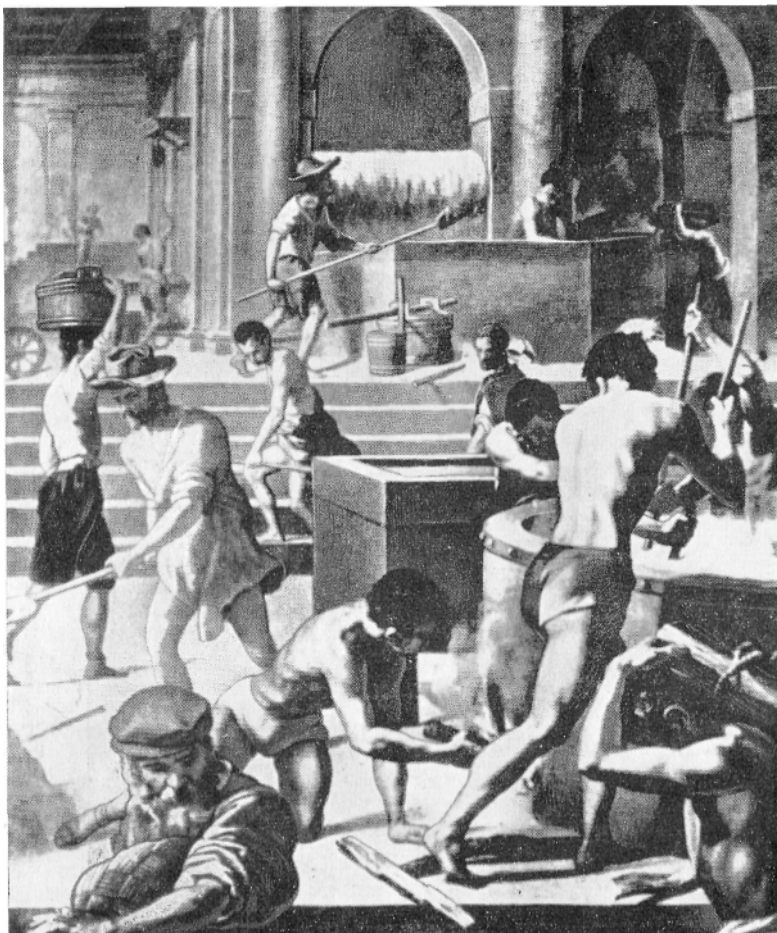
ОБЩЕИТАЛЬЯНСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ ЦЕНТР

Этот перелом был связан с разрывом отношений между Лионом и итальянскими деловыми кругами. Причиной его были политические события, приведшие к изгнанию итальянских купцов и банкиров из Франции. Если это и не означало окончательной потери былых связей, итальянцы не могли рассчитывать на постоянное участие в Лионском финансовом центре. Поэтому банковские круги Италии и прежде всего Генуи стали искать возможности для организации нового центра для денежного рынка, который находился бы вне политической и национальной зависимости отдельных государств. Вначале их взоры были направлены на территорию Савойского герцогства, однако в 1534 г. не без происков Франции генуэзцы были оттуда изгнаны. После этого и возник проект обосноваться в Безансоне, имперском городе во Фрашп-Конте, расположенном весьма выгодно для Италии (в 390 км

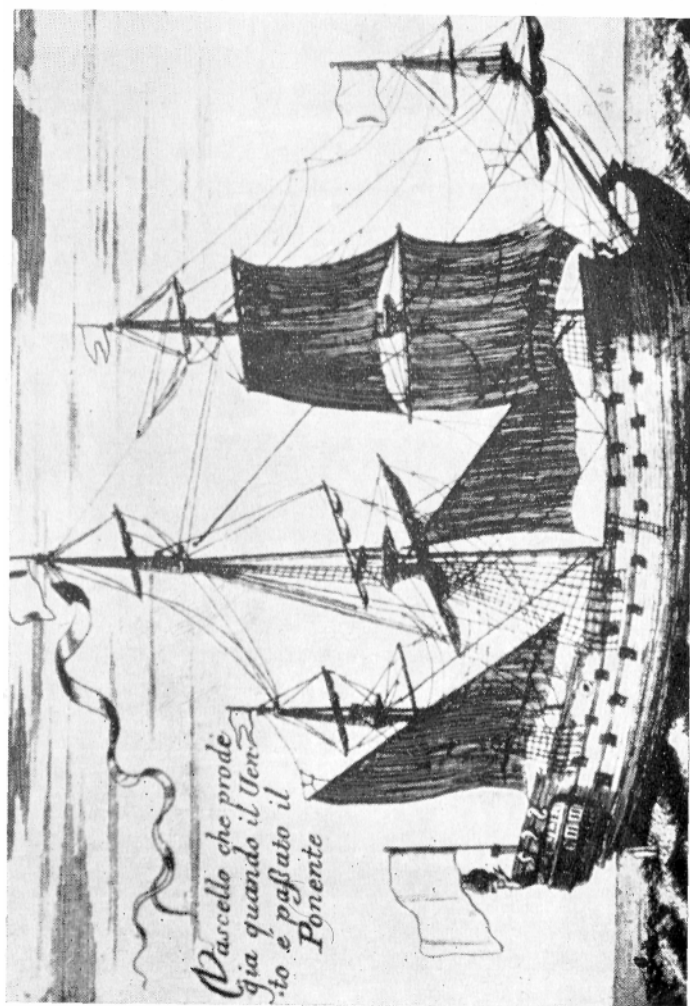
¹⁵² А. Д. Л т о б л и п с к а я. Франция в начале XVII в., с. 23, 34, 35, 41, 79; F. B a u a r d. Les Bonvisi, marchands banquiers a Lyon, 1575—1629. Annales, 1971, № 6.

¹⁵⁸ J.-G. Da Silva. Banque et credit. . ., p. 468.

¹⁶⁴ Т. П. Воронов а. Социально-экономические отношения и классовая борьба в Лионе в первой половине XVII в. — В сб.: Средние века, вып. VI, 1955, с. 255—257.

Сукнодельная мастерская. Фреска Мирабелло Кавалори. XVI в. Палаццо Вискьо. Флоренция.

*Navcello che prode
gia quando il Ven-
to e pasato il
Ponente*

Торговый корабль. Гравюра XVI в.

Фердинанд I Медичи. Работа Алессандро Аллори.
XVI в. Галерея Палатина.

Банкиры. Немецкая гравюра XVI в.
от Генуи) и не очень далеко от Лиона (в 180 км). 2 февраля 1535 г. правители Генуи обратились к

властям и купцам Безансона с предложением об организации там биржи, на что безансонский магистрат в письме от 25 февраля 1535 г. в весьма теплой форме ответил согласием. Однако по здравому размышлению генуэзцы пришли к убеждению, что это решение может привести к беспокойствам и убыткам, и снова, через Карла V, стали искать возможностей устройства такого центра в Савойе.¹⁵⁶ Безансон, где происходили ярмарки, так и не стал постоянным центром международных финансовых операций, представители финансового мира собирались в разные годы в различных городах (в Безансоне, Пон-тарлье во Франш-Конте, Шамбери, Триденте, Полинья, Риволи, Асти, Ивреа, с 1579 г. в Пьяченце, с 1622 г. в Нови). Кочующий финансовый рынок был метко назван Бернардо Даванцати «ярмаркой без места» («fiere senza luogo»).¹⁵⁶ Географическое непостоянство этого общеевропейского финансового центра вовсе не означало его эфемерности или слабости, он являл собой реальный и достаточно весомый фактор экономической жизни Италии и Европы XVI в. Независимо от того, в каком городе действовал этот финансовый центр, он носил в Италии название «Безансона» (Bisenzone), что дало повод Да Сильва, подробно исследовавшему его деятельность на всех этапах, именовать «Безансон» «утопией» в буквальном смысле слова, т. е. местом, которого нет.¹⁵⁷ Но это была самая реальная из всех утопий.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ФОНДОВАЯ БИРЖА

Истинным хозяином нового финансового центра была Генуя, ее банк Сан Джордже (Casa di San Giorgio), участие которого в Лионских ярмарках было достаточно широким еще до организации «Безансона».¹⁵⁸ «Мы являемся хозяевами денежных рынков и как таковые диктуем им законы», — писал генуэзский сенат своему послу.¹⁵⁹ Тосканские, венецианские и миланские банковские деятели, формально считавшиеся равноправными, при несогласии с генуэзским руководством могли применить единственный способ протеста — уход с очередной сессии «Безансона», что они нередко и делали. Генуэзская гегемония основывалась на экономических преимуществах: мощной финансовой машине банка Сан Джордже и, главное, на идущем из-за океана испанском зо-

¹⁵⁶ D. G i o f f r e. Genes et les foires de change. De Lyon a Besanjon. Paris. 1960, p. 112—147.

¹⁵⁶ B. D a v a n z a t i. Notizia de' Cambi. Padua, 1754, p. 112.

¹⁵⁷ J.-G. Da S i l v a. Banque et credit. . ., p. 305.

¹⁵⁸ M. Bresard. Les foires de Lyon aux XVe et XVIe siecles. Paris, 1914, p. 69—71; A. Kleinclausse. Histoire de Lyon, vol. I. Lyon, 1939, p. 380—382.

¹⁵⁹ «Noi siamo padroni delle fiere, e come tali facciamo loro le leggi» (см.: J.-G. Da S i l v a. Banque et credit. . ., p. 52).

4 В. И. Рутенбург

лите. Экономическая сила других партнеров Генуи также определяла их место и уровень фактической автономии. Так, главенствующее положение Тосканы, прежде всего Флоренции и Лукки, базировалось на ее широко разветвленной торговле, больших резервах денежных капиталов, многовековом банковском опыте. К тому же Тосканское герцогство было обладателем порта Ливорно, через который шел значительный поток товарной массы, включая драгоценные металлы. Достаточно независимо чувствовали себя Миланское герцогство и особенно Венеция. Уход одного из членов международной фондовой биржи с очередной ее сессии был равносителен, если говорить о ведущих государствах, временному оставлению этого общегитальянского финансового центра и организации денежных рынков на своей территории. Тосканцы проводили их в Ливорно, Лукке или Прато, венецианцы — в Вероне. Однако в течение 80 лет противоречия участников «Безансона» не привели к окончательному разрыву, и только в 1622 г., когда центр финансовых расчетов был перенесен генуэзцами из Пьяченцы в Нови, тосканцы и миланцы не последовали за ними и остались в традиционном месте, рассматривая пьячен-тийский плацдарм как подходящую почву для демонстрации своей политической независимости и финансовой автономии.

Принципы деятельности «Безансона» изучались и обосновывались в экономических трактатах учеными-юристами Сиджисмондо Скачча (1556—1618) и Рафаэле делла Торре (1578—1666). Они рассматривали проблемы законности контрактов по обмену (cam-bio con la ricorsa, cambio con continuazioni), практиковавшихся на финансовых ярмарках вплоть до периода Нови.¹⁶⁰

Кроме трактатов в XVI в. появляются новые финансово-экономические теории в школах таких схоластов, как испанец Луис Молина (1535—1601), бельгиец Леонард Лессиус (1554—1603). В Саламанкском университете изучаются проблемы свободы обмена и уровня цен и их зависимость от спроса и предложения, а также направление денежных потоков в разных странах. В Южной Италии палермитанец Антонио Диана (1585—1665) и неаполитанец Марио Палескандоло (1542—1622) рассматривают вопросы банковских операций и ростовщичества.¹⁶¹

В конце XVI—XVII столетий продолжается активная деятельность итальянских исследователей в области финансовой теории, наблюдается дальнейший расцвет финансовой мысли. Виднейшие ее представители вносят новый вклад в теоретическое осмысление и практическое применение более

развитых форм двойного счета. Философ, юрист и теолог Лодовико Фьори (1579—1647), родившийся в перуджинских землях и обосновав-

¹⁸⁰ R. de Roover. *La pensee economique des scolastiques. Doctrines et methodes.* Montreal—Paris, 1971, p. 35.

¹⁸¹ R. de Roover. *La pensee economique. ...*, p. 31—34.

50

шийся с 1610 г. в Сицилии, станет одним из наиболее видных и интересных теоретиков финансовой науки. Описывая двойной счет, практиковавшийся в итальянских монастырях, он впервые обосновал систему оплаты по долям (*ratei*) и переучет векселей (*risconti*). В его работах дано описание и сопоставление «журнала» (*giornale*) и «главной книги» (*libro maestro*),¹⁶² сочетание которых приведет к качественному скачку в теории и практике европейской бухгалтерии.¹⁶³ Весьма ценными являются также сочинения Анджело Пьетри и Джованни Доменико Пери, которые разработали проблемы бухгалтерии частного хозяйства (*azienda*). Наиболее важным был труд флорентийского писателя Бастиано Вентури, вышедший в 1653 г.¹⁶⁴ Именно он сделал первый шаг по пути объединения журнала с главной книгой (*giornale* — *libro maestro*, по его терминологии), что было в конце следующего, XVIII в. подхвачено и развито во Франции Эдмоном Дегран-жем,¹⁶⁶ которого обычно рассматривают как первооткрывателя этого метода. Если разработка и углубление метода Дегранжем дают основание считать его французским, то совершенно необоснованно в теории бухгалтерии его называют американским. Таким образом, итальянская финансовая мысль XVI—XVII вв. оказала существенное воздействие на развитие финансово-бухгалтерской науки в Европе накануне нового времени, передав эту эстафету буржуазной Франции (Э. Дегранж) и в меньшей степени Англии (Э. Т. Джон) и Германии (С. Г. Майснер). Впрочем, существует не лишнее оснований мнение, что некоторые разделы финансовой науки пополнялись в XVIII в. и итальянскими теоретиками, в частности Форни, которому принадлежит одна из первых, если не первая попытка алгебраического описания бухгалтерского учета.¹⁶⁶ Развитие финансовой теории и бухгалтерской практики способствовало появлению фондовой биржи.

Фондовая биржа (*fiera di cambio*) имела четкую и строгую организацию. Во главе ее стояли консул и два советника (всегда генуэзцы), которым фактически подчинялась ассамблея, состояв-

¹⁶² L. Flori. *Trattato del modo di tenere il libro doppio domestico col suo esemplare.* Palermo, 1633 (ed. 2, Roma, 1677).

¹⁶³ F. Melis. *Storia della ragioneria.* Bologna, 1950, p. 683—691.

¹⁶⁴ B. Venturi. *Della scrittura conteggiante di possessioni.* Firenze, 1653.

¹⁶⁶ E. Degrange. *La tenue des livres rendue facile.* Paris, 1795. — Во Франции вышло 26 изданий этой книги, в Италии два перевода — в 1837 и 1862 гг. Полная и окончательная формулировка французского метода Дегранжа была им фактически дана только в 1804 г. в его «Дополнении» к указанной книге (*Supplement*, 1804).

¹⁶⁶ G. Forni. 1) *Trattato teorico pratico della vera scrittura doppia.* Pavia, 1790 (ed. 2 — 1794); 2) *Corso d'istruzione relativo alla militazione della professione di ragioniere co'suoi corrispondenti opportuni esemplari.* Pavia,

51

4*

шая из банкиров биржи (*banchieri di fiere*). Последние вносили залог в 4 тыс. золотых, кроме того, они должны были иметь поручителей и получить при выборах не менее 2/3 голосов. Итак, ассамблея состояла из крупнейших финансовых воротил. Большую роль играли «купцы счета» (*mercanti di conto*), вносившие залог в 2 тыс. золотых, они определяли курс обмена денег, обсуждали текущие финансовые проблемы и предложения консула. Будучи главными движущими пружинами биржи, они, однако, не входили в ассамблею, выполняя роль «мозгового треста» опытных профессионалов. Консула и одного из советников назначал, сенат Генуи, второго избирали «купцы счета». Консул своей властью назначал канцлера биржи, нотарию, обычно генуэзца, хотя иногда и из других городов (Флоренции, Милана). Ведущая головка фондовой биржи состояла из 30 «банкиров» и купцов, иногда их число доходило до 50—60, а в 1603 г. достигло лишь 20 человек. Обычно сессия фондовой биржи длилась 8 дней: в первый день проводился учет дебиторов и кредиторов (*scartafacci*), во второй составлялись балансы, в третий устанавливался курс денег и сроки платежей, четвертый приводил к подсчету количества денег, наличных на бирже, операциям по обмену и поручительствам при выплатах по векселю, в пятый производилась оплата долгов и подсчет итога оплат, шестой был занят составлением нового баланса кредитов, который обеспечивал бы компенсации по протесту векселей; баланс должен был полностью быть готов не позднее седьмого, предпоследнего дня сессии, когда производилась выдача расписок по отсрочкам векселей, и, наконец, восьмой день отводился на ознакомление с балансом консула и на закрытие ассамблеи. В первые три дня производили публичные операции, в последние четыре — частные.¹⁶⁷ На сессии фондовой биржи не только устанавливался курс денег, но и подписывались

новые финансовые соглашения и совершались переводы денег.

Обычно ассамблеи собирались четыре раза в год: в день св. Марка, Иоанна Крестителя, св. Карла и св. Девы Марии. Об объеме сделок можно судить по следующим данным: во второй половине XVI в. (в 1581 г.) обмену подлежало 37.5 млн золотых (в среднем 9 млн на каждой из четырех сессий), в первой половине XVII в. (1625—1628 гг.) — около 500 тыс., в конце XVII в. — всего 80—240 тыс.¹⁶⁸ Исходя из количества «банкиров биржи», -----

/)

¹⁶⁷ G. Andriani. Le fiere di cambio genovesi. Genova, 1931; U. B e n a s s i. Per la storia delle fiere dei cambi. Bolletino storico piacentino, № X, 1915, fasc. I, p. 4—16; fasc. II, p. 60—72; G. M a n d i c h. 1) Delle fiere genovesi di cambi particolarmente studiate come mercati periodici del credito. Rivista di storia economica, vol. IV, 1939, № 4, p. 225—277; 2) Formule mone-tarie veneziane del periodo 1619—1650. Studi in onore di Armando Saporì, vol. II, Milano, s. d., p. 1143—1183; J.-G. Da S i l v a. Banque et credit. . ., p. 14—16, 22, 32—36, 51—85, 131—133.

¹⁶⁸ J.-G. Da S i l v a. Banque et credit. . ., p. 135, 138.

52

любой из которых представлял банковскую компанию, и приведенных цифр, можно прийти к выводу: в среднем каждая банковская компания обменивала в XVI в. до 600 тыс. золотых, в первой половине XVII в. — около 20 тыс., в конце XVII в. — 4—10 тыс.

Весьма показательна сфера влияния фондовой биржи на государства Италии и другие страны Европы. С ней были связаны, а значит фактически подчинялись ее решениям о денежном курсе, 18 крупных городов Италии (Анкона, Бари, Больцано, Болонья, Бергамо, Венеция, Генуя, Лечче, Ливорно, Лукка, Мантуя, Мессина, Милан, Неаполь, Палермо, Рим, Турин, Флоренция, не говоря о более мелких — Прато и других), 7 городов Испании (Барселона, Валенсия, Кадис, Медина дель Кампо, Мадрид, Сарагоса, Севилья), 3 немецких города (Аугсбург, Нюрнберг, Франкфурт-на-Майне), 1 французский город (Лион), 1 английский (Лондон), 1 португальский (Лиссабон, в начале XVII в.), 1 голландский (Амстердам, с середины XVII в.), 1 австрийский (Вена, в конце XVII в.). Этот размах характеризует деятельность итальянской фондовой биржи как международного организма несмотря на то, что некоторые из названных городов иногда выпадали из сферы ее влияния на несколько лет, другие были связаны с ней несистематически или недостаточно прочно.¹⁶⁹

О реальном воздействии международной фондовой биржи на экономику (и политику) разных стран Западной Европы и Италии, в частности, свидетельствуют некоторые страницы «Дневника» Ардити. В период «чистого Безансона» (до фиксации денежного обменного центра в Пьяченце), 1 ноября 1574 г., во Флоренцию прибыл посол Генриха III с большим количеством драгоценностей для передачи их великому герцогу Франческо Мариа Медичи. Они были присланы под обеспечение счетов «банкиров биржи» из банковских компаний, представлявших французскому королю крупные займы «в Лионе, Шамбери, Безансоне и других подобных местах», т. е. в тех центрах, где под условным наименованием «Безансон» систематически происходили сессии международной фондовой биржи.¹⁷⁰ Очевидно, покрытие долгов французского короля таким способом было результатом выполнения требований, вытекавших из подведения международного баланса кредита и дебета на очередной сессии «Безансона». А через 10 дней после этого была закрыта, не без давления «Безансона», денеж-

¹⁶⁹ J.-G. Da S i l v a. 1) Strategie des affaires a Lisbonne entre 1595 et 1607. Paris, 1956; 2) Banque et credit. . ., p. 114—116; H. L a p e y r e. Contribution a l'histoire de la lettre de change en Espagne de XIVe & XVIIIe siecle. — Anvarip de historia economica social. Madrid, 1968, № 1.

¹⁷⁰ «Dette gioie e sicurassi alcune ragione di mercanti, e'quali aveyono a prestare gran quantita di danari a detto Erigo, com'erano mercanti di Lione, e di Camber'i e di Bisanzone ed' altri simil luoghi, dove si faceva e negoziavasi del continuo» (B. A r d i t i. Diario. . ., p. 30).

53

но-обменная биржа в Пизе, существовавшая с 1561 г. Еще более показательны для каждого из государств и городов, входивших в систему международной фондовой биржи, решения ее сессий о денежном курсе и оплате долгов. Примером тому может служить Тоскана, которая в октябре 1574 г. переживала период «узкого» денежного рынка.¹⁷¹ После решения сессии «Безансона» тосканские компании должны были погасить крупную задолженность, но, не имея для этого достаточных средств, потерпели финансовый крах.¹⁷² компания Бернардини в Лукке, задолжавшая 400 тыс. дукатов, разорила многие банки флорентийского Нового рынка — Карнесекки, Строцци, Мартелли, Каппони, Нери, задолжавшие более 100 тыс. дукатов, затем — Бернардо Строцци в Пизе и др.¹⁷³ Это экономическое потрясение не ограничилось банковскими компаниями. Паника привела к тому, что все прочие флорентийские банки, а также и владельцы мастерских прекратили выдачу денег и даже не произвели обычной субботней оплаты наемным рабочим и

ремесленникам.¹⁷⁴ Подземные толчки, эпицентром которых была международная фондовая биржа, докатились до самых низов итальянского общества. Только заем в 100 тыс. дукатов, который великий герцог предоставил компаниям Нового рынка, предотвратил хозяйственный крах и возможные волнения. На Новом рынке появились снова шелк и сукна.¹⁷⁵ Крах компаний в XIV в. вел за собой разорение коммуны; в иных политических условиях, в XVI в., накануне нового времени, положение мог спасти абсолютистский хозяин Тосканы.¹⁷⁶

Откуда же черпали свои силы международная фондовая биржа, действовавшая в Италии, и ее истинный хозяин — Генуя, что было источником их экономической мощи?

испанское золото

«Денежные обменные рынки — это сердце, которое дает мистическому телу Политики пищу, движение и жизнь. Это центр, в котором объединяются все стороны деятельности всех наций,

¹⁷¹ «La piazza stretta» (букв. «узкая площадь», т. е. рыночная площадь, где производились оплаты векселей, обмен денег и т. п.) означало нехватку денег и драгоценностей (узкий или скудный рынок). «La piazza largha» — обилие денег и драгоценностей (широкий или обильный рынок).

¹⁷² «In questi primi giorni d'ottobre, si scopersero certi fallimenti pe'rispetto de'pagamenti, che corevono di Bisanzone» (В. А г д и т и. Diario. . ., p. 26).

¹⁷³ Ibid.

¹⁷⁴ «A tale che questi ispaventati fecion la piazza tanto istretta che i cassieri de'banchi ed altri mercanti bottegai pativano el sabato nel pagare e'poveri artieri» (ibid.). f~\

¹⁷⁵ Ibid.

¹⁷⁶ «Padrone assoluto el duca Francesco Maria» (ibid., p. 108). — Характерна также перестройка старых банков Италии в XVI в., примером чего может служить Монте деи Паски в Сиене, реформированное в 1568 г. (см.: А. Saporì. Divagazioni su Siena. — Note economiche, 1972, № 5—6).

54

все, что их разделяет и различает. Это океан, из которого вытекают и в который впадают все потоки торговли», — писал в своем трактате «Негоциант» генуэзец Джованни Доменико Перри в первой половине XVII в.¹⁷⁷

Так и международная фондовая биржа была сердцем, фокусом хозяйственных и политических связей разных европейских стран, и прежде всего Италии и Испании. В XVI в., особенно во второй его половине, Генуя стала общеевропейским хозяином распределения драгоценных металлов, идущих в Испанию из Америки. В 1525—1535 гг. сказались первые ощутимые результаты потока драгоценных металлов, прибывающих в Севилью: он значительно ускорил международный золотой обмен и оборот платежей, ранее обеспечивавшихся за счет внутриитальянских сбережений главным образом Тосканы и Генуи. Этот прошлый этап можно считать по методам и масштабам — средневековым; новый период, который открывает поток испанского золота из-за океана, — период кануна нового времени. На грани этого периода и родился «Безансон» — международная фондовая биржа, новое явление в области организации и концентрации банковского капитала в Европе XVI в. Генуэзские банковские деятели вывозили драгоценные металлы из Испании, но и проводили мобилизацию золота в Италии. Драгоценные металлы играли не эпизодическую роль — они были существенным фактором реальной силы международной фондовой биржи и отдельных банковских компаний, входивших в сферу ее деятельности.¹⁷⁸

Только одна из них, компания Бартоломеи, оплатила счета или обменяла в 1591—1596 гг. 51 тыс. золотых, в 1601—1605 гг. — 46 тыс., в 1606—1610 гг. — 57 тыс., в 1611—1615 гг. — 64

тыс. «Средством оплаты до 1595 г. была монета пьенчентийской чеканки, а также золотые монеты «шести чеканок»: Испании, Генуи, Венеции, Неаполя, Флоренции и Антверпена.¹⁸⁰ Однако все решал золотой поток из Испании. Драгоценные металлы шли оттуда систематически, опоздание золотого груза к очередной сессии биржи нередко вело за собой банкротства. Эти задержки были связаны с транспортными трудностями и опасностями в пути. Флот должен был совершить путь из Испании в Америку, а потом с грузом золота обратно, обычно в Севилью. Затем часть драгоценного груза шла в Барселону, откуда его направляли в Геную. Другие

¹⁷⁷ «Le Fiere de'cambii sono il cuore da cui il corpo mistico della Politica riceve alimento, moto e'vita. Sono il centro in cui s'uniscono tutte le linee delle Nationi, tutto che tr& di loro divise, e'diverse. Sono l'Oceano da cui hanno origine, et in cui hanno termine tutte l'acque correriti de'Negotij» (G. D. Peri. II Negotiants. Цит. по: J.-G. Da S i l v a. Banque et credit. . ., p. 283).

¹⁷⁸ J.-G. Da S i l v a. Banque et credit. . ., p. 17, 32, 150.

¹⁷⁹ Ibid., p. 142.

¹⁸⁰ G. M a n d i c h» Le pacte de ricorso et le marche italien des changes au XVII siecle. Paris, 1953, p. 30—32.

55

итальянские государства — участники «Безансона» — не могли угнаться за Генуей, хотя и

пытались это сделать: Тосканское герцогство стремилось через Ливорно импортировать испанское золото, Миланское герцогство добилось лишь реэкспедиции его.¹⁸¹

Вначале испанский торговый и финансовый рынок пользовался определенной самостоятельностью. Возникший в XV в. в Медина дель Кампо, он был известен главным образом своими торговыми, а после 1516 г. и финансовыми международными операциями. Из испанских городов в них участвовали Бургос, Вальядолид, Сеговия, Медина де Риосеко, из иностранных — Лиссабон, Флоренция, Лион, Антверпен.¹⁸² Обмен между рынками Испании и Антверпена, как правило, был не в пользу первой.¹⁸³ Торговля и финансовая конкуренция с Францией, Нидерландами и Италией приводила к подрыву испанских прибылей, а затем и к овладению испанской экономикой. Генуэзский банк Сан Джорджо в качестве кредитора испанской и имперской короны обеспечивал уплату иностранных долгов Испании, требуя в качестве компенсации драгоценные металлы. К 1570 г. поток драгоценных металлов и монет в Италию и Нидерланды достиг 3 млн золотых. Наводняя иностранные рынки драгоценным металлом, генуэзцы добивались высокого курса в Лионе. Если золотой запас был слишком велик, Генуя его «замораживала», вызывая денежное голодание. Генуэзский банк, будучи хозяином золотого фонда, прибирал к рукам финансовые центры Кастилии, и прежде всего Медина дель Кампо, и привел к ликвидации кастильских банков (1595—1601).¹⁸⁴ Генуя овладевает товарными потоками из-за океана (сахар, кошениль и другие ценные товары) и некоторыми отраслями промышленности Испании, пользуясь ее общим ослаблением, связанным с бессилием испанской экономики в условиях «революции цен» и успешной конкуренции мануфактурной промышленности Англии и Франции.¹⁸⁵

Насколько прочно генуэзцы могли рассчитывать на получение и распределение испанского золота, а затем и серебра, можно судить по суммам задолженности испанского короля: в 1536 г. он должен был Гримальди 230 тыс. дукатов, в 1565 г. общая задолженность испанской короны выросла до 230 млн мараведисов, в 1570 г. — 700 млн и в 1574 г. — 1600 млн, что в два раза превышало ежегодное поступление драгоценных металлов.¹⁸⁸ Победное шествие Генуи и итальянского финансового

¹⁸¹ J.-G. Da Silva. Banque et credit. . . , p. 169—170, 1774-179.

¹⁸² R. C a g a n d e. Charles Quint et son temps. Paris, 1959, p. 201—228.

¹⁸³ R. de R o o v e r. La pensee economique . . . , p. 33.

¹⁸⁴ J.-G. Da Silva. 1) Strategie des affaires . . . , p. 10—14; 2) Banque et credit. . . , p. 597—622.

¹⁸⁵ E. J. Hamilton. American treasure and the price revolution in Spain, 1501—1650. Cambridge, Mass., 1934, p. 30—

36.

¹⁸⁶ J.-G. Da Silva. Banque et credit . . . , p. 641—646.

центра международных валютных расчетов — фондовой биржи — основывалось на огромном опыте итальянских компаний XIV—XV вв., самой высокой в Европе банковской технике и, наконец, на еще развивающейся итальянской экономике. Эти успехи не имели бы места, если бы им не благоприятствовал экономический упадок Испании, которая не смогла вырваться из феодальных условий развития и вынуждена была уступить свой рынок более дешевым промышленным товарам стран, успешно идущих по пути капиталистического развития. Испанское золото, пришедшее из Америки, ускорило капиталистическое развитие других государств, оно же помогло создать эффективно действующий аппарат международной фондовой биржи, который способствовал оживлению итальянской экономики в XVI в.

«БЕЗАНСОН» ИЛИ АНТВЕРПЕН?

Можно ли считать «Безансон» — международную фондовую биржу, созданную итальянцами, — прогрессивным и перспективным финансовым учреждением нового времени? Прежде всего следует отметить, что это новое учреждение пользовалось ранне-капиталистической счетно-бухгалтерской техникой XIII—XV вв., которая была тогда самой передовой в Европе.¹⁸⁷ К тому же в XVI в. практикуется депозит на долгий срок и появляется тенденция к снижению процента: с 7—8 годовых в XIV в. до 3.8 в XVI в., 2—4.4 в начале XVII в.,¹⁸⁸ что приближает «Безансон» к условиям капиталистической финансовой практики, как и совмещение в одном центре всех видов финансовых операций. Финансовая биржа не только проводила свойственные ей денежные операции, но и фактически контролировала главные потоки товарной продукции (шерсть, красители, квасцы), овладевала центрами их производства и добычи, влияла таким образом на развитие и укрепление внутренних региональных рынков Италии.¹⁸⁹

Все это характеризует «Безансон» как типичное учреждение кануна нового времени,

способствующее развитию капиталистических отношений в Италии и углублению феодального регресса в Испании, как учреждение раннекапиталистической Европы, создающее почву для широкого развития капитализма.

Генеральной линией развития бирж и банков будет путь развития национальных центров, таких как Антверпен. Будучи одним из важнейших экономических узлов нидерландского внут-

¹⁸⁷ Ibid., p. 18.

¹⁸⁸ Ibid., p. 51.

¹⁸⁹ L. De Rosa. I cambi esteri del regno di Napoli dal 1591 al 1707. Napoli, 1955, p. 36—59.

57

реннего рынка, он стал мировым центром торговли и кредита,¹⁹⁰ постоянным рынком с товарной и фондовой биржей. Несмотря на активную роль генуэзцев на Антверпенском рынке,¹⁹¹ он был ближе к условиям капиталистического развития Европы и даже способствовал деловым контактам между Англией и другими европейскими странами, централизации капиталов и развитию своей собственной мануфактурной промышленности.¹⁹²

Уже в XVI в. характер и роль антверпенской биржи изучались учеными-экономистами (Лессиус), которым была знакома техника и профессиональные секреты использования финансовой и товарной (прежде всего зерновой, рассматриваемой Молина) практики. Наиболее интересным для определения характера деятельности Антверпена было выявление этими экономистами ростовщических черт.¹⁹³

Антверпен — это тоже лишь один из этапов экономических явлений, свойственных кануну нового времени; более современными станут банки Амстердама и Лондона. Путь от Антверпена и Амстердама к Лондону — это, как установил Маркс,¹⁹⁴ — путь подчинения капитала торгового промышленному.

Экономические сдвиги, наблюдавшиеся в Италии в XVI в., происходили на почве разнообразных по своей политической структуре государств в крайне сложных условиях непосредственного включения их в общеевропейскую политику. Взаимосвязь и взаимовлияние ведущих политических организмов Европы и Италии требуют специального рассмотрения.

¹⁹⁰ А. Н. Чистозонов. 1) Нидерландская буржуазная революция. . . , с. 18—20; 2) Гентское восстание 1539—1540 гг. М., 1957, с. 23—52, 73.

¹⁹¹ J.-G. Da Silva. Banque et credit. . . , p. 553—561.

¹⁹² H. Van der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the euro-pean economy (fourteenth-sixteenth centuries). Hague, 1963.

¹⁹³ R. de Roover. La pensee economique . . . , p. 33.

¹⁹⁴ К. Маркс. Капитал, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. I, с. 366. — В XVII в. происходит отмеченный в литературе процесс падения экономики во всех западноевропейских странах, в том числе и в Италии, однако его нельзя считать абсолютным. Наряду со сворачиванием некоторых областей промышленности отмечается появление новых отраслей, новых видов материалов и станков (J.-G. Da Silva. Forza-lavoro. . . , p. 960).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Если Италия уже не являлась автономной и решающей силой в истории Европы, то она еще не перестала быть чувствительнейшей точкой международной политики, доказывая этим свою великую жизнеспособность.

Roberto Quazza. Preponderanza spagnuola (1559—1700),

Глава первая

ИТАЛЬЯНСКИЕ ГОСУДАРСТВА И ЕВРОПА

ИТАЛИЯ XVI в. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИЛА ИЛИ ОБЪЕКТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ?

На этот вопрос наиболее точно ответил Роберто Квацца, давая характеристику периоду испанского господства в Италии.¹

Если рассматривать Италию как хрупкий конгломерат государств, поглощенных военной машиной могучих централизованных держав в эпоху итальянских войн, то два с лишним столетия должны быть вычеркнуты из ее политической истории и могут составлять лишь часть истории Испании, Франции или Империи. Квацца самим названием своей работы — «Испанское преобладание» — определил бесспорно ведущую (или, может быть, вернее — подавляющую) роль

Испании. В то же время он отмечает большую жизненную силу отдельных итальянских государств: герцогство Савойя укрепляется и «реконструируется», Венеция «консервирует» свои порядки, но сохраняет самостоятельность, Генуя «упорно защищает собственное политическое господство», герцогства Мантуя и Монферрат укрепляют свой «абсолютизм», Тосканское великое герцогство переживает заметную «политическую консолидацию», Папское государство ведет «активную наступательную и оборонительную борьбу» как церковно-религиозный и государственный организм,² а Милан, будучи испанским владением, не лишается до конца некоторой автономии, сохраняющейся по традиции со времен Висконти и Сфорца.³

Если Италия не была до конца раздавлена и покорена чужеземцами в ходе итальянских войн, то все же к чему была сведена ее роль как политической силы?

Первый ошеломляющий удар нанесли ее политическому престижу французские войска, поэтому итальянские войны, естественно, воспринимались в Италии как французские нашествия — так их еще в XVII в. именуется автор «Политических болезней» Сальбриджо.⁴ Франческо Гвиччардини весьма четко определил

¹ «Se l'Italia non è più forza autonoma e decisiva della storia d'Europa, non cessa di essere un punto delicatissimo della politica internazionale e di dare prova di grande vitalità» (R. Quazza. Preponderanza spagnuola (1559—1700). Storia d'Italia, vol. II. Milano, 1950, p. 18).

² Ibid.

³ Storia di Milano. T. X. L'età della riforma cattolica (1559—1630). Milano, 1957, p. 16-19.

⁴ «L'invasioni Francesi, le guerre d'Italia» (M. C. Salbriggio. Le politiche malattie della repubblica di Geneva e loro medicine. Amberg, 1676, p. 95). — Марио Чезаре Сальбриджо — автор своеобразных мемуаров или,

перелом в военной тактике и технике: «до 1494 г. войны тянулись долго, битвы были не кровавы, завоевания были делом медленным и трудным; правда, пушки уже были в ходу, но с ними обращались так неумело, что большого вреда они не причиняли; таким образом, если кто владел государством, то лишиться его было почти невозможно. Но пришли в Италию французы и внесли в войну столько жара, что до 1521 года кто проигрывал поход, тот лишался государства. . .».⁵

Гвиччардини имел основание пессимистически взирать на события, активным участником которых он был. Попытка спасти Италию от чужеземных нашествий и разорения путем натравливания Франции на Империю, организация Конья-якской лиги 1526 г. и ее дипломатический и военный провал показали не только отсутствие единства между итальянскими правителями, но и слабые стороны великих держав. Наиболее грозной политической силой среди претендентов на итальянское наследство была Испания. Гвиччардини рассматривал утверждение испанцев в Милане как решающий шаг к их полновластному господству в Италии. Пережив крах своих идей и дел, разгром Рима (sacco di Roma), крушение Флорентийской республики на пороге первого тридцатилетия итальянских войн, он вправе был «жаловаться на судьбу» свою и своих современников, поясняя, что это эпоха, «когда гражданин живет в последние времена своего отечества».⁶

Гвиччардини мог подвести плачевный итог итальянским войнам, так как к этому времени судьба Италии была решена. Концепция проблемы итальянских войн, предложенная в советской литературе, в целом является достаточно убедительной.⁷

Еще за 30 лет до Като-Камбрезийского мира «испанцы стали почти полными господами положения в Италии», хотя она продолжала и в следующее тридцатилетие быть общеевропейским полем военных действий. Италия на самом деле была ослаблена политически и экономически, однако вывод о том, что она «перестает играть сколько-нибудь значительную роль в политической, а затем и в экономической жизни Западной Европы»,⁸ следует отнести к более позднему периоду ее истории, начинающемуся с середины XVII в.

Из чего происходила та «великая жизнеспособность» Италии, о которой писал Квაცца? На этот вопрос нельзя дать ответа без

по его словам, «краткого рассказа» («compendioso discorso», ibid., p. 238), очевидно, из нобилей — пользуется весьма интересными, нередко убедительными, устными преданиями и дает практические советы в области политики.

⁸ Ф. Гвиччардини. Заметки о делах политических и гражданских. Соч. М., 1934, с. 130.

⁷ Там же, с. 167.

⁷ История Италии, т. 1. Под ред. С. Д. Сказкина, Л. А. Котельниковой, В. И. Рутенбурга. М., 1970, с. 426—465.

⁸ Там же, с. 465.

учета положения Италии накануне итальянских войн.⁹ Общепринятое и укоренившееся положение Эдуарда Фютера о политической раздробленности Италии и политической консолидации Франции

как решающих обстоятельствах, определивших ход итальянских войн,¹⁰ неоспоримо, но, как и каждое общее положение, не может объяснить всего комплекса проблемы. Пьеро Пьери внес существенно новую характеристику в исследование этой проблемы, подчеркнув своеобразное качественное состояние отдельных итальянских государств, находившихся в процессе своего становления.¹¹ Действительно, политическая система относительного равновесия, сложившаяся в Италии к середине XV в., свидетельствовала об исчерпании возможностей взаимной экспансии, о достижении определенного уровня в развитии таких региональных государств, как герцогство Миланское, Флорентийское государство Медичи, Папское государство, Неаполитанское королевство, Венецианская республика. В каждом из них этот уровень был неодинаков, но везде он не дошел еще до завершения процесса. О незавершенности свидетельствуют выдающиеся историки XVI в. Франческо Гвиччардини и Никколо Макьявелли. Первый из них обратил внимание на слабость государственной системы, второй — на недостаточность внутренней консолидации в этих государствах. Высказывания «первых историков итальянских войн» могли стать основой концепции Пьери, они удачно использованы для обоснования причин, хода и политических результатов итальянских войн.¹² Положение о разной степени развития отдельных региональных государств Италии дает ключ к предварительному решению вопроса об истоках их «великой жизнеспособности» в условиях Като-Камбрезийской системы. Так, уже перед итальянскими войнами в Италии образовались достаточно прочные региональные государства синьориального типа.¹³ Герцогство Миланское, владеющее почти всей Ломбардией в течение полутора веков, с середины XIV до конца XV в., переживает период интенсивного экономического развития, а в области политики здесь «явственно выступают черты раннего абсолютизма».¹⁴ Устойчивость государственного строя проявлялась и в истории патрицианской Венецианской республики, обладающей прочным административным аппаратом. Политическая жизнь Генуи с 60-х годов XV в. несколько стабилизируется. В этом большую роль суждено было сыграть системе

⁹ Там же, с. 428—431.

¹⁰ E. F u e t e r. Geschichte des europäischen Staatensystems von 1442 bis 1559. München, 1919.

¹¹ P. P i e r i. Studi sulla crisi italiana alla fine del secolo XV. Archivio Storico Lombardo, 1923.

¹² История Италии, т. I, с. 427—429.

¹³ Там же, с. 295—346.

¹⁴ Там же, с. 322.

63

банка Сан Джордже, находившегося в руках олигархической верхушки. Папское государство в XV в. также стало на путь превращения в централизованное региональное государство.¹⁶ Флоренция, пройдя в XV в. длительный путь синьории Медичи, сменила республиканские одежды на герцогское облачение, представляя собой достаточно крупное в итальянских масштабах регионально-абсолютистское государство.¹⁶

Становление регионально-абсолютистских государств в Италии XV—XVI вв., судя по литературе последних лет, — процесс еще не до конца изученный, но бесспорный. Речь идет лишь о степени развития элементов абсолютизма в отдельных государственных образованиях.¹⁷ Относительная слабость и сравнительно небольшой размер этих раннеабсолютистских государств объясняют их быстрый военный крах (crollo) под ударами армии централизованного французского абсолютистского государства. Относительная прочность их способствовала сохранению определенной степени независимости и жизнеспособности. Полного покорения всей Италии испанцами, что Гвиччардини считал неизбежным логическим завершением захвата ими Милана, не произошло. Быстрое завоевание Италии в начале итальянских войн, когда французы брали города без единого выстрела, отмечая дома, подлежащие заселению солдатами, «с мелом в руках» (col gesso), не было ее полным покорением; даже длительный тридцатилетний период военных действий до разграбления Рима не привел к нему. Война не являлась простым столкновением французской феодально-абсолютистской монархии с передовой Италией, сохранявшей еще элементы раннего капитализма. Это немаловажное обстоятельство несколько не облегчает участи Италии, на территории которой Франция и Испания ведут ожесточенную борьбу. «Справедливый образ действия» французских королей, — равно как и испанских, — и процветание «освоенных» Францией или Испанией отдельных итальянских государств опровергаются докумен-

¹⁶ Там же, с. 335.

¹⁶ А. Д. Р о л о в а. 1) Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527—1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи. Автореф. канд. дис. Л., 1953; 2) Экономический строй Флоренции во второй половине XV и в XVI в. — В сб.: Средние века, вып. VIII, М., 1957.

¹⁷ G. A. В г и с к е г. Florentine politics and society 1348—1378. Princeton, 1962; F. Catalan o. Medioevo e Rinascimento. Stato e società nei secoli, vol. I. L'età medioevale. — In: Le signorie. Messina—Firenze, 1967; C. C i p

po la. I movimenti economic! generale (1350—1500). In: Storia di Milano, t. VIII. Milano, 1967; G. Pampaloni. Fermenti di riforme democratiche nella Firenze medicea del Quattrocento. — Archivio Storico Italiano, fasc. 429, disp. I, 1961; G. Procacci. Storia degli italiani, vol. I. Bari, 1968; M. R o m a n i. Milano. Citta Mercanti Dottrine nell'economica europea dal IV al XVIII sec. Milano, 1964; G. S o r z a n o. Il tempo di Ales-sandro VI papa e di fra G. Savonarola. Milano, 1960; A. Ventura. Nobilta o popolo nella secieta veneta del '400 e '500. Bari, 1964; P. V e r r i. Storia di Milano, vol. II. Firenze, 1963.

64

тальным материалом: сам генеральный наместник Пьемонта принц Мельфийский Джованни Караччоло признавал, что французские власти там «взыскивают штрафы и производят конфискации» (*des amendes et confiscations*).¹⁸

Даже формальное «победоносное» окончание итальянских войн — после второго тридцатилетия вооруженного соперничества европейских держав — подтверждает, по мнению Броделя, невозможность для Франции решить вопрос силой, разрешить свои сложные внутренние и внешние противоречия за счет Италии. Через 15 лет после Като-Камбрезийского мира «ворота в Италию» были для Франции закрыты.¹⁹ И, хотя Италия оставалась под пятой Испании, ее господство было далеко не полным. Названные Броделем слабые стороны французской политики в определенной мере приложимы и к Испании.

Будучи в значительной степени вытесненными Испанией, французы продолжали удерживать свое влияние, заключая союзы с отдельными итальянскими государствами, многие из которых сохраняли самостоятельность не без участия французской дипломатии.²⁰

По образному, не лишенному конкретно-исторического содержания выражению Дюпре, «Европа вошла в Италию . . . европейское равновесие переплелось с равновесием итальянским». Главным результатом этого «переплетения» он считает становление государств нового времени и начало настоящих международных связей.²¹ Речь идет не только о Франции: взаимовлияние и взаимозависимость всех европейских стран в XVI в. представляли неопровержимый факт.²²

Соперничество чужеземных государств в Италии в какой-то мере способствовало сохранению относительной самостоятельности государств итальянских. Так, Испании пришлось действовать, используя метод натравливания одного итальянского государства на другое. Анонимный автор XVII в., выступающий под псевдонимом Политик-Солдат из Монферрата, пишет в своей «Политической беседе»: «таковы усилия испанцев, направленные на организацию распри между итальянскими государями», «в Италии испанца всегда подозре-

¹⁸ Документы по истории внешней политики Франции. 1547—1548. М.—Л., 1963, с. 82.

¹⁹ F. B r a u d e l. Civita o Imperi del Mediterraneo nell' eta di Filippo II, vol. II. Torino, 1953, p. 1042—1045.

²⁰ Очерки истории Франции. Л., 1957, с. 90.

²¹ «L'Europa era ontrata in Italia. . . l'equilibrio europeo si intrecciava con l'equilibrio italiano . . . il sorgero dello stato moderno e l'equilibrio ita-linuio. . . il sorgere dello stato moderno e l'inizio delle relazioni internazionali» (I¹). D u p r e. Italia ed Europa, vol. II, Eta moderna. Messina—Firenze, 1956, il 30, 51).

²² А. Д. Люблинская. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.—Л., 1965, с. 5.

5 В. И. Рутенбург

65

вают в том, что он является пособником и организатором расхождений наших государей», что он всегда использует «разногласия итальянцев».²³ Но и этот метод не приводил к полной победе Испании. Идеализируя истинное положение дел и скорее принимая желаемое за действительное, автор XVII в., скрывающийся под псевдонимом Историк-Политик, капитан Латино Верита (Истина), считает, что многие итальянские государи, как и правители республик, показывают образец «доброго правления», хотя и признает, что в целом Италия охвачена недугом. Великого герцога Тосканского он считает «великим во всех отношениях», герцога Моденского «управляющим -своим государством с отменным благоразумием», герцога Пармского — «носителем высоких качеств, естественно свойственных ему», — не менее высоко оценивает он государей Савойи и Мантуи. «Столь хороши государи Италии!», — восклицает Историк-Политик. Такую же оценку получают и республиканские государства: «республика Лукка, обладающая удивительно хорошим правительством», «ее непрерывное развитие опирается на столь прочное основание» и «республика Генуя, которой управляют люди тонкого ума, поэтому она не слабеет и всегда действует в пользу общего блага». Если автора не заподозрить в элементарной наивности, то возможно, что серия похвал в адрес различных итальянских государств нужна ему для общего вывода о необходимости «установить в Италии мир», «изгнать из Италии испанскую монархию», которую могут заменить умелые отечественные правители.²⁴

Существование отдельных итальянских государств и укрепление некоторых из них подтверждало, что пройденный ими большой путь социально-экономического и политического развития в XIV—XV вв., процесс становления региональных государств не прошли даром. Они в разной мере сохраняли свою специфику и относительную независимость. Особое место среди них занимал Милан.

²⁸ «Tali sono lo fatiche de Spagnuoli per aggiustare le differenze de' Prencipi italiani. . . lo Spagnuolo sara sempre sospetto

mezzano nolle differenza de'nostri Principi. . . nella discordia degli italiani» (II Politico Soldato Monferrino ovvero discorso politico sopra gli affari di Casale di Monferrato, p. 229, 232). — Этот интереснейший источник требует специального изучения и особой характеристики.

²⁴ «L'infermità dell' Italia. . . Gran Duca, grande per tutti i versi. Il Duca di Modena. . . governo il suo Stato con prudenza. Nel Duca de Parma. . . buona qualità naturalo. Li Principi di Savoia e Mantova. Così buoni sono li Principi d'Italia. La Republica di Luca. . . mirabile governo. . . suo accrescimento infallibile fondato sopra tali basi. La Republica di Genova e composta di persone sottilissime. . . che non fu l'infermità, e nell' universale sempre operare a be-nefizio publico. . . ne risulti il frutto dell' intenzione. . . la Pace d'Italia. . . da scacciare dall'Italia la Monarchia spagnuola» (L'I storico Politico indifferente. Del Capitan Latino Verita ovvero considerazioni sopra il discorso. In: II Politico Soldato. . . , p. 2—3).

66

ЩИТ ИТАЛИИ И ВОРОТА В ИТАЛИЮ

По опровергнутой уже версии,²⁵ Милан открыл французским войскам ворота в Италию,²⁶ виновником чего считался его правитель Лодовико Моро. Еще Макьявелли писал, что после смерти Лоренцо Великолепного итальянские государства не сумели «ни насытить, ни обуздать» честолюбие миланского герцога, и поэтому «стали давать всходы те семена, которые и были, и продолжают быть столь гибельными для Италии, так как некому было их приглушить».²⁷ Гвиччардини рассматривал этот вопрос шире, не ограничиваясь проблемой личной ответственности Миланского герцога, поскольку этот не был ни инициатором «французских нашествий» (l'invasioni francesi),²⁸ ни спасителем Италии. Милан со времен Ломбардской лиги XII в. играл роль щита Италии, эта роль в какой-то мере сохранялась и в XVI в., с той только разницей, что щит переходил из рук в руки.²⁹

Ранке писал, что европейская политика по отношению к Италии зависит от того, кто будет владеть ключом от Италии — Миланом.³⁰ Но если Милан был щитом Италии, то щитом Милана был его замок-крепость (castello Sforzesco). Не случайно Карл V в 1545 г. позаботился о сохранении в своих руках именно миланского замка.³¹

Крепость во многом решала военную, а значит и политическую судьбу города, а если этот город был столицей, как Милан, то и судьбу государства. Так, о крепости Кремоны кардинал Фарнезе писал папе Павлу III, что «она является такой костью, которую французы не смогут перегрызть».³² Крепости были крайне дорогостоящими стратегическими узлами: флорентийскую и ливорнскую цитадели Карл V уступил Козимо I Медичи за 150 тыс. дукатов.³³

Почему же, пользуясь такими воротами в Италию, как Милан, и таким могучим щитом, как его замок-крепость, Испания не смогла

²⁶ P. Fieri. Studi sulla crisi. . .

²⁶ «Milano es la puerta de Italia», — говорили испанцы в XVI в. (Storia di Milano, t. IX, L'epoca di Carlo V (1535—1559). Milano, 1961, p. 125).

²⁷ «. . . per quegli che rimasono no di empiero ne di frenare l'ambizionf. . . del duca di Milano. Per la quele, subito morto Lorenzo cominciorono a nascere quegli cattivi semi, i quali, non dopo molto tempo non sendo vivo chi gli sapesso spegnere, rovinorono e ancora rovinono la Italia» (N. Machiavolli. Istorie fiorentine. Milano, 1962, p. 577).

²⁸ M. C. S a l b r i g g i o. Lo politiche malattie. . . , p. 95.

²⁸ «scudo d'Italia» (F. C h a b o d. Lo Stato di Milano nell'Impcro di Carlo V. Roma, 1931, p. 74).

³⁰ L. von R a n k e. Die Osmanen und die spanische Monarchie im 16. und 17. Jahrhundert. Koln, 1920, S. 199—200.

³¹ Storia di Milano, t. IX, p. 100.

³² «. . . con tanto osso che i Francesi non lo potrono rodere» (цит. по: Storia di Milano, t. IX, ibid.).

³³ Ibid., p. 95.

67

5*

покорить всю Италию, чего опасался еще Гвиччардини? Почему могучий Милан, по свидетельству Политика-Солдата из Монфер-рата, боялся волнений, происходивших в соседних генуэзских землях, по соседству с ним?³⁴

Будучи воротами в Италию и ее щитом, Милан представлял собой государство, население которого состояло из итальянцев, а владения занимали почти всю Ломбардию. Каковы были сильные и слабые стороны Миланского герцогства? На это дает некоторый ответ донесение Федерико Бадоера венецианскому сенату.³⁸ Часть донесения, относящаяся к характеристике Милана и его земель, была скопирована для великого герцога Тосканского. В этом списке, именуемом «Описание Миланского государства»,³⁸ подтверждается, что оно представляет собой плодороднейший район Италии, где собираются обильные урожаи зерна и винограда благодаря хорошо налаженной ирригации.³⁷ Так, земли Кремоны на редкость хорошо обработаны и дают богатые урожаи зерна и винограда, здесь же разводят много скота. В землях Лоди, Тор-тоны и Комо почти такое же положение, а на полях Алессандрии зерна собирают еще больше, хотя и хуже качеством.³⁸ Судя по этой характеристике, сельское хозяйство Милана и всех земель, входящих в его подчинение, может показаться процветающим.

Военное могущество Миланского государства определялось оборонительной мощью крепостей, разбросанных по всей его территории. Крупнейшей крепостью Ломбардии был замок Сфорца в самом Милане. Его высокие и толстые стены, укрепленные частыми контрфорсами, по форме

подобные плоду айвы (un porno cotogno), тянулись на 6.5 миль. Вокруг стен шел ров шириной в 45 локтей, заполняемый водой из источников, подведенных к нему, и треугольной формы вал с воротами под каждой из его сторон.³⁹ «Многие утверждают, — сообщал автор „Описания“, — что при необходимости замок мог быть подготовлен к обороне за несколько дней, если каждый

³⁴ «... Geneva fluttuasse di tante sedition!, le qual per la vicinanza stur-bavano molto le cose di Milano» (II Politico Soldato Monfer-rino. Osservazioni sopra l'istorico politico indifferente, p. 232).

³⁶ Relazione delle persone, governo e stati di Carlo V e di Filippo II letta in senato da Federico Badoero nel 1557. — In: Le relazioni degli ambasciatori veneti al senato durante il secolo decimosesto raccolte ed illustrate da E. Al-beri, ser. I, vol. III. Firenze, 1853, p. 279—284 (далее: Relazione Badoero).

³⁶ Descrizione dello stato di Milano, 1557. Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 3258, p. 1—7 (далее: Descrizione di Milano). — В квадратных скобках даются изменения, внесенные в «Описание» при копировании Бадоера.

³⁷ Relazione Badoero, p. 279.

³⁸ Ibid.

«• Ibid., p. 280.

68

валы были еще выше, а ров усилен контрэскарпами». ⁴⁰ Внутри крепости находился старый замок (castel vecchio) и второй пояс стен, осада которых, в случае взятия первого пояса, была крайне сложной. Кроме того, в крепости имелось два больших внешних укрепления; они, как клещи, могли охватить противника на большом пространстве. Достаточное количество боеприпасов, а также зерна и других продуктов, заготовленных в замке, обеспечивало существование находящихся в крепости в течение полутора лет.⁴¹

Таким же запасом продовольствия и боеприпасов были снабжены и другие крепости Ломбардии. Замок Алессандрии имел хорошие башни, но был лишен фланговых укреплений, весь же город укреплен далеко не равномерно. Замок Павии одной стороной выходит на берег реки, другой — на равнину, которую автор донесения считает хорошим плацдармом для кавалерии, но несколько сковывающим ее действия из-за недостаточного простора.⁴² Тортона выгодно расположена со стороны горы, но с трудом может быть укреплена с противоположной нижней стороны. Лоди обладают замком с прочными стенами и хорошими контрэскарпами, неплохими валами, защищающими его, однако, не со всех сторон. Замок Кремоны расположен очень удачно и поэтому почти неприступен, но стены самого города требовали дополнительного укрепления.⁴³ Из шести крепостей, описанных с большим пониманием дела, лишь миланская фигурирует как образцовая. Все остальные не лишены существенных недостатков. Таким образом, только Милан, как щит Италии, был прочным в военно-инженерном отношении пунктом, а остальные крепости Ломбардии не были крепко закрытыми воротами в Италию. Если миланская крепость с ее старым замком была могучим стратегическим узлом, то этого нельзя сказать о Милане и Миланском государстве в целом. Могучие стены и глубокие рвы не могли решить вопрос победы и поражения, они зависели от состава армии. И здесь проявляется главная слабость испанской стороны: «что касается людей, поставляющих кавалерию, то их можно собрать великое множество, так много здесь ленников, к тому же богатых, но мало кто из них может принять участие в этом, так как король [не решится использовать их], ибо сомневается в их верности, а другая их часть вообще не склонна к войне».⁴⁴ Если даже пренебречь этим важнейшим фактом, то при наличии хорошего вооружения, а им всегда славился Милан,

⁴⁰ Ibid., p. 281.

« Ibid.

«^a Ibid., p. 280.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ «Quanto alia gente a cavallo, se ne potria far' gran' numero sendo molti li feudatarii et di molti ricchi, ma pochi se ne voggono parte, perche il Re non se ne serve per ha dubbio della fede, parte per non essere inclinati alia guerra» (ibid., p. 281).

69

явно недоставало лошадей. При всеобщей мобилизации можно было рассчитывать на 20 тыс. пехотинцев (Милан и Кремона — по 6 тыс., Павия — 2 тыс., остальные города — 5—6 тыс.) далеко не равного качества: смелые и опытные кремонцы, достаточно хорошие павийцы и малопригодные (росо utili) миланцы.⁴⁶ Не было в Миланском государстве и видных военачальников: автор «Описания» не может назвать ни одного, достойного внимания, кроме Фрески и Пичинарди из Кремоны, но они не состояли на службе у испанцев и поэтому их не хотели использовать.⁴⁶ Итак, на итальянскую кавалерию, значительную часть пехоты (причем именно миланскую), а также на военачальников

испанцы положиться не могут.

Аппарат Миланского государства возглавлялся правителем (*governatore*), при котором был Секретный совет (*consiglio Secreto*), состоящий из 9 человек: великого канцлера, президента сената, президента финансовой камеры, генерала кавалерии, иногда капитана юстиции и других членов совета, утверждаемых королем по представлению губернатора. В совет в основном входили итальянцы.⁴⁷ Собирался он по мере необходимости, практически почти ежедневно.

Помимо этого высшего органа государства существовало «правительство всей Италии» (*Il Governo di tutto il Italia*), как его именует автор «Описания».⁴⁸ Оно состояло из правителя, генерального капитана и сената. Членов сената насчитывалось около 300 человек, из них половина постоянных, из знати и юристов, собиравшихся во дворце губернатора каждое утро для решения государственных дел. Генеральный капитан возглавлял военный совет (*Consiglio di guerra*), в который входили командующие гвардией, легкой кавалерией, испанской пехотой, итальянской пехотой, артиллерией, а также квартирмейстер, комиссар по продовольствию, казначей армии и секретарь.⁴⁹ Эти государственные служащие были весьма расположены к назначенному Испании правителю и поддерживали все его мероприятия, «получая от него почести и выгоды», но «прочие итальянцы, как из знати, так и из горожан, были склонны к поддержке французов, так как из 300 должностных вакансий они получали не более 10, а остальные

«Ibid., p. 3.

⁴⁶ Ibid., p. 282.

* По списку, приложенному к «Descrittione di Milano» (написанному другим почерком), в совет входило по крайней мере 4 итальянца из 9 членов: «Consiglio Secreto di Milano: Governatore, Castellano, 2 Generali de Cavalli, Don Giorgio Manrique, Hercol Gonzaga, Piero Malvezzi, marchese di Cara-vaggio, conte Renato Borromeo, Don Blasco de Aragon» (Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 3258, p. 8).

⁴⁸ Descrittione di Milano, p. 6. (В донесении Бадоера: «Il governo di tutto lo stato», Relazione Badoero, p. 283).

⁴⁹ Relazione Badoero, p. 283.

70

его величество распределял среди испанцев и других. . . из горожан же если один был за своего [испанского] короля, то шесть были за короля французского».⁶⁰ Практично мыслящий, опытный и циничный автор «Описания» измеряет патриотизм знати и горожан весом золота, приносимого должностью, что, конечно, было лишь одной стороной явления. Профранцузские настроения были результатом стремления к освобождению от испанского ига, к тому же они питались старыми традициями и новыми политическими интригами Франции. Даже такое высокопоставленное лицо, как кардинал Тридентский, публично проявлял свое недоброжелательство в адрес испанцев (*nazione spagnola*) и был тайным врагом маркиза Пескары, любимца испанского короля.⁶¹

||f Государственный аппарат, армия, целая система крепостей требовали колоссальных затрат. В Ломбардии, богатой и плодородной части Италии, представлявшей собой Миланское государство, материальные блага распределялись среди разных социальных слоев крайне неравномерно. Среди знати первое место занимали Висконти, которые получали в год около 50 тыс. скуди дохода, за ними шли Борромеи и Тривульци (по 40 тыс.), а затем многие графские семьи с доходом от 2 до 10 тыс. В целом их доходы автор «Описания» оценивает в 350 тыс. скуди.⁶² Духовенство было весьма многочисленным и в общем богатым, доход его достигал 400 тыс. скуди, главным образом за счет состоятельных каноников-бенефициантов. Кроме Миланского архиепископства в государстве насчитывалось 7 епископств, но они не были очень зажиточными, доход самого процветающего из них не превышал 4 тыс. скуди. Монастырей было мало, и они были бедны.⁶³

Население Миланского государства также не могло похвастаться большим богатством, так как постоянные войны, происходившие на его территории,⁶⁴ приносили с собой грабежи, разорения и чрезвычайные поборы. Испанцы систематически собирали ординарные косвенные налоги (на вино, сыр и мясо) в размере 300 тыс. дукатов и прямые экстраординарные (поголовный, подымный, за помол, за заболоченные земли, за обмолот, десятину, аннаты, [за пустоши] и много других), которые фактически взыскивались из года в год.⁶⁵ Немалые затраты шли на нужды правителя, сената, капитана юстиции, военные ведомства, оплату

⁶⁰ Ibid.

» Ibid., p. 284.

⁶² Ibid., p. 282.

⁶³ Ibid.

⁶¹ « . . . i tanti varii accidenti di guerra, occorsi in esso stato»~(Ibid., p. 281). ?⁵ «Trae Sua Maiesta d'entrata ordinaria dalli dazi del vino, formento

o came ducati trecentomila e dall'extraordinario quasi fatto ordinario delle tasse sopra le teste, fuochi, macene, pestigati, decime e annate et luoghi sterili, piu d'altretanti un anno per l'altro» (ibid., p. 282).

71

войска, фортификационные работы.⁶⁶ Крупные денежные суммы, получаемые от экстраординарных налогов, значительно превышали сумму налогов обычных.⁶⁷

Итальянские войны в целом и испанское завоевание в частности принесли Милану и всей Ломбардии полное разорение. Уже в 1533 г. венецианский посол в Милане доносил, что «государство погружено в нищету и разорение по сравнению с прошлыми временами», основным бичом он считал экстраординарные налоги.⁵⁸ В 1555 г. сенатор Арригони признавал, что «денежные дела привели Милан в чрезвычайно тяжелое состояние».⁶⁹ Кардинал Кристофо Маруццо заявил в 1556 г., что Милану не хватает финансов и войск.⁶⁰ В год составления «Описания Милана», 1557-й, гарнизоны всех испанских крепостей, а их насчитывалось 225, могли отметить двадцатую годовщину неуплаты им жалования. В этом же 1557 г. была совершена попытка выскочить из финансового тупика, были введены новые налоги: 1 скудо с дома, 1 — с каждой боттеги, 2 скудо с каждой пертики земли и $\frac{1}{2}$ скудо с каждой коровы.⁶¹ Все эти данные свидетельствуют о достаточно объективной, реалистической характеристике положения Милана, составленной для сената Венеции и герцога Тосканского. Испания овладела Миланом, и он стал для нее, как до этого для Франции, воротами в Италию, но внутренние социальные, политические, национальные противоречия не давали Испании возможности прорваться через них и покорить другие итальянские государства. Этому мешали миланские тылы в широком смысле слова. Из щита Италии Милан превратился в щит Испании, в ее оборонительное оружие, которое ей пришлось использовать в борьбе (налоговой, политической, национальной) с населением Ломбардии. Колоссальная испанская империя далеко не безраздельно и с крайним напряжением сил и финансов правила в своих владениях, сильные и слабые стороны испанской монархии не всегда уравнивались. Слабые стороны Испании облегчали сопротивление отдельных итальянских государств. Противоречия между европейскими странами также поддерживали их жизнеспособность.

Международное положение в XVI в. можно охарактеризовать лаконичным выражением флорентийского ремесленника Бастиано Ардити, записавшего в своем дневнике: «разъединенный христианский мир» (*la cristianita disunita*). Ардити молил бога, чтобы тот послал «мир между христианскими государствами» (*pregando*

⁵⁸ Ibid.

⁶⁷ Ibid., p. 284.

⁶⁸ Storia di Milano, t. IX, p. 291.

⁶⁹ Ibid., p. 185. ⁸⁰ Ibid., p. 390.

⁶¹ Ibid., p. 390—391.

Idio per la pace de'principi cristiani).⁶² Не только вся Европа являла собой образец «разъединенных наций», но и сами «итальянские государи были далеко не едиными для взаимной защиты».⁶³

Во всей Европе не было спокойствия: «так было во Фландрии, Германии, Англии, Франции; каждая из них была вооружена и разделена,⁶⁴ все враждуют между собой». Международные столкновения и внутренние стычки в этих странах осложняли положение тех итальянских государств, которые шли в фарватере то французской, то испанской политики. Историк-Политик считал: чтобы изгнать из Италии любое неитальянское правительство, необходимо противостоять двум величайшим силам Европы, а может быть и мира, которыми являются Испания и Франция.⁶⁵ Наиболее яркими примерами такого политического лавирования являются Тоскана, Папское государство и особенно Генуя.

⁸² B. A r d i t i. Diario. . . , p. 62, 129.

⁶³ «. . . li principi italiani erano non molti uniti a difendersi l'uno l'altro» (ibid., p. 29).

⁶⁴ «E cosi era tutta la Fiandra, la Lamagna, l'Inghilterra, la Francia: tutta in arme e divisa» (ibid., p. 184).

⁶⁵ «. . . di scacciar d'Italia ognigoverno, che non sia italiano, e per conseguirlo ci habbiamo da opporre alle due maggiori forze d'Europa, e forse anche del mondo, che non sono altre, che Spagna e Francia» (*L'I storico Politico*.

Considerazione, p. 30); см. прил., док. I и II.

72

Глава вторая

ГЕНУЯ И ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ

ГЕНУЯ НАКАНУНЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА

XVI век был для Генуи поистине переломным. Хотя ее географическое положение, казалось бы, не изменилось, в действительности же оно стало иным, так как географическая среда зависит от развития производственных отношений,⁶⁶ от экономических и политических условий.

В средние века Генуя была автономна по отношению к Империи, затем она ощутила политическое влияние и силу Милана, а позднее Франции. Несмотря на то, что в XVI в. Генуя становится суверенным государством, ее жизнь во многом определяется политикой крупных национальных государств Западной Европы⁶⁷ и соприкасавшихся с ней итальянских. Милан, находившийся под бдительным оком испанской монархии, не мог теперь проявлять большой активности по отношению к Генуе, как это было во времена его независимости, но все же и от его экспансионистских стремлений Генуя не всегда была свободна. Савойя не только посматривала на тирренские портовые города Ниццу, Савону и Геную, мечтая превратить их в свои морские ворота, но и успела присвоить один из них — Ниццу.⁸⁸ С начала XVI в. Генуя становится объектом общеевропейской политики, но не лишается и роли

активно действующего субъекта. В 1523 г. она вступает в антифранцузскую лигу, хотя это и противоречит интересам многих генуэзских семей, деловые связи которых с Францией были весьма прочными и выгодными. Карл V, естественно, был заинтересован в Генуе как в мощном источнике финансирования своих операций, но Испания, далеко не всегда считаясь с генуэзскими интересами, проектирует в 1524 г. захват Прованса. Это вызывает закономерное сопротивление Генуи, заинтересованной в экономическом влиянии на Про-

⁶⁶ В. И. Ленин. Замечания на кн. Г. В. Плеханова «Основные вопросы марксизма». — Поли. собр. соч., т. 29, с. 456—457.

⁶⁷ V. Vita I e. Breviario della storia di Genova. Lineamenti storici ed orientamenti bibliografici, vol. 1—2. Genova, 1955; T. O. De Negri. Genova e Barbarossa. Genova, 1961, dicembre; F. Bernini. I Comuni italiani e Federico II di Svevia. Gli inizi. Torino, 1950; M. B. P. u. a. r. d. La France et l'Italie au temps du Grand schisme d'Occident. Paris, 1936; E. J. a. r. y. Les origines de la domination française a Genes (1392—1402). Paris, 1896; A. Virgilio. Boucicaud cavaliere errante — Bucicaldo go-vernatore di Genova. — In: Bollettino Ligustico per la Storia e la Cultura regionale, vol. II, 1950.

⁶⁸ T. O. De Negri. Storia di Genova. Milano, 1968, p. 655—657.

74

ванс. Франция же в ответ на происки Испании захватывает Милан и Савону.

Вскоре происходят два драматических события: битва при Павии и разграбление Рима (sacco di Roma). 1525 и 1527 гг. входят в историю Европы как траурные даты. Первое событие привело не только к пленению Франциска I, но и установлению габсбургской гегемонии в Европе и Италии, второе показало, до какого накала страстей доходили столкновения политических противников.

Однако Франция не сложила оружия и нанесла контрудар: в том же 1527 г. флот под командованием Андреа Дориа овладел Генуей, она была покорена и объявлена союзником Франции. Трудно сказать, какие планы носились в голове у Дориа, сухопутного и морского кондотьера (asiento), уже много лет служившего то папам Иннокентию III и Клименту VII, то генуэзскому дожу Оттавиано Фрегозо, то французскому королю, которому он еще в 1525 г. помог захватить Савону. Пока же в Генуе устанавливается французская власть Тривульцио с 12 реформаторами, что приводит к ликвидации «вечного догата». ⁶⁹ Тем временем при французском дворе начинают подозревать Дориа, — возможно, и достаточно обоснованно, — в антифранцузской деятельности. Тот, узнав об этом, бежит из Генуи, а затем приступает к дипломатическим заигрываниям с Испанией. Испания отвечает на них предложением Андреа Дориа новой морской кондотты. ⁷⁰ Переговоры вел Эразмо Дориа в течение месяца, с 12 июля по 10 августа 1528 г. Они формально закончились подписанием с Дориа, как военачальником, традиционного договора, который Лопец считал обычной сделкой. ⁷¹ В

действительности же и по своему содержанию, и по своим далеко идущим последствиям это был настоящий международный трактат, характерный для кануна нового времени, это был договор между двумя государствами, Генуей и Испанией, между их главами — Дориа и императором Карлом V. Генуя благодаря своему стратегическому положению была для Империи важным политическим союзником. Не менее важным для Империи был союз с Генуей — банковским центром мирового значения. Договор устанавливал форму правления и экономические привилегии: император гарантировал Генуе свободу (от посягательств Франции и других возможных претендентов) и суверенитет на всей ее территории, включая и Савону, которую Франция рассматривала как свой портовый центр, служащий противовесом и со-

⁶⁸ P. Luigi, M. Levati. Dogi perpetui di Genova (1339—1528). Genova, 1938.

⁷⁰ G. Oreste. Genova e Andrea Doria nella fase critica del conflitto franco-absburgico. Atti della Società ligure di Storia Patria, vol. LXXII, 1950.

⁷¹ R. S. Lopez. Aux origines du capitalisme. Annales, № LXII, 1937.

75

перником Генуи. В Генуе устанавливалась республика. На всей территории Империи генуэзцы получали свободу торговли на правах подданных императора. Джанотти в «Рассуждении об итальянских делах» считал, что Генуе полезно идти по пути усиления принципата Дориа и для сохранения свободы стать союзницей Империи, отказавшись от Франции. ⁷² Такой порядок рассматривался как «свобода на основе нейтралитета» (liberta nella neutra-lita), хотя Генуя должна была находиться в орбите политики Империи как ее союзник, что не могло не размыть^ основ самого нейтралитета. Очевидно, в целом договор был справедливо оценен как почетный и выгодный, о чем свидетельствовали присвоение Андреа Дориа Генуей, ее олигархической деловой верхушкой, почетного звания освободителя и отца отечества (Liberatore e Padre della Patria) и преподнесение ему в дар дворца Сан Маттео (Casa di S. Matteo). ⁷³

Соглашение Дориа — Карл V было лишь фиксацией возможных прав и стремлений обеих сторон, но его еще следовало реализовать. Это и было сделано с 9 по 13 сентября 1528 г. Дориа прибыл в Геную и возглавил выступление горожан под девизом «Да здравствует св. Георгий и свобода» (S. Giorgio e liberta). Французы не оказали решительного противодействия, ограничившись нападением на дворец Дориа, построенный им за семь лет до этого за стенами города (villa di Fassolo).

Для подрыва французских позиций на Тирренском море в декабре того же 1528 г. были разрушены стены и укрепления Савоны, а через 14 лет Генуя возвела там могучую крепость Приамар. Ее пушки были направлены на город и порт Савоны, всегда таким образом находившиеся под угрозой генуэзцев (и верных им корсиканцев), составлявших гарнизон цитадели.⁷⁴ Эти политические и военные мероприятия обеспечивали установление порядков, вошедших в историю Генуи под названием конституции 1528 г.

Согласно этой конституции была проведена запись нобиль-ских семей, подобно записи патрициев в 1506 г. в венецианскую «Золотую книгу», в «Книгу города» (*Liber Civitatis*), в которую вошло сначала 24, а затем 28 «домов» (*alberghi*), выделявшихся среди других богатством и родовитостью. Сюда входили семьи как дворянского, так и пополярского происхождения; отныне они получали монопольные права в области политической деятель-

⁷² «Fu certamente utilissimo alle Genovesi seguir l'autorità del signore Andrea Doria e di francesi divenire imperiali per recuperazione della libertà loro» (D. Gianotti. *Discorso delle cose d'Italia. Opere politiche e letterarie*, vol. I. Firenze, 1850, p. 333).

⁷³ I. L u z z a t i. Andrea Doria. Milano, 1943.

⁷⁴ См. изображение этой крепости на рисунке начала XVII в. в кн.: T. O. De N e g r i. *Storia di Genova*, ill. 80 и план крепости города и порта на чертеже XVIII в. (*ibid.*, ill. 81). Об истории города и крепости Савоны см.: F. G r i l l o. *Origine storica delle località e antichi cognomi della Re-pubblica di Genova*. Genova, 1960, p. 137—140.

76

ности.⁷⁵ Не внесенные в эти Списки (поп iscritti) теряли политические права, которые были у них со времен «вечного догата», когда к политическому руководству республикой допускались более широкие круги «правлящего клана». Правда, на основе конституции 1528 г. новые нобили могли надеяться на увеличение своего удельного веса в правительстве законным путем.⁷⁶

В XV в. признанных полноправными нобильских домов (*alberghi*) насчитывалось значительно больше (около 40).⁷⁷ Таким образом произошло сужение господствующей прослойки аристократической республики, формально напоминающей «плотину» (*la serrata*), поставленную на пути к участию в Большом совете Венеции (*la serrata del Gran consiglio*). Венецианская реформа 1297 г. завершила собой конституцию патрицианской олигархии, участие которой в этом совете было, как до ее введения, ограничено 27 семьями. Тенденция к ограничению правящей верхушки непрерывно прослеживается в Венеции до XVI в., усиливаясь в последние десятилетия. Аристократизация, одворянивание правления свойственно в XVI в. многим государствам Италии, в частности Тоскане, в которой дворянство было почти все создано заново.⁷⁸ Однако в большей степени это происходило там, где патрициат до конца не лишился политических прав, например, в Венеции.⁷⁹ Генуя в этом отношении весьма показательна: ее потомственная аристократия редко порывала связи со своими поместьями, что не исключало ее активного участия в торговых и финансовых операциях.

Пополарская прослойка в подражание нобилям заводиладельцы виллы для отдыха и развлечений. Но ее стремление возвыситься до уровня нобилей проявлялось и в социальном плане; можно отметить социальное сближение этих двух частей «правлящего класса».⁸⁰

⁷⁶ E. G r e n d i. *Le conventicole nobiliari a Genova e la riforma del 1528*. — *Rivista Storica Italiana*, vol. LXXVIII, 1966.

'« V. Vitale. *Breviario...*, vol. I, p. 205, 206, 215; T. O. De Negri. *Storia di Genova*, p. 667—669. — Объединения купцов (территориальные по кварталам города) и ремесленников (цехи) не имели политических прав.

⁷⁷ J. H e e r s. *Genes au XV-e siècle*. Paris, 1961, p. 564. — В альберги входили нобили из нескольких родственных семей, носивших одну фамилию и происходящих из одной местности (например, Спинола да Лукколи, Спинола да Сан Лукка и т. п.). Иногда купеческие объединения также носили наименование *alberghi*, хотя это не делало их политически полноправными по реформе 1528 г. (J. H e e r s. *Genes au XV-e siècle*, p. 579).

⁷⁸ M. B e r e n g o. *Nobili e mercanti nella Lucca del Cinquecento*. Torino, 1965; см. также: М. Б е р е н г о. Дворянство и администрация в Италии эпохи Возрождения. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970.

⁷⁹ A. Ventura. *Nobiltà e popolo...*

⁸⁰ В качестве образца социального слияния феодального синьора и по-полара по своим занятиям Эре приводит пример с Элиано Спинолой из Лукколи (J. H e e r s. *Genes au XV-e siècle*, p. 540).

77

Оно способствовало деловым связям Генуи как морского и финансового центра Италии. Таковы истоки генуэзской аристократической конституции 1528 г., усилившей в Генуе олигархический государственный строй, тесно связанный с феодально-абсолютистскими державами.

Структура генуэзского государства по конституции выглядела достаточно стройно. Главным органом

республики считался Большой совет (II *Maggior consiglio*) из 400 человек. Кандидатуры для выборов в эту инстанцию извлекались по жребию из списка *alberghi*; ежегодно разрешалось пополнять список за счет семи генуэзских жителей и трех жителей Лигурийского побережья. Из состава Большого совета, в свою очередь, по жребию избирались 100 кандидатур — из них образовывался Малый совет (II *consiglio Minore*), законодательный орган Генуи. Исполнительная власть — Синьория — составлялась из восьми управителей (*governatori*) и восьми прокураторов (*procuratori*). Первые занимались вопросами политико-юридическими, вторые — административно-экономическими. Во главе Синьории стоял дож (Doge или Doce), избираемый на два года, как и остальные ее члены. Дожд выполнял больше функции представительные и декоративные, чем правительственные. Фактически власть находилась в руках пяти высших синдикаторов (*supremi sindacatori*), которые контролировали жизнь всего государства, имея возможность наблюдать и проверять деятельность всех его инстанций. Андреа Дориа, подобно Козимо Медичи, фактически управлявшему Флоренцией за век до этого, был «частным лицом» (*cittadino privato*), хотя и носил звание «вечного приора синдикаторов» (*priore perpetuo dei sindacatori*).⁸¹

Четкая структура государства и бдительная деятельность синдикаторов во главе с Дориа на первых порах способствовали созданию видимости всеобщего довольства. Но вскоре появляется оппозиция в лице Фрегози, Адорни, Фьески и других представителей старых *alberghi*, которые не были внесены в *Liber*. Исключение отдельных видных родов из системы олигархической республики свидетельствует не о классовом или сословном отличии их от Дориа и близких ему власть имущих нобилей, а о стремлении приора синдикаторов отделаться от конкурентов. Так поступали за столетие до этого Медичи по отношению к Альберти, Уццано и другим видным фамилиям Флоренции. Нобильские выступления этого времени были слабыми и обособленными, а главное — направленными не против существующих олигархических порядков, а лишь на борьбу за включение в *Liber*, за право войти в состав правящей олигархической прослойки.⁸² Однако объективно эти

⁸¹ I. Levati. *Dogi biennali di Geneva dal 1528 al 1699*, vol. 1—2. Genova., 1930.

⁸² T. O. De Negri. *Storia di Genova*, p. 673.

78

движения были направлены также на борьбу за расширение социальной базы олигархии, они представляли собой попытку расширить демократические права граждан республики. Более четко выраженным антиолигархическим движением была борьба за расширение политических прав пополярских и оппозиционных нобильских элементов, объединявшихся в «двух портиках» (*due portici*): Сан Пьетро (новые нобили, *nuovi*) и Сан Лука (старые нобили, *vecchi*). Эта линия борьбы против олигархического правления начинается с первых его шагов, с 1529 г. О ней свидетельствует целая серия антиправительственных выступлений: в 1534—1535 гг., в 1536 г. (заговор Чезаре Фрегозо), в 1533 г. («заговор Цуккарелло»), в 1547 г. (окутанный легендой заговор Фьески), в 1553 г. (заговор Де Форнари). Неполноправные нобили, естественно, стремились добиться политических прав, пополярские элементы наряду с аналогичными стремлениями пытались также добиться облегчения фискального пресса, находившегося в руках генуэзской олигархии.⁸³ В качестве новой формы, изменяющей олигархические порядки, «портики» предлагали избрание двух дожей, «нового» и «старого», вместо одного. Незыблемость олигархического правления была не столь уж абсолютной. Еще в 1544 г. портик Сан Пьетро провел свою кандидатуру — Де Форнари — на должность дожа, а через девять лет его имя станет символом заговора. Портику Сан Лука удалось по жребию провести своих представителей не только в Большой совет, но и в Малый. Этот, как тогда называли, «деликатный» способ борьбы (*garibetto*) — незаметного изменения порядков и успешного использования оппозицией легальных методов — был достаточно симптоматичен. Порядок, оформленный законом 1547 г., привел к тому, что новые нобили располагали лишь половиной мест в правительственных инстанциях, хотя насчитывали около 300 семей против трех десятков семей старых нобилей. Такая обстановка через четверть века привела к открытому взрыву: в 1574 г. начинается «война двух портиков» (*la guerra dei Due Portici*), в 1575 г. нобили партии Сан Пьетро добились внесения в патрицианскую «Книгу города» сотен новых фамилий, в то время как представители старых знатных нобильских семейств бегут из Генуи в свои замки. 1575 г. стал для Генуи годом восстания, в ходе которого вскрылись все социальные противоречия республики. Относительная слабость обеих борющихся сторон приводит к компромиссному соглашению в Казале, результатом чего была новая конституция, провозглашенная 17 марта 1576 г. и просуществовавшая 20 лет.⁸⁴

Все эти события внутригосударственной жизни и социальной эволюции Генуи XVI в. происходили не без связи с общеиталь-

⁸³ B. Grendi. *Le conventicole*. . .

⁸⁴ G. Forcheri. *Doge governatori procuratori consiglieri e magistrati della Repubblica di Genova*. Genova, 1968.

янской и общеевропейской политикой. Во многом они были порождением политики и действий итальянских государств, а в еще большей степени крупных монархий Западной Европы, как это показывает история Флоренции, Сиены, Генуи, Милана. Здесь сказалось особенное положение Генуи, испытывавшей на себе все колебания политики этих держав.⁸⁵

Так, после событий 1528 г. Франция, естественно, начала рассматривать Геную как «восставшую» и поэтому более десяти лет (до 1541 г.) не вела с ней торговых и финансовых операций и даже препятствовала доставке ей хлеба из Прованса. Эта экономическая политика переплеталась с политическими интригами, направленными на поддержку оппозиционных популяристов или нобильских элементов в самой Генуе. Франция пыталась использовать и заговор Фьески, придав ему политический характер. Этому же способствовала и папская курия в лице синьора Пьяченцы, родственника Павла III. Не случайно драматическая развязка заговора Фьески завершилась такой банальной процедурой, как раздел имений мятежных Фьески между республикой св. Георгия, Дориа и Фарнезе.

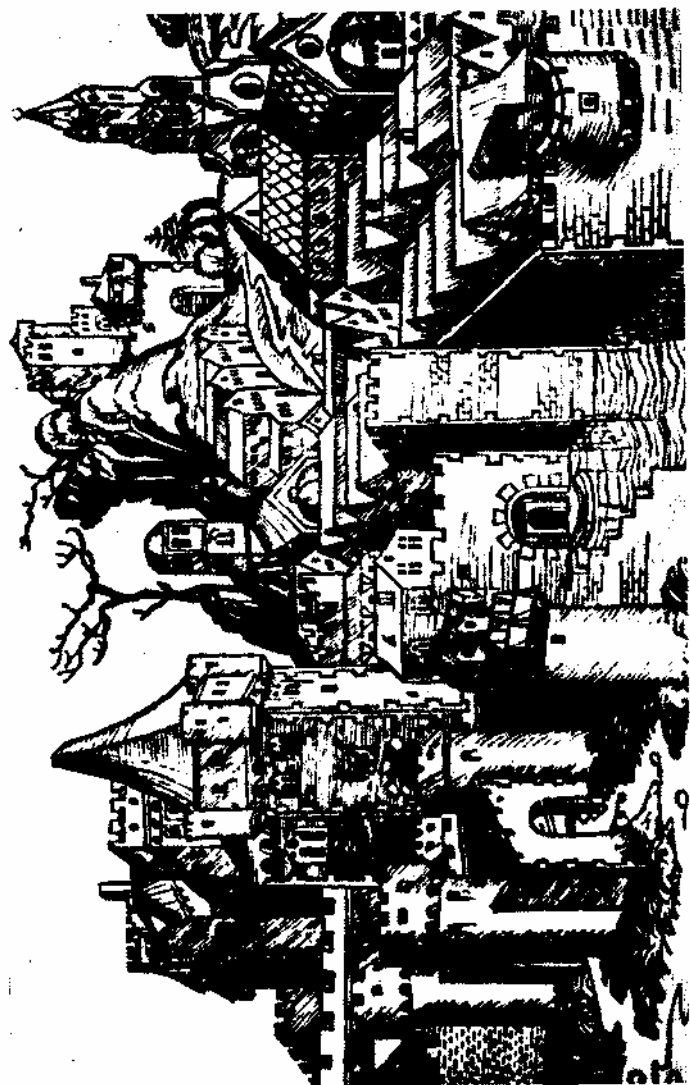
Осложнение и усиление внутривластной борьбы в республике вызвало еще более активное вмешательство европейских держав, справедливо рассматривавших Геную как один из наиболее важных общеевропейских экономических, стратегических и политических центров. Испания стремилась укрепить давнюю «дружбу» с Генуей, поддерживая в своих финансовых интересах деловые круги нобилей портика Сан Лука.⁸⁶ Определенные интересы Испания имела и на Корсике, за которую в 60-х годах XVI в. шла сложная борьба.⁸⁷ В годы бурных волнений 1574—1575 гг. Испания была готова вступить в контакт с бежавшими из Генуи нобилем (vecchi), а те, используя эти намерения, добиваются через Джованни Андреа Дориа — наследника славы умершего в 1560 г. «отца отечества» Андреа Дориа — фактической помощи испанского флота для нападения со стороны Финале на мятежную тогда Геную.⁸⁸

Империя была заинтересована в сохранении статус-кво во всей Италии, поэтому естественным желанием Максимилиана II было «наведение порядка» в самой Генуе. Папа Григорий XIII стремился к этому.⁸⁵ R. Di T. и с. i. Geneva e gli stranieri (secoli XII—XVII). — *Rivista italiana del Diritto internazionale e processuale privata*, vol. V, 1936.

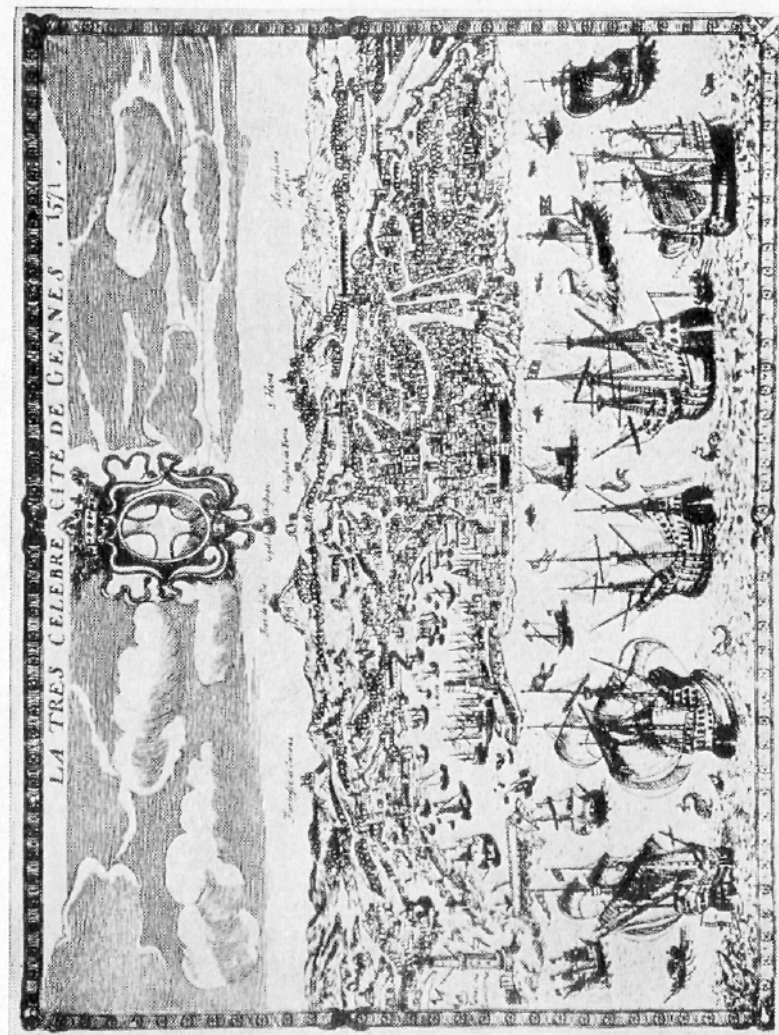
⁸⁶ См. с. 151-153.

⁸⁷ R. Emmanuelli. Genes et l'Espagne dans la guerre de Corse 1559—1569. Paris, 1964. — Интересные иллюстративные материалы и некоторые любопытные сведения даются также в работах XVII в. экс-генерала ордена миноритов-конвентуалов: P. S o g n e l l i. La serenissima repubblica di Genova e regno suo di Corsica. [S. 1., s. d.l.

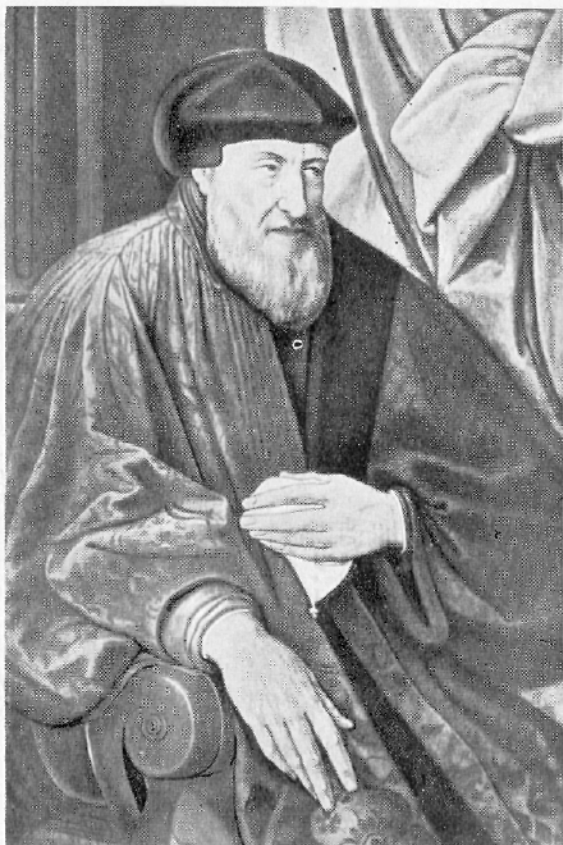
⁸⁸ M. N i c o l a. La nobiltà genovese dal 1528 al 1700. *Miscellanea Ligure*, vol. II, 1961. — Об истории и роли Финале см.: F. G r i l l o. Origine storica. . . , p. 145—147.

Милан. Гравюра на дереве М. Вольгемут из «Liber Chronicarum» Гартмана Шеделя.
Нюрнберг. 1493.

Генуя 1571 г. Вид с моря. Анонимный автор второй половины XVI в. Офорт.
Топографическая коллекция Генуэзской коммуны.

Андреа Дориа. Работа Я. Мейсенса. Палаццо Бьянко.
Генуя.

Папа Григорий XIII. Гравюра XVI в.

милея включить Геную в общеевропейскую борьбу против турок, а если удастся, то и присоединить ее к своим владениям. Появление в апреле 1575 г. в Генуе кардинала Джованни Мороне в качестве арбитра ярко продемонстрировало не только заинтересованность, но и прямое вмешательство «европейских сил» во внутривнутриполитические события, происходившие в стенах Генуи.

ГЕНУЯ В ЦЕНТРЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТОЛКНОВЕНИЙ

В 1575 г. обстановка в Генуе накалилась и дело дошло до острых столкновений -- новые нобили захватили власть с помощью попопаров, старые бежали, народ вооружился и готовился к восстанию. Об этих событиях сообщает великому герцогу Тосканскому его посол в Венецию Орацио Урбани: католический король, христианнейший король, папа, - - каждый по-своему ищут пути «к улаживанию генуэзских дел», однако пока что все попытки «приводят в отчаяние, так как при таком правлении этот город может потребовать продолжительного времени» для его замирения. Поэтому «эти синьоры [испанский и французский короли] старались убедить монсиньора нунция вмешаться, используя свое высокое положение, и прежде всего высказать чрезвычайное недовольство его святейшества, проявленное в решении [послать в Геную своего легата], - вызванного тем, что весь мир будет роптать, а противники из обеих партий радоваться» такому осложнению дел в Генуе.⁸⁹

О генуэзских событиях также спешил сообщить своему высокому синьору посол великого герцога Тосканского в Милане Алессандро Верри: «генуэзцы снова выставили вооруженных людей и велели запереть городские ворота».⁹⁰ Флорентийские послы докладывали «главе Флоренции» (саро di Fiorenza)⁹¹ о внутреннем положении Генуи и о ее международном окружении. Тосканское великое герцогство было одним из сильнейших региональных государств абсолютистского типа, и эти события были тесно связаны с его политикой: старые нобили бежали во Флоренцию, чтобы укрыться под сенью престола «абсолютного патрона герцога Фран-

⁸⁹ «... l'accordamento delle cose di Geneva si ha come per disperrate e percho quella Citta possa dar' lungo tempo con questo modo presente di go-verno. Hanno questi signori cercato di persuader' Monsignor Nuntio a in-tervenire alia sollenita come prima con mostrare infinite dispiacere di questa resolutione di Sua Santita per cagione che sara il mondo di mormorare e gli inimici di ambe le parti di rallegarsene» (Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 6967, relazione 14.V.1575, p. 337—338); см. прил., док. III.

⁹⁰ «Genovesi... di nuovo facciano star le gente armata et le porte della citta serrate» (Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 3114, relazione 11.V. 1575, p. 207); см. прил., док. IV.

⁹¹ B. Arditi. Diario... p. 205.

ческо Медичи», как его именовал Ардити, ненавидивший Медичи и хорошо знавший их жесткие и коварные методы правления.⁹² Тосканское великое герцогство непосредственно вмешалось в генуэзские дела, снабдив продовольственными припасами отряды, направленные испанскими властями против Генуи.⁹³

Папство, заинтересованное в сохранении в Италии установившегося политического равновесия после Като-Камбрезийского мира, выступало в качестве наиболее ревнивого умиротворителя: «говорят, — сообщал посол Урбани, — о намерении кардинала Мороне удержать Геную от столь великих беспорядков».⁹⁴ Джо-ванни Мороне действительно прибыл в Геную в качестве апостолического легата, хотя и не без ее сопротивления, что свидетельствовало об опасениях республики по отношению к намерениям и истинным целям папства. По сообщению венецианского историка Филиппе Казони, — современника событий, имевшего доступ к архивам Генуи, — еще до прибытия кардинала в Геную сюда приехал для предварительных переговоров с сенатом епископ Франческо Канобио. Сообщение о направлении легата было принято неприязненно: многие представители правительства боялись этой встречи и хотели уклониться от нее (*molti del Governo, che aborivano questa novita, per timore*); некоторые пытались добиться ограничения не только церемоний, связанных с прибытием легата, но и его довольствия и угощений (*nel cerimoniale, come nel sustanziale*). Однако, преодолев сопротивление недовольных, в страхе перед перспективой народного восстания, сенат постановил «благодарить папу за заботу и отеческое милосердие» (*determine il Senate di render grazie al Papa della cura. . . e la paterna carita*). Кардинала встретили у границ государства с официальными приветствиями, а затем в сопровождении почетного эскорта из двух галер он прибыл в Геную. Там был принят сенатом и клиром при большом стечении народа, после чего отслужил мессу в кафедральном соборе, на которой присутствовали сенаторы. Согласно наметенной официальной процедуре торжеств, предполагали провести три общих процессии во главе с кардиналом, но уже во время первой внезапно вспыхнуло большое волнение (*un gran tumulto*), завершившееся вооруженной стычкой, и следующие две процессии были отменены.⁹⁵ Напуганный таким выражением политических страстей, легат, по сообщению посла Урбани, отказался

⁹² «La casa de'Medici in Firenze, padrona assoluta»; «padrone assoluto el duca Francesco Maria» (*ibid.*, p. 53, 108).

⁹³ *Histoire de revolutions de Genes depuis son etablisement jusqu'a la conclusion de la Paix de 1748*, t. III. Paris, 1752, p. 195.

⁹⁴ «. . . habbia mormorato che di l'intenzione del' Cardinal Morone sia di intratener'tanto quei garbugli di Geneva» (*Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principal*), reg. 3114, relazione 11.V.1575, p. 207).

⁹⁵ F. C a s o n i. *Annali della Repubblica di Geneva del secolo decimo sesto*. Genova, 1708, p. 322—323.

от участия в церковной церемонии в честь дня св. Марка,⁹⁶ обосновался в отведенном ему дворце и принялся за сложное дело примирения враждующих сторон во славу и к выгоде папского престола. Первым предложением папского арбитра было разоружение народа (*si disarmasse il Popolo*),⁹⁷ а одним из первых мероприятий папской курии — финансирование отрядов, направляемых испанцами против Генуи.⁹⁸ Папство формально действовало в качестве покровителя итальянских государств и их защитника от чужеземцев, иногда объективно его роль была именно такой. Но на самом деле папство не было лишено происпанских тенденций. Как писал Ф. Энгельс, оценивая роль папства в политической жизни Италии XVI в., «папская власть была препятствием национальному единству и в то же время часто выступала как бы в роли его представителя . . . уже с 1500 г. папа в качестве князя средней руки перерезал своими владениями Италию и сделал ее объединение практически неосуществимым».⁹⁹ Эта известная характеристика может быть дополнена такой деталью, как деятельные заботы некоторых пап о спасении итальянских государств от чужеземных захватов с целью включения их в состав своего государства или превращения в своего вассала. Независимо от того, насколько эта цель была осуществимой, ее реализация не привела бы к объединению итальянских земель вокруг папского Рима как антинационального космополитического центра, не говоря уже о его крайней реакционности и религиозной непримиримости в годы, правления Григория XIII, папы — вдохновителя событий Варфоломеевской ночи. Его связи с католическим королем, религиозным фанатиком Филиппом II, вполне естественны. Возможное покорение испанцами Генуи грозило папе ослаблением влияния Ватикана на ее политику, в то же время папская курия, судя по переписке кардинала Мороне, была тесно связана через своего нунция с испанским двором. В письме от 12 мая 1575 г., адресованном в папскую курию кардиналу Комо, ведавшему иностранными делами, легат сообщает о вручении папского бреве послу испанского короля, а затем фактическому представителю Испании Джованни Андреа Дория у себя в генуэзском дворце. Он же обратился к папскому нунцию в Испании с просьбой добиться у Филиппа II указаний его представителям в Генуе установить с ним, легатом, доброе взаимопонимание. В донесении от 13 мая 1575 г. Мороне снова сообщает о намерении связаться

⁹⁶ «... questi garbugli genovesi, i quali seguitano de tanta mala natura, che illustrissimo legato . . . non intervenne alle

cirimonie per il giorno di S. Marco» (Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 2967, p. 333).

⁹⁷ F. Cason i. Annali. . . , p. 323.

⁹⁸ Histoire de revolutions de Genes. . . , p. 195.

⁹⁹ Ф. Энгельс. Заметки о Германии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 572.

83

6*

с испанским королем через папского нунция в Мадриде, если не будет возражений со стороны папы;¹⁰⁰ последнее звучало как формула вежливости, так как эти контакты были уже установлены. Наиболее выразительным проявлением заботы папства о независимости Генуэзской республики является следующий факт: когда новые нобили заявили папе, что они не хотят терять свободы и попасть под иго Испании, но если уж терять ее, то в пользу другого хозяина, Григорий XIII собрал консисторию для рассмотрения этой просьбы, желая подчинить Геную папской курии — «папа охотно воспользовался бы случаем присоединить это государство к своим доменам».¹⁰¹ Только благодаря энергичному противодействию испанских кардиналов намерение не удалось осуществиться, и курия по отношению к Генуе сохранила лишь права политического арбитра.¹⁰² Папство проводило активную общеевропейскую политику, ее дипломатия отличалась опытностью и тонкостью игры. Однако политика требовала огромных затрат, с которыми едва справлялась папская казна, несмотря на общеевропейские масштабы ее налоговых доходов. Доходы же самого Папского государства были весьма ограниченными. Так, согласно неопубликованной ведомости за 1586 г., римские таможи получали в год 135 тыс. скуди, а затраты на аппарат курии и дворца достигали 27 400 дукатов.¹⁰³ Размеры долгов уже в начале XVII в. доходили до нескольких миллионов дукатов.¹⁰⁴ Это был показательный итог воинственной деятельности папства, вкладывавшего средства в постройку новых крепостей, восстановление старых и ведение войны. При Сиксте V на укрепление замка св. Ангела (Castel S. Angelo) в Риме ежегодно вкладывалось до 1 млн дукатов.¹⁰⁵ «Если бы кто-либо увидел, сколько миллионов задолжал патримоний, — восклицал Политик-Солдат, — ... он изумился бы и задумался бы над тем, каким образом можно возместить более 20 миллионов ежегодных затрат на ведущиеся ныне войны . . . хотя во всем христианском мире не найти государя, который более умело и быстро, чем папа, умел бы делать деньги».¹⁰⁶

¹⁰⁰ «Diedi il breve di Nostro Signore al ambasciatore cattolico et hav-rei fatto il medesimo in dar il suo al signer Giovanni Andrea Doria. . . che fu da me. . . (Переписка Мороне. Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1 [далее: Переписка Мороне], 19/52, письмо 12.V.1575, p. 229). «Et ancora perche se Nostro Signore lo giudicar, se bono lo facesse trattar col Re cattolico per via del nuntio suo» (там же, 20/52, донесение 13.V.1575, p. 239).

¹⁰¹ «Le pape auroit volontiers profit de l'occasion de joindre cet Etat a ses domaines» (Histoire de revolutions de Genes. . . , p. 201).

¹⁰² Ibid., p. 195.

¹⁰³ Relazione della Corte et Governo di Roma (Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ин. 1318, л. 292, 295, 312, 313, 352, 353); см. прил., док. VII.

¹⁰⁴ # II Politico Soldato. Osservazioni, p. 162.

¹⁰⁵ Ibid., p. 165.

¹⁰⁶ Ibid.

84

В не менее сложном положении находилась Франция¹⁰⁷ периода гражданских войн, тесно связанная с Италией еще с прошлого XV в. История итальянских государств в XVI в. не может рассматриваться без учета связей с Францией. Одним из "характерных центров в этом отношении была Генуя, которая уже в начале XVI столетия стала французским владением. С этим событием связаны драматические эпизоды борьбы генуэзских горожан, восставших в 1506 г. против французов и городских патрициев. Подавление восстания произошло не без участия самого французского короля Людовика XII. В следующие десятилетия Генуэзская республика умело лавирует, играя на противоречиях великих держав, но всегда учитывает события внутривосточной жизни, действия двора и дипломатии Франции. Внимательно наблюдают за этим и другие итальянские государства. Примером тому может служить Флоренция, где зоркий глаз Бастиано Ардити непрерывно наблюдает за событиями во Франции. Его «Дневник» начинается с сообщения о кончине Карла IX, затем он отмечает весь путь будущего короля Генриха III от Кракова до Парижа. Подробно описана встреча в Венеции, где его приветствовали герцоги Савойский, Феррарский и Мантуанский, папский легат; появление Генриха на Каналь Гранде было отмечено салютом из 600 пушек. В Ферраре его встречают не только как короля Франции и Польши, но и как августейшего родственника. В Лионе среди воинских сил короля отмечены и итальянские пехотинцы (fanterie 'taliane). Вскоре после приезда Генриха III во Францию к великому герцогу Тосканскому Франческо Мариа прибывает

французский посол для переговоров о займе. Коронация Генриха, как пишет Ардити, совпадает по времени с волнениями в Генуе. Он же отмечает благоприятный поворот в судьбах Савойи, которой французский король возвращает все крепости, и в то же время пишет об опасной ситуации, грозящей итальянским государствам в результате дружественных контактов Франции и Турции (*una amicizia tale tra Francia e casa d'Ottomanno*). Неоднократно флорентийский автор описывает сложную обстановку во Франции в связи с гугенотскими войнами (*travaglio con gli avversari suoi ugonotti*) и усилением кальвинизма, главу которого он считает «ложным христианином», но «человеком великим и мудрым» (*predicare per tutto e' Regno di Francia la dottrina di Giovan Calvino, falso cristiano e ugonotto eretico. . . grandissimo uomo. . . co'la sua sapienza*). Отмечает он активную деятельность фактической правительницы Франции Екатерины Медичи (*regina Caterina de'Medici*),

¹⁰⁷ Здесь рассматриваются лишь связи Франции с Генуей. Истории Франции посвящена целая библиотека работ советских ученых, характеристику которых см.: О. Л. В а и н ш т е и н. История советской медиевистики 1917-1966. М., 1968, с. 330-336.

85

tenendo gran grado).¹⁰⁸ Вполне естественно, что дипломатическая почта этого времени направляется не только на имя короля, но и Екатерины Медичи, примером чему может служить переписка итальянских дипломатов и правителей с Францией. Флорентийский посол, находящийся в Бордо, спешит поблагодарить Карла IX за «любезное одолжение», которым он воспользовался, и просит распоряжений для выполнения желаний короля, так как он в равной степени считает себя «на его службе, как и на службе своего герцога [Тосканского]».¹⁰⁸ Свидетельством дипломатических и деловых связей Тосканского герцогства с Францией является письмо Козимо Медичи из Пизы Савойскому герцогу Эммануилу Филиберту: «С какой готовностью, — пишет он, — были мною представлены 100 тысяч скуди для нужд христианского короля» через агентов на биржах Антверпена (*Plaza d'Anversa*) и Италии (*Piazza d'Italia*) и он «сделает все, что в его силах, для служения христианскому королю».¹¹⁰

Что все нити дипломатических интриг двора христианнейшего короля находились в руках Екатерины Медичи, свидетельствует письмо из Рима Винченцо Бадалокьо, адресованное «святейшей и христианнейшей королеве», которая «слишком занята важными делами». Бадалокьо пишет, что уже несколько недель «ничего нельзя сделать для Ваших дел. . . из-за некоего лица, которому я должен был вручить деньги для распределения их на затраты по Вашему делу . . .». С этим «делом» связаны имена итальянских знатных и должностных лиц: Аннибале Руччелаи, финансирующего мероприятие, Мусетто, интригующего против Бадалокьо, а также имена нескольких французских и итальянских кардиналов. В это сложное «дело», касающееся римской курии, были вовлечены светские и церковные деятели Рима, Феррары, Тор-тоны.¹¹¹ Екатерине Медичи пишут ее агенты и высокопоставленные «слуги и подданные», вроде архиепископа Джулиано Медичи, сообщающего о делах своего диоцеза (*de cedit diocese*).¹¹²

Пишут французскому монарху и генуэзский дож, и высокие магистраты республики. Одной из точек пересечения политичес-

¹⁰⁸ В. А р д и т и. *Diario*. . . , p. 1, 3, 5, 6, 9—11, 22, 23, 25, 29, 36, 44—46, 49, 59, 71, 76, 80, 101, 102, 144, 159.

¹⁰⁹ «il servizio di V. M. et quel del Duca» - (Отдел рукописей ГПБ в Ленинграде, coll. Дубровского, авт. № 43, 16.V.1565, л. 44); см. прил., док.

¹¹⁰ «. . . che da me si sia fatto quanto hanno comportato le forze mie ser-vire al Re Cristianissimo» (там же, авт. № 14, 29. XI. 1562, л. 23); см. прил., док. IX.

¹¹¹ «. . . Lei essere da troppo maggiori cure occupata. . . sono già passate più settimane. . . senza poter fare alcuna cosa nella causa sua. . . di alcune a cui si devono pagare i denari per distribuire nelle spese della causa» (там же, авт. № 33, 9.XI.1566, л. 56^r [58^r]); см. прил., док. X.

¹¹² Там же, авт. № 43, 9.V.1580, p. 76 (73).

86

ких притязаний Франции и Генуи была Корсика, на которую прибыл, как об этом сообщают в письме Карлу IX дож и ректоры Генуи через своего представителя при французском дворе, Сампьеро Бастерика, объявленный генуэзским правительством мятежником (*nostro ribelle*). Генуя опасается, что он вызовет на острове восстание (*haveva suscitato tumulto*), и надеется, что король поддержит их намерение установить там порядок, так как он обычно, «ив этом их счастье, принимал близко к сердцу заботы республики нашей».¹¹³ Французские короли уже в прошлом, как было сказано, не раз близко к сердцу принимали заботы Генуэзской республики вплоть до полного освобождения ее от тягот управления и принятия их на свои августейшие плечи.

Критическая обстановка, создававшаяся в Генуе в 70-х годах XVI в., снова обратила на себя внимание французского короля. В июле 1575 г. в Геную прибыл посол Генриха III Марио ди Би-

раго,¹¹⁴ вместе с ним приехали изгнанный в прошлом из республики Галеаццо Фрегозо и другие генуэзцы, противники Испании. Послу был устроен пышный прием в сенате, где он обещал в случае войны помощь солдатами, оружием, боеприпасами и продовольствием.¹¹⁵

Открытое вмешательство в генуэзские дела привело в движение всю дипломатическую и военную машину испанского двора: король приказал взяться за оружие (*di mover l'armi*), правителю Милана было велено направить отряды, находящиеся у границ республики, в распоряжение Дориа.¹¹⁶ Пока это была лишь военная демонстрация, но тучи сгущались, и не только Генуя, но и все другие «государства Италии имели основание опасаться, что они могут быть окружены и внезапно могут встретить на границах своих государств чужеземные армии».¹¹⁷ Генуэзский конфликт грозил вылиться в общетальянский, а активные действия главных соперников — Франции и Испании — крайне осложнить его.¹¹⁸ Однако главный арбитр, кардинал Мороне, проводивший

¹¹³ «... riputando noi a specie di felicità, che a Lei premano i travagli della Repubblica nostra» (там же, авт. № 22, 10.IX.1564, л. 39); см. прил., док. XI.

¹¹⁴ «... arrive in Geneva un ambasciatore de Re di Francia, il quale tutto che fosse occupato da una grandissima guerra civile intrapresa contro gli Ugonotti... Mario di Birago» (F. Casoni. Annali... , p. 328). — В «Дневнике» флорентийца Ардити тоже сообщается об этом, он именует его Брисак (Brisache) (B. Arditi. Diario... , p. 56); см. также: Histoire de revolutions de Genes... , p. 191.

¹¹⁵ «... soccorsi di soldatesche, di munizioni e di vettovaglie in caso di guerra» (F. Casoni. Annali... , p. 328).

¹¹⁶ Ibid., p. 32.

¹¹⁷ «Les Puissances d'Italie craignoient de s'y trou'ver enveloppees et sur Lout de voir dans les environs de leurs Etats des armees etrangeres» (Histoire de revolutions de Genes... , p. 188).

¹¹⁸ P. Guichonnet. Histoire de l'Italie. Paris, 1964, p. 52—54. Интересные детали можно найти в работе: J. F. F. Rivaola. Descrip-

в своем дворце переговоры об условиях примирения двух генуэзских партий, знатных нобилей портика Сан Лука и новых нобилей портика Сан Пьетро, вместе с представителями Испании и Империи не допустили на этот «конгресс мира» (Congresso di Pace) представителя Франции, хотя о его участии в переговорах просила партия Сан Пьетро. Нобили же Сан Лука мотивировали свое требование о недопущении его тем, что «французский посол направлен в Геную прежде всего, чтобы разведать положение дел и для наблюдения, а при благоприятной обстановке поднять народ против нобилитета и перетянуть его на сторону Франции»,¹¹⁹ что не было лишено основания. Франция на самом деле стремилась использовать ситуацию в свою пользу, однако более надеялась на благоприятный для нее внутренний переворот, и, как показали дальнейшие события, не смогла противопоставить Испании военную мощь и оказать обещанную Генуе помощь. На этом этапе решающую роль играла Испания. Только через несколько лет, в 1579 г., как записал в своем «Дневнике» Ардити, «Генуя решила призвать французские силы, почувствовав необходимость защититься от принятых королем Филиппом мер».¹²⁰ Действительно, к концу генуэзского конфликта фокус международных противоречий, связанный с Италией, в еще большей степени переместился в сторону Франции.

Кроме Франции, Испании и папства в генуэзский конфликт поспешила ввязаться Империя. Император Максимилиан направил в Геную двух представителей, светского и церковного (графа Дюренбергского и епископа Акви), которые примкнули к «конгрессу мира». Возможно, это произошло не без совета Агостино Спинолы, имевшего особые интересы при Венском дворе и направившего императору приглашение от имени знатных нобилей партии Сан Луки.¹²¹ Некоторые генуэзские семьи были связаны деловыми, а иногда и брачными узами с «августейшим домом Австрии» (Augustissima casa d'Austria), как он был назван в одном из писем дожа и ректоров Генуи. В письме высказывалось большое удовлетворение (*maggior' contento*) установлением родственных связей между синьором Негро и представительницей австрийского дома и сообщалось о направлении Лазаре Гримальди для принесения поздравлений с их браком.¹²²

tion historica chronologica e genealogica civil, politica y militar de la serenissima republica de Geneva, su governo antiguo y moderno. Madrid, 1729.

¹¹⁹ «Che l'ambasciatore francese era stato spedito a Geneva piu per sapere

10 stato delle cose, e per vedere, se vi fosse congiuntura propizia di sollevare

11 Popolo contro la Nobilta, e di tirarlo alia devozione della Francia» (F. Casoni. Annali... , p. 329).

¹²⁰ «... l'impresa de' re Filippo era iscoperta perche Genova s'era provvista di l'utte le cose necessarie da difendersi... Genova era resoluta e chiamata la parte francese» (B. Arditi. Diario... , p. 214—215).

¹²¹ tr. Casoni. Annali... , p. 327.

¹²² Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 2839, письмо 7.IV.1565, p. 9; см. прил., док. V.

В целом Генуя была относительно мало связана с Империей, которая, пользуясь тяжелым положением республики, хотела превратить ее в свой феодал. Но у представителей Венского двора было мало шансов

добиться конкретных успехов; вхождение в комиссию арбитров давало Империи возможность напомнить о себе как о «международной силе». Генуэзцы же считали их надежды безосновательными, так как нельзя серьезно рассчитывать на «влияние представителей столь далекого государя, с которым республика связана крайне слабо».¹²³ Наличие же представителей императора среди арбитров придавало комиссии более внушительный вид. Хитроумный кардинал Мороне, включивший их в состав «конгресса мира», прекрасно понимал, что они не смогут повлиять на ход событий, а значит и помешать папской дипломатии осуществить свои цели. Помехой могли быть лишь французские представители, и они не были допущены в состав арбитров. 3 сентября 1575 г. был принят «свободный компромисс», а утром следующего дня кардинал Мороне в присутствии сената отслужил в кафедральном соборе мессу в знак установления мира. Вечером Генуя отмечала праздник мира огнями факелов и салютами артиллерии. Казони рассматривал эти необоснованные торжества как результат недостаточной осведомленности кардинала, его «легковерия» и «легкомыслия».¹²⁴

В сущности это был самый острый момент конфликта. Делегаты знатных нобилей покинули «конгресс мира», сенаторы и другие должностные лица республиканских магистратур нобильской партии Сан Лука также оставили свои посты и отправились в Финале, ставший как бы резиденцией второго генуэзского правительства — партии Сан Лука.¹²⁵ Демонстративное вмешательство Франции и ее открытое обещание военной помощи Генуэзской республике подтолкнуло Испанию к активным действиям, хотя крайне сложное внутреннее положение Франции делало нереальными планы овладения Лигурийской столицей. Поведение Франции давало Филиппу II, который чувствовал себя «гегемоном Европы»,¹²⁶ лишний повод «вступить» за Геную. Можно не сомневаться, что это обстоятельство было прекрасно известно пап-

¹²³ F. Casoni. *Annali...*, p. 328.

¹²⁴ «Onde il Cardinale, avendo conosciuto di esser stato troppo facile, e troppo credulo» (ibid., p. 330).

¹²⁵ «... la maggior parte si salvo al Finale... come in paese dipendente dal Re di Spagna... abbandonare la Città... i senator! del Portico di S. Luca... e quivi ancora ridottisi alcuni deputati delloro partito, vi stabi-lirono la sede della Fazione» (ibid., p. 325). — Маркизат Финале в 1598 г. и административном отношении был объединен с Миланом. Нобили партии Сан Лука и Испания располагали также землями синьории Онелья (принадлежавшей Дориа, а затем захваченной Савоной), республики Нови, княжества Монако (перешедшего от Гримальди к Мартиньоли) и некоторыми имперскими феодами (Storia di Milano, t. X, L'eta della riforma catto-lica (1559—1630). Milano, 1957, p. 6; см. карту Италии на форзаце).

¹²⁶ Storia di Milano, t. X, p. 3.

скому легату Мороне и было понятно ему не менее, чем другим современным наблюдателям. Казони вряд ли правильно оценил поведение Мороне, шумно отметившего установление мира в обстановке войны. Можно полагать, что папский легат совершенно сознательно объявил о заключении мира, чтобы, ссылаясь на решение «конгресса мира», находящегося под эгидой папы и императора, иметь юридическое право требовать примирения сторон или хотя бы ограничения военных действий, а главное, сохранения статус-кво для Генуи и Италии. Это давало папству шансы и в дальнейшем выступать в качестве общепитальянского посредника. Опираясь на решение комиссии арбитров, Мороне призвал Джо-ванни Андреа Дориа решить вопрос мирным путем и одновременно просил папу и великого герцога Тосканского убедить Дориа отказаться от применения силы. Не без участия Мороне представители императора направили письменный протест властителям Массы и Луниджаны, вассалам императора, которые согласились частично оплатить отряды, находящиеся на службе у Дориа (*ad assoldar genti*). Даже испанского посла в Генуе дона Идиаквеца он уговорил написать Дориа о том, что из Мадрида нет прямого приказа начать войну.¹²⁷

Решительные шаги Дориа не противоречили испанской политике, тем более что Филиппу II удалось вести военные действия против Генуи под генуэзским флагом. Дориа, будучи фактически адмиралом на службе у испанского короля, принял звание генерального капитана Генуэзской республики «по просьбе» знатных нобилей.¹²⁸ Началась война против Генуи. С этой удобной формой ведения войны согласился и Филипп II, отдавший приказ Дориа и дону Хуану Австрийскому вести войну под наиболее удобным для знатных нобилей Сан Луки политическим лозунгом.¹²⁹ Проигрыш войны означал бы в таком случае только поражение генуэзской партии старых нобилей, выигрыш же в большей или меньшей степени должен был принести победу испанской короне. К тому же, приступая к военным действиям, католический король формально не становился нарушителем воли папы, призывавшего к миру, хотя фактически именно он развязал войну. Итальянские политические мыслители, писавшие об этих событиях спустя шесть десятилетий, считали, что приближенные испанского короля побуждали его к тому, чтобы он «не терял удобного случая для захвата Генуи» и включения в свою мировую державу, в которой «никогда не заходит солнце». Итальянские государи боялись стремления Испании присоединить Геную, чтобы «соединить все провинции испанской империи» и облегчить тем самым осуществление ее «мечты установить господство над всей Ита-

¹²⁷ F. Casoni. *Annali...*, p. 330.

¹²⁸ «... essendo stato dalla Nibilta di S. Luca nominate per loro Gene-rale, innalzo lo Stendardo della Republica» (ibid., p. 328).

¹²⁹ Ibid.

лий».¹⁸⁰ Они обвиняли Испанию в готовности пойти «на опаснейшую войну, при которой неизбежны большие потери для всего христианского мира, хотя единственной целью такой войны может быть получение выгод от вмешательства в генуэзские дела, захват города, а с ним и всех богатств и имуществ его граждан».¹³¹ Несмотря на некоторую прямолинейность, эта характеристика не лишена реальной оценки положения. Во всяком случае агрессивные круги испанского двора были близки к планам такого рода. Герцог Альба в Мадриде в присутствии старых нобилей предложил захватить генуэзскую крепость и поместить туда испанский гарнизон; несмотря на крайне воинственное настроение, нобили не согласились с этим проектом, заявив, что им дорога свобода республики.¹³² Наиболее осуществимым планом Испании являлась передача Генуи брату короля дону Хуану Австрийскому в качестве синьории под сюзеренитетом Филиппа II, как об этом сообщал в своей реляции венецианский посол при папском дворе.¹³³ Факты свидетельствуют о близости донесения к истине: посол великого герцога Тосканского Орацио Урбани сообщал из Венеции своему синьору, что в связи с положением в Генуе Испания решила спешно исполнить то, что давно было решено и было намерением, желая использовать для этих целей синьора дона Хуана Австрийского, который уже тайно направился в Италию.¹³⁴ Во Флоренции Бастиано Ардити записывает в своем «Дневнике» сведения о продвижении эскадры дона Хуана, насчитывающей около 70 галер, прибытии ее к порту Финале, затем переходу к Специи.¹³⁵ Вся Италия обеспокоена этим. Весьма встревожен испанскими планами и папский легат Джованни Мороне, писавший в папскую курию уже в начале мая 1575 г.: «Хотя генуэзская крепость представляется столь прочной, что никогда не может быть взята, но все же крупные государи (Principi grandi) могут ее захватить, как это подтверждают факты прошлого».¹³⁸ «Лучше бы

¹³⁰ «... aggiungere agli altri Stati del loro Re una Città così impor-t.ante. . . per congiunger le Provincie dell'Impero Spagnuolo. . . e le speranze di dominare tutta l'Italia» (ibid., p. 322).

¹³¹ «... pericolosissima guerra non senza danno inevitabile di tutta la Cbri-stianita, a solo fine di cavarò qualche profitto, così non s'intrommessero nelle discordie de'Genovesi, che per tirare de gli utili, impadronisi di quella Città (4 usurpare le ricchezze et i beni di quei eittadini» (II P o l i t i c o S o' l d a t o. Osservazioni, p. 231—232).

¹³² Histoire de revolutions de Genes. . . , p. 193.

¹³³ Relazione esatissime de tutto il governo antico et moderno della re-pubblica di Genova, № 10439. — In: M.-G. C a n a l e. Nuova istoria~della ronubblica di Genova del suo commercio e delle sua letteratura dalle origini iill'anno 1797 narrata od illustrate con note ed inediti document!, t. III. Paris, 1842, p. 392.

¹³⁴ Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 2967, 7.V.1575, p. 332.

¹³⁵ B. A r d i t i. Diario. . . , p. 46—47.

¹³⁸ Переписка Мороне, 15/52, письмо 4.V.1575, p. 198..

Handwritten signature: *Handwritten signature*

Handwritten text in Italian script, likely a letter or official document. The text is written in a cursive hand and includes several lines of text, some of which are underlined. The document appears to be a formal communication, possibly related to the historical context of the Genoese Republic and its relations with the Spanish crown.

Письмо Орацио Урбани герцогу Тосканскому 10 января 1572 г.

дон Хуан не появлялся здесь, чтобы не возбуждать зависти, и все было бы хорошо!», — восклицает он в следующем письме.¹³⁷ Он пытался сдержать пыл Испании, полагая, что следует ввести действия правительства новых нобилей в рамки законности, не раздражать старых нобилей и тем самым «не давать какого-либо повода католическому королю выступать против Генуи».¹³⁸ Однако новые нобили, стоявшие во главе Генуи, справедливо считали посла Испании «откровенным врагом» (*nemico scoperto*) Республики св. Георгия и покровителем старых нобилей, союзников Испании, активно проводивших подготовку к войне.¹³⁹ Они просили Дориа поддержать их флотом и обещали набрать в своих владениях людей ему в помощь. Дориа оставался в Фа-ссоло, направив отряды в Акви, где нобили партии Сан Лука приступили к созданию плацдарма (*piazza d'armi*). Затем Дориа, сам прибыв в Акви, написал испанскому королю о необходимости его высокого вмешательства, после чего из Барселоны и отправилась в Лигурийское море могучая армада (*una potente armata*) дона Хуана с большим числом испанской пехоты. Вскоре Дориа и испанский посол были приглашены на совет к герцогу ди Фериа, правителю Милана, где по поручению испанского короля они разрабатывали планы совместных действий.¹⁴⁰ Тем временем испанский флот появился у генуэзского порта.¹⁴¹ Армаду приветствовали посланцы сената, которым было поручено выяснить намерения дон Хуана и предупредить, что «народ ревниво оберегает свободу и выступает против того, чтобы принять его, и что сенат, опасаясь выступления, просит прибыть [в Геную] не более чем с 3—4 галерами».¹⁴² Это заявление в переводе с дипломатического на общепонятный язык означало предупреждение о готовности Генуи дать отпор. Действительно, генуэзские власти накануне встречи провели смотр вооруженных сил республики и, по данным Ардити, определили их число в 38 тыс. человек.¹⁴³ Испанский двор был разгневан приемом, оказанным брату короля, поэтому там раздавались речи в пользу «развязывания войны как наиболее

верного средства» (all'esecuzione dell'armi rimedio pin sicuro).¹⁴⁴ Дон Хуан просил короля дать указания и отправился в Неаполь. Современники расценили это как провал попытки овладеть Генуей.¹⁴⁵ Но испанцы не оставили мысли о покорении лигурийской

¹³⁷ «Che Don Giovanni non venghi qua per non metter gelosia, tutto sa-rebbe bene» (там же, 16/52, письмо 6.V.1575, p. 209).

¹³⁸ Там же, 18/52, письмо 10.V.1575, p. 223. ¹³⁸ F. Casoni. Annali. . . , p. 323.

¹⁴⁰ Ibid., p. 323, 326.

¹⁴¹ Histoire de revolutions de Genes. . . , p. 190.

¹⁴² F. Casoni. Annali. . . , p. 326.

¹⁴³ «In questi giorni venne avisi come il popolo di Geneva fece una rasegna di gente atta a l'arme, di 38 milia di persons» (B. Arditì. Diario. . . , p. 46-47).

¹⁴⁴ F. Casoni. Annali. . . , p. 326. ¹⁴⁵ B. Arditì. Diario. . . , p. 58—59.

93

республики, рассчитывая, по выражению Казони, ловить рыбку в мутной воде (pescare nel torbido).¹⁴⁶ Дориа с эскадрой остался в Специи, что формально означало превращение войны из захватнической в гражданскую. Это не помешало ему появиться в пригороде Генуи, Сан Пьер д'Арена, встретиться с прибывшим туда послом испанского короля герцогом Кандиа, а затем в Неаполе с доном Хуаном, который получил приказ короля пустить в ход оружие. Первым эпизодом войны против Генуи была попытка Дориа перехватить принадлежавшие генуэзской синьории две галеры, шедшие от Корсики к Портофине. В погоню за ними были направлены четыре галеры под командованием Франческо Гримальди, но жители Сестри помогли им укрыться. Здесь вошло в действие соглашение о взаимодействии генерального капитана (Дориа) с правителем Милана (герцогом ди Фериа). Последний направил отряды к Специи, с их помощью Дориа захватил Специю и Портовенере, а затем осадил крепости Гольфо и Лериче. Но у него не хватило тяжелой артиллерии, которую ожидали из Неаполя вместе с припасами и солдатами. Сняв осаду с этих двух крепостей, генеральный капитан напал на Портофине, однако гарнизон и жители города отбили нападение. Так разгорелись бои в восточной части Лигурийской Ривьеры (Riviera di Levante). После инсценировки переговоров с сенатом Дориа потребовал в качестве доказательства «доброй воли» правительства Генуи передать ему Савону с крепостью, но получил решительный отказ. Тогда Дориа овладел Сестри, Рапалло, Читта ди Ноли, Луого делла Пьетра и подошел к Савоне. Таким образом война охватила и западную часть Ривьеры (Riviera di Ponente).¹⁴⁷ Спинола овладел Нови, взял первое кольцо стен Гави, обошел ее крепость и двинулся на Геную. . .¹⁴⁸

На этом война внезапно прекратилась. Дон Хуан, получив послание папы, ответил, что он не давал никаких указаний Дориа, и таким образом отрекся от своих распоряжений, сделанных от имени Филиппа II. Так же внезапно депутаты партии Сан Лука решают принять перемирие, которое они только что фактически отвергли. Дориа не соглашался с этим решением, хотел продолжать войну, но ничего сделать не смог. На своей капитанской галере с четырьмя депутатами партии Сан Лука он отправился в Сан Пьер д'Арена для встречи с кардиналом Мороне.¹⁴⁹ Тактика затягивания переговоров и дипломатическая атака, направленная на примирение, оказались сильнее испанских галер. Но не в этом крылась основная причина внезапного окончания войны. Неожиданный перелом прежде всего объясняется угрозой финансового краха, который помешал бы испанцам продолжать

¹⁴⁶ F. Casoni. Annali. . . , p. 327.

¹⁴⁷ Ibid., p. 326, 328, 332.

¹⁴⁸ Histoire de revolutions de Genes. . .

¹⁴⁹ F. Casoni. Annali. . . , p. 333.

94

p. 196—197.

военные действия. Более того, старым нобилям портика Сан Лука, затеявшим войну, был предъявлен своеобразный счет на несколько миллионов скуди самим испанским королем, а пока было объявлено о прекращении выплаты королевских долгов по займам, предоставленным генуэзскими банкирами. «Желание сложить оружие [объясняется] ныне истощением денежных средств на ведение войны», — так расценили этот поворот депутаты нобилей партии Сан Лука.¹⁵⁰ Во всяком случае Испания пока одержала крупную финансовую победу: по сведениям Казони, королевская комиссия определила затраты на войну от 7 до 12 млн дукатов,¹⁶¹ а по данным Солдата-Политика испанский двор распорядился задержать 15 млн дукатов в счет генуэзских долгов.¹⁶² Если эти цифры и несколько преувеличены, сама причина внезапного прекращения войны была именно такова. Это подтверждает недавно опубликованная «Хроника» весьма осведомленного современника событий Джульяно деи Риччи: «старые нобили, — пишет он, — не имели во время войны ни способностей, ни денег, ни кредита», а после войны вернулись в Геную «лишенные денег, кредита и друзей»; испанский король Филипп «не хотел платить за них» огромные суммы, доходившие до 4 млн золотых только за флот, действовавший в Лигурийской Ривьере. К тому же король потерял постоянные кредиты, ранее

получаемые им из Генуи.¹⁶³ «Вот в чем могла быть причина окончания этой войны», — заключает Риччи.¹⁵⁴ Финансовая победа Испании была в то же время и политической: она приковывала к себе Геную, и без того тесно связанную с ней экономически. К тому же объявленные испанским двором крупные затраты на войну не были мистификацией: во второй половине XVI—начале XVII в. отряд в 200 солдат обходился в месяц в 1355 дукатов, полк (2000 солдат) — в 14 300 дукатов.¹⁶⁶

¹⁶⁰ «... desiderio di sospendere l'armi, quanto che ormai stracchi di pro-fonder denari nelle spese della guerra» (ibid., p. 332—333).

¹⁶¹ Ibid., p. 340-341.

¹⁶² II Soldato Politico. Osservazioni, p. 232.

¹⁶³ «... gli usciti di Geneva mancono continuamente di faculta, di danari et di credito...»; «... li detti nobili vecchi sono con poca satisfatione ritornati alia patria poveri di danari et di credito et di amici, havendo tuttavia continuato et continuando il re Filippo nella oppenione sua di non volere pagarli»; «... 4 milioni d'oro che erano con detta flotta...»; «... il re Filippo hauta continuamente bisogno di danari gli ha presi da'genovesi» (G. de'Ricci. Cronaca (1532—1606) a cura di G. Saporì. Milano—Napoli, 1972, p. 177, 183).

¹⁵⁴ G. de'Ricci. Cronaca... , p. 177.

¹ № Солдат-Политик приводит в своем трактате следующую таблицу.

Затраты на один отряд (una compagnia) в 200 пехотинцев (fanti) в месяц в золотых дукатах:

Капитан (capitano)	— 100
Лейтенант (tenente)	— 50
Знаменосец (alfiere)	— 30
Сержант (sargente)	— 20

95

Эти цифры являются убедительным подтверждением слов Франческо Гвиччардини из его «Воспоминаний о себе самом»: «вот множество свидетельств, утверждающих, что никогда еще во время войны в Италии солдатам не платили так дорого».¹⁶⁶

Кроме причин, связанных с политическими и экономическими планами Испании, существенную роль в отношении генуэзского конфликта сыграли Империя, папство, Франция. Все они хотели видеть Геную в орбите своей политики, а если удастся, то и подчинить себе, но все они были рады видеть ее свободной, лишь бы она никому в отдельности не досталась,¹⁵⁷ если не считать малореальной попытки установить патронат Испании, папства и Империи над Генуэзской республикой.¹⁵⁸ Политическим результатом событий была выработка новых законов в Казале и конституция 1576 года.

ГЕНУЯ И ИСПАНИЯ — НЕРАЗДЕЛИМЫЕ УЧАСТНИЦЫ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Конституция 1576 г. была как бы результатом сложного сочетания внутренних и внешних сил.

Олигархия, продержавшаяся в Генуе почти полвека, свидетельствовала, насколько прочно чувствовал себя старый нобилитет в политической жизни. «Гражданин города» Андреа Дория вне его стен был князем, передавшим этот титул своим наследникам. Палаццо Дория в Фассоло был поистине княжеским дворцом. Карло Дория был имперским князем в Ирпинии и герцогом ди Турси, Палавичино — герцогом ди Кастро, Гримальди — князем Салерно и т. д.¹⁵⁹ Однако поли-

Писарь (scrivano) — 15

3 капрала (caporali)

(по 10 дукатов каждому) — 30

Каптенармус (foriero) — 10

200 солдат (soldati)

(по 5 дукатов каждому) — 1000

Казначей (capo soldo) — 100

Итого

— 1355

На 10 отрядов (per compagnie dieci), т. е. полк (regimento) в 2000 пехотинцев — 13 550

Полковник — 300

Старшие офицеры — 450

Всего

— 14300

(II Politico Soldato. Osservazioni, p. 165—166).

¹⁵⁶ ф Гвиччардини. Воспоминания о себе самом. Соч., М., 1934, с. 506.

¹⁶⁷ Histoire de revolutions de Genes... , p. 200.

¹⁵⁸ F. Casonì. Annali... , p. 334.

¹⁵⁹ T. O. de Negri. Storia di Genova, p. 681.

96

тическое укрепление феодальных сил, процессы феодальной реакции, происходившие с разной силой во всех итальянских государствах, не зашли в Генуе так далеко, как например во Флоренции, превратившейся в XVI в. в герцогство, а затем и Тосканское великое герцогство. Если Флоренция из пополанской республики в XIV в., а затем «бархатной диктатуры» Медичи в XV в. превратилась в региональную монархию,¹⁶⁰ то Генуя, несмотря на непрерывность развития прослойки старого нобилитета, внешне сохранявшего свои традиции, а в XVI в. и усилившего их, не стала монархией

регионального типа и даже не сохранила олигархическую республику, близкую по своей форме к медичейской республике XV в. Конституция 1576 г. провозгласила в Генуе республику, где значительную роль играли нобили пополарского происхождения наряду со старыми знатными нобильскими родами. До XV в. старые нобили города были купцами, банкирами, мореплавателями, т. е. во многом приближались к пополарам и по социальному положению, и занятиям. В Генуе первой половины XV в. одни, как это отметил Эре на основании данных Ди Туччи, покидают ряды «деловых людей» (Фьески, Фрегози, Адорно), другие — значительно сокращают свое участие в торговых операциях (по данным, относящимся к 1433—1434 гг., Дория насчитывают еще 12 представителей своей фамилии среди «деловых людей», Спинола — 11, Гримальди — 4). Параллельно происходит трудно поддающаяся статистической обработке, но несомненно прогрессирующая своеобразная социальная диффузия: в Испании, в Неаполитанском королевстве появляется множество генуэзцев среди придворных, владельцев феодалов, откупщиков фиска. В XVI в. только в Неаполитанском королевстве феодалами владели такие генуэзские роды, как Адорно, Грилло, Дория, Джинальди, Джустиниани, Де Мари, Каттанео, Ланфранко, Ломеллини, Лука, Спинола, Чентурионе, Шипионе и другие, некоторые — княжескими (Джинальди) и графскими (Адорно, до 1532 г.) титулами. Результаты этого процесса не следует абсолютизировать: в XVI в. международные финансовые операции и большей степени, чем раньше, проводятся именно старыми нобильскими. Эта социальная эволюция, связанная с наступлением феодальной реакции во всей Италии, показательна прежде всего для городских «буржуазных» республик, тогда как в государствах «феодального» типа (Неаполитанское королевство, Савойя, Пьемонт) речь может идти лишь о своеобразном развитии феодаль-

¹⁶⁰ См. письмо испанского посла великому герцогу Тосканскому, прил., док. VI.

¹⁸¹ R. S. Lopez. *Aux origines du capitalisme*, p. 91; R. Di T и c i. *Il genovese* Antonio Malfante. Bologna, 1935; G. G a l a s s o. *Economia n .societa nella Calabria del XVI s. Napoli, s. d. [1967]*.

⁷ В. И. Рутенбург

Во Флоренции в XVI в. происходило одворянивание буржуазии («жирных» пополанов), в Генуе знатное дворянство, нобили, не теряя своих феодальных традиций, титулов, в значительной мере обуржуазивались, что было связано со спецификой приморской республики, ведущей широкую торговлю и международные финансовые операции. В то же время происходило некоторое внешнее одворянивание буржуазных по своему социальному содержанию нобилей пополарского происхождения. Однако этому процессу генуэзской буржуазии (пополаров) в известной мере препятствовали территориальные условия республики. Если конституция 1528 г., а тем более 1547 г. была крайним выражением олигархических тенденций генуэзского нобилитета, который не чуждался пополарских занятий, то конституция 1576 г., нобиль-ская по своей форме, как можно предполагать, в большей степени соответствовала социальному профилю господствующей нобиль-ско-пополарской прослойки государства. С ликвидацией alberghi и уравниванием в правах всех нобилей государственная власть и избирательная система получили относительно широкую социальную основу, что вовсе не означало истинной демократизации управления: рядовые пополары, как и до этого, были бесправны и целиком зависимы от нобильской власти. Конституция 1576 г. с точки зрения юридической привела к отделению судебных властей от правящих. Представители власти могли осуществлять контроль только над внешним ходом и соблюдением сроков судебной процедуры.¹⁶² Теоретически это означало свободу и независимость судебных властей, практически — «возвращение к полицейскому государству, к полному произволу, когда и виновного могли оправдать, а невинного осудить».¹⁰³ Отмечался также значительный рост государственного бюрократического аппарата.

Внешне все выглядело почти без изменений по сравнению с конституционной структурой 1528 г.: сохранялись Большой и Малый советы, управители (сенат), прокураторы (камера) и дож. Но наряду с этими традиционными инстанциями эпохи Дория возникло множество фактически независимых друг от друга ведомств (magistral;! o giunti): пограничное (del confini), военно-морское (di guerra e marina), кораблестроительное (della galee), по чеканке денег (da moneta), здравоохранения (di sanita), продовольственного снабжения (dell'abbondanza), социального обеспечения (dei poveri), поддержания благопристойности (della virtu) и др. Единство нобилей, источником которого было их политическое равновесие, усиление и расширение государственного аппарата

*^{ea} G. F o r c h e r i. *Il ritorno allo stato di polizia dopo la costituzione del 1576*. — *Atti della Societa ligure di Storia Patria*, nuova ser., vol. IX (LXXXIII), fasc. I, 1969.

¹⁶³ Ibid., p. 61, 67.

способствовали поддержанию «порядка» и пресечению возможных выступлений бесправного слоя рядовых пополаров.

Сдвиги, связанные с перестройкой административного аппарата Генуэзской республики в результате событий 1576 г., можно рассматривать как показатель эволюции итальянских региональных политических образований от средневековых городов-республик к государствам нового типа, где

происходит выделение чи-новно-бюрократической прослойки, приобретающей некоторую автономию, а также более определенное размежевание функций исполнительной и законодательной власти. Истоками относительного спокойствия в Генуэзской республике была кроме того атмосфера политической усталости после периода бурных городских волнений, а также грозившая ей политическая активность, граничившая с агрессивностью, североитальянских соседей («туринская опасность», «пьемонтская опасность») и Франции, никогда не упускавшей возможности оказывать на Геную давление или даже организовывать политические авантюры через Турин. Несмотря на относительно благоприятную для нобилей обстановку, республика не смогла избежать попыток антиправительственных выступлений (Вассало в 1577—1578 гг., Леверетто в 1602 г.), связанных с Турином и вдохновленных Францией. На недовольных обрушивались репрессии со стороны синдикаторов, должность которых стала пожизненной, а затем и специально организованной коллегии государственной инквизиции. Укрепление сыскных и карательных органов республики 1576 г. свидетельствовало столько же об укреплении государственного аппарата, сколько и о росте скрытого недовольства в эпоху «золотого века» республики, как его воспринимали современники, именовавшие тогда Геную «Гордой» (*Superba*). Одним из источников внешних успехов Генуи была присущая ей политика дипломатического лавирования, политика неприсоединения к кому-либо против кого-либо (*non prende iniziative con nessuno e contro nessuno*),¹⁶⁴ а одним из показателей результативности этой политики явилось признание по Като-Камбрезийскому миру 1559 г. Корсики владением Генуи. Усиление испанской монархии в связи с этим мирным договором привело к своеобразному сотрудничеству феодальной монархии с нобильской республикой на основах взаимной выгоды. Политические и военные предприятия испанских Габсбургов требовали экономической поддержки Генуэзской республики, которая в свою очередь с успехом использовала политический союз с Испанией для укрепления экономики.

XVI век проходил под знаком политического усиления Испании, если не во всей Западной Европе, то в Западном Средиземноморье, и в то же время — промышленного и финансового преобладания

¹⁶⁴ T. O. De Negri. *Storia di Genova*, p. 697.

99

Генуи в Испании.¹⁶⁵ Эта своеобразная интеграция, начавшаяся с 1528 г., не поглощая Геную как государственную единицу, давала ей широкую возможность использовать свое положение морского и финансового центра. Форма правления Генуи, максимально обеспечивавшая небывало широкое развитие флота, торговли, финансовых, операций и сочетание мировой политики Испании с общеевропейскими масштабами генуэзских финансовых операций, — все это создавало для Генуи весьма выгодную ситуацию.

Иногда говорят об экономической экспансии Генуи в Испанию, хотя такое проникновение было полезным и для последней. Достаточный материал о деятельности генуэзцев в Испании приведен в широко известных работах Броделя, Сэйю, Лапейра, Романо, Лопеца, Ди Туччи, Витале, Квацца, Де Негри и Да Сильва.¹⁶⁶ Речь идет о строительстве кораблей и их вождении, командовании эскадрами и войсками, широком участии в атлантической торговле, крупных займах испанской короне, капиталовложениях генуэзцев в испанскую промышленность, монопольной добыче соли и т. д. Характерно для этого периода образование международных центров торговли и денежного обмена в Лионе, Антверпене и Медина дель Кампо, где активную роль сыграла Генуя, организация денежных ярмарок под условным названием «Безансон» («*Bisen-zone*»), действовавших затем в-Пьяченце и Нови при полном господстве генуэзцев.

Де Негри образно именовал Испанию и Геную неразделимыми участниками в общеевропейской политико-экономической борьбе.¹⁶⁷ Отношения Генуи с Испанией, несмотря на взаимную выгоду, были далеко не безоблачными. Примером может служить эпизод с оккупацией такого важного центра на Лигурийском побережье, как Финале. Формально военные действия с целью овладеть этим центром вел в 1571 г. губернатор МмiаНај затем действия возобновились в 1598 г., в 1602 г. его заняли испанские войска, а в 1606 г. он был объявлен имперским феодалом — вопреки желанию Генуи и в умаление ее престижа. Финале был нужен Испании

¹⁶⁵ R. Q u a z z a. *Preponderanza spagnuola*; R. S. Lopez. *Il pre-dominio economico del Genovesi nella monarchia spagnola*. — *Giornale sto-rico e litterario della Liguria*, 1936, fasc. II.

lee p B r a u d e l. *La Mediterranee et le monde mediterneen a l'epoque de Philippe II*. Paris, 1949; A. E. Sayous. 1) *Le commerce des Europeens a Tunis depuis le XIIe jusqu'a la fin du XVIe siecle*. Paris, 1929; 2) *Le role des Genoies lors des premiers mouvements reguliers d'affaires entre l'Espagne et rAmerique (1505—1520)*. Madrid, 1932; H. Lapeyre. *La banque, les changes et le credit au XVI siecle*. — *Revue d'Histoire moderne et contemporaine*, 1956; R. Romano. *Banchieri genovesi alia corte di Filippo II*. — *Ri-vista Storica Italiana*, 1949; R. S. Lopez. *La naissance de l'Europe*; R. Di

T u c c i. *Genova*. . . ; V. V i t a l e. *Breviario*. . . ; R. Q u a z z a. *Preponderanza spagnuola*; T. O. De N e g r i. *Storia di Genova*; J.-G. Da S i l v a. *Banque et credit*. . .

¹⁶⁶ « . . . gioco economico-politico in cui Genova e Spagna scfno gli inse-parabili giocatori» (T. O. De N e g r i. *Storia di*

для организации там порта, который мог бы иметь прямые связи с Ломбардией. Де Негри считает, что захват этого Лигурийского центра Испанией политически был выгоден Генуе, так как тем самым снимался вопрос о французской угрозе по отношению к Финале,¹⁶⁸

Сердечное согласие между Генуей и Испанией объяснялось обстановкой, сложившейся в Европе в этот период, и напряжение естественно стало спадать по мере перегруппировки политических сил и передвижения хозяйственных центров. Постепенно с начала XVII в. в генуэзских деловых кругах, заинтересованных в торговле с Турцией, растет французское влияние, к тому же ослабевает торгово-промышленная деятельность в самой Испании. В 1648 г. Франция пытается произвести в Генуе профранцузский переворот, в 1672 г. выступает в качестве европейского арбитра, при полном молчании Испании, а в 1684 г. бомбардирует Геную, пытаясь подчинить ее силой. Но это уже происходило, когда «золотой век» Генуи приходил к концу, а Европа вступала в новую эпоху.

Характерно, что современники этих событий обращались не только к практическим вопросам, но и пытались теоретически осмыслить пути развития и особенности структуры итальянских и европейских государств.

¹⁶⁸ Ibid., p. 705.

Глава третья

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРАКТИКА И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА ГЕНУЭЗСКИЕ ПРОЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

Целая волна политических трактатов, содержащих реалистические и утопические проекты, может быть отмечена в итальянской литературе конца XVI—начала XVII в. Эти сочинения, заполненные взаимными инвективами, свидетельствуют об искреннем стремлении каждого из авторов найти оптимальный вариант государственного строя и, доказав на бумаге его высокие качества, добиться реализации своего проекта. То, что в XV в. было чисто теоретическим трактатом, в XVI столетии приобретает насущный интерес: это были поиски ответа на требования жизни. В обычной дипломатической переписке вопросы политической практики естественно переплетаются с проблемами, которые дают пищу для теоретизирования. Так, тосканский посол в Венеции Орацио Урбани, исходя из грозных событий генуэзской эпопеи, предлагает проект организации союза итальянских государей: «Генуэзское восстание, — пишет он, — заставляет изыскать что-либо иное, чем оставаться, как ныне, в раздорах. Скорее следовало бы папе и всем другим государям Италии подавить свои частные недовольства и направить усилия только на то, что важно в общих интересах».¹⁶⁹ Этот же мотив получил свое отражение в «настоящем» политическом трактате, автором которого является Колленуччо Никоклеонте: «Таким образом, политическая система Политика-Солдата из Монферрата сводится к созданию лиги наиболее влиятельных государей Италии в условиях нынешних европейских потрясений».¹⁷⁰ Обычная дипломатическая переписка, мемуары современников и специальные трактаты сливаются, таким образом, в один поток литературы по теории и практике итальянского государства. Элементы ее можно без труда обнаружить в любом дипломатическом или деловом письме, не имеющем, казалось бы, отношения к данной теме. Письмо из Генуи испанского посла дона Педро Мендоса великому герцогу Тосканскому, где идет речь об

¹⁶⁹ «Sollevatione di Geneva ricerchino ogni altra cosa die stare al presente in questi disperere, ma piu tosto s'il papa come essi tutti gli altri principi d'Italia dovessero sosporre (=sottoporre, — B. P.) ogni sdegno particolare, stando solamente intenti a quello che piu far' che import! all'interesse comune» (Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, 21.V. 1575, p. 341—342).

¹⁷⁰ «Che dunque il politico sistema del Soldato Monferrino per una Lega fra i primi Principi d'Italia nelle present! agitazioni d'Europa» (Collenuccio Nicocleonto. Considerazioni politiche il Soldato Politico..В кн.: Soldato Politico, p. 4). 102

условиях наследования синьора Пьомбино, рисует картину взаимоотношений между двумя итальянскими государствами, а также между ними, с одной стороны, и Испанией — с другой.¹⁷¹

Письмо посла Пьетро Камаяани, адресованное герцогу Тосканскому, касается политического положения Италии, включая и рассуждения о генуэзских делах (nelle cose di Genova).¹⁷²

Генуэзские дела непосредственно породили теоретическую дискуссию о лучшем способе правления и привели к созданию двух трактатов, составленных в форме писем. Один из них может быть назван «Манифестом Саули». Оба они возникли как реальные проекты наиболее рационального, — с точки зрения авторов и тех кругов, представителями которых они были, — государственного строя в Генуе последней четверти XVI в. «Манифест Саули» представляет собой письмо, адресованное Джованни Андреа До-риа. Как бы ответом на него являлось сочинение, составленное Леонардо Ломеллино.¹⁷³ Филиппе Казони назвал проект Саули «Манифестом» (il manifesto del Saoli), мы назовем второе сочинение «Проектом Ломеллино». Каждая партия опубликовала свой проект в печати,¹⁷⁴ и таким

образом они стали достоянием читающей публики и предметом широкого обсуждения. «Манифест Саули» требовал предоставления равных политических прав не партиям, а отдельным лицам.¹⁷⁵ Это положение имело теоретическое обоснование — таков должен быть принцип республиканского строя: «в республике существует единственный разряд — граждане, а среди них никто не может быть более привилегированным, чем другой, кроме избранных в правящие органы. Средством, способствующим достижению правительственных должностей, должна быть не знатность рода и не помощь партии, а личные заслуги и доблести».¹⁷⁶ Саули выступает за идеальную республику, но это республика нобилей: «республика принадлежит безраздельно всей корпорации нобилитета. . . противоречия внутри нобилитета парализуют отдельные органы республики, а головой всего этого политического организма является нобилитет. . .».¹⁷⁷ Так, из практических стремлений новых нобилей

не

¹⁷¹ Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 2839, 1580, p. 255—256; см. прил., док. VI.

¹⁷² Ibid., reg. 2968, 15.X.1549, p. 75, 77; см. прил., док. II.

¹⁷³ Марк Антонио Саули (Marc¹ Antonio Saoli) — посол Генуэзской республики при испанском дворе. Леонардо Ломеллино (Leonardo Lomellino) — родственник члена комиссии, подготавливавшей в 1576 г. реформу политического строя и заседавшей в Казале.

¹⁷⁴ F. C a s o n i. Annali. . . , p. 337.

¹⁷⁶ «. . . non alle fazioni, ma alle persone» (ibid., p. 336).

¹⁷⁶ «Nelle Repubbliche. . . unico è l'ordine de'Cittadini, e fra questi niuno piu privilegiato dell'altro, se non quello, che è in magistrature. Per arrivare alle cariche non il casato, ne la fazione dover servire di mezzo, ma il merito e la virtù» (ibid.).

¹⁷⁷ Ibid.

103

допустить возвращения к закону 1547 г., обеспечивавшему фактическое преобладание немногочисленным знатым нобильским родам партии Сан Лука, возник проект идеального и, как показал опыт, не реального для Генуи строя чисто нобильской республики. Практической целью этого проекта было уравнивание в правах новых нобилей, т. е. попытка создать в Генуе республику нобилей-нуворишей, вышедших из пополярства, малоперспективную в условиях Генуи. Многочисленные регионально-абсолютистские государства Италии не вызывали критики со стороны таких республиканцев нобильского типа, как Саули. Он признавал их и в теории, и на практике, не рекомендуя, правда, их порядков для Генуи. Во всяком случае, требуя «равенства граждан» (нобилей всех мастей), он считал вполне естественным наличие неравенства в государствах с монархическим строем: «в этих государствах находятся лица различных степеней, одни старше других, вплоть до высшего, в этом отличие государств монархических от республиканских».¹⁷⁸ «Проект Ломеллино» также является республиканским по своему духу, однако он подчеркивает наличие и закономерность «двух разрядов, двух классов, из которых и состоит нобилитет».¹⁷⁹ Исходя из признания двух различных прослоек нобилитета (старых и новых), автор, представляющий интересы старых, ратует за политическое равенство этих прослоек, т. е. за возвращение к конституции 1547 г., которая горсточке знатных нобилей предоставляла половину мест в правительственных инстанциях, а второй половиной считала возможным удовлетворить многочисленную прослойку новых нобилей. Это автор проекта и именует «совершенным равенством», которое как стена преграждает путь «к гражданским волнениям» и гибели республики.¹⁸⁰ Далее автор переходит к обоснованию своей теории: «Пример многих древних и современных республик показывает, что надо уклоняться от любого разъединения», но «учит Философ [Аристотель], что каждому государству и каждой нации приличествует особая форма правления, соответствующая особой натуре этого народа», и опыт прошлых времен говорит, что в Генуэзской республике, как и в Римской, полезно разделение правящих сословий».¹⁸¹ Ломеллино подкрепляет свое политическое хитроумие ссылкой на порядки в самой

¹⁷⁸ «Esservi questa differenza fra lo stato dello Repubbliche e le Monarchie, che ovo in queste so no different! gradi di persone, maggiori gli uni degli altri, sinche si arrivi al supremo» (ibid.). — К проекту Саули близок и, возможно, является одним из его источников трактат Умберто Фольетта «О Генуэзской республике», направленный на обоснование политических прав новых нобилей (U. Foglietta. Delia Repubblica di Genova. Genova, 1559); см.: N. Cotignoli. Umberto Foglietta. Giornale storico e letterario della Liguria, 1905, VI.

¹⁷⁹ «Due esser gli Ordini e due le Classi, che costituivano la Nobiltà» (P.* C a s o n i. Annali. . . , p. 337).

¹⁸⁰ Ibid.

¹⁸¹ Ibid.

104

высокой инстанции: «на небе существуют разные разряды и сложная иерархия, но единство воли исключает какой-либо диссонанс и все ее части соединяются в гармонии высшего порядка».¹⁸² Весьма слабо завуалированное требование признания чисто аристократической нобильской республики было созвучно периоду феодальной реакции в Италии в целом и обстановке в Генуэзской республике времен спада народного движения в частности.

ИТАЛЬЯНСКАЯ СИНЬОРИЯ

Накануне нового времени проблема государственной структуры — самая насущная для всех

итальянских государств. Это проблема дальнейшего развития страны. Быть или не быть Италии, и если быть, то какой, — вот в чем заключался главный вопрос многочисленных в это время проектов государственного строя. Пример крупных централизованных стран Европы естественно приводил авторов к сравнениям с ними. Создалась целая литература, истоки которой относятся еще к эпохе итальянских синьорий, а широкий поток ее образуется в XVI в. Обратимся к истокам.

Классический европейский абсолютизм вырастает на базе сложившейся задолго до его оформления централизованной национальной монархии. Итальянский региональный абсолютизм также появляется на почве централизованных государств, которые по масштабам и по форме отличны от французского или английского.¹⁸³ Речь идет об итальянских синьориях, выросших из городских коммун.

Итальянская коммуна не являлась обычным феодальным городом, хотя, как и в других странах Европы, она родилась в борьбе с феодальными синьорами. Главное отличие состояло в том, что феодализм здесь был сильно подорван, даже, по выражению 1? Маркса, «сломлен исключительным развитием городов», и город стал эксплуатировать деревню не только экономически, как во всех странах средневековья, но и политически.¹⁸⁴ Сила итальянских коммун была продемонстрирована тем, что они уже в ХТИ в. смогли отбить военную мощь Империи и отстоять свою независимость без помощи королевской власти, существовавшей в Италии лишь номинально. Жизнеспособность итальянских коммун привела к тому, что многие из них превратились в самостоя-

¹⁸² «In Cielo esserni diversi ordini e diverse gerarchie, ma l'unione della volonta escludere ogni disonanza, e tutte le parti concorrere in ima aggiustatis-nima armonia» (ibid.).

¹⁸³ В. И. Рутенбург. Теория и практика итальянского абсолютизма. — В кн.: Европа в средние века: экономика, политика, культура. М., 1971, с. 225—235.

¹⁸⁴ К. Маркс. Капитал, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 365.

105

тельные государства — городские республики, подчинившие себе не только сельскую округу, но и территории более мелких близлежащих городов. Городская коммуна была государством-республикой, соответствующим первому раннему этапу Возрождения. В отличие от обычного средневекового города она представляла собой новое социально-экономическое и политическое образование, условия развития которого способствовали расцвету культуры Возрождения и определяли его особенности в зависимости от специфики каждого города-государства.

Социально-экономической эволюции этих государств в XIII—XIV вв. сопутствовала и эволюция политическая: республика перерождалась в олигархию, а затем переходила под власть одного синьора.¹⁸⁵ Синьория представляла собой второй этап политической истории Возрождения.

Создавалась ли синьория мирным законодательным путем, при котором лицо, занимавшее должность подеста или капитана народа, провозглашалось пожизненным правителем, или путем военного захвата власти удачливым кондотьером, она, как правило, использовала традиционные формы коммун для нужд нового централизованного, по своей сути уже монархического государства.

Таким образом, итальянская синьория отличалась от других централизованных государств Европы относительно небольшими размерами территории, никогда не достигавшей общенационального масштаба. Однако она была в значительной мере государством с развитой торговлей и промышленностью и сильными пережитками республиканско-демократического способа правления, которые использовались синьорией в своих интересах. Эта общая характеристика претерпевает большие изменения при рассмотрении истории каждой синьории в отдельности: д'Эсте в Ферраре, Малатеста в Римини, делла Скала в Вероне, Гонзага в Мантуе, Монтефельтро в Урбино, Кастраккани в Лукке, Пеполи в Болонье, герцога Афинского во Флоренции и т. д. В наиболее ранних случаях синьория имеет в значительной степени феодальный характер, как это было, например, в Ферраре XIII в., где, впрочем, также сохранялись республиканские институты, а синьор не представлял собой феодала-вотчинника.¹⁸⁶ Даже в Урбино и подчиненном ему Губбио Монтефельтро, уже превратившиеся в графов, а затем и герцогов, вынуждены были сохранять многие коммунальные законы и традиции.¹⁸⁷ Феодальным в основе и по форме было такое централизованное монархическое государство, как Сицилийское королевство, но здесь не было и не могло быть

¹⁸⁵ М. А. Гукowski. Итальянское Возрождение, т. I. Л., 1947, с. 161—167.

¹⁸⁶ Е. В. Вернадская. Классовые основы ранней итальянской синьории. — Уч. зап. Смоленск, гос. пед. ин-та, вып. II, 1953.

¹⁸⁷ В. И. Рутенбург. Итальянские ломбарды. — В кн.: Итальянские коммуны XIV—XV вв. М.—Л., 1965, с. 356.

106

республиканских традиций, так как по сути дела не было и городов-коммун.¹⁸⁸ Прогрессивное

социально-экономическое развитие значительной части итальянских синьорий и пережитки традиций городских коммун в их политическом строе, свидетельствовавшие иногда о недоразвитости новой государственной системы, стали питательной средой для создания самых ранних абсолютистских теорий.

ТЕОРИИ ИДЕАЛЬНОГО ГОСУДАРЯ

Проблема совершенного государя возникла в атмосфере рождения и развития итальянской синьории. К ней уже в середине XIV в. обращался Франческо Петрарка, который, исповедуя античные идеалы, пытался применить их к условиям правления «народного трибуна» Кола ди Риенцо, поднявшего римских горожан против феодального произвола баронов. Через четверть века, в 1383 г., Петрарка в письме к синьору Падуи Франческо да Кар-рара определяет идеальный тип государя: он должен быть справедливым, любить своих подданных и окружать себя учеными мужами, должен заботиться о мире, т. е. не допускать народных волнений,¹⁸⁹ к которым автор этой идеальной просвещенной синьории раннего Возрождения стал относиться с недоверием и боязнью.

В конце XIV в. создается еще более идеализированный образ совершенного государя. В письме Карло Дураццо от 1381 г. гуманист Колуччо Салутати настаивает на том, что государь должен быть первым среди равных не по рождению или по случаю судьбы, а по своим качествам; он должен быть лучше и умнее других; прежде чем управлять другими, он должен научиться управлять самим собой.¹⁹⁰ В этой характеристике звучит голос республиканца, вынужденного согласиться на твердую власть мринцепса, действующего гуманно и сохраняющего основы гражданских свобод городской коммуны, которая, став синьорией, превращается в небольшое централизованное государство.

Авторы теорий идеальной синьории могли черпать аргументы из сочинений южноитальянских писателей типа Панормиты («О речах и делах короля Альфонса») или Понтано («О государе», посвященном тому же королю), провозглашавших принципы «про-сиощенного абсолютизма» или откровенно прославлявших монарха — покровителя писателей. Августейшее меценатство спо-

¹⁸⁸ М. Л. А б р а м с о н. Сицилийское королевство и империя в первой половине XIII в. Автореф. канд. дис. М., 1949.

¹⁸⁹ F. P e t r a r c a. Opera. Firenze, 1892, Lettere senili, libr. XIV, bit. 1.
¹⁹⁰ «... ille verus rex est, quern preficit ratio, non quern nativitas exhi-lio I. . . non tantum dignitate tuis virtutibus antecellat . . . incipe prius tibi niimaleis imperare, rege te ipsum» (C. Salutati. Epistolario, a cura di F. Novati. Fonti per la storia d'Italia, vol. II. Roma, 1893, lett. VI, p. 32—

собствовало проявлению внешних черт возрожденческой культуры, сохранявшей в целом феодальный оттенок, соответствовавший всему характеру Сицилийского королевства. Этот внешний блеск придворной литературы казался образцом, достойным подражания для новых государей североитальянских синьорий.

В XV в. вырабатывается более четкое восприятие фигуры синьора: идеал отделяется от реальности. Это подтверждается появлением теории Леона Баттиста Альберти о нормах «доброго управления домом» («De ieiarchia», написанной в 1470 г.), где истинный государь (икиарх) — отец своих подданных, хорошо управляющий «домом», а тиран тот, кто управляет плохо. «Икиарх — это стоящий выше всех человек и первый государь своей семьи».¹⁹¹

Поджо Браччолини также не строит иллюзий в отношении единовластного правителя, полагая, что он не может быть лишен жестокости и других пороков; двор правителя — источник зол и несчастий, несчастен и сам глава государства, лишенный в отличие от ученого мужа добродетелей. Так он пишет в 1440 г. в своем диалоге «De infelicitate principum».¹⁹²

Наиболее четко выраженные теории раннесиньориального государства можно найти в сочинениях сиенских авторов Франческо Патрици и Энея Сильвия Пикколомини. Патрици в своих трактатах «De institutione reipublicae» и особенно «De regno et regis insti-tutione»¹⁹³ приходит к мысли о предпочтительности принципата, синьории перед республикой. Государь, по его представлениям, должен быть образцом человеческих добродетелей и совершенств, и в таком случае государство играет воспитательную роль, занимаясь политическим формированием граждан, которые целиком должны посвятить себя этой гуманистическо-абсолютистской синьории.¹⁹⁴ Однако такая синьория не должна быть монархией, способной привести к политическому вырождению. Опорой синьо-риального государя является городская аристократия, не допускающая к участию в политике народные низы, подобно близкой сердцу Патрици венецианской конституции. В «чистую» республику он не верит, так как считает ее неспособной в отличие от синьории обеспечить законное и справедливое правление.¹⁹⁵

Тезис Патрици о подчинении индивидуума государству в еще более категорической форме был высказан в политических сочинениях Энея Сильвия Пикколомини. Его «De ortu et auctoritate imperil romani libellus» 1446 г. справедливо был охарактеризован Ф. Батталья как «наиболее зрелый трактат

итальянского Кватро-

¹⁹¹ «Iciarco vuol dire supremo uomo e primario principe della famiglia sua» (L. B. Alberti. Opere volgari, t. III. Firenze, 1845, p. 132).

¹⁹² Poggi Florentini Opera. Basileae, MDXXXVIII, p. 392—419.

¹⁹³ Vita civile. Scrittori politici! italiani, a cura di F. Battaglia, Bologna, 1944.

¹⁹⁴ Ibid., «De regno», libr. V, cap. 4.

¹⁸⁵ Ibid., «De institutione reipublicae», libr. I, cap. 4.

108

ченто, посвященный сущности и природе государства». ¹⁹⁶ Согласно Пикколомини, народ, являющийся сувереном, передает власть государю, вследствие чего тот становится полновластным и несменяемым сувереном, а народ лишается права контроля и тем более отобрания власти, что делает незаконным любое восстание. Индивидуум, отдельный гражданин, целиком подчинен государству, суверенитет государства, сконцентрированный в личности государя, — это полновластие (summa auctoritatis plenitudo). Отсюда, после превращения гуманиста Пикколомини в Пия II, вполне логично звучит его тезис как верховного понтифика о всемогуществе папской власти. Среди теоретиков государственного суверенитета Батталья отводит Пикколомини место предшественника Бодена.

ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ АБСОЛЮТИЗМ

Если теории синьориальной власти, рисующие идеальные или реальные фигуры государей, рождались в атмосфере образования и развития итальянских синьорий XV и главным образом XVI в., то следующий этап развития теорий о государстве связан с появлением в Италии регионально-абсолютистских государств. К го классическим примером можно считать тосканский вариант.

Абсолютизм проявляется в переходную от феодализма к капитализму эпоху. «Абсолютная монархия, — писал К. Маркс, — молчаливает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из Порющихся сторон не взяла еще верх над другой». ¹⁹⁷ Такая характеристика в целом приложима к абсолютизму Франции и Англии XVI в. В ходе пока незавершенного процесса складывания абсолютизма эти два класса, как считал Ф. Энгельс, достигают определенного равновесия, поэтому «государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними». ¹⁹⁸ Эта оценка Энгельса относится к абсолютной монархии XVII — XVIII вв.

Обращаясь к региональному абсолютизму в Италии, следует учесть также исторические примеры княжеского абсолютизма и Германии во второй половине XVI в., выросшего в обстановке свертывания только что появившейся мануфактурной промыш-

¹⁹⁶ F. Battaglia. E. S. Piccolomini e F. Patrizi. Due politici mmosi del Quattrocento. Firenze, 1936, p. 27.

¹⁸⁷ К.Маркс с. Морализирующая критика и критицирующая мораль. — If. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 306.

¹⁸⁸ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, с. 172.

109

ленности и ослабления ранней буржуазии. ¹⁹⁹ В Италии, как и в Германии, наблюдалось явление региональной централизации в условиях раздробленности страны. В отличие от Германии, в передовых городах-республиках Италии, — образцом которых может служить Флоренция, — перерождавшихся в небольшие абсолютистские государства, мануфактурная промышленность еще развивалась на протяжении XIV—XVI вв., а то и до середины XVII в.; соответственно этому значительная роль принадлежала и ранней буржуазии. Политические и экономические позиции феодалов начали фактически и юридически подтачиваться еще с конца XIII в., хотя и не произошла их ликвидация. К концу XV в., а особенно в XVI в. начинается медленный, но неуклонный процесс одворянивания верхушки буржуазии, черпающей доходы не из промышленности, а из ростовщичества и земельных владений, из эксплуатации исполщиков, отягощенных феодальными повинностями. Верхушка ранней буржуазии начинает терять связь с капиталистической в своей основе экономикой и постепенно обособляется от буржуазии. Менее крупные представители ранней буржуазии продолжают сохранять классовый характер, хотя и меняют курс, ориентируясь на поставку товаров отечественной промышленности не столько на внешние, сколько на внутренние рынки. Несколько уменьшился и изменился предпролетарский элемент города. Социально-экономические изменения во флорентийском государстве приводят к изменению политических форм государства: противоречия между одворянившимся патрициатом и буржуазией ведут к созданию абсолютистской власти, к перерастанию синьории Медичи в XV в. в герцогство, а в XVI в. и в великое герцогство. Особенностью этого регионально-абсолютистского государства было ослабление раннебуржуазной социальной прослойки и укрепление феодальной, т. е. наличие процесса социальной диффузии, не во всем совпадающей с условиями классического становления абсолютизма. Образование регионально-абсолютистского государства было прогрессивным явлением, способствовавшим дальнейшему развитию экономики и

сохранению независимости государства.²⁰⁰

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ МАКЬЯВЕЛЛИ И ГВИЧЧАРДИНИ, ДЖАНОТТИ И ПАРУТЫ

Политические теории Макьявелли, Гвиччардини, Джанотти строились не только на основе опыта тосканского регионального абсолютизма, но создавались именно в обстановке борьбы синьо-

¹⁹⁸ Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу, 15 декабря 1882 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 35, с. 105; Архив Маркса и Энгельса, т. VII, с. 97.

²⁰⁰ А. Д. Ролова. Социально-политическая борьба . . .

НО

риальных и регионально-абсолютистских итальянских государств за независимость от чужеземных властителей, представлявших более сильные централизованные государства. Иноземному абсолютизму политические мыслители, теоретики пытались противопоставить абсолютизм итальянский: герцогский или папский, иногда искусственный и эфемерный, под эгидой Чезаре Борджа. Итальянская обстановка XVI в. выдвинула проблему нового абсолютистского государства на первое место, сделала ее вопросом жизни и смерти Италии эпохи позднего Возрождения. Сложность и противоречивость итальянской обстановки, разнообразие условий и форм развития государственности в отдельных ее районах, появление регионального абсолютизма при общей раздробленности, стремление к государственной независимости и твердой национальной власти, мечты о демократических методах правления и гражданских свободах породили разнохарактерные и необычайно показательные политические теории государства — от реалистических до утопических. Причем они составляют не случайную коллекцию теорий, а могут быть в целом сгруппированы по трем этапам: рассмотренные ранее идеализированные гуманистические схемы (XIV—XV вв.), реалистические теории (XVI в.) и утопические конструкции (XVI—XVII вв.), представляющие предмет специального рассмотрения.

Наиболее выразительная реалистическая политическая теория XVI в. принадлежала Никколо Макьявелли, который сам определял ее истоки: «длительный опыт, исходящий из современных событий, и продолжительное изучение опыта древних».²⁰¹

Многовековые напластования превратили политическое учение Макьявелли в макьявеллизм более поздних эпох, что привело к смешению понятий и искажению исторического места его теории. Эти напластования продолжают усложнять и запутывать проблему Макьявелли и макьявеллизма.

Примером тому может служить новая книга испанского ученого Конде, открывшего, как он считает, главную линию мышления Макьявелли — его «мудрость» (*sabiduria*), которая якобы состоит в идее «движения» и в политическом искусстве побеждать общественное мнение.²⁰² Большой вклад в дело очищения от позднейших наслоений в восприятии политического учения Макьявелли внес Э. Намер, уточнивший историческую роль и диапазон влияния его политической теории.²⁰³ В последующие годы значительную разработку этих проблем провели советские ученые и ученые социалистических

²⁰¹ «...una lunga sperienza delle cose moderne, et una continue lezione delle antiche» (N. Machiavelli. *Il Principe*. Opere complete. Napoli, 1877, p. 317).

²⁰² J. Conde. *El saber político en Maquiavelo*. Madrid, 1948.

²⁰³ E. Namer. *Machiavel*. Paris, 1961.

III

стран (О. Л. Вайнштейн, Я. Маларчик, Я. Кудрна и другие).²⁰⁴ О характере политического учения Макьявелли предельно просто сказал еще Френсис Бэкон: «Нужно быть благодарным Макьявелли и писателям, подобным ему, которые пишут о том, что люди делают, а не о том, что они должны делать. Потому что нельзя сочетать мудрость змеи с невинностью голубя».²⁰⁵

Реалистичность учения Макьявелли, образно выраженная в этой сентенции, проистекала из учета им уроков древних, истории современной ему Италии и личного многогранного политического опыта. Не случайно К. Маркс высоко оценивал глубину исторического мышления Макьявелли: «Его история Флоренции, — это шедевр».²⁰⁶ Политическая теория Макьявелли создается им при сравнении итальянской обстановки с общеевропейской, когда образуются централизованные национальные государства абсолютистско-монархического характера во Франции, Англии, Испании в отличие от раздробленной на отдельные синьории регионально-абсолютистского типа Италии. Политическое учение Макьявелли включает в себя проблемы экономики, истории, географии, а главное — науку о человеке, его истинных интересах и стремлениях, его натуре. Такое обращение к реальному, а не воображаемому или идеальному человеку характеризует Макьявелли как философа-гуманиста периода позднего Возрождения. Макьявелли сделал вывод о том, что для правильного управления государством необходимо знать и учитывать человеческую природу. В частности, считая, что изначально человек плох, он не отрицал возможности в благоприятных условиях улучшения его натуры, воспитания в нем храбрости и героизма. Гуманистическое отношение к познанию человека вовсе не означало гуманного отношения к человеческой личности: отдельный индивидум является для него лишь единицей, так как государство подчиняет интересы отдельных личностей и групп общегосударственному интересу.

«Государь» (Il Principe) Макьявелли не представлял собой инструкции политического и личного поведения главы синьо-риального государства или сборника афоризмов коварства и лицемерия.

«Государь» — это не только и не столько анализ качеств правителя и их проявлений, сколько изучение нового принципа,

²⁰¹ О. Л. В а и п ш т о и н. Западно-европейская средневековая историография. М.— Л., 1964, особенно с. 276—293; J. Malarczyk. U zro-det wtoskiego realizmu politycznego. Macchiavelli i Guicciardini. Lublin, 1963; J. K u d r n a. Machiavelli a Guicciardini. Brno, 1967; В. И. Р у т е н б у р г. Гвиччардини (см. гл. «Макиавелли и Гвиччардини»). — В кн.: Итальянское Возрождение. Л., 1966; F. Gilbert. Machiavelli and Guicciardini. Politics and History in Sixteenth Century. Florence, Princeton, 1966; Machia-vellismo e antimachiavellici nel Cinquecento. Firenze, 1969.

²⁰⁵ N. O r s i n i. Bacone e Machiavelli. Genova, 1936, p. 76.

²⁰⁶ Ф. Энгельс. Письмо К. Марксу, 25 сентября 1857 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 29, с. 154.

112

новой формы государства. Еще в письме к Веттори от 10 декабря 1513 г. Макьявелли писал, что он хочет написать книгу с изложением новой науки о государстве — «De Principatibus». Макьявелли не был сторонником обязательного синьориально-абсолютист-ского правления, он рассматривал его как наиболее реальный вариант. Его «Discorsi» посвящены главным образом республике и представляют собой попытку систематизировать законы политического правления. Единоличное правление было требованием не одного Макьявелли, а — всей эпохи, что свидетельствует об изучении им реальной действительности, ее закономерностей или хотя бы характерных линий в политике. Отсюда интерес Макьявелли не к единственной форме правления, а к различным видам (*variazioni di governi*!), а это подводит его к теории постоянного изменения форм правления (*mutazioni*).²⁰⁷ за единовластием следует тирания, ее сменяет олигархия, затем народное правление, за которым вновь наступает единовластие, и т. д. Э. Гарен определяет это как повторяющуюся цикличность (*una ciclita ritornante*), а Б. Брунелло называет циркуляцией форм правления (*la cir-colazione dei governi*).²⁰⁸ «Принципат легко становится тиранической формой правления, власть оптиматов с легкостью становится правлением немногих, а народ без труда склоняется к вольному поведению. Таким образом, если какой-либо правитель республики устанавливает в каком-нибудь городе один из этих трех видов государства, он им будет руководить недолго, так как никакое средство, будь оно порочно или добродетельно, не сможет воспрепятствовать превращению одной из форм этих государств в свою противоположность».²⁰⁹

В этом положении заключены все сильные и все слабые стороны политического учения Макьявелли: исторический процесс, смена государств, их форм происходит не по желанию или согласно фантазии людей, а под влиянием непреложных жизненных обстоятельств, под воздействием «действительного хода вещей, а не воображаемого».²¹⁰ Провозглашение естественной необходимости

²⁰⁷ «Nacquono queste variazioni di governi», «possa passare molte volte per queste mutazioni» (N. Machiavelli.

Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio. Firenze, 1901, p. 12, 14).

²⁰⁸ E. G a r i n. Storia della filosofia italiana, vol. II. Torino, 1966, p. 716; B. Brunello. Machiavelli e il pensiero politico del Rinascimento. Bologna, 1964, p. 66.

²⁰⁹ «... perche il Principato fecilmente diventa tirannico, li Ottimati con facilità diventano stato di pochi; il Popolare, senza difficoltà in licenzioso si converte. Talmente che, se uno ordinatore di repubblica ordina un città, uno di quelli tre stati ve lo ordina per poco tempo; perche nessuno rimedi puo farvi, a far che non sdruciolli nel suo contrario per la similitudine che ha in questo caso la virtù ed il vizio» (N. Machiavelli. Discorsi. . . , p. 12).

²¹⁰ «piu conveniente andare dietro alia verità effettuale della cosa, che alia immaginazione di essa» (N. Machiavelli. II Principe. Opere complete, p. 332).

8 В. И. Рутенбург

113

смены форм правления было для начала XVI в. крайне плодотворной идеей. К тому же в принципе мысль о закономерной смене форм государства подводи́ла к идее диалектического перерастания (или буквально «соскальзывания» — *sdruciolli*) их в свою противоположность (*nel suo contrario*). Однако теория цикличности, почерпнутая Макьявелли у античных писателей (Полибий), приводила к выводу о замкнутом круге исторического процесса. Его мысль о неизбежном движении, развитии государственных форм правления была более плодотворной и результативной, чем традиционная теория цикличности, которую начали преодолевать уже во времена Макьявелли итальянские политические мыслители, и прежде всего Франческо Гвиччардини, требовавший учета «разности условий».²¹¹ Следующим шагом будет положение Вико, который считал, что циклы повторяются «в другой окраске», в новом качестве. Реалистичность теории Макьявелли о принципе нового типа была подтверждена для Италии на примере Тосканского герцогства, сохранившего относительную самостоятельность и прочность, политическую и экономическую. Тем сомнительнее представляется принадлежность Макьявелли идеи объединения Италии, совершенно беспочвенной для XVI в. и ставшей плодотворной только три века спустя. Речь может идти лишь о мечте, или, как считает Саитта, «надежде об основании национального государства», свободного от политической тирании пап и чужеземцев.²¹² Это

подтверждает известное положение Макьявелли, в котором он признавал религию в качестве инструмента, полезного для укрепления государства, и объявлял папство виновником политической раздробленности Италии: «именно церковь держала и держит нашу страну разобщенной», «церковь — причина нашего краха».²¹³ Мечта о единой Италии не нашла у Макьявелли конструктивного оформления, поэтому Брунелло прав, когда пишет: «трудно установить, что он под этим понимает».²¹⁴ Очевидно, реалистическим вариантом на пути к будущему объединению Италии могла быть конфедерация регионально-абсолютистских государств, которую в годы Макьявелли предлагали Франческо Гвиччардини и До-нато Джанотти, и несколько позднее близко к ней подходил также Паоло Парута. Гвиччардини представлял конфедерацию как тип государственного устройства Италии.²¹⁵ Джанотти в «Рассуждении об итальянских делах» предлагал создать лигу итальян-

²¹¹ В. И. Рутенбург. Гвиччардини, с. 104, 106, 107.

²¹² G. S a i l l a. Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel Rinascimento. Vol. III. Il Rinascimento. Bologna, 1951, p. 399.

²¹³ «Questo è che la Chiesa ha tenuto e tiene questa nostra provincia di-visa», «... la Chiesa. . . e cagione della rovina nostra» (N. Machiavelli. Il Principe. Opere complete, p. 42—43).

²¹⁴ В. В г у н е л л о. Machiavelli. . . , p. 90.

²¹⁵ В. И. Рутенбург. Гвиччардини, с. 110.

114

ских государей, которая могла бы преодолеть политическое преобладание в Италии чужеземных держав.²¹⁶ Парута в своих «Рассуждениях о политике» писал о возможности политического мира и Италии в том случае, если итальянские государи будут сдерживать свои страсти и, главное, держаться вместе.²¹⁷

Государь Макьявелли, как и государь Гвиччардини²¹⁸ придерживаются принципа твердой власти, используют любые средства для упрочения, «хорошо используют жестокость»,²¹⁹ подавляют народ. В то же время политическое учение этих мыслителей не лишено элементов республиканизма. Многие политические писатели Италии данной эпохи выступали с проектами использования опыта Венецианской олигархической республики. Элементы венецианского правления предлагал ввести в практику флорентийского государства еще Савонарола, который хотел поставить во главе его Большой совет, заменявший собой синьора. Несмотря на совершенно специфический характер правления Савонаролы, равнение на венецианскую олигархию в конце XV в. было весьма симптоматичным.

Республиканско-синьориальное правление было идеалом Макьявелли, образцом чего служили ему времена «смешанного правления», Ликурга в Спарте, а затем подобного правления в древнем Риме. Пример Франческо Сфорца, Чезаре Борджа, Медичи, патрициев Венеции дожей позволял ему обобщить опыт итальянской тирании XV в.: «кто берется за управление народом, путем ли республиканским или через принципат, и не обеспокоится о том, что существуют враги этого нового строя, образует государство весьма недолговечное».²²⁰ Образцом долговечности и относительной прочности могла служить Венеция, где восстания и заговоры пресекались в зародыше.

Гвиччардини был сторонником олигархического режима, который представлял в виде республики. Боязнь народа и ненависть к нему привели к компромиссу: он соглашался с наличием государя как креатуры патрициев подобно венецианскому дожу.

²¹⁶ «Bisognerebbe, adunque, che questi principati italiani. . . non soli i'usseno atti a difendersi, ma potessino anche offendere ... si fortificassero con amicizi . . . e favori, e danari, ed ogni altra cosa. . . » (D. Gianotti. Discorso. . . , p. 336).

²¹⁷ «Con li quali consigli ella, senza dubbio, viene ad avere giovato non pur a se medesima, ma insieme a tutta Italia. . . se saperanno i principi italiani temperare in modo le loro voglie, e tenersi insieme. . . » (P. P a r u t a. Opere politiche, vol. II. Firenze, 1852, p. 315, 316).

²¹⁸ В. И. Рутенбург. Гвиччардини, с. 106, 107.

²¹⁹ «Crudelta. . . bene usata. . . per necessita dell' assicurarsi» (N. M a c h i a v e l l i. Il Principe. Opere complete, p. 326).

²²⁰ «E chi prende a governare una moltitudine, o per via di liberta o per di principato, e non si assicura di coloro che a quell'ordine nuovo sono nomici, fa uno stato di poca vita» (N. Machiavelli. Discorsi. . . , p. 50, 51).

115

8*

Это положение подтверждает проект государственной реформы 1532 г., одним из авторов которого был Гвиччардини.²²¹

Джанотти в трактате «О Флорентийской республике», написанном между 1526 и 1533 гг., считал конституцию и политическую структуру Венеции совершенной. Он полагал, что лучшие формы государства — это смешанное правление (*governo misto, stato misto*) и что оно может быть введено в практику многих итальянских государств и удовлетворить всех.²²²

Однако Джанотти выступал как против сосредоточения всей власти в руках аристократической касты

патрициата, так и против власти народа, народных волнений и каких-либо потрясений (*mutazioni*). Опорой государства он считал «средние слои» по-поланов, но исключал из числа политически полноправных низы народа (*plebe*). Для Флоренции он предлагал следующим образом использовать структуру венецианской государственной пирамиды: Большой совет — сенат — государь. Государь, по его формулировке, должен играть роль хранителя интересов республики. Парута, как и Джанотти, считал лучшей формой государства аристократическую республику со смешанным правлением, по образу и подобию Венеции. Во главе такого правления должен стоять не тиран, а «благородный и желанный государь».²²³ Если в трактате «Об улучшении политической жизни» 1579 г. Парута рисовал образ совершенного правителя, то в донесениях из Рима в Венецию в 1595 г. он описывал «беспорядки и недостатки», в которых находятся подданные такого абсолютного монарха, как папа.

Венеция рассматривалась в качестве образца государственного строя во многих трактатах XVI в. в связи с ее традиционным аристократически-патрицианским характером, созвучным эпохе феодальной реакции. К тому же Венеция еще долго будет сохранять свою независимость и жизнеспособность, что, естественно, привлекало к ней взоры крупнейших мыслителей Италии.

Политические теории XVI в. свидетельствуют о том, что итальянская синьория, использующая в своих целях пережитки республиканских институтов, стала важнейшим явлением эпохи и что главной линией развития Италии оказалось государство регионально-абсолютистского типа. Оно и сделалось объектом изучения мыслителями XVI в.

Выросшие на итальянской почве, эти политические теории были первыми страницами науки об абсолютизме, создаваемой в разных странах Европы. В теориях и проектах государствен-

²²¹ В. И. Рутенбург. Гвиччардини, с. 106—107.

²²² «Io guidico lo stato misto essere ottimo e in molte citta potersi intro-durre», «la introduzione del governo misto si viene a satisfaro a tutti». (D. G i a-n-o-tti. Opere politiche, vol. 1, p. 77).

²²³ «... un prencipe genoroso e desideroso» (P. P a r u t a. Opere politiche, p. 304).

116

ного устройства, от «Манифеста Саули» до «Флорентийской республики» Джанотти, народу отводится место молчаливого труженика. Равнение на Венецию объясняется жадой «классового мира», образцом которого мыслителям XVI в. представляются венецианские порядки. Речь идет о наиболее показательных теориях представителей господствующих, «руководящих классов».²²⁴

УТОПИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Утопические теории государственного строя Томмазо Кампанеллы,²²⁵ его предшественников Мамбрино Розео да Фабриано, Антонио Франческо Дони, Марко Джероламо Вида, Агостино Нифо, Франческо Лоттини ди Вольтерра, Фабио Альбергати²²⁶ и других, выразившие своеобразный протест против существующих в Италии XVI в. порядков, представляют собой специфический вид литературы, требуют специального и глубокого исследования и выходят за рамки этой книги.

Утопические трактаты, содержащие критику государственных порядков или ортодоксальной религии, были не только отражением этого народного протеста, но и его неотъемлемой частью. Не поэтому ли Орацио Урбани, посол великого герцога Тосканского в Венеции, считал причиной народных волнений в Генуе 1575 г.

²²⁴ Здесь не рассматриваются, например, такие небезыңтересные, но второстепенные сочинения XVI в., как трактаты Джироламо Гаримберто, Гаспаре Контарини, Франческо Сансовино, Франческо Патрици, Джиро-дамо Кардано, Бартоломео Кавальканти и др. (G. G a r-i m b e r t o. Reg-gimenti pubblici della citta. Venezia, 1544; G. C a n t a r i n i. La Repubb-lica e i magistrati. Venezia, 1544; F. Sansovino. Del governo dei regni tlt delle repubbliche cosi antiche, come moderne. Venezia, 1561; F. P a t r i - i. La citta felice. Venetia, 1553 (см.: P. M. A g c a r i. Il pensiero poli-Uca di F. Patrizi da Cherso. Roma, 1935); G. C a r d a n o. Proxenetia sive do arcanis prudentiae civilis (см.: A. S i m i l i. G. Cardano nella luce e nell' umbra del suo tempo. Milano, 1941); B. C a v a l c a n t i. Trattati ovvero discorsi sopra gli ottimi reggimenti delle Repubbliche antiche e moderne. Venezia, 1571).

²²⁵ В. И. Рутенбург. Кампанелла. Л., 1956; А. Штокли. Кампанелла. М., 1959; А. Х. Горфункель. Томмазо Кампанелла. М., 1969.

²²⁶ M. Roseo da Fabriano. Instituzione del principe cristiane. Moma, 1543; A. F. D o n i. I Mondi celesti, terrestri ed infernali. Venezia, 1507 (см.: Л. С. Чиколини. Социальная утопия А. Ф. Дони. — II сб.: Средние века, вып. XVII, 1960); M. G. V i d a. Dialogi de republi-cao dignitate. Cremonae, 1556; A. N i f o. De his quae optimis principibus agenda sunt libellus. Florentiae, 1521; F. Lottini di Volterra. Avvedimenti civili. Bologna, 1941 (см.: R. de Mattel. Fortuna e virtu dal Machiavelli al Lottini. — Archivio di storia della filosofia italiana, fasc. III, Roma, 1939); F. Albergati. Del modo di ridurre a pace l'inimicitie private. Roma, 1583 (см.: Л. С. Чиколини. Социально-политические изгяды Фабио Альбергати — итальянского утописта конца XVI—начала XVII в. — В сб.: Средние века, вып. XIV, 1959).

117

появление некоей зловердной новой книги.²²⁷ Не менее обеспокоен возможными волнениями народа такой представитель папства, как кардинал Джованни Мороне, предлагающий свою католическую утопию успокоения политических страстей: «пусть не будет недостатка в склонности к дружбе... подобно тому, как совершил бы сам господь, вкладывая в это свою отеческую душу, чтобы принести

всем гражданам желаемый ими всеобщий мир и покой. Тем более, что, берясь за оружие, мы вредим религии, отдавая дела в руки солдат, что опасно из-за возрастания ересей во время войны, когда каждый может говорить и делать что хочет. Когда народ вооружен, могут возникнуть великие опасности не только для этого города (Генуи, — *B. P.*), но и привести к волнениям всю Италию».²²⁸ Папское государство во главе с папой «в качестве князя средней руки»²²⁹ вело войны не менее рьяно, чем другие регионально-абсолютистские государства Италии. Когда же военные действия могли принести политический ущерб папским планам, голос Ватикана приобретал мирное звучание. Несомненно, папство было обеспокоено возможным возрастанием еретических выступлений, развязанных военной обстановкой. Главным для папства и правителей других итальянских государств XVI в. было не допустить создания условий, при которых каждый «может говорить и делать что хочет», а главное — пресечь народу путь к оружию и восстаниям. Проповедь классового мира и ограничения прав народа в ученых трактатах и деловых донесениях свидетельствует о том, что политическая обстановка в Италии накануне нового времени была крайне напряженной. В политической борьбе господствующие классы пытались отвести народу место пассивной массы, покорно выполняющей их волю. Вопреки этому желанию и в XVI в. Италия была страной острой классовой борьбы.

²²⁷ «... quei garbugli di Geneva. . . da novo libro» (Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 6967, 7.V.1575, p. 331).

²²⁸ «Et non mancherebbe di favorite per via di amicitia. . . come ancora farebbe Nostro Signore per l'animo paterno, che porta a tutti cittadini et per il desiderio della pace et quiete universale. Tanto piu che trattandosi d'armi, si guasta la religione, si metitano le cose in mani di soldati, si corre pericolo, che non creschino le heresie ove sono le guerre et la licentia di dir et far' quel che si vuole. . . Hanno il popolo armato. . . vedendo l'immanenti pericoli non solo a questa citta, ma alia turbation'di tutt'Italia» (Переписка Мороне, 20/52, донесение 13.V.1575, p. 235—236, 239).

²²⁹ Ф. Энгельс. Заметки о Германии. — К.Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 572.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории.

Фридрих Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке.

Глава первая

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППИРОВКИ

ДВА ИЗДАНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ФЕОДАЛИЗМА

В Италии XVI в. царила крайняя пестрота социальных прослоек общества. Титулованные итальянские владетели герцогств и епископств, испанские чиновники, нередко стоявшие выше итальянских владетелей в сложной иерархии феодальных соподчинений Като-Камбрезийской структуры, испанские вице-короли и герцоги, ставшие постоянным элементом этой структуры, почти неизменной с 1559 до 1713 г., папская курия во главе с понтификом, который, исполняя роль международного религиозного и дипломатического арбитра, фактически был одним из крупных властителей Италии, — такова верхушка итальянского общества.

Собственно класс феодалов, если иметь в виду рядовых сеньоров-землевладельцев, также был далеко не однородным. В крупных процветающих коммунах, ставших в XIV—XV вв. городами-государствами, их мощь была подорвана и только в XVI в. стала восстанавливаться, что вовсе не было равнозначно прямому восстановлению прав этой социальной прослойки. Сама она изменилась, пополнившись за счет феодализирующейся городской верхушки. Этот процесс условно можно назвать своеобразным вторым изданием итальянского феодализма. Если эта формула приложима в целом к Северной и Средней Италии, то итальянский Юг и островная Италия (Неаполитанское королевство, Сицилия, Сардиния, Корсика) пребывали в обстановке феодализма первого издания, окрашенного в XVI в. в мрачные тона контрреформации. Обширные зоны Северной и Средней Италии также относятся к областям феодализма первого издания, не пережившим в предшествующую эпоху достаточно высокого развития коммунально-синьориальной экономики. Таковы земли Савойской династии, Пьемонта, Салуццо, Монферрата и даже некоторые коммуны в Романьи, Умбрии и Марках, не говоря уже о Лациуме с его засильем баронства, как и почти во всем папском государстве. Две линии развития феодальных порядков и

складывания различных прослоек феодального класса не шли параллельно, а пересекались. Феодализация богатых городских семей нередко происходила на феодальных землях. Купеческие и банкирские семьи приобретали дворянские звания и феоды, особенно в испанских владениях, Сицилии, Неаполитанском королевстве и Милане, и таким образом входили в состав феодальной аристократии этих государств.¹ Этот

¹ Дж. Канделоро. История современной Италии, т. I. М., 1958, с. 33-34, 63-64.

121

процесс не означал полной ликвидации выросшей в Италии XIV—XV вв. ранней буржуазии, которая не всегда бросала свои бан-ковско-торгово-промышленные занятия. И в XVI в. не произошло ее исчезновения, хотя и изменилась социальная характеристика. Например, в Генуе наряду со старыми традиционными знатными родами (*nobili vecchi*) появились новые нобили (*nobili nuovi*), причем и те, и другие совсем не были чужды буржуазным занятиям.² Во Флоренции часть буржуазии переключается на такие источники дохода, как землевладение и ростовщичество, и становится патрицианской знатью (*optimati, grandi*), не теряя, однако, полностью своего буржуазного характера.³ Таким образом, феодальная реакция, охватившая Италию в XVI в., вовсе не означала полной феодализации Италии как в районах первого издания феодализма, так и в районах недавнего процветания коммунально-синьориального строя, которым был известен ранний капитализм. Предшествующее экономическое развитие Италии, на два столетия перегнавшей остальную Европу, привело к образованию столь могучей социальной прослойки ранней буржуазии, что ее до конца не смогли ликвидировать все потрясения итальянских войн. События эпохи географических открытий скорее закалили раннюю буржуазию. Феодализирующаяся Италия жила в окружении Европы, делающей лишь первые шаги по пути к капитализму. Ранняя буржуазия не ушла со сцены, а приспособилась к новым условиям эпохи феодальной реакции, она не отступила, не оголила сферу банковско-торгово-промышленной деятельности, а перестроилась. Одворянивание было одной из сторон этой перестройки. Другой стороной был выход на широкие просторы общеевропейской и мировой экономики, что придавало социальной структуре Италии крайне сложный, далеко не однородный характер. Наиболее ярко это показывает пример такого государства, как Генуэзская республика.

НОБИЛИ, БУРЖУАЗИЯ, НАРОД

Перед тем как обратиться к драматическим событиям 1575 г., необходимо уточнить положение социальных прослоек, активных участников этих событий.

Истинными нобилими в Генуе признавались знатные патрицианские семьи, объединенные в партии Сан Лука (или портик Сан

² E. Grendi. Le conventicole nobiliari a Genova e la riforma del 1528. — *Rivista Storica Italiana*, vol. LXXVII, 1966; M. Nicotri. La nobiltà genovese dal 1528 al 1700. — *Miscellanea Storica ligure*, 1971, vol. II, № 2.

³ А. Д. Ролова. 1) Социально-политическая борьба во Флоренции в 1527—1537 гг. и зарождение абсолютизма Медичи. Автореф. канд. дис. Л., 1953, с. 6—7; 2) Роль народных масс в период последней республики во Флоренции (1527—1530 гг.) — В кн.: Из истории трудящихся масс Италии. М., 1959, с. 203—204.

122

Лука).⁴ В XV в. их насчитывалось до четырех десятков, в XVI в. — до трех. Их главой и образцом был князь Джованни Андреа Дориа,⁵ обладатель крупного феода, роскошных дворцов в городе и генуэзских землях, политик и флотоводец. Внешним выражением социального положения рода Дориа, служившего эталоном для старых нобилей,⁶ был их княжеский дворец в Фассоло и подаренный им городом дом Сан Маттео. Загородные виллы-дворцы (в Сан Пьер д'Арена, Д'Альбаро и др.) являются первоклассным материальным источником, подтверждающим двойственный характер старых нобилей, совмещающих феодалов и крупного масштаба торгово-финансовых деятелей, к тому же активных участников политических битв. Они считали себя по происхождению, знатности и политическому весу «великолепными» (*magnifici*), закрепив затем это наименование как официальную титулатуру истинно нобильских домов.⁷ Родовитые нобили не только возводят сотни загородных вилл-дворцов, подтверждая тем свое «великолепие», но и превращают их в центры поместий с крестьянами разной степени зависимости. Так, для укрепления политических позиций в Генуе в 1574 г. они призывают в город горцев, вассалов, а также людей из поместий, целые отряды крестьян-пехотинцев, как об этом свидетельствует их современник Филиппе Казони.⁸ Такова была одна сторона старого нобилитета, этого двуликого Януса. Другой стороной являлась его активная и широкая торгово-финансовая деятельность, о которой свидетельствует другой современник — Бастиано Ардити. Когда в 1575 г. высокая волна политических страстей выбросила старых нобилей из Генуи, они ока-

* «*nobili di S. Lucca*», «*lore partite*», «*loro Fazione*», «*Portico di S. Lucca*» (F. Casoni. *Annali della repubblica di Genova del secolo decimo sesto*. Genova, 1708, p. 315—316), т. е. «нобили», «их партия», «их политическая группировка», «портик Сан Лука», — так именует их венецианский историк XVI в. (умер в 1609 г.) на основании документов генуэзских архивов, писем и мемуаров современников.

⁶ «*Principe Giovanni Andrea Doria*» (F. Casoni. *Annali* . . . , p. 315).

^e «*li nobili vecchi*» (Переписка Мороне. Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1 [далее: Переписка Мороне!], 3/52, письмо 28.III.1575, p. 62); «*li vecchi*» (там же, 15/52, письмо 6.V.1575); «*partite vecchia*», «*sua fattione*» (там же, 15/52, письмо 10.V.1575, p. 222), т. е. «старые нобили» или просто «старые», «старая партия», «их политическая группировка», — таковы термины Мори не, активного участника генуэзских событий 70-х годов XVI в. Один раз и донесении Мороне встречается термин «древний нобиль» (*nobile antico*) (там же, 20/52, донесение 13.V.1575, p. 233); см. прил., док. XV.

⁷ «*le casate nobile*», «*i nobili e' Vecchi*», «*i Vecchi*» (B. A r d i t i. Diario di Kiror.ze e di altre parti della cristianita (1574—1579) a cura di R. Cantagalli. Firenze, 1970, p. 38, 40, 42), т. е. «нобильские дома(семьи)», «старые нобили» или просто «старые», — так их называет современник, флорентийский ремесленник Бастиано Ардити, автор мемуаров.

⁸ «... *li vecchi* assoldano mercenari e facero venire vassalli "dalle loro l'orro» (V. V i t a l e. Breviario della storia di Genova. Lineamenti storici ed (irorientamenti bibliografici, vol. I. Genova, 1955, p. 229); «*li Nobili*... chiama i4ino da' loro Foudi e dalle montagne circonvicine una gran turba di forestieri», «alcune Compagnie di Fanti'Paesani» (F. C a s o n i. Annali. . ., p. 315, 318).

123

зались в своих виллах и замках, а многие — в Лукке, Милане и родном городе Ардити на берегах Арно, где он мог не только слышать о них, но и видеть их самих вместе с семьями, не забывшими захватить с собой домашнее имущество. Это были очень богатые деловые люди, банкиры и купцы, у которых испанский король получал займы, доходившие до нескольких миллионов дукатов.⁹ В 1576 г. нобильские семьи Генуи вели с испанским королем расчеты по займам 1560—1575 гг.

Нередко он расплачивался предоставлением прав на соляные и иные разработки, что не всегда гарантировало возмещение долга: взаимные претензии колебались от 6 до 12 млн дукатов, согласно сведениям знакомого с генуэзскими документами этих лет Казони.¹⁰ Таким образом, старые нобили совмещали в себе знатных феодалов и международных банкиров.

Их соперниками были новые нобили, группирующиеся вокруг партии (или портика) Сан Пьетро.¹¹ Как повествует Ардити, «новые граждане достигли столь высокого положения, что могли пользоваться всеми благами, проистекающими из закона 1528 года».¹² Речь идет о политических правах, уравнивших новых нобилей со старыми. Нарушение политической монополии знати имело прочные экономические основания, давшие нуворишам возможность превратиться из пополаров в «родственников» древних нобилей. 1528 г. был не началом, а итогом этого социально-экономического процесса. Старые нобили ненавидели новых, однако вынуждены были считаться с могуществом тех, кто приобретал или воздвигал такие же, как и у них, «гордые дворцы» (*superbi palagii*) и становился обладателем огромных богатств. Об этом свидетельствует кардинал Мороне, наблюдавший не только успешную конкуренцию новых нобилей со старыми, но и полную их победу в Генуе.¹³

Новые нобили добились монопольной власти в Генуэзской республике. Занимая в ней любые руководящие посты, они превосхо-

⁹ B. A r d i t i. Diario. . ., p. 40.

¹⁰ «*l'importanza del debito*», «*credito delli trattanti dall'anno 1560 per tutto l'anno 1575. . . di sette million! di Ducati. . . di dodici milioni di du-cati. . . a sei million!*; . . . onde alcune famiglie nobili della Citta vennero a decadere da quella grandi ricchezze, che le facevano risplendere» (F. C a s o n i. Annali. . ., p. 341).

¹¹ «*nobili nuovi*» (Переписка Мороне, 3/52, письмо 28.III.1575, p. 62), «*nuovi*» (там же, 20/52, донесение 13.V.1575, p. 234), «*nobili di S. Pietro*», «*la Nobilta di San Pietro*», «*loro partito*», «*fazione*», «*Portico di S. Pietro*» (F. C a s o n i. Annali. . ., p. 315—317). — Современники называли их, таким образом, «новыми нобилиями» или просто «новыми» (Мороне), а также «нобили Сан Пьетро» или «нобилитет Сан Пьетро», «Портик Сан Пьетро», «их партия», (политическая) «группировка».

¹² B. A r d i t i. Diario. . ., p. 46.

¹³ «... *li vecchi* non teneano conto alcuno che nobili nuovi, ne in paren-tade. . . per l'invidia, che loro concita i superbi palazzi, li statì compeati et le gran loro ricchezze» (Переписка Мороне, 20/52, донесение 13.V.1575, p. 234-235).

124

дили старых и по своей массе (до 300 семей), а это было немалым политическим и военным преимуществом в масштабах городской республики XVI в. К тому же сотни новых нобилей стали богачами, способными не только держать промышленные мастерские, лавки и банковские конторы, но и освоить дворцовый быт нобилей. Они вышли также и на международные финансовые просторы, на общеевропейских денежных биржах в Шамбери и Лионе в 1575 г. их квота доходила до 750 тыс. дукатов. Все это крайне раздражало их знатных соперников, бежавших из Генуи во Флоренцию, где те образовали своеобразную колонию добровольных иммигрантов на Виа Мартелли.¹⁴

Таким образом, две враждующие партии нобилей олицетворяли собой две тенденции

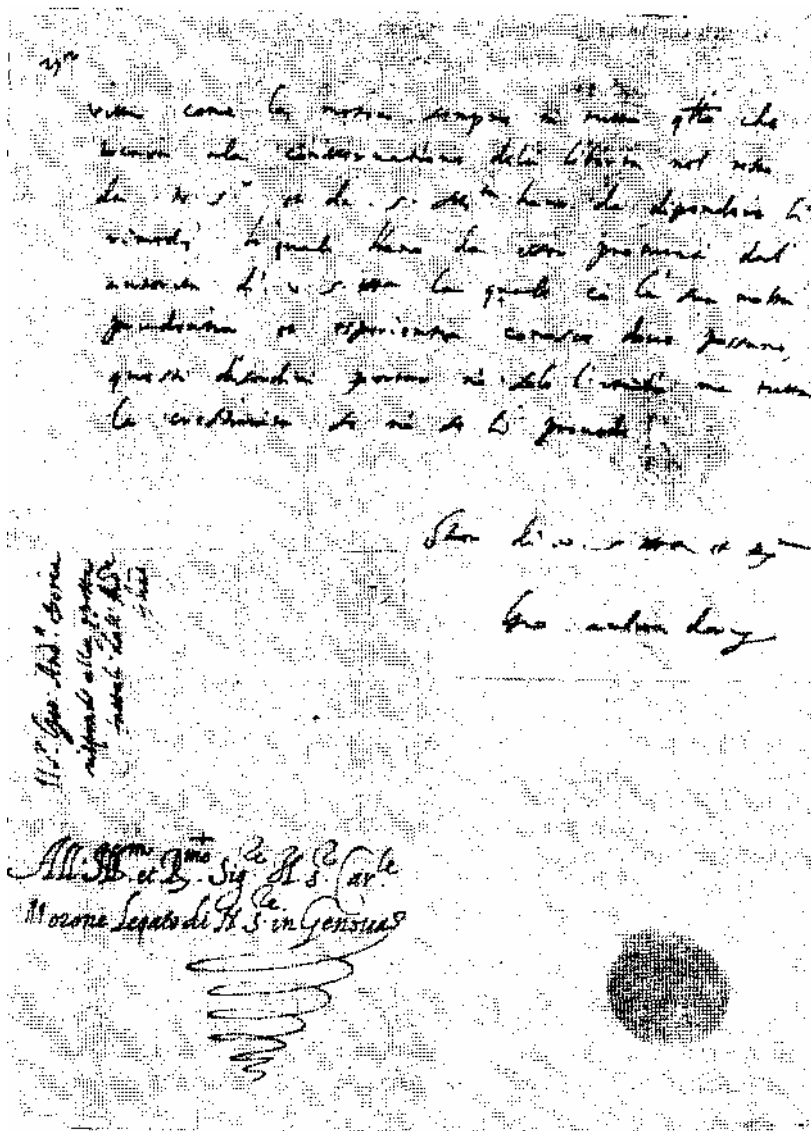
итальянского (и общеевропейского) процесса отмирания старого феодального класса и зарождения нового — по происхождению буржуазного. В идеальном случае эти классы должны быть антиподами, представляющими две социально-экономические формации; накануне нового времени, когда формируются буржуазные, но еще «незрелые классовые отношения», эти взаимоотношения осложняются, о чем свидетельствует пример Англии и Нидерландов. Тем более сложными представляются они в Италии XVI в., где происходит ослабление раннебуржуазных отношений и усиление несколько ослабленных еще в XIII—XIV вв. феодальных. Старые нобили обуржуазились под влиянием итальянских условий раннего капитализма и нарастающих капиталистических порядков в Западной Европе, они представляли собой незрелую буржуазию, выросшую из феодального прошлого. Новые нобили, вышедшие из обуржуазившегося пополярства, превратились в незрелую еще буржуазию, выбившуюся в ряды нобилитета. Ее временная победа в Генуе была закономерной и могла бы сохраниться, если бы Италия развивалась в XVI—XVII вв., как другие крупные капиталистические страны Европы. Новые нобили, выделившиеся еще в XIV—XV вв. из единого в прошлом по-поларства, «третьего сословия» Италии, могли бы пройти путь к буржуазному перевороту и превращению в зрелую буржуазию. Однако условия феодальной реакции как явления социально-экономического толкали их на путь политической феодализации.

Буржуазная сторона деловой активности и новых, и старых нобилей ~была~перспективной и прогрессивной: она способствовала известному усилению капиталистических порядков в Европе в целом и сохранению раннекапиталистических отношений в Италии,

¹⁴ «Venne ad abitare in Firenze, e nella via de'Martelli, alcune famiglie delle casate nobili di Geneva, di quelle 28 casate le quali isdegnate contro un'altra nobiltà, venuta al grado del governo della città e d'ogni sorte ufficio attenente alla ministrazione . . . ed erano tanto gran numero e potenti di ricchezze che nelle loro faccende e negozi, in su piazza di Camberl e di Lione, iivovono avere. . . settecento e 50 milia ducati» (B. A r d i t i. Diario . . ., p. 43). ^

V. S. ^{Almo} mi si affatica tanto in procurar di accomodare
queste disordini civili, che tutta la vita i questo se ne comita perognar
obbligat et io per i favori che continuamente mi fa, et poche sona per essere
fortunato di che dono la libertà a costui Rapi, et poco più obligato
d'ogni altro alla conservazione di essa, obligatiss^{imo} a servirlo in
tutto quello che mi comandara, come ho detto al suo Auditione,
che farò in quello che hora mi comanda, et raccomandatole quello che
potrà V. S. procurare, poche io habessi maggior facilità. Mi
dispiace l'incomodità che sentira mon^{do} o desidero a final^{mente} poichè
per poter trattare con i deputati, sarà bisogno che mi si forme
almeno quattro o cinque giorni di più, et rimettendomi nel casto
alla relatione del suo Aud^{itione} fornisco, con pregare a V. S. Agne
felicità et contentezza. Di Agne a 20 di Maggio 1575

Io G. M^{te} dono debile instrumenta p. che sopra
poco se fatto manca ma se la volontà non
che a nessuno, l'ordine a. 16. di M^{te} a q^{to}
che comanda, al meglio che sopra se può
se ho in miei mano poco del la salute al
farà tutto il p^{ossibile} che la natura mia.

(Продолжение)

она вносила определенный вклад в процесс первоначального накопления, в частности в освоение Нового Света и создание международных финансовых рынков и бирж. Феодалная же сторона их деятельности, политической практики, быта и психологических восприятий способствовала усилению феодальной реакции в Италии и в то же время была отражением этого процесса, она олицетворяла собой уходящую феодальную Европу и феодализирующуюся Италию. В то же время старые и новые нобили Генуи были единым правящим классом буржуазного дворянства и одворянивающейся буржуазии. Это доказала и политическая практика Генуэзской республики. Несмотря на резкие противоречия между двумя лагерями нобилей, известны случаи их примирения в целях взаимной выгоды. Так было в 1574 г., когда Генуя управлялась не столько официальными учреждениями республики, сколько «депутатами двух партий по молчаливому согласию всего нобилитета. . . который суверенно управлял всеми делами».¹⁶ Особенно этот вынужденный компромисс давал себя знать, когда внешний военный конфликт угрожал самому существованию республики, а «внутренние беспорядки» угрожали спокойствию правящих кругов, так как могли привести к «насилиям народа». Тогда обе партии пытались подойти к «обоюдному удовлетворению» и прекратить взаимную борьбу, объединяя свои силы в целях «полного разоружения народа».¹⁶ Не случайно после политических потрясений 70-х годов XVI в. обе партии нобилитета в 1576 г. пришли -к примирению при явном преобладании его феодально-олигархической части, что отражало общий для Италии процесс феодальной реакции. Старые нобили не раздавили, но отодвинули на второй план нобили новых, сохранивших, впрочем, свою долю в делах и выгодах правящего класса.

Новые нобили именовались в свою эпоху также «присоединенными»,¹⁷ т. е. включенными в состав правящего класса. Кардинал Мороне именует их «новыми присоединенными», т. е. новыми нобилими, допущенными к общему нобильскому кругу политически полноправных граждан республики. Нобили, вышедшие «из древних пополарских домов»,¹⁸ прошли путь от «присоединенных» до полновластных и

снова опустились до уровня «присоединенных», сохранившись, однако, как часть правящего класса олигархического государства. Восхождение и закат новых нобилей имели своим истоком не только их собственные социальные и экономические потенции, но изменение силы и политической роли попoларства, народа, на который опирались новые нобили: «прослойка

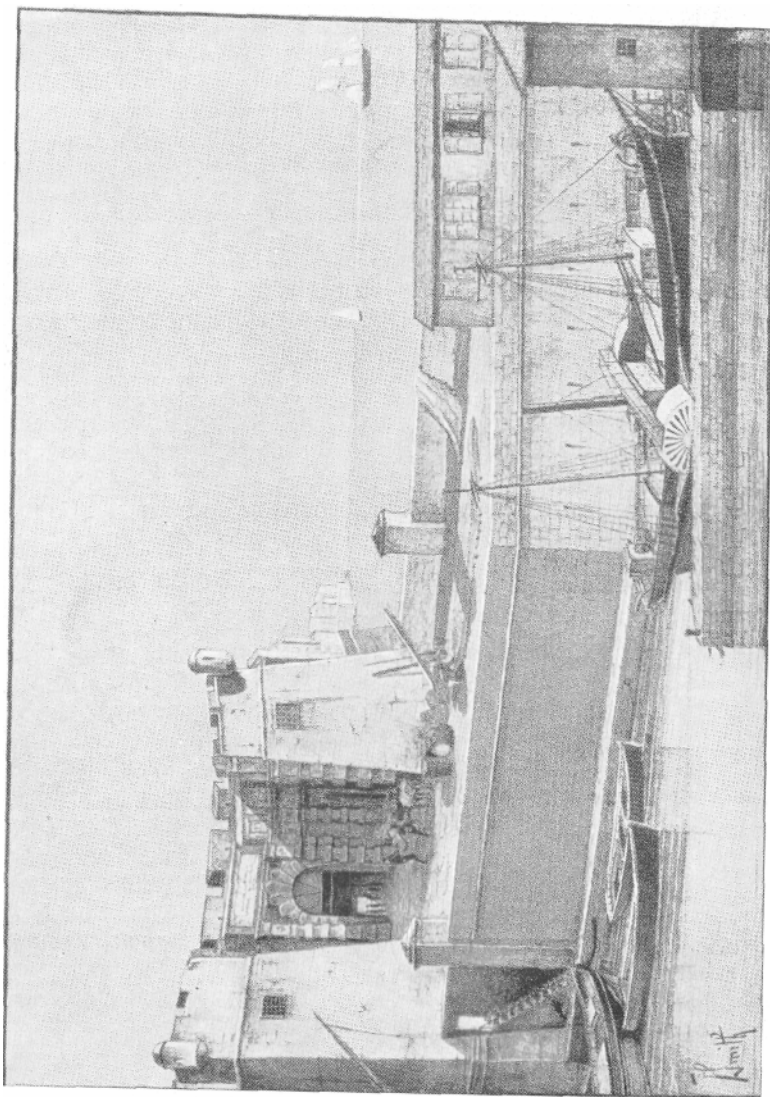

Генуэзские крестьяне в праздничном наряде. Рисунок П. Коронелли. XVII в.

¹⁵ F. C a s o n i. Armali. . . , p. 315. ¹⁰ Ibid., p. 321.

¹⁷ «agregati» в написании Ардити (B. A r d i t i. Diario. . . , p. 39, 40, 43).

¹⁸ «nuovi aggregati», «li nobili delle antique case popolari» (Переписка Мороне, 20/52, донесение 13.V.1575, p. 233, 235.)

Ворота Сан Джованни на Старом мосте, построенные в 1553 г. Место батарей «капитана» Вьяке. Акварель И. Смита (начало XIX в.).² Топографическая коллекция Генуэзской коммуны.

преуспевающих граждан, — пишет Ардити, — именуемых присоединенными, которые стали весьма могучими благодаря деньгам и расположению к ним народа. . .», они «стали друзьями всего народа».¹⁹ Народ служил опорой новых нобилей, что вызывало зависть нобилей старых, пытавшихся заигрывать с ним. Но он также не был единой массой, хотя и имел общее наименование пополярства и даже иногда характеризовался современниками как особая партия — «портик народа».²⁰ В целом народ был значительной социальной силой. Современники, говоря о двух партиях нобилей, рассматривали его в качестве третьей партии, которая по своей численности превосходила каждую из партий нобилей, но не была столь единой и сплоченной.²¹ Отсутствие сплоченности в партии народа объяснялось не строптивостью пополаров, а большой неоднородностью их социального состава. Они делились на три категории: почтенных, ремесленников и плебе.²² «Почтенные», «главные пополары» или «лучшие горожане»²³ составляли верхушку пополярства. Это были главы или консулы цехов, купцы, судьи и адвокаты, врачи,³⁴ т. е. зажиточные горожане.²⁵ Средние слои складывались из многочисленных ремесленников, владельцев ремесленных мастерских, лавок и складов,²⁶ членов различных цехов,²⁷ в значительной степени сукнодельного, шелкоткацкого, шорного и металлообрабатывающих корпораций и т. п.²⁸ Плебе состоял из многочисленных городских бедняков, которые именовались «толпой», «мелким народом», «низами», «самым низким сословием».²⁹ Это были бедные ремесленники, компаньоны мастеров, наемные рабочие, а среди них прежде всего ткачи и рабочие других профессий текстильного

¹⁸ «...una sorta di rilevati cittadini, nominati e'gli Agregati quali erano venuti tanti potent! di danari e di favore apresso alia plebe». . . «gli Agregati s'avevano fatti amici il popolo tutto» (B. A r d i t i. Diario. . ., p. 39—40, 43).

²⁰ «Il Popolo», «Il Portico del Popolo» (F. C a s o n i. Aimali. . ., p. 315, 322), «i popolari» (Списки делегаций к кардиналу Мороне 7 мая 1575 г., Архив ЛОНИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 27/51, p. 192; см. прил., док. ХІП; Переписка Мороне, 15/52, p. 208; F. C a s o n i. Annali. . ., p. 316).

²¹ F. C a s o n i. Annali. . ., p. 316.

²² «persone d'onesta condizione», «gli Artigiani», «Plebe minuta» (ibid., p. 318).

²³ «principali popolari», «migliori cittadini» (ibid., p. 319, 331).

²⁴ «li capi dell'arti» (ibid., p. 319); «li consoli delle arti, li mercanti, li dottori, li medici» (Переписка Мороне, 20/52, донесение 13. V. 1575, p. 235).

²⁶ «Cittadini benestanti» (F. C a s o n i. Annali. . ., p. 315).

²⁶ «li fondachi e le botteghe degli Artigiani», «bottegari» (ibid.), «padroni delle botteghe» (B. A r d i t i. Diario. . ., p. 50).

²⁷ Б. Ардити именовал их флорентийским термином «artieri» (B. A r - (I t i. Diario. . ., p. 50).

²⁸ «la manifatture di seta e di lana» (F. C a s o n i. Annali. . ., p. 318), «fimbri d'argento», «sellaro» (Sumarium consilli domini Hieronimi Girardi super processu in carceratorum [далее: Sumarium super processu]. Архив .НОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 29/51, p. 254, 256; см. прил., док. XII).

²⁹ «la numerosa plebe», «moltitudine», «plebe piu minuta», «il volgo», «ordine inferiore» (F. C a s o n i. Annali..., p. 315—318).

9 В. И. Рутенбург

129

производства. Людей, занятых в шелкоделии, в Генуе в 70-х годах XVI в. насчитывалось 37750 и в том числе 250 шелководов-предпринимателей (seatiери), 12930 зависимых мастеров-ремесленников и 17570 наемных рабочих.³⁰ Их объединяла одна общая черта: все они были «самые бедные».³¹

j

Таким образом, народ был далеко не единой социальной группой, и его социальная дифференциация усиливалась. «Лучшие горожане» пытались прорваться в ряды нового нобилитета и, пользуясь сложившейся обстановкой, однажды даже добились декрета о приписке к нобилиям определенного числа пополаров, хотя декрет этот и не был реализован.³² Проект имел отношение к зажиточной части народа, к «главным среди пополаров», к тем из них, кто претендовал на внесение в список нобилей.³³

Такие тенденции приводили к отрыву верхушки пополарства от основного его ядра — цеховых ремесленников, а решительные требования и действия низов нередко пугали ремесленников — владельцев боттег — и вызывали раскол и этих двух прослоек трудящихся пополаров.

Зависимые крестьяне из феодальных владений и полузависимые из горных местностей³⁴ дополняли общую картину социальной жизни Генуэзской республики. По свидетельству современников, лигурийские крестьяне отличались крайней бедностью.³⁵ Как показали дальнейшие события, эти крестьяне играли немалую роль в политической и социальной борьбе.

Генуэзская социальная пирамида представляла собой не строгую неизменную схему, а структуру, полную противоречий, грозивших острыми конфликтами как между правящими нобилиями и народом, так и между разными прослойками самих нобилей.

³⁰ G. S i v o l i. Il tramonto dell'industria serica genovese. — Rivista Storica Italiana, vol. LXXXIV, fasc. IV, Napoli, 1972, p. 896. Эти данные почерпнуты Сиволи в генуэзских архивах, суммарные цифры выведены нами. Казони говорил о 15 тыс. текстильщиков (F. C a s o n i. Ap-nali. . ., p. 321). Архивные данные подтверждают его цифру, но уточняют категорию — 15 тыс. рабочих-ткачей.

⁸¹ «i piu poveri» (F. C a s o n i. Annali. . ., p. 321), «persone povere» (ibid., p. 318); ср.: А. Д. Р о л о в а.

Экономическое положение трудящихся масс Флоренции во второй половине XVI в. и в начале XVII в. Рига, 1971.

³² F. C a s o n i. Annali. . ., p. 326.

³³ «principal! fra i popolari» (ibid., p. 322).

³⁴ Ibid., p. 318.

³⁵ D. Moreno. Per una storia della montagna ligure: note sul pae-saggio della montagna di fascia. Miscellanea Storica Ligure, 1971, vol. II, № 2.

Глава вторая

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ ВОЙНА ДВУХ ПОРТИКОВ

В 70-х годах XVI в. старые нобили портика Сан Лука пытались ликвидировать или по крайней мере ослабить влияние новых нобилей портика Сан Пьетро на политическую жизнь республики, «составляли планы подчинить себе нобилей противной партии». Реализация этих планов предполагала применение силы,³⁶ и они черпались как изнутри, так и извне: в Геную были призваны крестьяне из нобильских поместий и горных селений, а в водах Лигурийского моря появились галеры князя Джованни Андреа Дориа, прибывшего из Сицилии. Действия старых нобилей вызвали противодействие новых. Они обратились к народу, решив использовать его в борьбе со старыми.³⁷ Их призыв был направлен к «лучшим горожанам» и цеховым ремесленникам, над собственностью которых нависла угроза разграбления крестьянами и горцами; грозный вид этих отрядов и без того приводил горожан в трепет. Новые нобили дипломатично выступали не в роли просителей, а как лучшие друзья, предупредившие «почтенных» и цеховых владельцев, что их дома, мастерские, лавки и склады являются объектом внимательных и алчных взглядов дикой толпы вооруженных чужаков. Призыв подействовал, началось волнение среди цеховых мастеров и торговцев: они закрыли свои мастерские и лавки, перенесли товары домой и приготовились к обороне.³⁸ Это и нужно было новым, которые достигли психологической и практической мобилизации нескольких тысяч человек, рассчитывая в случае открытой схватки использовать их для защиты своих целей — ликвидации закона 1547 г., ухудшившего политическое положение нобилей партии Сан Пьетро, и возвращения к закону

1528 г., т. е. расширения политических прав.³⁹

Старые нобили приняли во внимание сложившуюся обстановку и пошли на временный компромисс: на совещании, проведенном в доме Луки Грилло, они избрали своим главой, а на случай откры-

³⁸ «formare disegni di sottomettere i Nobili del contrario partito e di livarli per mezzo della forza» (F. C a s o n i. Annali. . . p. 315).

³⁷ «si studiarono i Nobili di S. Pietro di tirare nel loro partito il popolo» (ibid.).

³⁸ Ibid., p. 315—316.

³⁹ «. . . si mostro disposto a seguitare la fortuna de' Nobili di S. Pietro, « a difendere la loro causa; onde questi, assicurati di potere opporre alia potenza della contraria fazione la forza del numero. . . a sostener quel vantaggio, die avevano nella passata ottenuto. . . richiedendo l'abolizione della Legge del 1547» (ibid.).

131

9*

той борьбы и командующим, Джованни Андреа Дориа и выделили шесть депутатов, уполномоченных следить за соблюдением правительством интересов их партии. Новые нобили ответили тем же.⁴⁰

Создалось двоевластие, формально зачеркнувшее и фактически парализовавшее деятельность законного правительства. Отцы города — сенаторы — не решались принимать ни одного решения без подсказки депутатов двух партий, которые открыто вмешивались во все правительственные дела вплоть до составления законов. Республика жила в условиях высокого напряжения политических страстей: партийные интересы затмили собой традиционные родственные и дружественные связи.⁴¹

В шахматную партию, которую с изяществом опытных мастеров разыгрывали на политических полях два нобильских портика, неожиданно вмешался третий участник, которому, по их планам, полагалось выполнять роль пешки, — народ. Его верхушка — «главные пополары» — логично рассудила, что конфликт между двумя нобильскими группами ослабляет нобилитет в целом и дает им шанс получить политические права и войти в правительство. Они рассчитывали на поддержку со стороны портика Сан Пьетро, прекрасно понимая, что новые нобили не захотят рвать с народом, их главным резервом в борьбе со старыми нобилими портика Сан Лука.⁴²

ТРЕТЬЯ ПАРТИЯ

Верхушка пополарства превратилась в третьего конкурента, «третью партию», в борьбе за власть в республике. Она имела реальную силу, выступая на данном этапе от имени всего народа, и современники оценивали ее как третью партию по счету, но не по значению: «таким образом к двум партиям прибавилась третья — партия народа, которая сама по себе была сильнее их, хотя ее и ослабляли противоречия».⁴³ Она была сильнее, так как за ее плечами стояло почти все население города. Поэтому она и действовала решительно и открыто — в противоположность двум партиям нобильских портиков, готовых к компромиссу на условии равных прав, которые они предоставляли сами себе, сделав законное правительство бесправным. Вожаки партии народа подали в сенат петицию, более похожую на ультиматум, и в ней в угрожаю-

⁴⁰ «Giovanni Andrea Doria, che gia destinavano in caso di qualche rot-tura, lor Generale. . . avevano rimirato come capo della loro fazione. . . e fu di eleggere sei Deputati. . . quelli del Portico di S. Pietro a fare una simile deputazione. . . » (ibid., p. 315).

⁴¹ «. . . ed era tanta forza della parzialita, che tutti scordatisi delle pa-rentele e delle amicizie» (ibid.).

⁴² Ibid., p. 316.

⁴³ «In questa maniera ai due partiti si aggiunse il terzo del Popolo, il quale era per se stesso piu potente di loro, ma. . . contrarii. . . veniva. . . a diminuirsi di forze la fazione» (ibid.).

132

щей форме требовали предоставления «тем, кто этого заслуживает», политических прав. Они рассчитывали, что сенат и даже старые нобили поддержат их в страхе перед народными массами.⁴⁴

В январе 1574 г. старые нобили портика Сан Лука действительно пообещали им поддержку в надежде оторвать народ от своих соперников — новых нобилей — и использовать силу «третьей партии» в собственных интересах, о чем они довольно угрожающе намекнули его вожакам. Таким образом, обе нобильские партии наигрывали с третьей, учитывая ее решающую роль в политической жизни Генуи.⁴⁵

Приманка оказалась ложной, старые нобили практически ничего для реализации обещания не сделали. Более реалистическим был союз пополаров с новыми нобилими, которые по социальному плану стояли к ним ближе, хотя и здесь были не безоблачные отношения, во всяком случае со многими из пополарских вожаков, претендовавших на большее, чем союз с портиком Сан Пьетро.⁴⁶ Недооценивая эти тенденции пополаров и рассчитывая на свой политический опыт, новые нобили форсируют события и в пылу борьбы подталкивают народ к более решительным действиям. Уверовав в безграничную преданность народа, новые нобили по возражали даже против восстания, лишь бы запугать, а если удастся, то и победить нобилей старых.⁴⁷

ВООРУЖЕННЫЙ НАРОД

Нобили партии Сан Пьетро объявили свое решение вожакам пополаров (очевидно, это были зажиточные горожане — *capì Popolari*), которые дали согласие на выступление. Ночью они собрали народ (*moltitudine*) на площади Джустиниани и сообщили ему, что введенные старыми нобилими в город отряды крестьян из поместий, и из горных местностей намерены не только провести грабежи,

но и овладеть городом.⁴⁸ Народ откликнулся на призыв и стал охотно разбирать оружие, в большом количестве доставленное сюда новыми нобилиями через вожakov народа. В течение трех ночей Генуя находилась под контролем вооруженных отрядов парода, которые охраняли важнейшие пункты города и пропу-

⁴⁴ «... fecero ricorso al Senate, con una sediziosa supplica, nella quale, c.liamandosi deputati del Popolo, demandavano in forma piu di minaccie, c.ho di suppliche, l'ascrizone de meritevoli. . . i popolari . . . giudicando, die i Nobili di S. Luca. . . concorrerebbero a contentarli, per non irritarsi contro la moltitudine» (ibid.).

⁴⁵ «... in tal maniera, essendo le due fazioni intente a procacciarsi il seguite e il favore del Popolo» (ibid., p. 317).

^a « Ibid.

⁴⁷ «Ma quelli di S. Pietro acquistando ogni giprno piu l'aura, e il seguito dn Popolari, deliberarono di tentare qualche no vita, e di atterire col mezzo de'tumulti e de'movimenti della plebe il contrario partito» (ibid.)

⁴⁸ «Impadronirsi della Citta» (ibid.).

133

екали лишь верных ему людей и людей пополарского звания.⁴⁹ Ночная Генуя притихла: знатные нобили с разумной осторожностью сидели в своих дворцах в страхе перед возможным насилием.⁶⁰ Только на третью ночь произошло волнение низов в районе Борго ди Прэ, его участники так выразили свое понимание сложившейся обстановки: «Да здравствует народ и свобода!». ⁵¹ Такая ситуация весьма обеспокоила старых нобилей, их глава Дория вместе с испанским послом просили сенат позаботиться о спасении города. Сенат объявил набор крестьян долины Магра в солдаты для охраны Генуи, запретил ношение оружия, сходки горожан и приказал правительственным патрулям убивать всех, кто будет ходить с оружием большими группами.⁵² На несколько дней это парализовало действия вооруженного народа, но вскоре была найдена новая форма демонстрации силы. Народ использовал обычай карнавалов, чему дали повод старые нобили, организовавшие джостру на площади Сан Сиро с целью окончательно запугать народ своей военной мощью и высоким искусством боя. В ответ на действия старых нобилей была организована пышная и многолюдная джостра на площади Понтичелло, в районе, где про живало множество бедняков, низы города.⁵³ В военной игре, проходившей при свете факелов, участвовало около ста конных новых нобилей — союзников народа, со шпагами и пистолетами в руках, во главе с Никколо Тривульцио, происходившим из знатного миланского рода и женатого на генуэзской даме из рода Дория. Фактически в городе устанавливается вооруженное равновесие, приводящее к временному компромиссу и переговорам двух нобиль-ских партий, протекавших в монастыре Сан Доменико. Дория выдвигает проект разделения всего генуэзского нобилитета на 8 равных групп (tribu) подобно Неаполю, что якобы может ликвидировать противоречия. На самом же деле он пытается отвлечь этим новых нобилей от решительных действий. Практически старые нобили рассчитывали на внешнюю помощь (испанский король, император, папа), новые — на внутренние силы, на пополар-ство.⁶⁴ В этой поляризации выражалась сила и слабость обеих сторон.

⁴⁹ Ibid.

⁶⁰ «... essendosi tenuti in Gasa con prudente cautela i Nobili di S. Luca, per non incontrare in qualche violenza» (ibid.).

⁵¹ «Nella terza notte alcuni sedizioni si fecero sentire nel Borgo di Pre gridando, viva il Popolo, e Liberta. . . si commosse la numerosa plebe, che abita in quella contrada» (ibid.).

⁶² Ibid., p. 318.

⁶³ «... la piazza di Ponticello, che e abitata da gran numero di persono povero .e dalla plebe piu minuta» (ibid.).

⁶⁴ «... gli uni confidandosi nella gente straniera. . e gli altri nelle forze del Popolo» (ibid., p. 319).

Вся Генуя была вооружена, и социальные противоречия доведены до предела, сложившаяся обстановка вела к гражданской и войне, как это определяли сами современники событий.⁵⁵

Началось открытое накопление сил: знатные молодые нобили направлялись во все концы республики, созывая в Геную «множество злодеев» и «головорезов и свирепых горцев», число которых «вскоре могло превзойти все население города».⁵⁶

Партия Сан Пьетро, со своей стороны, мобилизовала силы ннутри города, «побуждая ремесленников к восстанию». Ремес-лонники стали закрывать свои боттеги и взялись за оружие, вооружились и городские низы. Вооруженный пополарский лагерь пришел к решению: «Убивать всех пришельцев, которые будут ходить по городу с оружием».⁵⁷

Старые нобили не сочли, однако, возможным расправиться с народом и прибегли к помощи испанского посла и сената, предложивших месячное перемирие, во время которого горожане должны сложить оружие и снова открыть боттеги. Народ ответил на это резким отказом, тем самым «безнаказанно нарушив самые священные законы высшей власти, и город из прибежища мира и спокойствия превратился в вертеп разбойников и непримиримых врагов».

ВОССТАНИЕ НАРОДА

В конце 1574 г. непримиримые враги столкнулись, началось иосстание народа. После указа сената о запрещении ношения оружия и изгнания из города отрядов крестьян и горцев, в Борго ди Прэ произошло выступление низов, которые разбили и разоружили один из отрядов Дориа, призванных им из своих загородных владений. За этим последовали выступления вооруженного плебса против нобилей партии Сан Лука и мобилизованных ими и своих землях пришельцев, укрывшихся во дворцах старого нобилитета. Главари Сан Пьетро считали, что изгнать вооруженных

⁶⁵ «... a tali contrast! era ben presto per seguire la Guerra civile» (ibid., I>. 318).

⁵⁶ «... usciti molti giovani gentiuomini a confini della Repubblica, convocarono una moltitudine di uomini facinorosi e montanari feroci. . . НКherri. . . il numero de'quali. . . in breve sarebbe stato capace di sopraffare In cittadinanza tutta» (ibid., p. 319).

⁶⁷ «Quelli di S. Pietro. . . sollicitando gli Artigiani alia rivolta. . . gli Artigiani, e gli altri Plebei, chiuse immantinente le botteghe, presero Гаити con risoluzione di uccidere quanti forestieri trovarono passeggiare con armi» (ibid.).

⁶⁸ «Et essende impunemente violate le leggi piu sacrosante, pareva la Cilia, non piu un'albergo di pace e di tranquillita, ma un serraglio di uomini Itai'bari ed irreconciliabili nemici» (ibid.).

135

крестьян и горцев можно лишь, опираясь на всеобщее восстание народа, о чем они начали переговоры с его вожаками.⁵⁹

Главными из них были пополары Амброзио Черецца, Себастьяно Черонио, Бартоломео Монтоббио и нобиль Бартоломео Коронато. Последний пользовался симпатиями горожан как «мудрый советчик, скорый как на язык, так и на руку».⁶⁰ В дальнейших событиях он будет играть выдающуюся роль. Вожак подняли на восстание всех пополаров, но основной силой были ремесленники и плебс. Они захватили площади и главные улицы, перегородив их баррикадами с вооруженной охраной и затруднив связь различных частей города. Старые нобили в страхе укрылись в своих дворцах.⁶¹

В каждом районе города (quartiere) командовал особый народный старшина (саро popolare). Наибольшим успехом пользовался «капитан» Вьяке, народный старшина городского района Моло, который со своим отрядом занял ворота Моло с бастиянами, охранявшими эти ворота и державшими их под огнем артиллерии. Артиллерия была им установлена также на соседней с воротами площади, окруженной со всех сторон валами и траншеями. Он возглавлял простой народ своего района, хорошо вооруженный и разделенный на отдельные отряды под командованием нижестоящих начальников. В случае необходимости артиллерия могла быть направлена и против правительственных зданий.⁶²

В это время некий Антонио Кьеца по приказу новых нобилей направился в долину Польчевера (Пончевра или Понцевера), где

⁵⁸ «... perche l'intenzione. . . di S. Pietro di scacciare per forza dalla citta gli stranieri. . . non si poteva ottenere senza un'universale tumulto del Popolo» (ibid.).

⁶⁰ «Bartolomeo Coronato dell'ordine Nobile, il quale era ancora nel po-polo di maggiore autorita e reputazione degli altri, come piu pronto di lingua, e di mano e piu sagace nel consigliarsi amici» (ibid.).

⁶¹ «... si solleva finalmente il Popolo e occupate le piazze e le strade principal!, le serro con barricate e le muni di guardie, impedendo la communi-cazione dell'uno e dell'altro quartiere con gran terrore de'Nobili di S. Lucca, i quali si tennero chiusi in casa» (ibid., p. 319—320). — В. Витале, очевидно используя эти данные Ф. Казони, говорит в одной фразе о восстании пополаров города и жителей долины Польчевера, о захвате народом площадей и о появлении на улицах Генуи баррикад. Он называет также «нового» нобиля Б. Коронато, «который выделялся среди неистовых вожаков» народа (V. V i t a l e. Breviario. . . , vol. I, p. 229). См. также: F. P o g g i. Le guerre civili di Geneva in relazione con un documento economico-finanziario dell'-anno 1576. — Atti della Societa ligure di Storia Patria, vol. LIV, parte III, 1930.

⁶² «Ma niuno fece maggiore strepito, che il Capitano Viache, capo della contrada del Molo, il quale avendo occupata quella Porta con il balvardo superiore, che la difende, trattine alcuni pezzi di artiglieria, li fece potrare nella piazza contigua, la quale avendo fortificata d'ogni intorno di trincee, e di terrapieni, la presidio con una moltitudine di plebei del suo quartiere, ben provveduti d'armie distinti in diverse compagnie sotto de'capi» (F. C a s o n i. Annali; . . , p. 320); «... le canon fut pointe centre la Palais» (Histoire de revolutions de Genes depuis son etablisement jusq'a la conclusion de la Paix de 1748, t. III. Paris, 1752, p. 187).

136

объявил себя военным комиссаром сената и призвал жителей этого района укрепить и охранять горные проходы, через которые на помощь старым нобилям шли вооруженные отряды горцев. Эти отряды были разбиты силами местного населения. Таким образом, на стороне пополарского восстания, поддерживаемого новыми нобилями, были не только горожане, но и жители генуэзской округи. Они захватили склады с оружием, предназначенным для испанских войск в Сардинии.⁶³ В районе была установлена твердая власть представителя генуэзского пополарства. Все торговые и

дипломатические связи с Миланом были прерваны. У гонцов миланского губернатора отбирали донесения, ломали на них печати, покрывали и прочитывали письма, чтобы узнать, не содержат ли они очередного сговора испанских властей со старыми нобилями партии Сан Лука. Не смог проехать в Геную и посол графа Мон-тефельтро Урбинского.⁶⁴

Эти действия народных низов (*plebe*) привели в полную растерянность правительство, сенат заседал день и ночь, отцы города были готовы на уступки, но не получали никакого отклика со стороны пополаров. В течение января 1575 г. продолжались волнения вооруженного народа, который, однако, не совершал каких-либо явных насилий. Старые нобили сидели в своих дворцах и редко появлялись на улицах.

7 февраля 1575 г. снова начались крупные волнения,⁶⁵ очевидно, не без влияния нобилей партии Сан Пьетро. Все районы города взялись за оружие, и делегация пополаров обратилась к властям с требованием ликвидировать закон 1547 г.⁶⁶ Это требование явно было инспирировано новыми нобилями, так как являлось стержнем их политической программы.

ПОБЕДА САН ПЬЕТРО

Старые нобили партии Сан Лука в страхе перед реальной возможностью потери власти обеими партиями нобилитета собрали при сенате совещание виднейших нобилей (*Gentiluomini*). Джопанни Баттиста Леркари, один из наиболее знатных патрициев

⁶³ «Nello stesso tempo Antonio Chiesa. . . uscì a sollevare la Valle di Ponzevera. . . chiamo a se una grandissima turba di quelli abitanti, colla quale rmmi i passi de'monti e ruppe molte bande d'uomini . . . prese da gli uomini della yalle di Ponzevera alcune casse d'armi» (ibid., p. 320), точнее: «Val Polcevera» (*V. V i t a l e. Breviario. . .*, vol. I, p. 229).

⁶⁴ *F. C a s o n i. Annali. . .*, p. 320; Переписка Мороне, 15/52, письмо 4 .V.1575, p. 197.

⁶⁵ «. . di questo maggior moto» (*F. C a s o n i. Annali. . .*, p. 320).

В. Витале, не называя точной даты, говорит, что «в первых числах февраля 1575 г. с новой силой возобновились беспорядки» (*V. V i t a l e. Breviario. . .*, vol. I, p. 229).

⁶⁶ *F. C a s o n i. Annali. . .*, p. 320.

137

(*ottimo patrizio*), обратился к сенату с речью, наполненной горечью и тонкими дипломатическими намеками, заискивая перед восставшим народом, предлагал передать ему (народу) власть, если ею не могут и не умеют пользоваться нобили, чтобы хорошо управлять республикой.⁶⁷ Тем самым он хотел в завуалированной форме попытаться объяснить новым нобилям Сан Пьетро, что народ может лишиться власти как старый, так и новый нобилитет, а народу дать понять, что старые нобили могут пойти на союз с ним. Однако попытка раскола не удалась: плебс и ремесленники имели свои программы, которые они хотели реализовать в ходе восстания, но пока практически все решали «главные пополары», которых речь Леркари не смогла оторвать от «новых нобилей».

Бартоломее Коронато, искусно выполнявший роль дирижера сложного оркестра новых нобилей и объединившихся с ними по-поларов, не присутствовал на заседании сената, однако слышал речь Леркари из-за двери, предусмотрительно расположившись в соседней с залом заседаний комнате, в компании с представителями пополарства. Едва Леркари окончил свою полную патетики речь, как в зале заседаний появились двое из пополарской делегации — Никколо Бернарди и Никколо Карбоне, направленные туда Коронато, и заявили, что «народ не стремится получить какую-либо часть мест в правительстве, что он доволен нынешним положением и единственным его требованием является ликвидация закона 1547 года».⁶⁸ Устами этих пополаров говорили новые нобили, мечтавшие, опираясь на силу восставших, покончить конституцией, которая гарантировала привилегии в управлении республикой старым патрицианским родам.

Подобно Сальвестро Медичи, флорентийскому демагогу XIV в., Коронато рассчитывал нанести удар соперникам, используя силу народа и наивность его и в то же время оставаясь пока в тени. Заявление пополарских представителей было подготовлено заранее и, конечно, не отражало мнения всех прослоек; не случайно современник назвал его «ложным ответом депутатов пополаров».⁶⁹ Каждая народная группировка имела свои особые интересы, но все вместе они имели основание по-своему быть недовольными действиями правительства и существующей обстановкой, при которой во главе республики фактически стояли патрицианские семьи старых нобилей партии Сан Лука. Поэтому толпа горожан, собравшаяся около сената, очевидно, не без ведома Коронато, была

⁶⁷ «. . di metter il Governo in mano de'Popolari. . . non hanno saputo l'arti di ben governarla» (ibid., p. 320—321). — В. Витале характеризовал смысл речи Леркари как попытку «заискивать» перед низшими слоями и изолировать от них «новых» (*V. V i t a l e. Breviario. . .*, vol. I, p. 229).

⁶⁸ «. . il Popolo non desiderava parte alcuna del Governo, e che contento dello stato presente, solo chiedeva l'abolizione della Legge del 47» (*F. C a s o n i. Annali. . .*, p. 321).

⁶⁹ «. . artificiosa risposta de'Deputati popolari» (ibid.).

138

настроена весьма радикально. Доверяя Коронато и зная, что в сенат вместе с ним направлена их делегация, они могли надеяться на изложение отцам города всех требований. Не лишено оснований,

что часть народа искренне считала, что отмена закона 1547 г. совпадала с их интересами и смутно представляла себе ограниченность этого мероприятия. Во всяком случае многие пополары, собранные близ зала заседаний сената ловким Коронато, подтвердили криками, что именно таково желание народа, который явился сюда «с развернутыми знаменами и готов разрубить на куски всех сенаторов», если они не выполнят их требований.⁷⁰ Возможно, этому способствовала также угроза со стороны «кашштана» Вьяке, который располагал пушками. Аргумент возымел свое действие: сенаторы согласились отменить закон 1547 г. и только четверо из них⁷¹ заявили, что такое решение неправомерно, так как оно принято под давлением силы.⁷²

15 марта 1575 г. торжественно, под звуки труб, была провозглашена ликвидация закона 1547 г., что с большой радостью было встречено новыми нобилиями Сан Пьетро и некоторыми пополарами, их приверженцами.⁷³ Победа привела к значительному политическому усилению новых нобилей и потере политических позиций старыми. Основной силой, обеспечившей этот успех, было попо-ларство Генуи, в то время как плоды победы достались новым нобилиям портика Сан Пьетро, — вступала в силу конституция 1528 г., согласно которой фактическое преобладание в правительстве отныне снова переходило к ним. На этом могла бы закончиться история борьбы за власть внутри генуэзского нобилитета, но все сложные перипетии были- лишь прелюдией к грозным, драматическим событиям 1575 г. Главной действенной силой в этих событиях был народ, вскоре понявший, что победа 15 марта не принесла ему существенных улучшений,⁷⁴ и он начал борьбу за свои насущные требования. Однако пополарство распадалось, как уже было сказано, на три прослойки, каждая из которых имела свою программу.

⁷⁰ «... il popolo veniva a bandiere spiegate per tagliare a pezzi il Senate» (ibid.). — В. Витале считает события 15 марта кульминационным пунктом движения, основанного на союзе пополаров и «новых», именуя Б. Коронато «организатором движения» (V. Vita Ie. Breviario... , vol. I, p. 229); см. также сноску 61, с. 136.

⁷¹ Джованни Узодимаре, Франко Леркари, Никколо Каттанео, Лазаре Гримальди (F. Casoni. Annali... , p. 321).

⁷² «... protestarono la nullita dell'atto, per la violenza, che veniva fatta al Senato» (ibid.).

⁷³ Ibid.

⁷⁴ «... in universale il Popolo, conoscendo di non aver ottenuto alcuna cosa a suo vantaggio» (ibid.).

139

Глава третья

ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУППИРОВОК

«ПОЧТЕННЫЕ» — МЕЖДУ ДВУХ СТУЛЬЕВ

Верхушка пополаров, «почтенные», «главные» или «лучшие», была наиболее умеренной частью народа. На примере нобилей Сан Пьетро они знали о возможности превращения в более высокую социальную категорию, допущенную до правительственного пирога и украшенную ореолом благородного сословия. «Почтенные» стремились превратиться в благородных путем приписки (nuovi nobili aggregati), но не отказывались от получения политических прав и будучи пополарами.⁷⁵ Поэтому поведение попо-ларской делегации, которую Коронато выпустил на политическую сцену сената с декларацией об отказе от участия в управлении государством, можно объяснить тем, что делегация во главе с Бер-нардни и Карбоне могла надеяться на приписку всего ее состава или даже определенного количества почтенных к нобилиям. Получение таким путем политических прав было бы достойной премией за недостойное поведение по отношению ко всему пополарству, от имени которого они отказывались от этих прав для народа в целом. Не случайно современники сообщают, что Коронато делал все, чтобы «завоевать расположение главных среди пополаров».⁷⁶

Сами же «почтенные» в ходе восстания выдвинули программу, главным требованием которой было предоставление им политических прав. «Главные среди пополаров, — сообщает Казони, — претендовали на приписку их [к нобилиям]».⁷⁷ Насколько прочно держались «лучшие горожане» за это требование во время генуэзского восстания, свидетельствует тот факт, что им удалось вырвать декрет о предоставлении 300 пополарам политических прав путем приписки их к нобилитету. Но хотя официально начали собирать сведения об их происхождении и заслугах, декрет так и не был реализован.⁷⁸ Такая постоянная приманка для верхушки пополарства, отвлекавшая их от радикальных действий, использовалась новыми нобилиями в качестве эффективно действующего тормоза на протяжении восстания. Она была одной из причин рас-

⁷⁶ См. с. 130 настоящей книги.

⁷⁸ «... per guadagnare gli animi de'principali...» (F. Casoni. Annali... , p. 322).

⁷⁷ «... principali fra i popolari... pretendevano l'ascrizione» (ibid.).

⁷⁸ Ibid., p. 322, 326.

140

кола пополарства и фактического предательства низов «лучшими горожанами» в решающие моменты. Именно поэтому с реализацией закона «все время тянули путем различных

искусственных проволочек», откладывая ее «до заключения мира»,⁷⁸ но не снимая с повестки дня. Таким образом, отмена порядков 1547 г. нанесла удар по старым нобилим и привела к значительному политическому выигрышу нобилей новых. В то же время она ничего не дала не только народу в целом, но даже его верхушке — «почтенным», которые снова выдвинули единственное требование о принятии высокими инстанциями республики решения, гарантирующего приписку к нобили-

^{ип}тету значительного количества «лучших пополаров».⁸⁰

ТРЕБОВАНИЯ РЕМЕСЛЕННИКОВ

Средние слои пополарства, представляя собой значительную часть народа, не получили от правительства даже обещаний. Они весьма скоро смогли ощутить, что отмена закона 1547 г. не принесла им ничего,⁸¹ в то время как новым нобилим удалось добиться этого, только опираясь на их поддержку. Закон казался пополарам главным препятствием на пути к новым порядкам, хотя они смутно представляли, что им даст его отмена, и лишь интуитивно понимали, какой удар она нанесет по высшим кругам Генуи, знатным и богатым господам. Этим объясняется поддержка широкими кругами цеховых ремесленников требования об отмене порядков, при которых знатные нобили являлись фактическими хозяевами республики. Когда стало совершенно очевидным, что удар по старым нобилим не принес народу никаких привилегий в политическом плане и никаких улучшений в материальном, в массе среднего пополарства появилось не лишенное логики рассуждение: если старые нобили вместо половины мест в правительственных инстанциях будут иметь меньшую долю, то освободившиеся места могли бы быть предоставлены народу. Так, после почти тридцатилетнего периода политической монополии нобилей портика Сан Лука зародилась мысль о приобщении к власти пополаров: «некоторые высказывали желание, чтобы народу было дозволено получить часть мест в правительстве».⁸² Затем это было выражено и в более четкой форме: «добиваться, чтобы правительство было разделено

⁷⁹ «...essendosi sempre dilatata con vari arteficii sino alia conclusione della pace» (ibid., p. 326).

⁸⁰ Ibid., p. 321, 322.

⁸¹ «...molti de'piu semplici di non aver saputo godere della cogiuntura. . . l'aimulazione della Legge del 47, la quale ottenuta, non aveva loro giovato a nulla. . .» (ibid., p. 322).

⁸² «Desideravano alcuni, che al popolo fosse accordata qualche parte del Governo» (ibid., p. 321).

141

на три части путем присоединения к портикам Сан Лука и Сан Пьетро портика Народа».⁸³

Вопрос об участии пополаров в правительстве был предметом самых оживленных дискуссий весной 1575 г. Один из активных участников событий, пополар Бартоломео Чимино рассказывает о том, как в апреле этого года он вместе с Джованни Франческо Риваруоло и Баттиста Арквата собрались в доме Оттавиано Кат-танео, который заявил, что «было бы хорошо, если бы народ получил какую-либо долю мест в правительстве, хоредно бы третью часть или хотя бы пятую, но он боится, что не дадут ни третьей части, ни какой-либо другой».⁸⁴ Таким образом, пополары стремились к получению доли в правящих инстанциях республики и понимали, какие трудности ожидают их при решении этого вопроса.

В литературе программе пополарства дана весьма односторонняя характеристика: даже в наиболее фундированной работе последних лет, принадлежащей перу такого знатока истории Генуи, как Вито Витале, говорится, что «народ, лишенный политических стремлений и надежд, всегда был полон желаний добиться новых экономических и фискальных уступок».⁸⁵ На примере высшей прослойки — «почтенных пополаров» и средней прослойки — массы цеховых ремесленников мы могли убедиться, что они выдвигали также свои политические требования. В смутной форме они пробивались и у низов народа, у плебса.

Чомпи XIV столетия наивно верили в равенство и дружбу всех прослоек общества, сформировав правительство 1378 г. из «жирных» пополанов, «тощих» пополанов и чомпи. Генуэзские пополары XVI в. не считали возможных коллег по правительству равными себе, они лишь стремились получить свою долю в управлении государством. Два века сложного политического опыта сделали свое дело, народ стал менее наивным, но и менее сильным. Во Флоренции чомпи фактически могли решить (что в конце восстания, с опозданием, и сделали) вопрос о составе правительства, здесь его не могли решить даже потомки «жирных» пополанов — «лучшие горожане», которые выпрашивали политические права у новых нобилей. Во Флоренции XIV в. демагог Сальвестро Медичи хотел использовать народ для установления власти своей «партии Восьми», представлявшей часть «жирных» пополанов, но сила народного движения вынудила его занять запасные позиции тай-

⁸³ «...cercare, che si dividesse il Governo in terzo, aggiungendo ai Por-tici di S. Luca e di Pietro, il Portico del Popolo» (ibid., p. 322).

⁸⁴ «Ne la sua casa messer Ottavio ci disse che seria bene, ch'el Populo havesse il terzo del governo. . . e che faria che ne daria a quinto. . . e che du-bitava che non li volesse dare ne terzo, ne altro» (Sumarium super processu, p. 258). — В

источниках дается разное написание: Оттавио Каттанео (Ottavio Cattaneo), Ривароло, Риваруола (Rivarolo, Rivaroola), Арквато (Arquato).

⁸⁶ «...popolo, privo di speranze e di aspirazioni politiche, ma desideroso di sempre nuove concessioni! economiche e fiscali» (V. Vita I e. Breviario. . . , vol. I, p. 232).

142

ного советчика гонфалоньера-предателя. Генуэзский демагог XVI в. Бартоломео Коронато использовал народ для установления власти одворянившихся «лучших пополаров» — партии Сан Пьетро, хотя и не остановился на этом.

Все обостряющаяся политическая обстановка, в которой жила Генуэзская республика, перевод ее экономики на путь международных финансовых операций привели к осложнениям в цеховой промышленности, которая продолжала оставаться существенной частью хозяйственной жизни Генуи. Отсюда появление экономических требований генуэзских ремесленников, и наиболее характерное из них — увеличение стоимости производимого ими шелка и сукна. Если при выполнении политических требований правительство новых нобилей лавировало, то в этом пункте оно решило пойти на некоторую уступку: было объявлено о незначительном (3 сольда за локоть) повышении цен на шелковую ткань при умолчании о суконной.⁸⁶ Даже эта экономическая уступка принесла новым нобилям политический успех — поддержку со стороны средних пополаров, главным образом шелкоткачей.⁸⁷

ПРОГРАММА ПЛЕБСА

«Но плебс вообще, — пишет современник, — которому ничего не давало набившее оскомину [требование] о приписке [к нобилям] и частичном участии в правительстве, настойчиво требовал снизить налоги на продукты питания, и требовал этого, угрожая и поднимая мятежи».⁸⁸ Таковы программа городских низов и метод их действия, вытекающие из социального положения и тяжелых материальных условий жизни. К тому же противоречия крайне обострились в обстановке гражданских смут и связанных с ними хозяйственных осложнений как в самом городе, так и в сфере международных отношений.

Политический конфликт в Генуе оказал непосредственное влияние на хозяйственную жизнь республики. Произошло нарушение нормальных торговых и дипломатических связей с Миланом и дру-

⁸⁶ «...gli Artegiani. . . facendo sperare a ... crescimento di mercede sopra le manifatture di seta e di lana» (F. C a s o n i. Annali. . . , p. 318); «...desideravano alcuni. . . e i tessitori di seta il crescimento del prezzo sopra le manifatture. . . Onde per quietare la Citta. . . il Senate decreto. . . il crecimiento di soldi tre per braccio alle manifatture» (ibid., p. 321). — В. Витале пишет о повышении цены также на бархат (V. Vita I e. Breviario. . . , vol. I, p. 230).

⁸⁷ «Coll' esecuzione delle quali cose i Nobili del Portico S. Pietro mag-giormente si obbligarono l'affetto e il seguito de' popolari, massimamente de' tessitori di seta» (F. C a s o n i. Annali. . . , p. 321).

⁸⁸ «...ma la plebe in universale, alia quale non dava punto fastidio l'aggregazione o la divisione del Governo, esclamava, che si levassero le Gabelle sopra il vitto, e lo richiedeva con minacce e con tumulti» (ibid., p. 322).

143

гими итальянскими государствами и ухудшение снабжения сицилийским хлебом ввиду своеобразной блокады берегов испанскими эскадрами дона Хуана Австрийского и Джованни Андреа Дориа. Государственный бюджет республики находился на грани катастрофы из-за чрезвычайных затрат на оборону, что в свою очередь приводило к увеличению налогов на продукты питания, в том числе и на вино. И, наконец, происходило нарушение обращения золотого потока между Генуей и Испанией, естественное из-за бегства из города старых нобилей, ставших кредиторами международного значения, и искусственное, проводимое испанским двором с целью оказать давление на правящие круги новых и политику официальных друзей Испании — старых нобилей. Все это к середине 70-х гг. поставило низы Генуи и ее окружи в совершенно безвыходное положение: требование снижения налогов на продукты питания было вопросом жизни и смерти многих тысяч зависимых ремесленников, наемных рабочих, лодочников и других представителей плебса (plebe piu minuta).

Когда к кардиналу Мороне прорвались делегаты плебса, «они потребовали, — как отметил писец папского легата, — найти средства против бедности и налогов и протестовали против тех, кто говорит от их имени и не говорит правды».⁸⁹ Крайняя нищета генуэзских низов останется характерной чертой и позднее: «Невероятно, — пишет автор XVII в. Марио Чезаре Сальбриджо, — сколь велико было число тех, кто влачил существование в крайней нужде и бесконечном количестве бед. . . от таких условий жизни затем и проистекает все зло и произрастают семена мятежей».⁹⁰ Петиция народа и материалы процесса, по которому обвиняемыми в основном были члены этой делегации низов, также свидетельствуют о крайне тяжелом материальном положении рядовых генуэзцев. Один из участников делегации низов к легату Джа-комо Шиволи показал на допросе, что они хотели собрать как можно больше народа в церкви Сан Лоренцо и выступить оттуда под девизом: «Долой налоги!».⁹¹ Сальбриджо также говорит, что главным для плебса " был вопрос об обеспечении ежедневным про-

⁸⁹ «Questi chiamano rimedio alia poverta et alle gabelle et protestano che chi parlar a suo no me non ha detto vero. . . » (Domini cittadini vonuti spontaneamente dal legato [далее: Cittadini venuti dal legato], Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 27/51, p. 192).

⁹⁰ «Non e credibile quanto sii il numero di que'tali, che sordida poverta et infinite moltitudine di mali passano la vita. . . Da simili maniere di vivere sono poi originati li mali. . . riaccesi li semi delle torbolenze» (M. C. S a l b r i g g i o. Le politiche malattie della repubblica di Genova e loro medicine. Amberg, 1676, p. 104—105, 126). — Он говорит о 40 тыс. бедняков (не приводя даты), число которых возрастает (ibid., p. 186). Эта цифра дает представление, о возможном количестве бедняков в Генуе XVI—XVII вв.

⁹¹ «Che si doveva ragunar in San Lorenzo maggior numero che si poteva, e ... si doveva gridar abbasse gabelle» (Sumarium super processu, p. 255).

144

питанием.⁹² Это был не только их клич, но крик души, естественное требование полуголодных людей. Другой представитель низов — Джованни Гаццо — показал на допросе, что ему дали 60 лир, и он истратил эти деньги, раздав их нуждающимся, которые собрались у него вечером, заполнив весь его дом.⁹³ Не менее плачевно обстояли дела в округе и землях Генуи: один из вожакв плебса Джованни Франческо Риваруоло призывал помочь беднякам побережья Сарцаны, раздать им деньги.⁹⁴ Гаццо называл даже цифру в 10—12 тыс. скуди, необходимых для закупки муки и снабжения ею бедняков.⁹⁵ Следует дополнить эти сведения о тяжелом положении итальянских городов данными, почерпнутыми из истории других итальянских государств, чтобы представить общую обстановку обнищания трудящихся во второй половине и особенно в 70-х годах XVI в. В одном из городов венецианских владений — Удине — цены на вино и хлеб выросли с начала XVI в. до конца 70-х годов, даже с учетом изменения реальной стоимости денег, в 2—3 раза, в том числе на пшеницу в 2, рожь и просо — в 2.5, вино — в 3 раза. Таковы данные, составленные по материалам Тальяферри.⁹⁶

Не менее тяжелым было положение городских низов Флоренции. Ремесленник Бастиано Ардити, который между 1574 и 1579 гг. вел дневник, «движимый желанием защитить честь бедной родины, города Флоренции, впавшей в состояние крайней нищеты», сообщает, что «цены на продукты питания превосходят заработки и доходы», «в контадо все пришло в состояние крайней бедности. . . там умирают с голода».⁹⁷ Стоимость стайо муки в середине 1575 г. достигла 70 сольдов, мера вина (soma) — 320—340 сольдов и т. д.⁹⁸ Правители, по словам Ардити, «не заботились

⁹² «Plebe piu minuto. la quale benche alia grandezza del governo non aspiri. . . li desiderii di coloro da quali riceve il vivere et il travaglio quoti-diano» (M. C. S a l b r i g g i o. Le politiche malattie. . . , p. 104).

⁹³ «. . . un giorno li accomodai di lire sessanta, perche. . . et molte altre volte ch'havevo ogni sera la casa piena d'uomini che non haveva al'hora modo di soccorrerli» (Sumarium super processu. . . , p. 263—264). — Иногда в источниках он именуется Пьер Джованни (Pier Giovanni), или Джованни Пьетри Гаццо (Giovanni Pietri Gazzo), или Гацца (Gazza).

⁹⁴ «. . . che bisognava dar recapito di danari e fame per dar a quelli po-veri della Marina di Sarzana» (ibid., p. 258).

⁹⁵ «. . . che li bipsognava ricatto di danari assai, cio X o XII millia scudi per provedere di farina, accioche molti poveri. . . intertenerli» (ibid., p. 263).

⁹⁶ A. Tagliaferri. Struttura e politica sociale in una communita veneta del'500 (Udine). Milano, 1969, p. 71.

⁹⁷ «Mi muove il zelo dell'onore della povera patria mia, citta di Fiorenza, cser venuta in tanta miseria. . . le grascie erano in pregio sopra le forze del ynadagno. . . il contado tutto [era] venuto poverissimo. . . o morirsi di fame» (li. Arditì. Diario. . . , p. 50—51).

⁹⁸ Ibid., p. 51.

10 В. И. Рутенбург

145

ни о пополанах, ни о плебсе, ни о крестьянах».⁹⁹ Он рассказывает о трудном положении ткачей и красильщиков, «бедных и отчаявшихся».¹⁰⁰ Особенно оно ухудшалось в периоды банковских банкротств или задержек возвращения крупных долгов: банки прекращали тогда не только выплату больших сумм, но и еженедельные выплаты (по субботам) агентам сукнодельных мастерских для раздачи зависимым мелким ремесленникам и наемным рабочим, от чего страдали также многие небогатые мелкие сукноделы и другие горожане, связанные с текстильным производством. Так было, например, в январе 1577 г.¹⁰¹ Дело доходило до того, что в Тоскане в октябре 1576 г. появилось свое «кровавое законодательство»: обнищавших и не имевших работы цеховых ремесленников и представителей низов, «которыми была полна вся Флоренция», объявляли «бродягами и мошенниками», хватали и ссылали на галеры.¹⁰² Даже в условиях крайне сурового правления великих герцогов Тосканских вспыхивали стихийные «карнавальные» выступления с робкими требованиями предоставления-денежной помощи, к чему в порядке демагогического покровительства народу нередко прибегали Медичи.¹⁰³ Обычно попытки более серьезного выступления цеховых ремесленников приводили к тому, что «порядок» восстанавливался при помощи палок, которые пускали в ход медичейские агенты.¹⁰⁴ И все же, несмотря на это, и в велико-герцогской Флоренции XVI в. были известны своеобразные выступления низов. 20 мая 1577 г., в связи с рождением у герцога сына, шерстобиты, красильщики и другие текстильные рабочие и ремесленники закрыли мастерские и двинулись на площадь со знаменами и барабанами, с деревянным оружием, во главе с избранными ими «королем шерстобитов» и «королем красильщиков». Герцог их успокоил, приказав разбрасывать деньги на площади св. Ан-нунциаты и выкатить из дворца несколько бочек красного и белого вина, что

было целиком в духе медичейской демагогии. На следующий день, 21 мая, на Виа Ларга, у дворца Медичи, были выставлены столы с вином, хлебом, сыром и мясом для голодного люда,

⁹⁹ «... поп si curando de su'popoli o plebe o contadini» (B. A r d i t i. Diario. . ., p. 182).

¹⁰⁰ «poveri o disperati» (ibid., p. 73).

¹⁰¹ «... Banchi, cho non pagavano, . . . li maruffini delle botteghe non possendo avoro danari per potere pagare li manifattori, non si sentiva altro che lament! in fra gli artigiani» (ibid., p. 123); «alia citta di Firenze. . . nelle ultimi giorni di genaio 1576 [1577] si scoperse 4 fallimenti. . . detto disordine ne fara male i poveri artieri, de molti deboli lanaioli, che cadranno. . .» (ibid., p. 142).

¹⁰² «E a di 6 d'ottobre 1576, . . . ando un bando da parte degli uficiali della sanita: cho tutti e'vagabondi e birboni, cosi forestieri come fiorentini, l'quali non attendesino a stare o fare csercizio, cioe non facessino opera nessuna, potesino essere prcsi e messi in galera. . ., che ri'era piena la citta di Firenze» (ibid., p. 126).

¹⁰³ Ibid., 143.

¹⁰⁴ «bastonate ai padroni delle botleghe» (ibid., p. 51).

146

«чтобы заткнуть ему глотку». После этого пира шерстобиты во главе со своим «королем» двинулись по городу и громили мастерские, срывая и сбрасывая на землю черепичные и деревянные крыши. Среди них были и плебеи со своими вожаками, и они «нападали на людей», но их заключили в тюрьму и отобрали знамена.¹⁰⁵

Таким образом, несмотря на силу герцогской государственной машины и многолетний опыт демагогического подкупа городских низов синьорами, а затем монархами из семьи Медичи, иногда на поверхность прорывался их протест, хотя и в ослабленной и неопределенной форме. В отличие от XIV столетия — эпохи городских народных движений, приводивших к временному установлению народной власти, выступления низов в XVI в. не только не были устремлены к новым порядкам, но сводились лишь к требованиям денежной помощи, снижения цен на продукты питания или уменьшения налогового бремени. Городское движение такого типа произошло в Урбинском герцогстве в декабре 1572— феврале 1573 г. из-за повышения налогов в Губбио и Пезаро. Герцог Гвидобальдо подавил антиналоговое восстание военной силой, было схвачено 40 «вожаков», 9 из них казнено, 26 отправлено на галеры.¹⁰⁶

Правительство Генуи также могло опасаться обострения отношений с низами, дошедшими до грани голода. Если во Флоренции, Урбино и других центрах нехватка денег вызывала значительные затруднения в экономической жизни города, что в первую очередь било по городским низам, то в Генуе, в условиях резкого нарушения международных финансовых операций и возникновения внутренних социальных потрясений, это ощущалось значительно сильнее. Поэтому антиналоговая программа плебса Генуи, Губбио, Пезаро была вполне закономерна: снижение косвенных и прямых налогов на продукты питания являлось для них насущной необходимостью. Не столько для спасения народа, сколько для спасения себя от его гнева правящие нобили Сан Пьетро 15 марта 1575 г. приняли решение об уменьшении размера налога на вино,¹⁰⁷

¹⁰⁵ «Ad di 20 di maggio 1577. . . si levo il popolo a romore: . . . serar di botteghe e tutte le potenzo corsono in piazza. . . con ane contrafatte d'ogni sorta e con bandiere. . . pleboi battilani, tintori, tessitori di panilani e di drapi. . . B cos'i il Duca. . . gitto danari in piazza. . . tenno le tavola. . . fuora dolla sua casa ne la via Larga. . . dando pane, vino e cacio. . . da quietagli no la gola. . .

E andarno i re de'battilani a tute le botteghe, che erano coperte da tetto o d'asse o d'embrici, e da tutte volsono la mancia per forza, altrimenti git-tavono in terra i totti. . . E poiche in detti battilani ci era una sorta di plebei con alcuni caporali, i quali. . . asalirono gli omini. . . subito gli fece mettere in prigione. . . e pigliare bandiera. . .» (ibid., p. 155—156).

¹⁰⁶ L. Cell i. Storia della sollevazione di Urbino contro Guidobaldo. Roma, 1892.

¹⁰⁷ «Onde per queitare la Citta e per contentare la Plebe commossa, il Senate decreto. . . l'abolizione della gabolla del vino molto gravoso a'poveri» (K. C a s o n i. Annali. . ., p. 321).

147

10*

не предпринимая ничего в отношении хлеба и других продуктов питания. Однако и это решение не было проведено в жизнь. Прошло немало времени, а воз налогового бремени нисколько не облегчался. Для успокоения народа, а затем и для его разоружения, наиболее дальновидные политики, вроде кардинала Мороне, в апреле 1575 г. советовали правительству «снизить налог на пинту вина во исполнение декрета от 15 марта».¹⁰⁸ О снижении налогов и цен на другие продукты питания не было речи и в апреле. Только действия Бартоломее Коронато обличают в нем демагога типа флорентийского Медичи: он пытается задобрить генуэзские низы, распределив среди них в виде барской подачи некоторую сумму денег.¹⁰⁹ В отличие от флорентийской ситуации, в условиях республиканских порядков, хотя и окрашенных в нобильские тона, при положении, близком к социальному взрыву, этот метод не мог успокоить городские массы. Их антиналоговая программа была серьезной, и, как им казалось, осуществимой, но в процессе развития событий она переросла свои рамки и была расширена вплоть до. требований предоставления плебсу

политических прав наряду со всеми гражданами Генуэзской республики.¹¹⁰

¹⁰⁸ «...propose il Cardinale... per sicurezza comune e per toglier l'occasione dagli scandali, si disarmasse il Popolo, dopo di averlo contentato, sgravandolo dalla Gabella della pinta del vino, in esecuzione del decreto de' 15 di Marzo» (ibid., p. 323).

¹⁰⁹ «di distribuire certa quantita di denaro alia Plebe» (ibid., p. 322).

¹¹⁰ «cives» (Переписка Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 215).

Глава четвертая

ГЕНУЭЗСКОЕ ВОССТАНИЕ 1575 ГОДА

БЕГСТВО СТАРЫХ НОБИЛЕЙ

Таким образом, как справедливо пишет Вито Витале, «конфликт не ограничился борьбой двух портиков, он расширился, и в него включились новые элементы, которые придали ему характер и размах социальной борьбы».¹¹¹ Однако весь дальнейший ход событий Витале представляет как «новые мятежи, являющиеся покушением на свободу и суверенность республики».¹¹² Такое суждение обнаруживает незнание Витале и другими авторами, занимавшимися историей Генуи, некоторых фактов, которые открываются лишь при обращении к архивным документам фонда кардинала Мороне. Этот опытный папский дипломат был послан для улаживания конфликта в Геную, которая, по словам Григория XIII, была «не способна руководить делами, но и сама не поддавалась никакому руководству».¹¹³

Еще с дороги, в марте 1575 г., Мороне сообщал папе о резких столкновениях двух групп нобилей, хотя он надеялся на возможность их примирения.¹¹⁴ 16 апреля он прибыл в Геную.¹¹⁵ Опытный политик и дипломат, прошедший школу Тридентского собора, а затем и папские тюрьмы, Мороне быстро оценил сложность положения и уже в первом письме кардиналу Комо от 4 мая 1575 г. весьма точно обрисовал обстановку, в которой жила лигурийская республика накануне восстания. Абстрактная формула папы о неуправляемости Генуи воплотилась здесь в рельефные образы. Пока, писал Мороне, нельзя сообщить «ничего определенного и ничего хорошего», «нарушен порядок», вся жизнь города пронизана «враждой и упорством», «иногда покажется небольшой луч света, но он гаснет от самых незначительных причин», повсюду «явная опасность при полном отсутствии благоразумия, обе партии ограничиваются лишь спорами и взаимными преследованиями».¹¹⁶ Мороне беспокоился не только о примирении двух партий

¹¹¹ V. Vita le. Breviario... vol. I, p. 232.

¹¹² Ibid., p. 235. — У В. Витале совершенно опущен самый интересный период восстания и дальнейший ход событий с 7 мая по 14 октября 1575 г.

¹¹³ Цит. по: V. Vita le. Breviario... vol. I, p. 230.

¹¹⁴ Переписка Мороне, 3/52, письмо 28. III. 1575, p. 62.

¹¹⁵ Эти даты называет в своем дневнике Ардити (B. A r d i t i. Diario... p. 40—41); кардиналом Комо именовали тогда Толмео Галли, ведавшего иностранными делами папской курии.

¹¹⁶ Переписка Мороне, 15/52, письмо 4.V.1575, p. 195.

149

нобилей, хотя это казалось папскому престолу главным и единственным путем для решения генуэзской проблемы. Глава иностранного ведомства кардинал Комо в письме папскому легату прежде всего заботился о сохранении нормального положения старых нобилей и о возвращении тех из них, кто бежал за пределы республики.¹¹⁷ Присутствие в Генуе патрицианских нобильских кругов портика Сан Лука импонировало папскому двору и гарантировало, при примирении их с новыми нобиллями, мир и спокойствие на берегах Лигурийского моря, что в свою очередь могло бы спасти Геную, да и Италию в целом от военного вмешательства Испании в итальянские дела и давало возможность усилить борьбу с турецкой опасностью. Мороне не только констатировал вражду между старыми и новыми нобиллями, но искал «путей к согласию для установления доброго правления».¹¹⁸ Пока этот путь вел в тупик, потому что новые нобили, уже в марте добившись ликвидации политического господства старых, стали хозяевами положения, а старые не могли согласиться с ликвидацией закона 1547 г., так как понимали, что в результате этого «весьма скоро они полностью будут отстранены от управления республикой».¹¹⁹ Старые нобили жили в Генуе в ожидании вооруженного выступления противников и вскоре бежали в свои виллы и поместья, расположенные вне Генуи, а затем и в другие города. Бегство началось еще весной 1575 г. и усилилось после декрета 15 марта. В конце марта Гримальди показывал кардиналу Мороне письма, в которых говорилось, что старые «не изгнаны, а отправились в свои виллы», а «новые нобили и пополары якобы просят их вернуться и сменить состояние враждебной обороны на примирение и более не выходить за эту грань».¹²⁰ В этих письмах желаемое принималось за существующее, а возможно, что и действительность сознательно подкрашивали в розовые тона, чтобы избежать вмешательства папы в дела республики. На самом деле Генуя представляла собой два вооруженных лагеря, в которых, по свидетельству Ардити, явное преобладание у новых нобилей: 25 тыс. против 7 тыс. у старых. Такая расстановка сил и привела к тому, что, понимая превосходство новых нобилей, «они спешно выезжают из Генуи со своими семьями и имуществом в свои виллы и замки или

такие города, как Лукка, Милан и Флоренция. . .».¹²¹ Массовую эмиграцию старых нобилей констатирует в своих донесениях и папский легат: «Большая часть их не выносит даже упоминания о новом законе. . .»

¹¹⁷ «. . . è molto piaciuta la diligenza et mezo, che li adopra per assicurar li nobili vecchi, et persaderli al ritorno» (там же, 1/44, письмо 6.V.1575, p. 203).

¹¹⁸ «. . . la strada alia concordia. . . allo stabilimento del buon governo» (там же, 15/52, письмо 4.V.1575, p. 195).

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же, 3/52, письмо 28.III.1575, p. 62.

¹²¹ B. A g d i t i. Diario. . ., p. 40.

150

они вывезли из Генуи свои семьи и имущество. . . так как они находятся под подозрением, поэтому и бегут старые [нобилы]. . . мессер Джованни Андреа Дориа, который. . . вчера [3 мая 1575 г.] отправил [за пределы Генуи] благороднейших дам со всеми их вещами». ¹³²

Бегство старых нобилей, казалось бы, упрощало ситуацию: республикой управляли новые нобили победившего портика Сан Пьетро, а их главный политический соперник оставлял позиции. Однако это было не так: отъезд нобилей Сан Лука означал их переход к другим методам борьбы, от внутригородских стычек к войне с помощью Испании. Это усложняло положение и вызывало резкий протест папского легата: «нельзя отделять такую важную часть организма, как эта [старые нобили], так как она является отличной и почетной частью этой республики».

Мороне пугала не только перспектива возможных внешних осложнений, но и углубление конфликта в самой Генуе. Если можно было надеяться на соглашение внутри одного правящего класса нобилей, то возрастание политической роли и военной силы «третьей партии» путало все карты. Поэтому с наибольшей тревогой смотрел он на усиление политического удельного веса пополярства и на решительные методы его борьбы. Так, Мороне отмечает эпизод в долине Польчевере, где комиссар сената перекрыл все пути и установил их охрану, не разрешая никому проезд без специальных пропусков. Речь идет о Стефано Инуреа, который, по указу сената, преследовал и хватал всех, кто бежал из Генуи и ее земель, Сан Пьер д'Арена и других местностей, и не только самих старых нобилей, но и их слуг. Старые нобили обратились за помощью к кардиналу-легату и просили его ходатайствовать об отмене указа сената, однако Инуреа не собирался подчиняться никаким новым решениям и продолжал призывать местных крестьян убивать беглецов-нобилей. ¹²³

Это вызвало раздражение папского легата, который считал, что «нельзя предложить что-либо лучшее, чем закон, принятый сенатом, так как весь народ в заговоре и за ним необходимо следить». ¹²⁴

Еще более устрашающим сигналом послужила история с заменой комиссаров крепости Савоны, «чрезвычайно важная, — как доносит папской курии ее легат в Генуе, — именно потому, что народ едва не применил оружие, так как требовал, чтобы два комиссара крепости Савоны были брошены в тюрьму и наказаны,

¹²² Переписка Мороне, 15/52, письмо 4.V.1575, p. 196, 197.

¹²³ «Inurea, поп curando gli ordini del Senato aggiunse alle antiche pene. . . un ordine. . . a'paesani della valle, che uccidessero di fatto i trasgressori. . .» (F. C a s o n i. Annali. . ., p. 325).

¹²⁴ «Mi replicorno, che non potevano proporre altro, che la osservanza di delta legge, havendo tutto il popolo congiurato che da di farla osservare» (Переписка Мороне, 15/52, письмо 4.V.1575, p. 195).

151

как за самое тяжкое преступление». ¹²⁵ Причиной такого возбуждения была попытка возглавляемых Дориа старых нобилей переманить на свою сторону комиссаров крепости и получить ее в свое распоряжение. Информация о заговоре была получена сенатом правящей партии Сан Пьетро от известного своей решительностью и пополярской твердостью упоминавшегося уже Антонио Кьеза. В Савону были посланы два сенатора, которые передали командование крепостью новым комиссарам — Андреа Маручелло и Сте-фано Пассано, отправив в Геную под охраной прежних. Там они были встречены большой толпой горожан, которые с зажженными факелами сопровождали их ко дворцу, громко требуя повесить их как мятежников; бывшие комиссары были брошены в башню правительственного дворца. ¹²⁶

В действие пришли массы, они включились во все дела политической жизни республики. Это пугало не только папского легата, но и правящую верхушку. Волна нобильской эмиграции из Генуи нарастала в значительной степени в связи с усилением влияния пополярства на государственные дела. С одной стороны, все чаще проявлялись решительные меры против врагов республики, с другой — в самих государственных инстанциях укреплялись сильные фигуры вроде Бартоломео Коронато, которые не столько советовались с коллегами по партии Сан Пьетро, сколько брали ставку на силу вооруженного пополярства. ¹²⁷ Победа новых нобилей была фактически выиграна лишь благодаря союзу с попо- ларами: «новые, — писал в своем донесении папский легат, — были крайне умелыми и благоразумными, объединившись с народом, чтобы повести его за собой», однако «вооруженный народ» довел дело до того, что «управление целиком оказалось в его руках». ¹²⁸ Если в последнем утверждении Мороне

звучит некоторое преувеличение, тенденция была именно такова: нобили Сан Пьетро ничего не могли сделать без «третьей партии» — пополаров. Они задавали тон всей жизни республики, переживавшей один из наиболее сложных моментов своей истории. Об этом свидетельствует и усиление эмиграции старых нобилей, превратившейся после народных выступлений в мае 1575 г. в паническое бегство.

Толчком к тому были решительные действия пополаров против

¹²⁶ «... assai importante per il quale il popolo quasi s'e misso in arme, perche volevano che l' due commissarii ch'erano nelle castella de Savona fossero posti nel prigione et processati, et puniti, come di delitto capitale» (там же. p. 196).

¹²⁶ «... condussero prigionieri in Geneva i due primi commessarii, che fu-rono serrati nella torre del Palazzo, sequitati da infinite numero di Plebei, i quali con facelle accese andavano ad alta voce gridando, che si facessero impriccare i ribelli» (F. Casoni. Annali..., p. 323).

¹²⁷ Ibid., p. 324.

¹²⁸ «... questi nuovi so no stati diligintissimi et prudentissimi in vmirsi et tirar il popolo a se... hanno il popolo armato... il governo sia totalmente nelle loro mani» (Переписка Мороне, 20/52, донесение 13.V.1575, p. 235).

152

эмигрантов. Горные проходы были поставлены под охрану солдат и крестьян, были перерезаны и все пути к морю. Лодочникам (barcaioli) и погонщикам мулов (mulattieri) под страхом смертной казни было запрещено оказывать помощь и услуги бегущим нобилем, которые, спасая свою жизнь, прятались в бедных крестьянских хижинах (umili saranne), оставляя роскошные дворцы.

Как рассказывает Казони, некоторые из них блуждали в лесах и горах, убегая от преследований. Те, кому удавалось добраться до берега, со слезами на глазах просили рыбаков и моряков посадить их на лодки или суда, отдавая за это золотые кольца и драгоценные камни. Они бежали в Савону, Серравалле, Масса ди Каррара и, главным образом, в Финале, ставший резиденцией партии старых нобилей.¹²⁹ Сюда бежали даже сенаторы и другие члены правительственных учреждений, места которых теперь предоставлялись сторонникам партии Сан Пьетро, поддерживаемых пополарами.¹³⁰ Папский легат трезво рассматривал эти события как приближение к гибели нобильской Генуэзской республики и превращение ее в республику пополарскую. Он питал слабые надежды, что ему «удастся одолеть партию пополаров».¹³¹

Однако и это было еще не все: Мороне почти ничего не было известно о широко разветвленной подготовке народного восстания.

ВОССТАНИЕ 7 МАЯ 1575 ГОДА

Тайная подготовка восстания началась задолго до того, как выступили низы города. По ночам в домах, мастерских, церквях и монастырях, на берегу моря собирались горожане и обсуждали планы и программу выступления. Несмотря на всю свою прозорливость, кардинал Мороне вряд ли знал об этом, судя по его переписке с папским двором. О накаленной обстановке в городе главный арбитр этой сложной борьбы мог иметь представление лишь по отдельным взрывам народного гнева, которые служили ему стрелкой политического барометра. Только после окончания разразившихся событий Мороне смог получить выписки из протоколов допросов, полнее оценить произошедшее и дать о нем более точный отчет своему высокому церковному начальству.¹³² Этому

¹²⁹ F. Casoni. Annali..., p. 325.

¹³⁰ Ibid.

¹³¹ Переписка Мороне, 15/52, письмо 6.V.1575, p. 208.

¹³² Выписки (цитируемый ранее Sumarium super processu) были составлены нотариусом папской курии (as not. . . sigia) Джеронимо Джерарди (Hieronimi Girardi), состоявшем при папском легате, с разрешения генуэзских властей. Обоснование официального обвинения вожakov восстания в заговоре в ходе следствия крайне интересовало кардинала Мороне, так как он принимал от них петицию и посылал ее в Рим. На четвертый день

153

мы и обязаны наличием материалов, приоткрывающих занавес генеральной репетиции восстания. Весной 1575 г., когда шла шумная война двух нобильских портиков, происходили совещания народных вожakov и их встречи с большими группами горожан. Часто собирались в районах Сан Теодоро, Сан Сиро, Сан Доминико, Сан Пьер д'Арена, ди Прэ, Моло делла Маремма, а также в Сарцане; местом главного сбора была намечена церковь Сан Лоренцо.¹³³

Участниками совещаний были Баттиста Арквата, Бартоломео Чимино, Джованни Гаццо, Джованни Франческо Риваруоло, Джакомо Шиволи, Джакомо Кассичча, Бартоломео Конте, но-тарий Антонио Рокка,¹³⁴ видимо, составлявшие наиболее активную руководящую группу. Вероятно, эта группа представляла пополаров, и прежде всего пополарские низы, плебс. Указанных лиц можно условно назвать руководящим комитетом по подготовке восстания, потому что то те, то другие из них присутствовали на небольших, но важных заседаниях, которые они именуют «нашими собраниями» (nostre congregazione). Очевидно, состав этих собраний был более или менее определенным, так как, например, Джакомо Шиволи заявлял, что «Эммануэле ди Киро я никогда не видел на наших собраниях».¹³⁵ Несколько человек из этой группы названы в качестве «шести депутатов», с ними была договоренность о последовательности действий во время восстания, это — Арквата, Чимино, Риваруоло, Рокка, Конте и Анеро.¹³⁶ Возможно, депутатами пополаров, народа, они были названы по

примеру депутатов Сан Лука и Сан Пьетро, которые, не будучи членами правительственных магистратов, фактически решали вопросы политического и хозяйственного управления республикой, оказывая влияние на официальные органы государственного аппарата.

Судя по материалам процесса, не все «шесть депутатов» действовали с равной энергией и играли одинаковые роли, в то же время некоторые представители народа, не будучи депутатами, были весьма активны. Почти на всех собраниях и встречах присутствовали или вели переговоры пять человек, которые явно были вожаками: Арквата, Чимино, Риваруоло, Рокка и Гаццо.

после событий легат писал в Рим «об этих беднягах, заключенных в тюрьму, которые искали со мной встреч. . . и говорили о спокойствии и мире республики (*per la tranquillita e pace di questa repubblica*). Но если был настоящий заговор. . . я охотно рассмотрю это» (Переписка Моронс, 18/52, письмо 10. V. 1575, p. 219). — Очевидно, «разъяснение» и было дано в виде представления ему некоторых материалов процесса.

¹³³ Sumarium super processu, p. 254, 257—259, 261, 263—264.

¹³⁴ Ibid., p. 253—264. — В тексте показаний Бертоломео Конте несколько раз именуется Поите (Ponte), Рокка иногда питается Рокки (Rocclii).

¹³⁶ Ibid., p. 256.

¹³⁶ «E questo si era trattato con li sei deputati, cioe Arquata, Rocca, Cimino, Rivaurolo, Bartolomeo Conte, Anerio» (ibid., p. 255).

154

Последний, не входивший в состав комитета, играл самую видную роль, о чем прямо сказано в показаниях Бартоломео Чимино: «Гаццо был тем, который верховодил всем». ¹³⁷ Одной из наиболее важных фигур был Риваруоло, его, очевидно, привыкли слушаться: «Приказ Рива», — говорится о

данном им распоряже-

нии.

¹³⁸ Заседания комитета «шести депутатов» начались еще до приезда кардинала Мороне в Геную, в первой половине апреля 1575 г. Так, в показаниях Чимино сообщил: «. . . еще до приезда кардинала Оттавиано Каттанео говорил нам, что было бы хорошо, чтобы народ получил какую-то часть мест [в правительственных учреждениях], чтобы нобили предоставили бы им часть [мест], и об этом же говорили им привлеченные [по делу] Джованни Франческо Риваруоло и Баттиста Арквата в доме мессера Оттавиано, куда мы пришли, так как туда нас позвал Арквата». ¹³⁹ Этот отрывок дает возможность установить время одного из первых, если не первого, заседаний комитета и в то же время состав его участников и содержание обсуждавшихся там вопросов. Арквата выступает здесь как инициатор сходимки, созывающий других ее участников. С мыслью о необходимости предоставления части мест в правительстве пополарам мы уже встречались, обращаясь к программе ремесленников (Popolo), что свидетельствует о наличии в петициях, составлявшихся накануне выступления, требований, связанных с общепополарскими интересами цеховой массы. Но это был не единственный, а может быть, и не главный вопрос, беспокоивший комитет «шести депутатов». Можно предполагать, что представитель нобилей Оттавиано Каттанео, предлагая реализовать политическую программу цехового попо-ларства, выступал от имени кругов, заинтересованных в использовании широкого народного движения в свою пользу. Члены комитета собирали сторонников у себя дома или в помещении своих боттег. У нотариуса Рокка собирались 12—15 человек, которых ему приходилось кормить, так как все они были, очевидно, людьми бедными. На первых заседаниях комитета стал вопрос о приобретении специального помещения для встреч и проведения заседаний комитета. На одном из собраний в Сан Пьер д'Арена два члена комитета, Чимино и Арквата, предложили организовать место постоянных заседаний, для чего захватить дом Бел-локини в Сан Донато. Гаццо ответил им, что «если они хотят подчиняться ему, то не стоит этого делать, можно получить такое место для организации всех дел, что необходимо приобрести помещение у Антонио Рокка за 200 скуди, которые он, Гаццо, получил для дел комитета». ¹⁴⁰ Был ли найден такой дом для постоян-

¹³⁷ «Ch 'cl Gazzo era quello die faceva tutto» (ibid., p. 257).

¹³⁸ «. . .ordine del Riva» (ibid., p. 262).

¹³⁹ Ibid., p. 258.

¹⁴⁰ Ibid., p. 257, 263.

155

ной резиденции, трудно сказать, так как весьма важные встречи происходили иногда на ходу, на улицах или в церквах, а заседания — и на берегу моря. Показательно само стремление создать постоянную резиденцию для политического штаба пополаров, готовящих восстание.

На заседаниях комитета и встречах наиболее существенными были следующие вопросы: снабжение восставших оружием, различным снаряжением, обеспечение горожан мукой и продовольствием в решающие дни восстания, получение и распределение денежных сумм, организация, план и методы проведения восстания, взаимоотношение с союзниками, военное руководство, участие в правительстве, выработка петиции.

Вопрос о вооружении народа обсуждался несколько раз во время отдельных встреч с лицами, которые,

как полагали организаторы движения, могли его достать.

Уже после приезда кардинала, т. е. во второй половине апреля, Баттиста Арквата встретился в монастыре в районе Сан Теодоро с представителем старых нобилей капитаном Сан Джордже по поручению Гаццо. Они обсуждали возможность доставки оружия и снаряжения из Сарцаны. Сан Джордже заявил, что оружия нет, так как его отправили за пределы республики, и нельзя ничего сделать другого, как дать деньги для его покупки, а зерно, оружие и боеприпасы доставить по морю, на фрегатах. На вопрос Аркваты, где можно было бы достать оружие, Сан Джордже ответил, что «его можно захватить в десятке мест, особенно в Портелло ди Сарцана».¹⁴¹

Речь шла, очевидно, о массовом вооружении пополаров, так как в какой-то мере они были уже вооружены по инициативе новых нобилей, во время событий в конце 1574—начале 1575 г., когда, опираясь на вооруженный народ, новые нобили пришли к победе 15 марта 1575 г. В тот же период пополарство Генуи приобрело некоторый опыт овладения хорошо укрепленными и снабженными артиллерией узлами обороны, вроде района ворот Моло, который возглавлял народный старшина «капитан» Вьяке. Поэтому обсуждение вопроса о захвате оружия носило отнюдь не теоретический характер: речь шла о складах с оружием и артиллерии. Так, на одном из заседаний Бартоломее Конте заявил, что можно разрушить Портелло ди Сарцана и забрать артиллерию и другое вооружение.¹⁴²

Риваруоло предлагал сначала достать

¹⁴¹ «E nel loco di San Teodoro cio e nel chiostra sedendo con il San Giorgio, Battista Arquata, comincio a dire che Pier Giovanni Gazzo n'haveva fatto andar li per parlar. . . per far questo servitio. . . per via della marina di Serzana far provisione di farine, d'armi e di munitione. Et il S. Giorgio ripose ch'armi non hayevano. . . si puo pigliar da dieci luochi, e, particolarmente del Por-tello di Sarzana» (ibid., p. 259).

¹⁴² «E *Bartolomeo dissi che si potria gettar giu il Portello di Sarzana e pigliar artelaria» (ibid., p. 255). — Возможно, что эти слова принадлежали

156

оружие и потом уже идти к Портелло ди Сарцана, чтобы захватить там артиллерию.¹⁴³ Принимались меры к тому, чтобы организовать вооруженное выступление горожан в разных районах города:

Риваруоло договаривался с людьми из районов Моло ди Маремма, ди Прэ и других о том, что и они возьмутся за оружие.¹⁴⁴ Таким образом, шла интенсивная подготовка к вооруженному восстанию. В ней ощущается активность народных вожаков наряду с вмешательством старых нобилей, таких как капитан Сан Джордже, во все вопросы организации восстания.

Организация восстания и последовательность действий неоднократно обсуждались и рисовались одним из его вожаков следующим образом: делегация пополаров направляется к папскому легату с петицией, после чего вооруженные горожане добиваются ее реализации независимо от того, поддержит ее кардинал или нет. О времени представления петиции должны быть оповещены все участники будущих событий. Наиболее значительный отряд пополаров должен собраться в церкви Сан Лоренцо, от их имени и должна быть подана петиция. Главным девизом и боевым кличем собравшихся будет: «Долой налоги!». Они должны быть готовы ударить по тем, кто окажет сопротивление. План был одобрен «шестью депутатами».¹⁴⁵ Петиция должна быть подана кардиналу Мороне после обеда, причем следует дать понять ему и властям, что требование снижения налогов является категорическим. Это требование необходимо поддержать вооруженным выступлением, обеспечив массовость участия в нем народа. Таков «способ поднять восстание», как это записано на полях протоколов допроса.¹⁴⁶

Организаторы восстания считали весьма реальным одобрение их программы папским легатом, игравшим роль главного арбитра в генуэзских, делах, хотя и не до конца полагались на него («если кардинал не даст хода петиции, нужно братья за оружие»)¹⁴⁷. Наиболее ревностные сторонники вооруженных действий были настроены более решительно. Запись на полях протоколов следствия гласит: «. . . приказ Рива[руола]»; «. . . при-

Бартоломео Чимино, так как он тоже перечислен среди присутствующих, хотя по имени назван Конте.

¹⁴³ «Giovanni Francesco Rivaruolo disse che seria bene chi si piglasse l'armi e che s'andasse al Potello della Marina di Sarzana a tore de l'artegliaria» (ibid., p. 257).

¹⁴⁴ «Rivaruolo disse ch'aveva parlato a quelli del Molo de la Maremma . . . et a quelli di Pre. . . che si doveva di far pigliar d'armi da questi. . . per far nassere tumulto» (ibid., p. 261).

¹⁴⁶ «. . . si doveva ragunar in San Lorenzo maggior numero che si poteva, a sotto no me di presentar la supplica si doveva gridar abbasse gabello, e dare a dosso a chi doveva far resistenza. E questo si era trattato conli sei deputati...» (ibid., p. 255).

¹⁴⁶ «Modo di far tumulto» (ibid., p. 257).

¹⁴⁷ «. . . la supplica. . . si presentasse al Cardinale. . . s'il Cardinale non li havesse dato qualche espediente, poi che si dovesse pigliar l'arme» (ibid., p. 261).

157

каз, который дал Риваруола о вышеназванных способах действия, — сказать людям Моло, что они должны поднять восстание, как только петиция будет представлена».¹⁴⁸ Практическими руководителями здесь выступают представители плебса, но во всем чувствуется рука нобильских политических заправил. Не отрешившись от некоторых конституционных иллюзий, организаторы

восстания все же достаточно твердо брали курс на вооруженное восстание.

Им нельзя отказать в реалистическом подходе к обстановке как в хозяйственных, так и в военных вопросах. Считая первостепенным вопрос о получении или захвате оружия для проведения восстания, они не забывали и о продовольствии. Оружие и хлеб — было их единым требованием. Гаццо — главная действующая фигура восстания — подробно говорил о нераздельности хозяйственных и военных забот комитета «шести депутатов». На совещании в Сан Сиро, где были Чимино, Риваруоло, Шиволи, Рокка и Конте, говорилось о том, что «люди из Сан Пьер д'Арена» должны сразу же приступить к реализации требований петиции, но для этого следует достать 10—12 тыс. скуди для приобретения муки, чтобы оказать поддержку многим беднякам этого района. Необходимо, считали они, чтобы к появлению делегации у кардинала были уже получены «деньги, мука и запас оружия». ¹⁴⁹ Получение муки, продовольствия, оружия, снаряжения упиралось в решение финансовой проблемы. Как уже указывалось, высокие покровители пополарских организаторов не скупились на обещания в отношении денежных сумм, но весьма четко отказывали им в оружии: «... оружия у нас нет, — заявил капитан Сан Джордже, — но денег дадим, сколько хотите». ¹⁶⁰ Весьма возможно, что у капитанов Сан Джордже, Джорджо Дория и других представителей старого нобилитета, связанных с пополарскими «шестью депутатами», не было оружия, но не лишено основания, что они боялись массового вооружения народа, хотя и хотели его использовать в своих интересах. Старые нобили Сан Лука в период подготовки восстания лишь продолжали линию на раскол союза победивших новых нобилей Сан Пьетро с попола-рами и использование последних в своих политических целях. Восстание народа могло подорвать власть новых, и поэтому старые совершенно логично его поддерживали; пополары, всегда находившиеся в городе, были более грозной и реальной силой,

¹⁴⁸ «...ordine del Rivafruolo]; «ordine l'haveva data il Rivafruolo nel modo di sopra, d'havor parlato a quelli d'il Molo, si doveva far tumulto, quando si presenter la supplica» (ibid., p. 262).

¹⁴⁹ «...ad ogni hora, che si fosse comparse ad Cardinale, bisognava haver dinari, farine et haver provisione d'armi» (ibid., p. 263). — Вопрос о снабжении бедноты города мукой обсуждался в Сан Теодоро (ibid., p. 259), о чем уже говорилось ранее.

¹⁶⁰ «... ch'armi non havevano, ma che dariano danari quanto vole-vano» (ibid., p. 260).

158

чем отряды горцев и крестьян, которых они в свое время безуспешно хотели противопоставить партии Сан Пьетро.

Если основным направлением борьбы партия Сан Лука, возглавляемая князем Джованни Андреа Дория, считала открытую войну с Генуей, то действия ее представителей в стенах города могут расцениваться как дополнительные. В целом для партии Сан Лука это являлось естественным сочетанием внешней и внутренней политики. Не лишено основания, что часть нобилей партии Сан Лука придавала особое значение связям с пополарами как с политическими союзниками не только в настоящем, но и в будущем. Эта часть партии старых нобилей характеризуется в материалах процесса как «молодые». Так, в разговоре с Аркватой мессер Оттавиано Каттанео заявил, что депутатами его партии были старые нобили, находящиеся под чужим влиянием (очевидно, испанским), и поэтому он полагает, что нужно держаться с молодыми. ¹⁶¹

В такой же степени естественными были связи пополаров с некоторыми представителями старых нобилей, которые могли им помочь в борьбе за реализацию их требований. Переход пополарства с позиций поддержки партии Сан Пьетро на путь союза с партией Сан Лука после 15 марта был вполне закономерным, так как, одержав победу, новые нобили не спешили что-либо дать пополарам.

Союз представителей старых нобилей с пополарством не являлся поэтому, как попытается в ходе следствия доказывать представитель партии Сан Пьетро сенатор Томмазо Карбоне, простым подкупом народных вожakov богатыми нобилиями. ¹⁵² Показания Джа-комо Шиволи носят такой же характер. Все взаимоотношения между нобилиями типа Джорджо Дория и организаторами восстания характеризуются у него как денежная сделка заговорщиков-нобилей и плембеев.

«Великолепные синьоры, — заявил Шиволи, — я хочу сказать правду. Прежде всего я разговаривал с Пьер Джованни Гаццо, который сказал, что он говорил с синьором Джорджо Дория, получил от него деньги, а затем вел разговоры с Антонио Рокка, Баттиста Арквата, Бартоломео Чимино и другими, а также с капитаном Казерата и Бернардо Вьелло на побережье Сарцаны, и они согласились действовать в пользу портика Сан Лука со [своими] людьми, и Гаццо говорил, что Казерата и Вьелло еще получали деньги, чтобы [исполнить] желание людей из портика Сан Лука видеть побольше людей. ...». ¹⁵³

Формально правдивые, его показания были явно тенденциозными, и они дали возможность судеб-
¹⁸¹ «...messer... Ottaviano mi diceva, che li deputati de la Sua banda erano vecchi ireddi o per cio pensava esser con li giovani» (ibid., p. 258).

¹⁵² F. C a s o n i. Annali. . . , p. 324.

¹⁵³ Sumarium super processu, p. 253. — li источниках иногда пишется Иьелли (Vielli).

159

ным властям Генуи представить их именно в таком свете: «... мне сказали, — доносил в Рим

папский легат, — что эти старые из портика Сан Лука дали деньги и подкупили этих бедняков».¹⁶⁴ Даже тенденциозное и жестокое ведение следствия не смогло до конца исказить истинного положения вещей. Вожак пополаров действительно брал деньги у старых нобилей. Максимальными суммами, нужными пополарам для решения таких важных проблем, как приобретение оружия и муки, назывались 8—10 и 10—12 тыс. скуди.¹⁶⁵ Трудно сказать, какие именно суммы получили организаторы восстания от своих нобильских союзников, но известно, что их расходование находилось под контролем «шести депутатов» или капитанов отрядов. Так, один из них, Бернардо Вьелло, показал на следствии, что он получил от Оттавиано Каттанео 100 скуди на содержание отряда.¹⁶⁶ Отряды более или менее профессионального характера не могли существовать без денег, а отряды пополарских низов, готовившиеся к выступлению, — без провианта. Поэтому вполне естественной была просьба Риваруоло, обращенная к мессеру Оттавиано Каттанео, доставить деньги для бедняков побережья Сарцаны, которым дан приказ «быть с нами».¹⁶⁷ Тот же Риваруоло при переговорах с капитаном Сан Джордже говорил, что «они весьма нуждаются в деньгах и что они уже много их потратили, раздав своим нуждающимся соседям».¹⁶⁸ Гаццо на самом деле получал деньги от Сан Джордже, как он сам сообщал; 100 скуди он истратил на охрану своей персоны во время пребывания в Сан Теодоро, что делали, и очевидно не без основания, и другие вожаки пополаров.¹⁶⁹ Как уже говорилось, Гаццо тратил деньги на питание собиравшихся у него в доме людей, готовившихся к восстанию; так поступил и Антонио Рокка.¹⁷⁰ Конечно, какой-либо официальный контроль получаемых сумм вряд ли осуществлялся «шестью депутатами», а тем более по отношению к членам этого комитета; законное расходование средств определялось их личными качествами. Во всяком случае нотариус Антонио Рокка заявлял, что деньги, полученные от синьоров, никто не может тратить на свои нужды, так как эти суммы составляют общий «счет восстания».¹⁷¹

Не менее остро стоял вопрос об использовании военных отрядов наряду с вооруженными пополарами. Во главе военных сил

¹⁵⁴ «... ch'elli vecchi del portico che Santo Luca, i quali havevatio daro denari et subornare questi poverhuomini. . . che mi dicevano» (Переписка Мо-роне, 18/52, письмо 10.V.1575, p. 219).

¹⁶⁵ Sumarium super processu, p. 260, 263.

¹⁶⁶ Ibid., p. 266.

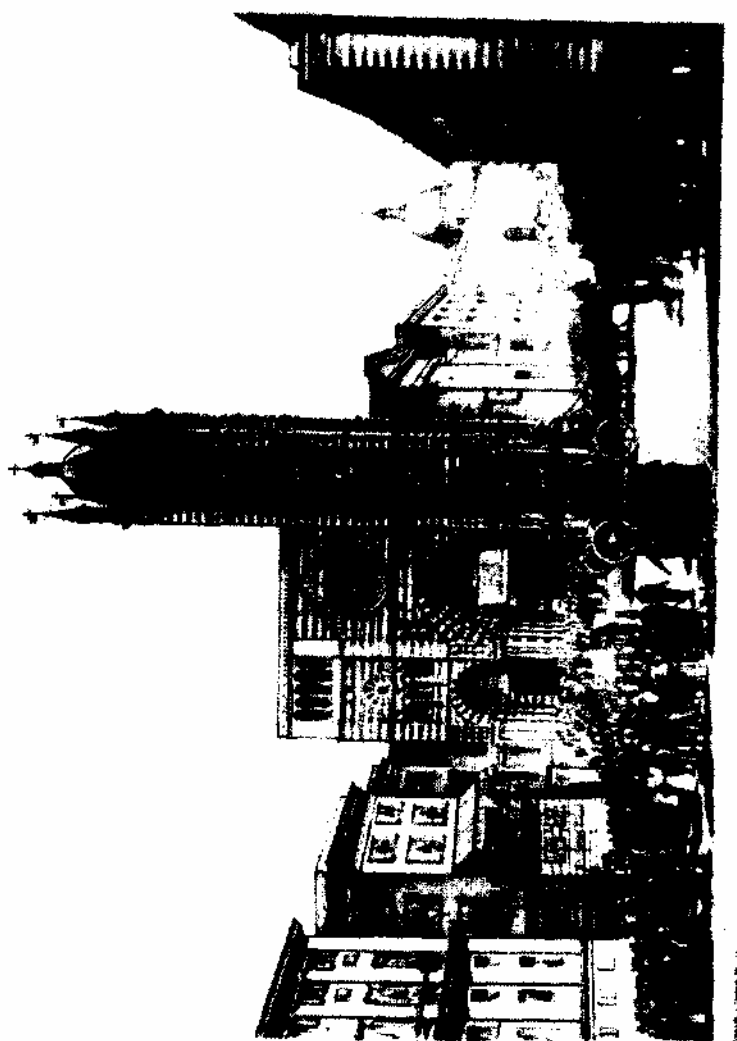
¹⁶⁷ «. . »con ordine ad esser con noi» (ibid., p. 258).

¹⁶⁸ «Rivaruolo disse ancora al San Giorgio, che li bisognava de'danari e che n'haveva speso molto, dandoli a quelli poveri soi vicini» (ibid., p. 260).

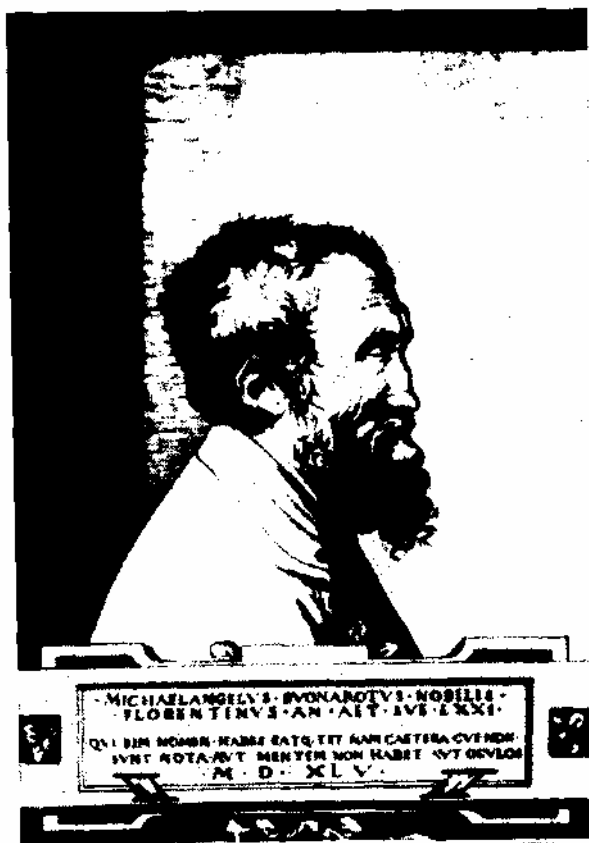
¹⁶⁹ Ibid., p. 260, 257.

¹⁷⁰ Ibid., p. 263.

¹⁷¹ «. . conto del tumulto» (ibid., p. 254).

Церковь Сан Лоренцо в Генуе, главный пункт сбора восставших в 1575 г.
Кастаньола и Леонарди. Монохромная литография середины XIX в. Топографическая
коллекция Генуэзской коммуны.

Микеланджело, 71 г. Эстамп Джулио Боназоне.
1545 г. Кабинет рисунков и эстампов Уффици.
Флоренция.

находились капитаны Бернардо Вьелло, Стефано Казерата.¹⁶² Их отряды, очевидно, были основными. «В восстании должны участвовать люди, которые были здесь, и во главе которых стояли Казерата и Вьелло», — записано в протоколах следствия.¹⁶³ Третьим отрядом в составе 500 человек командовал Джорджо Болеро. В показаниях встречаются имена других лиц, они, по-видимому, также могли принять участие в выступлении попола-ров. Это — Гаризетта и Якомо Лигалупо, которые должны, были «быть с нами с известным количеством людей», а также Уберто Кастелло и Стефано Кардериа. По другим данным, Гаризетта и Якомо Лигалупо показывали проект петиции одному из «шести депутатов».¹⁶⁴ Обсуждение вопроса о предоставлении народу трети мест в правительственных инстанциях происходило в келье монастыря вместе с одним из «шести депутатов» — Аркватой, в нем принимали участие нобили Якомо де Негро, Массоне, Амброджо Сильваго и Джованни Баттиста Спинола. Последний, по-видимому, составлял текст пополарской петиции.¹⁶⁵ Переговоры о предоставлении пополарам части мест в правительстве и магистратах велись Риваруолой также с такими видными представителями старых нобилей, как Франко Леркари, Джованни Узодимаре, Ан-тонио Паловичино и Джованни Паоло Пинелло. Они обещали сделать все возможное, а Пинелло даже готов был отдать в заложники своего сына.¹⁶⁶

Названные представители портика Сан Лука не случайно вступили в рискованную связь с пополарами: двое из них, Франко Леркари и Джованни Узодимаре, были теми решительными сенаторами от партии Сан Лука, которые уже после победы партии Сан Пьетро смело высказали свое мнение о незаконности ее власти.¹⁶⁷ Тогда пополарство помогло победе Сан Пьетро, теперь партия Сан Лука пыталась использовать пополарское восстание в своих интересах.

Несмотря на связи со старыми нобилиями, пополары вовсе не были слепыми исполнителями их воли. Они нашли союзников в старых нобилях, так как их прежние союзники ничего не дали им в дни своей мартовской победы. Это сделало пополаров естественными противниками Сан Пьетро: «... если же эти из пор-

¹⁶² Ibid.

¹⁶³ «Il tumulto si doveva fare da quelle genti ch'erano ivi delle quali erano capi Caserata et Viello» (ibid., p. 256).

¹⁶⁴ Ibid., p. 256, 257, 260, 262. — Якомо (Jacomo) — генуэзское написание и произношение.

¹⁶⁶ «...schizzo d'una supplica, che dicevano haver fatta Giovanni Bat-tista» (ibid., p. 257). — В списках делегаций,

посетивших папского легата, встречаются еще два Джованни Баттиста — Тарлоне и Изоле (Cittadiui veimti dal legato, 27/51, p. 192), однако более вероятным ее автором представляется Спинола.

¹⁶⁶ Sumarium super processu, p. 261.

¹⁶⁷ F. C a s o n i. Annali. . ., p. 321.

11 В. И. Рутенбург 161

тика Сан Пьетро думают одни управлять государством, — говорил капитан Сан Джорджо, — то они ошибаются и еще пожалеют, что они так обидели народ».¹⁶⁸

Попытка сенатора Карбоне направить следствие по пути обвинения старых нобилей как единственных вдохновителей и организаторов заговора не удалась. Пополарские вожаки рассматривали нобилей как силу, необходимую им в борьбе за свою программу, и, когда нобили не выполнили своих обещаний, они их обвинили в бесчестном поступке.¹⁶⁹ Капитан Бернардо Вьелло заявил Гаццо в присутствии Казераты: «Клянусь господней кровью, если они поступят несправедливо, перебьем и тех, и других, думаю, само собой разумеется, что это касается и старых, и новых нобилей».¹⁷⁰

Такова была обстановка накануне 7 мая 1575 г. Многие детали ее не были известны папскому легату Мороне, но как многоопытный политик и дипломат он, прожив в Генуе уже двадцать дней, в письме от 6 мая 1575 г. безошибочно определил критическое положение республики, социальные силы которой близки к открытой борьбе: «. . . пытаюсь взять дела в свои руки. . . если народ этим удовлетворяется, во что я так же мало верю, как и капитаны картьер . . . депутаты новых удваивают охрану из страха перед вооруженным народом, который они не в состоянии держать в узде . . . а комиссар долины Польчевера в таком страхе, что его невозможно успокоить из-за того, что ему не от кого ждать помощи».¹⁷¹

Действительно, пополарская Генуя, население пригородных районов, долинных земель и побережья вооружились и ждали сигнала своих вожаков.

Новые нобили, захватившие власть в республике всего два месяца назад, проявляли явную нерешительность и, по словам Мороне, «не осмеливались ни установить порядка, ни договориться с народом, что могло только раздражать его», «... а прославленный сенат, — писал он, — не отправляет никакого правосудия и проявляет во всех делах полную нерешительность».¹⁷²

¹⁶⁸ «Et si quelli del Portico di San Pietro pensavano essi soli governare la Repubblica che s'inganavano e che si dovevano ch'el Popolo gli havesse cosi offesi. . .» (Sumarium super processu, p. 256).

¹⁶⁹ «. . -non e cosa honesta» (ibid., p. 260).

¹⁷⁰ «Al sangue di Dio, se questi non fano giustitia, gli amazzaremo gl'uni o gl'altri, che credo, che intendesse delli nobili vecchii et novi» (ibid., p. 264).

¹⁷¹ Переписка Мороне, 15/52, письмо 6. V. 1575, p. 207.

¹⁷² «. . tie ardiscono stabilir cosa alcuna, ne trattarla, che possa concitarli il popolo. . . et la nissuna giustitia, et total irresolutamente in tutte la cose di questo illustrissimo senate» (Переписка Мороне, 15/52, письмо 6. V. 1575, p. 207—208). — Возможно, что эта нерешительность возросла из-за того, что народ блокировал центр города, пути от холма Каstellето и от моря, и даже занял подземные ходы (sottoriva), если верить рассказу Сальбриджо (M. C. Salbriggio. Le politiche malattie. . ., p. 127).

162

Такая ситуация придавала пополарским вожакам уверенность к достижимости победы. В субботу 7 мая 1575|г. они намерялись предъявить папскому легату петицию.

Накануне этого дня папский легат готовился к решающим событиям: принял лекарство, надеясь, что оно избавит его от возможного приступа подагры. Это ему было важно, так как на 7 мая он назначил аудиенцию представителям как новых нобилей, так и пополаров; он дал обещание кардиналу Комо «выслушать их, но ни в коем случае не соглашаться на зловерные или опасные для спокойствия республики требования».¹⁷³

В лагере пополаров 6 мая было также днем подготовки. Анто-нио Рокка и другие из «шести депутатов» направились в Сан Пьер д'Арена, затем вечером собрались у дома капитана Вьелло, где был и Казерата, и напомнили ему, чтобы он, Вьелло, не забыл появиться со своим отрядом в назначенном месте во время представления петиции народа кардиналу, и лаконично и сурово предупредили: если он этого не сделает, то будет застрелен из аркебузы.¹⁷⁴ Очевидно, это касалось также Казераты и начальников других отрядов. Комитет считал своим долгом строго предупредить капитанов. Настроение народа было весьма решительным. Так, 6 мая Якомо Вивальдо заявил: «. . . меня мучает, как жажда, намерение совершить одну вещь, у меня чешутся руки, и я им не дам покоя».¹⁷⁵ Нетерпение охватило горожан и бедняков побережья: «. . . мы больше не в состоянии удерживать людей Сарцаны», — заявил один из вожаков отрядов, когда ему кто-то сказал, что «надо действовать осторожно».¹⁷⁶

6 мая явилось, таким образом, последним днем подготовки, когда члены комитета «шести депутатов» дали окончательные распоряжения, а где требовалось —• строгие предупреждения, не только в отдельных районах города, но и за его пределами, как например в Сарцане.

7 мая с утра все шесть членов комитета направились к Сан Лоренцо и отдали приказ собраться всем в этом ранее условленном месте. Вскоре здесь собрались многочисленные приверженцы движения, главным образом из низов народа.¹⁷⁷

Некоторые начальники отрядов изучали обстановку до решающего дня. Так, капитан Джорджо Болеро (коллега капитанов Ньелло и Казераты, составлявших вместе с ним «триумвират» военачальников, которым и поручалось командовать военными

¹⁷³ «Staro a sentirti et non consentiro per niente a nessuna cosa mala o pe-ricolosa alia consentiamente della repubblica» (Переписка Мороне, 15/53, письмо 6.V.1575, p. 208).

¹⁷⁴ Sumarium super processu, p. 253.

¹⁷⁵ Ibid., p. 256.

¹⁷⁶ «...bisogna fare le cose giudiciosamente. E gli mi replico: noi non possiamo piu tener quelle persone di Sarzana» (ibid., p. 264).

¹⁷⁷ «...nella chiesa chatedrale vi fossero radunati infiniti popolari bassi» (Переписка Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 215).

163

и*

операциями, опираясь на народ, собравшийся в Сан Лоренцо)¹⁷⁸ бывал в правительственном дворце вместе с одним из организаторов выступления; осмотрев большой зал дворца, он заявил, что сможет при необходимости проникнуть сюда во главе 300 вооруженных людей. И, действительно, 7 мая Болеро не только явился к указанному ему месту — на Дворцовую площадь, но и привел отряд численностью до 500 человек. Молодой шорник Закариа позже заявил, что люди из отряда Болеро шли за своим капитаном и во всем ему подчинялись.¹⁷⁹ Нет сведений о том, как действовали два других военачальника; известно, что Бернардо Вьелло был в период подготовки восстания самым решительным и твердым: в присутствии Казераты он выступал за применение силы и в случае неуступчивости властей грозился перебить всех нобилей, если те помешают установлению справедливых порядков.¹⁸⁰ Не случайно капитан Вьелло был затем арестован вместе с главными организаторами выступления.

Было условлено, что восставшими будут командовать Казерата, Вьелло, Болеро, возможно, еще имелись в виду Якомо Лигалупо и Эммануэле ди Кери. Восстание должно было начаться, когда все эти отряды и все вооруженные пополары сойдутся вместе. * Утром 7 мая город представлял собой большой вооруженный лагерь. В этот день мессер Джорджо Дория остановил на улице Джакомо Шиволи, направлявшегося на обед (после которого он пошел в составе народной делегации к легату), и сказал ему: «Да будет с нами господь-бог в том деле, которое мы жаждем сотворить!». «Но мне было неизвестно, что именно знает мессер Джорджо ГДория] о деле», — заявил Шиволи.¹⁸² Этот разговор был последней встречей представителей двух социальных групп, каждая из которых была недовольна существующими порядками: старые нобили стремились к замене с помощью пополаров режима новых нобилей своей властью, пополары — к улучшению своего положения путем реформ, которые надеялись провести при поддержке вооруженного народа, а при отказе легата и властей от реформ — путем восстания. Вопрос о реформах в принципе должен был решить, как полагали организаторы движения, кардинал Мороне, которому самим папой было доверено разрубить гордиев

¹⁷⁸ «Che in San Lorenzo si doveva far tumulto, capi erano Viello, Case-rata e Bolero» (Sumarium super processu, p. 254).

¹⁷⁹ Ibid., p. 255, 262.

¹⁸⁰ Ibid., p. 264, 265.

¹⁸¹ «Il tumulto si doveva fare da quelle genti ch'erano ivi, delle quali erano capi Caserata et Veillo ect. Et non yi era altro ordine, se non di tumaltare quando quelle genti fossero stati tutti insieme» (ibid., p. 256). — Здесь и в некоторых других местах текста Казерата называется Каферата (Caferata).

¹⁸² «Et il sabbato ch'io fui ritenuto messer Giogrio Doria. . . mi si accosto al scagno andando a disnare, e disse: „Dio sia con noi in quello, che sete per far!“. *Ma che non sa, come messer Giorgio lo sapesse» (ibid.). — В тексте в первом случае Джорджо Дория ошибочно назван Джованни.

164

узел генуэзских противоречий. Только отказ легата мог быть окончательным поводом для вооруженного выступления. Таким образом, во дворце легата находился фокус всего сложного переплетения политических и экономических устремлений разных социальных групп. Решение о дальнейшем поведении вооруженных пополаров могло быть принято лишь после переговоров с Мороне.

После обеда напряжение достигло кульминации: подошло время аудиенции у папского легата. Старые нобили рассматривали появление у легата народа с петицией как сигнал к вооруженному выступлению пополаров, которое должно было принести им политическую победу. Поэтому они настаивали, чтобы с петицией пошла не делегация, а один из «шести депутатов» — Баттиста Арквата. На этом настаивал Оттавиано Каттанео, заявивший, что он также останется с ними, членами комитета.¹⁸³ Другой стороной этого предложения была, очевидно, попытка удержать делегацию народа от изложения своих собственных требований, а ограничиться подачей петиции,

текст же ее, безусловно, был Каттанео известен.

После обеда кардинал Мороне начал прием делегаций. Он знал, что еще в ночь на 7 мая во всех кварталах города происходили бурные собрания горожан из разных слоев населения, которые собираются явиться к нему и изложить свои требования.¹⁸⁴

Первая делегация появилась после обеда, кардинал еще находился в постели, весьма удрученный тем, что в такой ответственный момент он плохо себя чувствует.¹⁸⁵ Прием длился долго; им были приняты четыре делегации, не считая отдельных лиц; состав делегаций и краткое содержание их требований и просьб по ходу аудиенции были записаны писцами папского легата на листе, именуемом: «Господа граждане, по собственной воле явившиеся к легату для изложения своих просьб».¹⁸⁶ В составе делегаций перечислено 41 имя. Первая делегация состояла из 16 человек и, как отметил писец, «надеемся и думаем, что эти явились от присоединившихся» (от новых нобилей портика Сан Пьетро).¹⁸⁷ Делегация состояла из следующих лиц: Джованни дель Соларо,

¹⁸³ Ibid., p. 258.

¹⁸⁴ «...intendo doppio molta pratica fattasi la notte innanzi per i quar-tiori, che svegliorno molte qualita di persone loro a venir da me et dirmi la monte [resolutione] sua» (Переписка Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 215).— В черновике письма Мороне эти требования именовались сначала «решением» (resolutione), затем это слово было зачеркнуто и заменено словом «намерение» (mente).

¹⁸⁵ Ibid.

¹⁸⁸ «...a di VII Maggio 75. Domini cittadmi yenuiti spontaneamente ilal legato per quanto dicono a...istanza» (Cittadini venuti dal legato, 27/51, p. 191—192); см. прил., док. XIII.

¹⁸⁷ «...credete, che questi siano della speranza d'esser aggregati» (ibid., p. 191).

165

Ладзаро Скорца, Амброзио Корьецца, Франческо Мартини, Йозефо Баргони, Джованни Пьетро Каприата, Ладзаро Савиньяни, Йозефо Бьянкетти, Ян Мариа Карлоне, Стефано Сангвинетти, капитан Иеронимо Роккатальята, Джованни Франческо Леванти, Доменико Бернарди, Джованни Баттиста Страццери, Баттиста Андора Кордоньоне и Космо Кроза.¹⁸⁸ «Они, — отметил писец, — устно призывали (не предъявляя какого-либо текста петиции, — В. Р.) к сохранению законов республики и просили отказать тем, кто предлагает что-либо иное от имени других партий, а также порицали многих граждан, которые неспособны управлять да и недостойны того, и должны быть заменены 12 депутатами».¹⁸⁹ Эту характеристику первой делегации и ее требований подтверждает и уточняет в письме в Рим, написанном на второй день после событий, и кардинал Мороне: «Это были люди из присоединившихся, которые пришли, чтобы сказать мне, обращаясь со своей просьбой, что они не хотят никакого другого закона, кроме закона 1528 г., и выступают против каких-либо других предложений и что явились они для конфиденциального разговора».¹⁹⁰ Последнее замечание было весьма существенным, так как, признавая существующую конституцию, принятую новыми нобилими 15 марта 1575 г., они фактически представляли оппозицию «в рамках закона». Требования этой делегации подтверждали неспособность правящих властей партии Сан Пьетро управлять и необходимость при сохранении политической монополии новых нобилей передать власть другому составу из этой же социальной прослойки. Устная петиция этой делегации свидетельствовала о наличии явного раскола среди правящей группировки новых нобилей. Сам Мороне не перечисляет в своих письмах всех делегаций, но говорит, что к нему приходили «многие и весьма различные» по своему составу и требованиям группы горожан.¹⁹¹ Писарь легата уточняет беглой записью эти слова.

Вторая делегация состояла из четырех человек, которые назвались представителями городских поповаров; это были Джованни Антонио Риччо, Пьетро Гатта Виньола, Джироламо Бер-галли и Франческо Йертрани. Писец легата следующим образом занес на бумагу их требования: «Эти сказали то же самое, но требовали обуздать старых нобилей, которые подстрекают в церкви чернь, обещая возвысить ее так, чтобы они стали гражданами, а также считают, что необходимо противостоять, бороться против

¹⁸⁸ Ibid. — Здесь и далее сохранена транскрипция писца как в передаче ее по-русски, так и в оригинале: Йозефо (Josefo), Ян (Jan), Иеронимо (Ieronimo), Амброзио (Ambrosio); см. прил., док. XIII.

¹⁸⁹ Ibid.; см. прил., док. XIII.

¹⁹⁰ «...sono delli aggregati a dirmi in l'istanza, che non voleano altra legge, che qtiella do 28, et rebatassi cose d'altro, che venisse a parlarmi in con-fidentio» (Переписка Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 215),

¹⁹¹ Ibid.

166

закона 1528 г. и отвергнуть его, так как он ничего им не дал, а также жаловались на плохое правосудие».¹⁹² Стандартная формула «сказали то же самое», возможно, и несла в себе некоторую смысловую нагрузку: вторая делегация, очевидно, тоже критиковала неумелое и нерешительное

поведение правительства новых побилей. Жалоба на «плохое правосудие» могла означать и недовольство верхушки «почтенных» пополаров тем, что новые нобили, одержав победу не без их содействия, не допустили их к кормилу правления и даже к пользованию минимальными политическими правами. Но низы города, чернь (*la plebe*), были для них противниками, хотя формально и принадлежали к одной социальной группе пополаров. Весь огонь их устной петиции был направлен против собравшегося в церкви плебса и его «подстрекателей» — старых нобилей из партии Сан Лука. «Почтенные» призывали к расправе над плебсом, готовившимся к выступлению, и даже давали конкретные советы, как это осуществить. Требования второй делегации подтверждают наличие резкого размежевания в генуэзском пополарстве вообще, а в период восстания в особенности. В письме кардинала эта линия вырисовывается еще ярче: «... они жаловались на то, что в кафедральной церкви собралась огромная масса народа из низов, которые решили добиваться гражданских прав, что некоторые из старых побилей ведут их к Сан Бернардо поднять мятеж и что им не следует верить, так как они — люди самого низкого круга, которым нечего терять. Эти и им подобные люди угрожают [порядку], тем более что, если они выйдут из церкви, дело дойдет до кровопролития».¹⁹³

На этом этапе папский легат из нейтрального арбитра превратился в участника и организатора срыва восстания: «Я просил их, — писал кардинал Мороне, — принять меры, которые заставят бедняков сохранить спокойствие, но не препятствовать им получить у меня аудиенцию, ибо я, как лицо официальное, должен их выслушать, дабы узнать, что может произойти после того, как я их благосклонно выслушаю, тем более что я только постараюсь по возможности способствовать установлению в республике спокойствия».¹⁹⁴

¹⁹² Cittadini venuti dal legato, 27/51, p. 191. — Йертрани (Jertrani). — Такое написание дается в источниках (см. прил., док. XIII).

¹⁹³ «... si dolsero, che nella chiesa chatedrale vi fossero radunati infiniti popolari bassi, qauli risolvevano d'esser ancor esse chiamati cives, et che al-cuni vecchi gli andaronnp San Bernardi a tumultare, et che io non gli dassi [cde per essere persone di bassissima qualita, che non savevano niente da per-dero. Et cose simili minacciandoli se fossero stati fuori della chiesa havrebbono fatta remostratione col sangue» (Переписка Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 215).

¹⁹⁴ «Io li pregai a lasciar star i poveretti et non impedirli l'audito da me, ch'io come pubblica persona potessi ascoltare loro, perche inquirere ello, che l'ossero nascersi anche haverci esauditi, et che io non farevo altro fine, che ac-comodar se fosse stato possibile la quietezza di questa repubblica» (ibid.).

167

Переговоры со второй делегацией завершились, таким образом, соглашением о разделении функций влиятельных «почтенных» пополаров и папского легата в деле нейтрализации и дезорганизации восстания: первые должны были сдерживать городские низы и не дать им возможности действовать силой, второй — выяснить их цели и попытаться успокоить. Просьба кардинала Мороне не мешать низам предъявить ему свою петицию, очевидно, имела реальные основания. Этому могли помешать не только «почтенные» пополары, но и правящие новые нобили; возможно, был здесь и вариант сотрудничества тех и других, основанный на такой приманке, как «присоединение» (*aggregazione*) верхушки пополарства к новым нобилям в области политических прав. Во всяком случае делегация низов далеко не сразу смогла появиться у кардинала. После разговоров с «почтенными» к легату пришла большая делегация из 15 человек, которых писец охарактеризовал как «других, но таких же, явившихся после них».¹⁹⁵ Это были Никколо Бернарди, Бартоломео Раджи, Джованни Баттиста Изоле, Баттиста Мартиони, Стефано Кьявари, Дженецио Семино, Авре-лио Бельмосто, Дезидерио Кроче, Бартоломео Пенко, Антонио Раджо, Дженето Соларо, Гульельмо Ленайга, Джованни Антонио де Мораццано, Агостино Кампоантиго. Их просьба была сформулирована писцом следующим образом: «Эти говорят то же самое, но воздают хвалу правлению немногих, и что порядок не будет нарушен, если его не нарушат те, кому нечего терять, и будет по душе тому, кто умеет приложить усилие к сохранению этого правления в мире».¹⁹⁶ Стереотипная формула «говорят то же самое» и здесь могла содержать в себе вступительную критическую часть заявления, направленную в адрес правительства новых нобилей, доведшего республику до гражданской войны. Писец, по-видимому, прав, характеризуя состав делегации как подобный предшествующей по социальной окраске. Это — пополары, но, судя по их программе, отражающие интересы средних кругов прослойки — цеховых ремесленников, мелких купцов, которым нельзя надеяться на «присоединение» к новым нобилям и получение политических прав, но для которых важен мир, несущий им нормальные условия производства и продажи товаров; это люди, которым «есть, что терять», в отличие от черни, поэтому они согласны на «правление немногих», лишь бы оно обеспечило твердый порядок. Четкая и лаконичная программа этой делегации дает возможность предполагать, что за ее плечами стояли реальные представители эвентуального, а затем и реального пополарского «правления немногих» типа Бартоломео Коронато и Томмазо Карбоне.

Делегации от низов народа, очевидно, с большим трудом удалось попасть к кардиналу-легату. Попытка

Оттавиано Каттанео направить к нему лишь одного Баттиста Арквата была, вероятно, отвергнута народом. В эту делегацию вошло шесть человек во главе с Баттиста Аркватой. За ним в составе делегации писец перечислил Джакомо Шиволи, нотарио Антонио Рокка, Джованни Франческо Риваруоло, Бартоломео Чимино и Джакомо Кассичча.¹⁹⁷ Весьма показательно, что из шести членов делегации четверо (Арквата, Рокка, Чимино, Риваруоло) были членами руководящего комитета «шести депутатов», а остальные принимали большое участие в подготовке выступления. В отличие от трех предшествующих делегаций представители низов должны были буквально прорываться во дворец легата. Им, безусловно, попытались помешать как силы, брошенные «почтенными», так и пополярскими сторонниками твердой власти «правительства немногих», не говоря уже об охране, которую должны были здесь держать для обеспечения безопасности высокого дипломатического представителя генуэзские власти. Во всяком случае, делегации «от имени народа»¹⁹⁸ удалось предстать перед папским легатом, судя по его письму, после того как «толпа овладела моим дворцом с таким натиском, что докатилась до самой передней и вплоть до дверей нижнего этажа».¹⁹⁹ Делегация плебса, оставив возбужденную толпу за собой, вошла в залы дворца и впервые вблизи увидела папского легата, который, как они полагали, может поддержать все их требования. До сих пор они могли его видеть, да и то издали, только во главе церковной процессии, организованной после мессы в кафедральном соборе 17 апреля 1575 г. Кардинал Мороне выглядел худым, усталым, но красивым высоким се-добоводым стариком лет восьмидесяти, хотя ему было не больше 66

лет.

²⁰⁰

¹⁹⁸ Gittadini venuti dal legato, 27/51, p. 191. ¹⁹⁶ Ibid.; см. прил., док. XIII.

¹⁹⁷ Battista Arguati, Giacomo Suvori, Antonio Rocca notaro, Giovanni Francesco Rivarolo, Bartolomeo Semino, Giacomo Cassiccia (ibid., p. 192). — Писец несколько искажил на слух принятые им фамилии Аркваты (Аргвати), ТПиволи (Сувори), Чимино (Семино), Риваруоло (Ривароло), что можно объяснить нервной обстановкой, создавшейся при появлении во дворце легата делегации низов. В ходе следствия эти фамилии были уточнены.

¹⁹⁸ «Deputati a nome del popolo differenti dalli due portichi de'vecchi et da quei de'nobili nuovi et con [supplica]» (ibid.). — Очевидно, делегаты усиленно подчеркивали, что они представляют народ, а не известные традиционные партии, и писец счел нужным отметить это.

¹⁹⁹ «. . l'havevano con la moltitudine il mio palazzo fino all'anticamera et alia porta da basso. . . loro impeto» (Переписка Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 216).

²⁰⁰ «. . d'eta d'anni circa ottanta, grande e bell'uomo» (В. А г д и т и. Diario. . . , p. 40). — Джованни Мороне родился 25 января 1509 г. Участие в Тридентском соборе, ответственные дипломатические поручения, папская тюрьма не могли не наложить свой отпечаток, поэтому он выглядел старше своих лет. Этим объясняется впечатление Бастиано Ардити, видевшего Мороне во Флоренции в апреле 1575 г. и определившего его возраст в 80 лет.

168

169

«Затем ко мне пришли шесть депутатов от народной массы, которые со слезами на глазах вручили мне прошение, которое они называли „святейшей петицией"», — писал кардинал Мороне в Рим.²⁰¹ «Я принял нескольких бедных пополаров, — доносит он в другом письме, — которые обратились ко мне, чтобы сказать о нуждах своих, как вы увидите из копии прошения, которое было мне подано, в нем подчеркивалась только великая нужда бедноты. . . Они требовали как средства от нищеты пересмотреть налогообложение по отношению к народу».²⁰² «Высказав свои пожелания, они, кроме того, подали прошение»!²⁰³

Весьма интересно, хотя и несколько неожиданно, содержание «святейшей петиции»:

«Глубокоуважаемому и достопочтенному монсиньору и почтеннейшему синьору.

Многие горожане и ремесленники повседневно заботятся о том, чтобы удержать Республику от гибели. Они много думают о Республике нашей и желают, все вместе и каждый в отдельности, как это и должно быть, заботиться о спокойствии генуэзского государства (stato gionovese) и о том, чтобы оно могло противостоять любому противнику, всегда пользуясь королевской справедливостью, а обращаясь к ней, каждый может идти дорогой добродетели. Мы прибегаем к помощи Вашей уважаемой светлости не только от нашего имени, но также и от имени других, весьма многих, и молим Вашу уважаемую светлость, чтобы, продолжая добрые намерения и старания его святейшества и Вашей уважаемой светлости, помочь нашей измученной Республике. И пусть сохранится столь полезное признание ее и покровительство, пользуясь которым мы смогли бы свободно прибегать к Вам, чтобы иметь возможность излить нашу душу и высказать желания большинства народа (populo), всецело поглощенного мыслью о сохранности Республики во имя служения богу и спокойствия ее обитателей. Не желая ничего другого, кроме блага нашеш Республик мы не могли до сих пор объявить об этом нашем желании и мне ни из-за угроз и мы не имели возможности возразить что-либо в ответ на неуместные наветы, чем объясняется представление Вашей уважаемой светлости донесения, не соответствующего

²⁰¹ «Vennero dipoi sei deputati da detta moltitudine popolare i quali con le lagrime all'occhi mi dederо un memoriale, [che petitione santissima]». (Переписка Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, р. 215). — Слова «che petitione santissima» написаны в черновике и затем зачеркнуты, так как Мороне, очевидно, не хотел сохранять народное название этого документа.

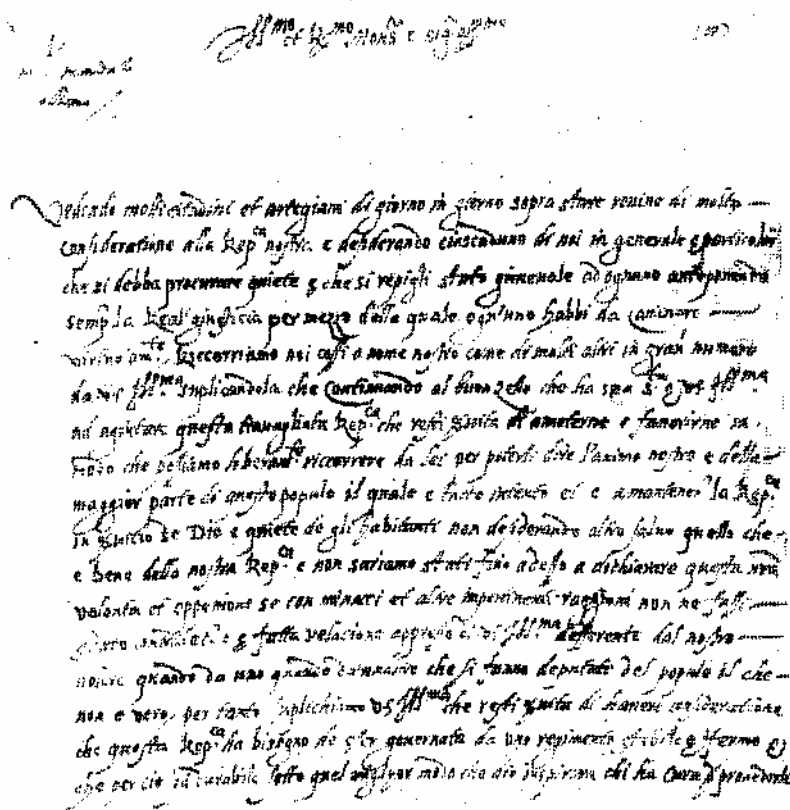
²⁰² «... alcuni poveretti popolari, che sono~ricorsi da~me per dirmi il bisogno loro, com'ella vedera dalla copia d'un memoriale, che mi diedero, non esagerando altro, che la gran necessita de'poveri sollevarlo 1иЙо»~(там же, 128/51, письмо 8.V.1575, р. 211).

E-PT

²⁰³ «... han darо un memoriale» (Cittadini "venuti .-dal legato,*" 27/51. P.-192).

gfcSS 1; ;

170

Vedendo molti cittadini et artigiani di questo in questo sopra state venuto di molto
 con laudazione alla Rep. nostra et desiderando ciascuno di noi in generale e particularmente
 che si debba procurare quiete et che si veglii stato generale ad ogni anno antepresentando
 sempre la Real signoria per mezzo della quale ogn'uno habbi da amare
 vivere in pace et quiete come noi ho come di molti altri in questa nostra
 da per gli. Implorandoci che continuando al bene che ha speso et per gli
 ad amare questa nostra Rep. che veglii stato di amare et amare in
 fatto che possiamo liberare ricorre da lei per poter dare l'anima nostra et della
 maggior parte di questo popolo il quale e tanto pieno di et amare la Rep.
 in questo de Dio et quiete di gli abitanti non desiderando altro bene quello che
 e bene della nostra Rep. et non siamo stati mai adesso a desiderare questa non
 volontà et apprensione se con molti et altre impetrate ragioni non ho fatto
 tutto quello che e tutta velazione appreso di di gli. Desiderando dal sopra
 nome quando da noi quando esultare che si fanno deponere del popolo il che
 non e vero, per tanto imploriamo di gli che veglii stato di amare et amare in
 che questa Rep. ha bisogno di et e governata da uno reprimere et forte et fermo et
 che per cio in questo fatto quel signor mio che ho sopra di lui ha cura di prendere

«Святейшая петиция» восставших 1575 г.

нашим желаниям. То одни, то другие объявляют себя депутатами народа, но это — ложь, поэтому мы просим Вашу уважаемую светлость, чтобы и далее имелось в виду, что наша Республика нуждается в постоянном и прочном правительстве, правление которого должно быть длительным и действовать оно должно наилучшим способом. Пусть же господь-бог вдохновит того, кто возьмет на себя заботу о его образовании».²⁰⁴

В «святейшей петиции» звучит столь же безыскусная, сколь и наивная нотка искреннего доверия к легату, глубокого убеждения в его справедливости, в возможности добиться удовлетворения своих нужд с его помощью. В то же время в петиции высказывается гневное осуждение тех, кто говорит от имени народа, вроде «почтенных» пополаров и новых нобилей, сидевших в правительстве. Сам факт выступления делегации низов от имени большинства народа и во главе его толкал все вышестоящие социальные группировки в лагерь его противников. Пожелание образовать

новое прочное правительство звучало как призыв к свержению правительства существующего. Обращение к папе от имени народа Генуэзской республики с просьбой быть постоянным ее покровителем угрожало политической самостоятельности ее партий. Неопределенный намек на всегдашнюю королевскую справедливость для подателей петиции мог казаться лишь риторическим приемом, хотя он и показывает, что автором петиции скорее всего был нобиль. В целом же «святейшая петиция» была по духу народной, хотя, возможно, после многих обсуждений в руководящем комитете «шести депутатов» и с народом в церквях Сан Джордже, Сан Теодоро, в районе Сан Пьер д'Арена первоначальный текст ее был несколько изменен.²⁰⁶ Нобильские советчики и кредиторы «шести депутатов» могли согласиться с этим последним вариантом текста, так как в случае успеха народа и ликвидации существующего правительства новых нобилей «постоянное и прочное» правительство могло включить в свой состав «молодых» представителей партии Сан Лука. Отсутствие в петиции антиналоговых требований объясняется ее общедекларативным характером, который, возможно, придал ему автор, представлявший нобилей. Конкретные же требования были высказаны делегатами народа устно, как они высказывались и делегатами других социальных прослоек.

²⁰⁴ Memorials dato del popolo. Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 131/51, p. 187, 190; см. прил., док. XIV.

²⁰⁶ «. . . mi mostro una schizzo d'una supplica» (Sumarium super pro-cessu, p. 257); «mi mando un modello, il qual si mando a San Piero d'Arena. . . questo modello lo lesse al San Giorgio nella medema chiesa di San Teodoro» (ibid., p. 262); «E finalmente si concluse che si pigliasse la supplica con il modello e si presentasse» (ibid., p. 261).

²⁰⁸ «. . . esser con li giovani» (ibid., p. 258); «giovani nobili», «giovani antichi (anticii)» встречаются также в кн.: М. С. Salbriggio. Le po-litiche malattie. . . , p. 95, 123, 129.

iTi

Кардинал обещал делегации народа передать петицию папе и, таким образом, открыто не выступил против нее. Поведение Мороне объяснялось желанием успокоить народ и невозможностью открыто отказать в условиях фактического захвата дворца народом. Первый этап давно разработанного плана прошел, как полагали члены делегации народа, весьма успешно: они были любезно приняты кардиналом, обещавшим рассмотреть их петицию. Радостные вышли они из дворца легата и были бурно встречены окружавшим его народом. Именно в этот момент во дворец к кардиналу явились два человека — Симоне Терри, слуга из дома Манари, и Йозефо, кастеллан. «Эти пришли, — отмечает писец кардинала, — чтобы открыть глаза на то, что названные выше — из народа, и их надо остерегаться».²⁰⁷ Очевидно, эти лица не являлись постоянными осведомителями кардинала, но доброхотами, иначе писец кардинала не внес бы их в список пришедших во дворец.

За ними последовала делегация от партии Сан Лука, дополнившая сообщение, направленное против делегатов народа и их петиции, которую они, возможно, читали. Они сказали, что «готовы помочь установить покой и открыть глаза тому, кто в этом нуждается». Во главе делегации стоял Бартоломео Монтеччо. С ним пришли Антонио Лазаньи, Антонио Артузо, Орацио Страта, Агостино Мاستиньони, Якопо Казаретти и Джованни Баттиста Тарлоне.²⁰⁸

Кардинал Мороне был опытным и проницательным политиком и психологом. Он понимал, что народные делегаты справедливо жаловались на некоторых пополаров, которые шпионили за ними; делегаты низов произвели на него хорошее впечатление.²⁰⁹ Кардинал писал, что было бы несправедливо преследовать и хватать бедных людей, которые искали с ним встречи и пришли к нему, чтобы поведать о своих бедах и попросить принять необходимые меры для облегчения их положения.²¹⁰ Такова была логика кардинала как объективного наблюдателя, однако она была иной для кардинала-политика. «Но если действительно был заговор, я охотно познакомлюсь с сообщениями о нем при более полном

²⁰⁷ «Simone Terri, servitore casa Manari, Iosepho castellano. Questi sono venuti a desingannare, che questi si detti siano del popolo et si guardi da loro» (Cittadini venuti dal legato, 27/51, p. 192). — Возможно, Симоне Терри был слугой в доме палача (от mannara — топор палача).

²⁰⁸ Ibid.; см. прил., док. XIII.

²⁰⁹ «Vennero. . . da me a dolersi di quelli popolari. Et a spiare che cosa havevano detto. Le quali io acquetai. . . e. . . parvero disingannati della mala impressione c'havavano concepita» (Переписка Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 216).

²¹⁰ «. . . posti prigionii questi poverhuomi, perche havessero cercato di par-larmi et havessero viarsi a me, che questo non era giusto. . . et saper le loro infinita per poter darli rimedii opportuni» (там же, 18/52, письмо 10.V.1575, p. 219).

173

их освещении, так как мне говорят то об одном, то о другом заговоре».²¹¹

От общих рассуждений кардинал перешел к более конкретным: «. . . дело крайне осложнилось тем, что это — заговор, и, говорят, в их намерения входил захват правительственного дворца и

убийство членов синьории. . . так мне сказали новые из портика Сан Пьетро, говоря о восстании в субботу. . .».²¹² Таким образом, кардинал был всесторонне информирован, получая сообщения и от представителей партий Сан Лука и Сан Пьетро, и от оппозиции, и от правящих кругов, и от народа, и от «почтенных» попо-ларов, и от своих тайных осведомителей, и от доброхотов. Он понимал реальную обстановку гораздо яснее, чем, например, флорентийский посол в Венеции Орацио Урбани, писавший великому герцогу Тосканскому, что «в этом городе [Генуе] или из-за зловредных книг, или из-за разгоревшихся страстей, или из-за людей, склонных к такого рода действиям, происходят волнения, о которых до нас пока долетают только слухи и не достаёт сведений, однако говорят, что кардинал Мороне взял на себя переговоры, связанные с улаживанием беспорядков в Генуе».²¹³ Мороне улаживал беспорядки не только путем переговоров, но, по-видимому, и путем непосредственного вмешательства в ход событий. Кардинал получил известия, что «это восстание [в Генуе] подтолкнуло, как это и намеревались сделать, восстание в Сарцане, где бесчисленное множество народа взялось за оружие. Да поможет бог этой республике избавиться от этой опасности и да снизойдет на меня божие милосердие, чтобы сохранить меня в добром здоровье, что я полагаю совершенно невероятным».²¹⁴

Гибель республики, провал высокой миссии, гибель легата — в такой обстановке объективная оценка и признание искренности и даже правоты делегатов народа отходили на второй план. Призыв ретивых наущников — «их надо остерегаться!» — прозвучал своевременно.

Учитывая, что кардинал Мороне открыто не отверг «святейшую петицию», делегация продолжала действовать дальше. Следующим этапом после посещения папского легата было появ-

²¹¹ «Ma se la congiurazione era vera, che volontieri havrei veduto questa loro chiarezza, che mi dicevano dell'uno et l'altro trattato» (там же).

²¹² «Aggravorno assai questa che chiamano conspiratione, dittero, che l'loro disegno era d'impatronarsi del palazzo et ammazzar la Signoria. . . li nnovi del portico di Santo Pietro mi diedero contro del tumulto seguito il sabbato» (там же).

²¹³ «. . . in questa Citta o da nove libro, o da appassionamente, o genti, che hanno modo che fare sia. . . fuora fa voce, perche non è mancato ancora di habbia, mormorato, che di l'intenzione del'Cardinal Morone sia di intertener tanto quei garbugli di Genova» (Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 2967, 7.V.1575, p. 331).

²¹⁴ «Questo tumulto fa suscitare a quel che è intentp nel luogo di Sarzana, ch'è numerate di gente molte, popolare all' l'arme. Dio aiuti il pericolo di questa

174

ление в правительственном дворце: в случае согласия с петицией — попытка образования «постоянного и твердого» правительства народа и «молодых» нобилей из Сан Лука, в случае отказа, как это предполагалось по плану, выработанному «шестью депутатами», — вооруженное выступление, кровавая расправа с синьорией и народная республика.

Можно предполагать, что в этой обстановке Мороне, как показывает его переписка, не отказался от связей с правительственными кругами Сан Пьетро и сообщил им о приеме народной делегации и ее намерениях идти ко Дворцу синьории. Очевидно, во дворце дола об этом узнали до прибытия туда делегации с петицией, так как там ей была подготовлена соответствующая встреча. Во всяком случае, кардинал Мороне внимательно отнесся к тому, как были встречены своими сторонниками после выхода из его дворца и куда направились посетившие его депутаты народа. «Эти бедняжки ушли из моего дома, — сообщал он, — и сразу же были окружены многочисленными другими гражданами, которые спрашивали их, желая понять, каков результат переговоров. А они, горячо объясняя, что, по их разумению, произошло, были увлечены толпой, рассуждая на ходу, по направлению ко Дворцу синьории. Они убеждали. . . идти туда, чтобы высказать свое недовольство святыми коллегиями. . . Наконец, они прибыли в магистратуру и высказали свое мнение».²¹⁵ Такая наивность объяснялась прежде всего уверенностью в успехе их миссии у легата, который обворожил делегатов сверхобходительным обращением.²¹⁶

По сообщению Казони, народ направил во Дворец синьории двух делегатов с целью представить копию петиции дожу.²¹⁷ Они предполагали, что будут не менее приветливо встречены дожем и его магистратурами, хотя не отказались бы от применения силы, которое теперь казалось уже почти ненужным. Их настроение определялось не только психологическим переломом после посещения легата, но и тем, как они готовились произвести изменение порядков. Неоднократно на собраниях генуэзских низов раздавался призыв к осуществлению своей программы путем «гарибетто».²¹⁸ Член комитета Баттиста Арквата предлагал

patria et dia grazia a me di trovarmi assetto, che non credo a nessun modo possibile» (Переписка Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 217).

²¹⁵ «Questi poyeretti usciti di casa mia per quello che intendo furno circon-dati da molti altri cittadini per intragarli, et essi che, arditamente dicevano la ragione loro, furno voltati cosi ragionando alia volta del palazzo della Signoria, et persuadere

e ... ad andar a dir la ingrazia sul alle santi colleggii. . . In quali finalmente pervemiti del maeistrati adunato dederо certo del mede-simo» (там же, p. 216).

²¹⁶ «... di riceve il Legato con cortesissimo trattato» (F. C a s o n i. Annali. . , p. 324^

²¹⁷ «Usciti dalla Camera del Cardinale i popolari inviarono due di loro a far vedere la copia della supplica al Doge» (ibid.).

²¹⁸ В. Витале производит слово «garibetto» от gaibo, что равнозначно sesto — порядок, правильная пропорция. Андреа Дориа, введший в 1528 г.

175

представить кардиналу петицию, и, если он «не даст ей надлежащего хода, взяться за оружие, чтобы поступить так же, как во времена гарибетто». Другой член — Джованни Франческо Риваруоло — советовал «взяться за оружие, чтобы действовать способом гарибетто и поднять восстание». Третий член — Бартоломео Чимино — полагал, что надо представить кардиналу петицию, потребовать ликвидации налогов и поднять восстание с возможно большим количеством народа по способу гарибетто. Командир отряда Бернардо Вьелло показал на следствии, что, обсуждая вопрос о получении трети мест в правительстве, они решили: «... если это не удастся сделать полюбовно, мы применим сил}»». ²¹⁹ Под способом гарибетто понималось народное восстание такого типа, как волнения, прошедшие в Генуе почти пятьдесят лет назад, не без влияния Андреа Дориа, под девизом: «Да здравствует св. Георгий и свобода!». За это время выросло новое поколение, для которого восстание 1528 г. было уже преданием и казалось истинно народным, как и порядки, введенные Андреа Дориа после этих волнений, именуемых «гарибетто». Они воспринимались народом как справедливые, гарантирующие равноправие «всем семьям» Генуи. Гарибетто 1528 г. было конституцией, возникшей в условиях народных волнений и расширявшей права и возможности нобилей попольарского происхождения. Гарибетто 1575 г. представляло собой трансформированную идею своеобразного народного восстания и демократической конституции, установленной путем сочетания мирных и насильственных методов. Восставшему народу Генуи, первые отряды которого докатились до стен дворца дожей, казалось, что им уже удалось вырвать право на новое «прочное и постоянное правительство», на освобождение от бремени налогов и улучшение своего положения. Кульминационным моментом движения было посещение кардинала, психологическим результатом — безосновательно возросшая уверенность в быстрой и легкой победе. Эта иллюзия неожиданно натолкнулась на суровую действительность.

Если кардинал Мороне не знал многого о подготовке восстания, а правительство новых нобилей не способно было пресечь его в корне, то и восставшие далеко не все знали о действиях новый государственный распорядок, говорил, что он хочет дать Генуе gaibo (V. V i t a l e. Breviario. . , vol. I, p. 215); М. Э. Венсан производит этот термин от le galbe — профиль, красивый вид, гармония, отсюда galbetto или garibetto (M. E. V i p c e n s. Histoire de la republique de Genes, t. III. Paris, 1842, p. 7).

²¹⁹ «Battista li rispose: si pigliassi la supplica con il modello e si presen-tasse al Cardinale con ordine o fino, che s'il Cardinale non li havesse dato qualche espediente, poi che si dovesse pigliar l'arme per far come, quando si levo il Garibetto» (Sumarium super processu, p. 261); «Giovanni Francesco Rivarajo disse . . . che si pigliasse l'armi. . . far come si fece, quando si ab-bate il garibetto»; «Ex dicto Bartolomeo Cimini: si doveva presentare al Cardinale la detta supplica con detto modello, poi far sentire quella ostinazione

176

правлящих кругов. В то же время правительству, по-видимому, был известен состав комитета «шести депутатов», как об этом свидетельствует донос слуги Симоне Терри и кастеллана Йозефа, точно указавших кардиналу на вожakov восстания. Возможно, правительству были известны имена капитанов отрядов, которых оно могло бы задобрить какими-либо обещаниями или запугать. Может быть, поэтому одному из них, Вьелло, накануне выступления члены комитета «шести депутатов» угрожали выстрелом из аркебузы, если он откажется выступить с народом. Вероятно, не обошлось и без предательства, хотя этого нельзя документально доказать, как с несомненностью было доказано в отношении Микеле ди Ландо, предавшего восставших чомпи. Можно тем не менее предполагать, что с некоторыми кругами правительства был связан Джакомо Шиволи, входивший в делегацию народа к кардиналу. Еще до выступления он бывал в правительственном дворце и в одном из залов вел разговоры о будущем восстании. ²²⁰ Может быть, он там был как нотариус. ²²¹ Во всяком случае, он был первым, кто рассказал представителям правительства о «заговоре», хотя это произошло после посещения им кардинала Мороне в составе народной делегации. «Я пришел во дворец, понимая, что сделал ошибку, не явившись прежде, чем посетил его уважаемую светлость, чтобы раскрыть все эти дела, но я хотел это сделать вовремя». ²²² Не лишено основания, что Шиволи появился во дворце первым, так как был делегирован туда с копией петиции в числе тех двух лиц, которые были посланы к дожу. Тот же,

посовещавшись с коллегиями, решил отправить этих делегатов в тюрьму Дворца правосудия (Palazzo criminale), что и было сделано; вскоре за этим последовало решение об аресте всех участников аудиенции у легата.²²³ Этот факт сами участники восстания рассматривали как поворотный пункт всех событий: «... этот заговор, — говорил Антонио Рокка, один из шести депутатов, — не был осуществлен, потому что они были схвачены во дворце, а также потому, что начался ливень».

Заявление о желании «раскрыть все эти дела» уже во Дворце синьории было сделано Шиволи позднее, во время следствия, для облегчения своей участи.²²⁴ Он же дал самый подробный *ma-delle gabelle. . . poi loro fatto il tumulto, come si fece al Garibetto*» (ibid., p. 257); «se per amore non potremo haver il terzo, l'haveremo per forza» (ibid., p. 265).

²³⁰ «Ex dicto Jacobi Scivoli. Dixit: vi si trovo per che lo vidi in Palazzo nella sala, del quale mi dissi che fosse fuori mandare 300 uomini» (ibid., p. 253).

²²¹ В одном из протоколов допроса он назван «сэр», как титуловали нотариусов («Ex alio dicto ser Jacobi Suvoli», ibid., p. 254).

²²² Ibid., p. 255.

²²³ «. . . fu deliberate di trattener prigionie i due, che avevano portata la supplica et di commeter la cattura di tutti quelli, che avevano partecipato del Consiglio» (F. Gas o'n i. Annali. . . , p. 324).

²²⁴ «Et non missero ad effetto questo trattato, perche esso fu ritenuto in Palazzo e perche si misse a piovere» (Sumarium super processu, p. 255).

12 В. И. Рутенбург

177

териал о деятельности 16 активных участников «заговора», в то время как другие назвали 4—5 имен.²²⁵

Возможно, вторым посланцем был нотариус Антонио Рокка; будучи людьми грамотными, нотариусы нередко представляли народ, как это было и во время восстания чомпи.

Чем же объяснить нерешительность правительства в период подготовки восстания и резкий поворот в момент подачи петиции? Борьба правительственной партии Сан-Пьетро шла на два фронта: против народа внутри республики и против нобилей Сан-Лука, фактически превратившихся с помощью Испании во внешнего врага.

Испытанный метод «срезания маковых головок», обезглавливания восстания, был рискованным, но более простым, на него и решился дож после длительного совещания с коллегиями.²²⁶ Арест вожakov, т. е. делегации низов, прежде всего, а затем и всех членов делегаций, бывших у кардинала, как «зачинщиков», сразу же перерезал нити между руководством восстания и вооруженными массами, которые хотели знать, какой метод «гарибетто» будет принят: мирный или вооруженный.

Можно полагать, что в правительственном лагере действовали не только официальные лица, но и такие умелые и опытные политики, как Бартоломее Коронато, организатор победы новых нобилей в марте 1575 г. Его опорой ныне были цеховые мастера, требовавшие у кардинала «правления немногих»; к фактической организации этого правления Коронато приступил с весны 1575 г. Пополарские круги почитали его своим кумиром. В дальнейшем им действительно было создано правительство в правительстве, состоявшее из близких к нему лиц. Недовольных и послушников он умело удалял, объявляя их предателями и ссылаясь на интересы народа. Как Медичи во Флоренции XV в., Коронато управлял делами из своего дома, собирая в нем правительственные коллегии. Постепенно он сумел заменить собой и сенат, и другие магистраты.²²⁷ Вполне вероятно, что при его участии или по его совету и было ликвидировано руководство восстания» еще до следствия обвиненное в намерении перебить правящих лиц из Сан-Пьетро и передать город нобилям Сан-Лука. Показательно, что в захвате вожakov народа принимало участие какое-то количество генуэзских горожан.²²⁸ Этот раскол среди имущих горожан

²²⁶ Вьелло — об одном, Чимино — о четырех, Гаццо — о пяти (ibid., p. 253—268).

²²⁶ «. . . Doge, il quale diede parte di qual cosa a'Colleggi, e" tenutasi longa consulta» (F. C a s o n i. Annali. . . , p. 234).

²²⁷ «. . . capo di questo era Bartolomeo Coronato, il quale avendo gran credito presso la moltitudine. . . tirando poco a poco a se l'autorita del Senato e degli altri Magistrati. . . congregava nella sua privata abitazione il Magistrate» (P. C a s o n i. Annali. . . , p. 331); см. также: A. Olivier i. Garte e cronache, manuscritti per la storia genovese. Genova, 1956.

²²⁸ F. C a s o n i. Annali. . . , p. 324.

178

[illegible]

привел к изоляции городских низов, лишенных руководства, к их нейтрализации, а также к бегству под защиту дворца папского легата или за пределы города их союзников из «молодых» нобилей Сан Лука, объявленных мятежниками.²²⁹

Мороне знал о судьбе всех, кто его посетил, вплоть до последнего, пытавшегося найти защиту, но уже не у кардинала, а у простого священника. Знал Мороне и о том, что главными «зачинщиками» в глазах правящих кругов были 6 депутатов от низов: «... было посажено в тюрьму около 40 из всех

схваченных, а главным образом эти 6, которые пришли говорить со мной и подать мне петицию».²³³ Главный удар приходился по представителям низов, что было ясно не только папскому легату, но даже

²²⁹ «... vennero dichiarati ribelli. . . Giorgio Doria, Giacomo de'Negri, Giovanni Battista Spinola e Ambrogio Salvago, i quali essendo . . . ricorsi al Cardinal Legato» (ibid.); см. также: Переписка Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 216. 280 в итоге нобильская олигархия, поддержанная к тому же внешними силами, возобладала над пополярским правлением. Коронато был отстранен от власти и получил пожизненную пенсию в 3000 скуди в год, что было зафиксировано в документе, скрепленном подписью Филиппа II. Однако испанский двор нашел пути к сокращению этих затрат, а генуэзские нобили к радикальной нейтрализации Коронато: он был обвинен в измене, судим и обезглавлен (F. C a s o n i. Annali. . . , p. 334, 341, 342).

²³¹ Переписка Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 216.

²³² Там же.

²³³ "«Havendo poste prigionì circa quattordici tra tutti, et principalmente quelli sei, che vennero a parlarmi et a darmi il memoriale» (там же, 18/52, письмо 10.V.1575, p. 219).

180

находящемуся далеко от Генуи флорентийскому послу в Милане Алессандро Верри, который 11 мая 1575 г., через четыре дня после событий, доносил великому герцогу Тосканскому: «Ворота Генуи на запоре, чтобы знать, кто входит и выходит из города, заключено в тюрьму около двадцати человек, из которых шестеро ходили на прием к вице-легату . . . они хотели, чтобы были отменены все налоги на продукты питания, и хотели кричать „Да здравствует народ! . . .“. Уважаемый монсиньор Мороне должен в скором времени уехать . . . в надежде уладить дела».²³⁴ У флорентийского посла не было сомнений в том, что Мороне находился в центре событий. Действительно, кардинала посетил 41 делегат, схвачено было, по его сообщению, «около сорока». Списки посетивших были только у кардинала, который имел постоянный контакт с правительством: «В прошлое воскресенье, — записал Мороне, — которое приходилось на 8 число этого месяца [мая], новые из портика Сан Пьетро сообщили мне о мятеже, возникшем накануне, в субботу».²³⁵ Мороне как бы с сожалением писал в Рим о том, что были схвачены некоторые бедные пополары, но одновременно выражал готовность бороться с заговором.²³⁶ В то же время у Мороне не возникало никаких колебаний, когда речь шла о нобилях и даже их слугах: «. . . был внезапно схвачен еще . . . конюх монсиньора Одескалько, но был отпущен, когда я объяснил, что это один из моих слуг»; «Спинола и Гримальди находились в моем доме до вчерашнего вечера [7 мая], они спрятались здесь, испугавшись, хотя ни в чем не виноваты. . . и я не хотел их отпускать».²³⁷ Арестованные народные вожаки, и прежде всего члены «комитета депутатов» и участники делегации низов к легату, такие как Гаццо, командиры военных отрядов, вроде Вьелло, были брошены в тюрьму Дворца правосудия. Они были подвергнуты жесточайшим пыткам во время следствия, которое проводилось в присутствии сенатора Томмазо Карбоне. Выходец из пополаров, получивший в свое время протекцию со стороны старых нобилей, в частности Спинолы, и при их помощи будучи «при-

²³⁴ «Porte della città serrate, volendo sapere chi entra et esce, havendo anco fatto circa 20 persone, de quali n'erano andati sei dal Vicelegato . . . quali volevano, che si levassero tutte le gabelle della vittovaglie, et che volevano gridare viva, viva il Populo» (Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 3114, 11.V.1575, p. 207). — Верри здесь неточно именует папского легата Мороне вице-легатом.

²³⁵ «Domenica passata, che fu alle 8 di questo, li nuovi del portico di Santo Pietro mi diedero conto del tumulto seguito il sabbato innanzi» (Переписка Мороне, 18/52, письмо 10.V.1575, p. 219).

²³⁹ Там же, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 211; 18/52, письмо 10.V.1575, p. 219.

²³⁷ «... Spinola e Grimaldi si trovano qui hiera in casa mia, i quali vedendoli attenti se ben tutti . . . colpa . . . non voile lasciarli» (там же, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 216).

181

писан» к нобилям, он возненавидел своих покровителей за то, что всегда был в долгу перед ними. Этот психологический штрих дополнялся более существенным — социальным: Карбоне был яростным противником знатных нобилей и «искал способ установить пополярское государство, в котором крупнейшие нобили обеих партий были бы исключены из политической жизни. В этих планах с ним был заодно и Бартоломео Коронато, близкий к нему и по своим убеждениям, и поступкам».²³⁸ Слова Казони, автора XVI в., делают еще более убедительным предположение, что в деле подавления народного восстания 7 мая 1575 г. большую, хотя и закулисную, роль сыграли Коронато и его сторонники из «добрых» пополаров.

Антинобильская направленность следствия наложила на него отпечаток некоторой тенденциозности, хотя причастность к организации восстания части «молодых» нобилей портика Сан Лука, таких как капитан Джордже Дория, Джованни Баттиста Спинола, Оттавиано Каттанео и им подобных, не подлежит сомнению. Казони пишет, что следствие велось «не взирая на крики и вопли этих несчастных, чтобы заставить открыть секреты заговора»,²³⁹ это привело к явным вымыслам, подсказанным наводящими вопросами следователей типа Карбоне. Тенденциозной выдумкой является сообщение многоречивого Шиволи о том, что был план перебить нобилей Сан Пьетро за два дня до выступления силами отрядов Вьелло и Казераты.²⁴⁰ Это противоречит как логике, так и всему плану восстания, которое намечалось после предъявления петиции легату и изложения своих требований

властям. Судьба схваченных вожakov точно не известна, возможно, что они были замучены во время следствия. В одном из писем Мороне лишь глухо упоминается, что они не были присуждены к смертной казни.²⁴¹ Почему же не было попытки спасти своих вожakov, как это, хотя и безуспешно, пытались сделать безоружные сторонники Чучо Брандини во Флоренции 1345 г., и как это сделали сиенские чесальщики в 1371 г. и флорентийские чомпи в 1378 г.?

Такие попытки были. Народ, не получая сигнала от своих вожakov, брошенных в тюрьму Дворца правосудия, сделал попытку освободить их. На пятый день после их ареста, 11 мая 1575 г., кардинал Мороне доносил в Рим: «Народ все еще вооружен, и даже больше, чем когда бы то ни было, хотя, слава богу,

²³⁸ «... s'andava studiando d'introdurre uno stato popolare, nel quale fossero esclusi i principal! Nobili e i soggetti piu illustri dell'uno e dell'altro Portico. In questo disegno andava di sentiment! e di operazioni unito col Car-bone Bartolomeo Coronato» (F. C a s o n i. Annali. . , p. 324).

²³⁹ Ibid.

²⁴⁰ <> Sumarium super processu, p. 254.

²⁴¹ «... et non li accusava sotto pena della vita» (Перчгяиска Мороне, 128/51, письмо 8.V.1575, p. 216).

182

не совершает ничего зловредного, однако его единственным намерением является попытка захватить тюрьмы».²⁴² Очевидно, об этом знал не один лишь кардинал, и меры к предотвращению подобных поступков были приняты. Надо полагать, что арест вожakov пресек выступление. Умелые же и хитроумные мероприятия правящих кругов в сочетании с демагогическими уступками и обещаниями способствовали срыву восстания: вооруженная масса народа, разобщенная и лишенная организации, потеряла свои наступательные способности, а при умелой и энергичной организации они могли бы проявиться. Примером тому было грозное, хотя и совершенно иное по своим целям, выступление осенью 1575 г., организованное Бартоломео Коронато и его попо-ларскими сторонниками и направленное против позорных для республики и невыгодных для пополарства условий мира с Испанией, предлагавшихся нобилиями партии Сан Лука и поддержанных папским легатом кардиналом Мороне. Заслужив справедливую ненависть народа в дни майских событий, он стал теперь главным предметом их гнева. Множество народа, собравшись перед резиденцией легата, всячески поносило его и угрожало сжечь в собственном доме, если он поддержит неприемлемые условия мира.²⁴³

Последней слабой вспышкой протеста было смелое выступление некоего Сильвестро Фацио, врача по профессии, который в день коронации дожа Просперо Фаттинанти выступил с резкой обвинительной речью против властей, заключивших мир с Испанией, и призывал народ продолжать войну. Фацио не получил поддержки и вынужден был бежать из Генуи.²⁴⁴

ГЕНУЭЗСКОЕ ВОССТАНИЕ НА ФОНЕ ГОРОДСКИХ ДВИЖЕНИЙ В ИТАЛИИ

Весь ход событий 1575 г. показывает специфику организации, направленности, сильные и слабые стороны народных движений этой эпохи.

Особенностями городских движений XVI в., если принять за образец генуэзские события, являются прежде всего их массовость, широта размаха и относительная тщательность подготовки. Генуэзское восстание готовилось несколько месяцев, тактика

²⁴² «Il popolo e piu in arme, che mai, seben non si fa mal alcuno per dio grazia, et s'attende solo a cercar et pigliar prigioni» (Переписка Мороне, 18/52, письмо 10.V.1575, p. 222).

²⁴³ «Questi ragioni esagerate dal Coronato, e da suoi aderenti in pubblico, eccitarono un gran tumulto nella Plebe, la quale concorsa all'abitazione del Cardinal Legato, vi comise molte insolenze, minacciando di bruggiarlo in Casa, se avesse piu proposto simili condizioni» (F. C a s o n i. Annali. . . , p. 333).

²⁴⁴ Ibid., p. 335.

183

восстания («гарибетто») вырабатывалась на многочисленных встречах, заседаниях «шести депутатов» и народных собраниях в домах вожakov, в церквях, монастырях и под открытым небом. Здесь же обсуждались и вырабатывались требования народа и текст петиции, представлявшей собой достаточно четкую политическую декларацию. Тщательно обсуждалась и техническая сторона восстания: добыча средств для материальной поддержки участников движения, приобретения муки и другого продовольствия к периоду выступления. Особо стоял вопрос о приобретении оружия, и не только индивидуального, но и артиллерии. Ставился и разрабатывался вопрос о закупке оружия, а в случае невозможности — о захвате его в арсеналах и крепостях. На практике это было осуществлено еще накануне майских событий. Характерным представляется само образование руководящего ядра (комитета «шести депутатов»), которое проводило всю подготовительную работу, пыталось решить вопрос о реализации своей программы в правительственных кругах (у папского легата и дожа) и стало первой жертвой. Не менее показательна и подготовка боевых отрядов во главе с профессионалами-капитанами. В подготовительный период движения участие в нем принимали широкие городские массы, плебс, цеховые мастера, часть пополарской верхушки, а также трудящиеся генуэзской округи, жители побережья и отдельных населенных пунктов республики. Несмотря на попытку старых

нобилей выступить в качестве организаторов восстания, ограничить роль плебейских масс, использовать их в качестве инструмента в своих руках против правительства новых нобилей, руководству низов удалось выступить со своей программой и своими требованиями, хотя и не включенными в официальную «святейшую петицию», форма и содержание которой, как уже сказано, заставляют предполагать, что она исходила от старых нобилей.

Вообще городские движения в Италии XVI в. по многосторонней организационной подготовке и широте охвата отличаются от народных движений в городах Италии XIV—начала XV в., более примитивных и более стихийных. В то же время по своей устремленности и боевому духу восстания XIV в. превосходят народные движения XVI в., так как относятся к эпохе укрепления сил пополанства и его левого крыла — предпролетариата.²⁴⁵ Сравнение с XV в. должно быть проведено с учетом того, что это был период синьории. Своим острием она была направлена на предупреждение восстаний демагогическими способами, а в случаях их вспышек — на жестокое подавление, как например

²⁴⁶ Ср.: В. И. Рутенбург. Народные движения. . . , а также итальянское издание этой книги, несколько дополненное и уточненное: Victor Rutenburg. Popolo e movimenti popolari nell'Italia del '300 e '400. Bologna, 1971.

184

в Вольтерре в 1472 г.²⁴⁶ Синьория была в значительной степени порождением эпохи «классового мира», наступившего после разгрома народных движений XIV—начала XV в. Она являлась результатом перестройки государственной структуры пополан-ских коммун Италии и перехода их к высшему этапу, на котором упрочение власти господствующего класса происходило при вынужденном ограничении прав всего пополанства в пользу его верхушки, устанавливающей олигархические, а затем и синьориальные формы правления. В идеале синьория нацелена на ликвидацию острых классовых битв, однако положение трудящихся и города, и деревни не могло быть улучшено за счет подачек или искусственного расширения непроизводительных видов работ. XV в. — период дальнейшего ухудшения положения народных масс.²⁴⁷ И, хотя они с трудом искали пути к объединению и борьбе,²⁴⁸ эпоха синьорий также знала классовые битвы горожан и крестьян. Подтверждением тому — восстания в Равенне 1438 г., Калабрии 1459 г., Пьяченце 1462 г., Вольтерре 1472 г.²⁴⁹ Естественно, что в условиях синьориального периода городские народные движения носили крайне стихийный характер и не приводили к выработке самостоятельной программы, а их вожаки типа вольтерранского Джигантино или Никколо Буонамичи были не в состоянии преодолеть влияние средних слоев пополанства, несмотря на героическое поведение городских низов, продемонстрированное ими, например, на последнем этапе вольтерранской трагедии. Характерным для условий классовой борьбы XV в. является резкий раскол пополанства, верхушка которого идет в услужение синьориальным государствам. В то же время последние направляют свои силы не против чужеземных захватчиков, а против народных восстаний, как это было зафиксировано в условиях «итальянской лиги» 1455—1456 гг.²⁵⁰ XV в. не был и не мог быть периодом полного «классового мира», однако его специфика требует особого подхода к рассмотрению размаха и форм классовых битв, хотя при сравнении с народными движениями XVI в. можно обнаружить и некоторые общие черты. Первой характерной чертой восстаний XV в., как установили С. Д. Сказ-

²⁴⁸ E. Fiumi. L'impresa di Lorenzo de' Medici contro Volterra (1472). Firenze, 1948; А. Х. Горфункель. Восстание в Вольтерре против Лоренцо Медичи в 1472 г. — Уч. зап. Лен. гос. ун-та, № 127, сер. ист. наук, вып. 17, 1950.

²⁴⁷ М. А. Гуковский. К вопросу о положении народных масс в Италии XV века. В кн.: Итальянское Возрождение, Л., 1966.

²⁴⁸ Р. Пьерри. Il Rinascimento e la crisi militare italiana. [S.], 1952, p. 64—67.

²⁴⁹ И. С. Казан. Крестьянское восстание в Калабрии 1459 года. — В кн.: Итальянское Возрождение, Л., 1966; История Италии, т. I. М., 1970, с. 360—371 (о восстании во Фриуле в 1509—1511 гг. см. с. 371—373).

²⁵⁰ F. Cattaui. La crisi italiana alla fine del secolo XV. Belfagor, 1956, № 4, 5.

185

кин и В. В. Самаркин, нередко являлся их антиналоговый характер, что объясняется введением новых налогов, вызванных обострением внешнеполитических столкновений. Второй их чертой можно считать использование народных движений в интересах феодалов или городской верхушки. Третьей — исчезновение религиозной оболочки движения при усилении реальных требований.²⁶¹ Все это в своеобразной форме наблюдается и в восстаниях XVI в. (во Фриуле, Урбино, Генуе). Мы не касаемся волнений в Южной Италии, имеющих свою специфику. XVI в. был веком больших потрясений: Реформация и первые вспышки буржуазных революций в Европе, освоение Нового Света и экономические последствия «революции цен», образование политической системы Като-Камбрезийского мира, зафиксировавшего раздробленность Италии и подчинение многих ее государств иноземному владычеству или политическому влиянию Испании или Франции, наконец, более тесное включение Италии в целом в общеевропейскую систему сложных политических отношений. Многие итальянские государства перешли от синьории к региональному абсолютизму, а республики — от пополан-ских порядков к значительному

усилению участия феодально-аристократических прослоек в управлении государством. Пополанские массы, потерявшие еще в XV в. свои политические права, в XVI в. подошли к качественно новому периоду классовой борьбы в условиях феодально-католической реакции.

Пример фриульского восстания 1509—1511 гг. и генуэзских событий 1575 г. показывает, насколько народные движения неотделимы в XVI в. от общеевропейской обстановки и, таким образом, выходят не только за рамки городских стен, но и за пределы самой Италии. Восстание вспыхнуло в условиях вмешательства Испании и других стран в генуэзские дела. Судьбу этих движений решали представители папского двора и испанской монархии, кардинал Мороне и дон Хуан Австрийский, посланники французского короля и императора. Напряженное положение во Фриуле принесло столкновение Венеции с Империей, появление чужеземных войск в стране. В этом — сложность классовых битв кануна нового времени и в этом их сила: они оказывали влияние на общеевропейские события. Сила городских народных движений XVI в. выразилась в том, что именно народная масса в целом определяла политическую победу или поражение той или иной части правящего нобильского класса: новые нобили портика Сан Пьетро победили в марте 1575 г. именно потому, что опирались на силу вооруженного народа. Паническое бегство старых нобилей за пределы государства происходило в условиях усиления

261 История Италии, т. I, с. 362, 373. См. также ценное исследование: M. L u z z a t i. Una guerra di popolo. Lettere private del tempo dell'assedio di Pisa (1494—1509), Pisa, 1973, p. 3—5, 17—18, 153—155.

186

политической активности пополярства и части жителей Генуэзской республики. В то же время следует отметить влияние нобилей на организацию и ход народного движения. В этом была сила и слабость трудящихся города.

В конечном итоге классовая солидарность двух прослоек правящего нобильского класса взяла верх и, не без помощи внешних сил, восстановила свое безраздельное правление. Попытка установить монопольное правление новых нобилей, более близких по своей социальной природе к ранней буржуазии, в условиях общеитальянского процесса феодальной реакции не удалась. Не смогли удержать в своих руках монополию на политическое руководство и старые нобили, носители феодальных традиций, искавшие опору среди генуэзского пополярства, но менее успешно. Старые нобили — в прошлом аристократическая прослойка, в XVI в. проделавшая путь к овладению международным финансовым рынком, — сделались типичными выразителями условий переходного периода. Генуэзская республика, где производились шелк, сукно и многое другое, ввозила сахар, кошениль и другие ценные товары из Испании, шелк-сырец — из Неаполитанского королевства, зерно — из Сицилии, имела торговые и финансовые связи с Миланом, Антверпеном, Мадридом. Этим занимались и новые, и старые нобили. Как говорилось в инструкции новых нобилей, посланной в Мадрид, «все члены правительства республики связаны с торговлей в Испании, где их представляют сыновья или братья». Экономический характер деятельности новых и старых нобилей совпадал, что и привело к «безусловной конвергенции интересов между нобилитетом старым и новым», как писал В. Витале, к их политическому слиянию в господствующий класс (*classe superiore*) за счет ослабления «нижних категорий» (*categorie inferiori*) общества.²⁶²

В этом обстоятельстве заключалась одна из скрытых, но весьма существенных причин поражения восстания 1575 г. и в то же время одна из специфических черт расстановки социальных сил XVI в., определявшей условия классовой борьбы. Во фриульском восстании начала XVI в. также наблюдалось наличие двух партий среди дворянства, оказывавших влияние на ход и окраску движения.

В городских восстаниях ход классовой борьбы определяла сила пополярства, и одной из интереснейших сторон этой борьбы в XVI в. представляется осознание им своей роли, что свидетельствует о новом этапе, несколько отличном от XV в. Пополярство приходит к осознанию своей политической роли и пытается в новых, более сложных условиях включиться в борьбу за политические права. Единство пополярства XVI в. могло бы принести некоторый успех в этой борьбе. Однако опыт генуэзских событий

V. V i t a l e. Breviario... vol. I, p. 234,

187

показывает, что его-то как раз и не было. Пополярство распадалось по крайней мере на три части: богатая верхушка — «почтенные», цеховые ремесленники и низы. Каждая из этих социальных прослоек имела свою программу и свои методы борьбы за политические права: «почтенные» добивались «приписки» (*aggregazione*) к нобилям, цеховые ремесленники стремились образовать и образовали «правление немногих» во главе с Коронато; низы выдвигали требование о

предоставлении им политических прав наряду с другими гражданами (*cives*). Еще менее определенной была программа городских низов Удине, принимавших участие в захвате дворцов богачей вместе с восставшими фриульскими крестьянами в 1511 г. Этой политической неопределенности требований низов сопутствовала их решительность в вопросах вооружения: фриульские повстанцы овладевают арсеналом, генуэзские — используют даже артиллерию. Но эта их решительность была недостаточной заменой опыта политической борьбы. Размежевание пополярства и соответственное разделение сил, слабость низов — таковы специфические условия классовой борьбы в XVI в. и вместе с тем существенные причины его поражения.

Наряду с тщательной подготовкой и широким размахом движения, боевым настроением и решительными действиями в первый период восстания следует в качестве характерной черты движения отметить наивную веру в легкую победу над противником, ослабление которого было преувеличено. Это не только одна из причин поражения, но специфическая черта нового этапа классовой борьбы в городах, объясняемая тем, что в XVI в. почти все пришлось начинать заново: опыт выступления пред-пролетариата XIV в. был неизвестен или забыт, редкие в условиях синьории восстания XV в. имели свои локальные цели. Городские низы Генуи обратились к опыту прошлого поколения, путеводной звездой для них было генуэзское движение 1528 г., которое они идеализировали, применяя к своему 1575 г. Отсюда компромиссный способ борьбы — гарибетто, якобы несущий сам по себе новые справедливые порядки. Сочетание мирных действий с вооруженными, являющееся в благоприятной обстановке рациональным, в крайне же острой обстановке 1575 г. привело к срыву второго, долго подготовляемого этапа восстания народа. В этом одна из причин поражения и в то же время одна из характерных черт классовой борьбы в Италии накануне нового времени.

Экономическая, политическая и социальная история Италии неотделима от истории культуры страны, несмотря на всю сложность и специфику этой области человеческой деятельности.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КУЛЬТУРА

Искусство — это резюме жизни.

Hippolite Taine. Voyage en Italie.

Глава первая

ИТАЛЬЯНСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

ИТАЛИЯ ВО ГЛАВЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Рассмотрев наиболее характерные черты экономического и социально-политического развития Италии накануне нового времени, а также наиболее показательные проявления классовой борьбы, перейдем к вопросам культуры, имеющим первостепенную важность для страны Возрождения.

XVI век для Италии не был периодом сплошного регресса, особенно в области культуры. Европа многому училась у Италии, по-своему перерабатывая в отдельных национальных государствах ее наследие. И в эту переломную эпоху Италия продолжала оставаться для Европы источником живых, развивающихся, меняющихся культурных традиций и новых явлений. Такое место было предопределено Италии всем ходом ее истории.

Фридрих Энгельс, обращаясь к концу XV—началу XVI столетия, отметил характернейшую черту в истории Италии и всей Европы этого периода: «...вся Западная и Центральная Европа, включая сюда и Польшу, развивалась теперь во взаимной связи, хотя Италия, благодаря своей от древности унаследованной цивилизации, продолжала еще стоять во главе».¹ Если до XV в. европейские государства развивались в целом обособленно, хотя и не без взаимовлияния, в XVI в. они перешли на путь общеевропейской истории.

Качественный скачок происходит именно в XVI в., Чинк-веченто, который Энгельс называл эпохой, когда произошел «величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством».² Эту широко известную формулировку, ставшую хрестоматийной истиной, обычно применяют лишь к итальянскому Возрождению, что противоречит самой сущности данной Энгельсом характеристики этого периода как первого этапа общеевропейской истории. Не случайно Энгельс говорит о сложном переплетении событий в Италии, Франции,

Германии, Англии, Испании: о невиданном расцвете итальянского искусства и новой философии, подрыве духовной диктатуры церкви, переходе к протестантизму германских народов и укоренении подготовившего материализм свободомыслия у народов романских, возникновении новых национальных литератур во всех крупных западно-

¹ Ф. Энгельс. Ф. Энгельс. Соч.,

² Там же, с. 346.

Диалектика т. 20, с. 501.

191

природы. — К. Маркс

европейских странах, важных открытиях технической мысли, появлении шедевров исторических сочинений, смелых выступлениях против авторитета церкви. Носители этих идей и творцы этих произведений — титаны мысли и характера — боролись «кто словом и пером, кто мечом, а кто и тем и другим вместе». ³ Среди них Энгельс называет художников и мыслителей Италии и Германии — Леонардо да Винчи и Макьявелли, Альбрехта Дюрера и Лютера. Подобные представители этой плеяды XVI в. могут быть названы и для других европейских стран, но во главе Европы, в определенном смысле, продолжала оставаться Италия. Источником ее ведущего положения Энгельс называл древнюю цивилизацию, унаследованную ею. Речь идет не о простой преемственности культур, а о творческой переработке античного наследия в новых условиях эпохи Возрождения, качественно превзошедшей древнюю культуру. Качественный скачок был результатом сложного процесса, который, несмотря на многочисленные исследования, посвященные итальянскому Возрождению, далеко еще не изучен и вызывает бурные споры. За последние годы советскими исследователями написано немало работ, в которых рассмотрены многие стороны эпохи Возрождения. И вполне закономерно, что по ряду важных вопросов существуют разные точки зрения. Эти работы доказывают неотложную необходимость по-новому переосмыслить некоторые старые традиционные положения, глубоко изучить и всесторонне охарактеризовать отдельные проблемы Возрождения, а также обсудить спорные вопросы, связанные с истоками, содержанием и историческим значением этого сложного и интересного явления. ⁴

Во многих работах рассматриваются хронологические рамки Возрождения, его истоки, роль античных традиций, место и соотношение экономики, политики и культуры, характер («ремесленный» или раннебуржуазный), соотношение элементов средневековья и нового времени, место религии и направленность гуманизма и т. п.

Не повторяя всего комплекса этих вопросов, мы хотим обратиться к не менее важным и сложным проблемам, по которым в нашей литературе еще почти ничего не написано.

³ Там же, с. 347.

⁴ См.: Л. М. Брагина. О некоторых тенденциях в новейшей зарубежной историографии итальянского Возрождения. — В сб.: Средние века, вып. XXII. М., 1962; М. А. Гук (и и. Рождение и гибель итальянского Возрождения. — Тр. Гос. Эрмитажа т. VIII. Зан.-европ. искусство, вып. 3, М.—Л., 1965; Л. М. Баткин. 1) Хэчерки из истории итальянского Возрождения. — Наука и религия, 1969, №4, 5, 9; 1970, № 2, 5; 2) Тип культуры как историческая целостность. — Вопросы философии, 1969, № 9; В. И. Рутенбург. Итальянское Возрождение и «Возрождение мировое». — Вопросы истории, 1969, № 11.

192

НАЧАЛО И КЮНЁЦ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Непрерывно появляющиеся новые исследования по истории Возрождения расширяют круг литературы по этой теме до безграничности. Естественна при таком условии многочисленность несовпадающих характеристик, определений хронологических его рамок в целом и по отдельным периодам. Разнообразие суждений происходит также от специфики исследовательских интересов авторов, нередко изучающих одну из сторон этого сложного и противоречивого процесса. Так, внесшие крупный вклад в науку о Возрождении искусствоведы нередко начинают его лишь с XV в., а иногда ограничивают всю историю временем так называемого Высокого Возрождения, т. е. первыми десятилетиями XVI столетия. Тем самым искусственно отсекаются первые этапы и истоки от завершающего периода. Зримым и колоритным материалом для доказательств служат произведения искусства XVI в., представляющие собой крайне характерное и выразительное проявление Возрождения. Можно согласиться с афоризмом Ипполита Тэна, увлеченного наблюдателя и тонкого ценителя итальянского искусства: «Искусство — это резюме жизни», отражение ее сущности. ⁶ Однако не менее значительным, хотя и имеющим другие стороны выразительности, а значит и иную степень доступности, отражением сущности жизни является и художественная литература. Искусство всех этапов Возрождения тесно связано с литературой, что убедительно показано в работе Луизы Бекеруччи. ⁶

Искусство и литература не охватывают всех сторон культурной жизни народов. К тому же они находятся в тесной связи и под воздействием философских, эстетических и научных учений своего времени. Последние же, несмотря на всю их специфику, вырастают на почве социально-политических и в конечном счете экономических условий страны.⁷

Следовательно, такое сложное явление, как Возрождение, можно рассматривать лишь при учете всего комплекса процессов, происходивших в Италии этого периода. Это было понято еще исследователями XIX в., среди которых прежде всего следует назвать А. Н. Веселовского — основоположника русской школы исследователей Возрождения.⁸ Он выступил против характеристики, которую дали этой эпохе Буркхардт, Вольф, Кардуччи и другие западноевропейские ученые XIX в., рассматривавшие ее

⁸ H. Taine. Voyage en Italie, t. I. Paris, 1965, p. 126.

⁶ L. Becherucci. La vita privata nell'arte. — In: Vita privata a Firenze nei secoli XIV e XV. Firenze, 1966, p. 141—167.

⁷ Ф. Энгельс. Письмо Йозефу Блоху, 21[—22] сентября 1890 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 394—395.

⁸ См.: В. И. Рутенбург. История средневековой Италии в трудах русских ученых XIX—начала XX в. — В сб.: Средние века, вып. 25, 1964, с. 264-271.

13 В. И. Рутенбург

как неизменный «единый организм от Данте до XVI века: такое огульное определение, — считал А. Н. Веселовский, — по необходимости ступшевыивает все частные процессы исторической жизни».⁹ Культуру Возрождения он рассматривал в неразрывной связи с социальными отношениями и соответственно их эволюции различал три периода его истории: от Данте до восстания чомпи, от подавления этого восстания до установления власти Медичи и, наконец, период медичейского владычества. Таким образом, уже у А. Н. Веселовского Возрождение выступает как сложное и многообразное явление — «от самого блестящего, городского периода итальянской истории» до периода «существенных потерь»,¹⁰ охватывающее XIV—XVI вв. В советской исторической науке впервые обоснованная характеристика итальянского Возрождения была еще в 30-х годах дана М. А. Гуковским, который оценивал его как сложное прогрессивное явление переходной эпохи, как «переворот в сфере социальной, экономической, политической и культурной, то есть как переворот универсальный».¹¹ В своем капитальном исследовании М. А. Гуковский разделяет эпоху Возрождения на три периода: 1) антифеодальной коммунальной борьбы, расцвета коммун и революционных потрясений (1250—1380 гг.); 2) экономического застоя, образования синьорий и расцвета культуры (1380—1450 гг.); 3) экономического, социального и политического упадка и триумфального расцвета культуры (1450—1530 гг.).¹²

Всесторонним подходом к эпохе Возрождения отличается также исследование итальянского ученого Армандо Сапори, который находит его истоки в XII в., а завершение — в XVI в. Он делит эпоху Возрождения на два больших периода: становления «экономического Возрождения» (XII—XIV вв.) и дальнейшего развития (XV—XVI вв.).¹³

Периодизации эпохи Возрождения был посвящен специальный доклад на X Международном конгрессе историков, представленный Д. Кантимори и Э. Фрезером-Якобом. Кантимори беспрдельно расширяет рамки эпохи Возрождения и гуманизма (eta umanistica): она длится у него от Петрарки до Гёте, от коммун и

⁸ А. Н. Веселовский. Вилла Альберти. Новые материалы для характеристики литературного и общественного перелома в итальянской жизни XIV—XV столетий. — Собр. соч., т. III, СПб., 1908, с. 120—121.

¹⁰ Там же, с. 124, 218—219, 573.

¹¹ М. А. Гуковский. 1) Итальянское Возрождение, т. I. Л., 1947, с. 4—5; 2) К вопросу о сущности так называемого «Итальянского Возрождения». — Сб. Академии наук в память К. Маркса, Л., 1933.

¹² М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, т. I, с. 5; т. II, Л., 1961 (см. т. II, с. 6, 223). III том был автором завершен (1450—1494 гг.), IV том должен был охватить 1494—1530 гг.

¹³ A. S a p o r i. 1) Il Rinascimento economico. Milano, 1955; 2) La Renaissance: son esprit et ses limites chronologiques. — Recueil des travaux de la Faculte de Philosophie, t. VI, Beograd, 1962.

раннего капитализма до промышленной революции, от Карла IV до Великой Французской революции XVIII в.¹⁴ Такая расширенная трактовка превращает Возрождение и гуманизм в явления внеисторического порядка. Пользуясь материалами различных работ, можно привести сводку определений хронологического охвата эпохи Возрождения, предложенных исследователями разных стран, историками, искусствоведами и философами, в 40—60-е годы XX

в.: большинство из них считает, что эта эпоха охватывает XIV—XVI столетия.¹⁵ Обзор исследований приводит в своей своеобразной историко-библиографической хрестоматии Франко Каталано, характеризующий отношение к периодизации Возрождения самых различных авторов, от Бенедетто Кроче до Армандо Сапори. Его собственная точка зрения сводится к тому, что Данте, стоящий на грани XIII—XIV вв., подводит итог средневековью и открывает эпоху, освещенную зарей новой культуры — культуры гуманизма. Эта мысль Каталано, безусловно, почерпнута им из известного определения Ф. Энгельса, назвавшего Данте последним поэтом средневековья и первым поэтом нового времени. XIV век — век Боккаччо — рассматривается Каталано как период, отмеченный новыми гуманистическими чертами, за которыми следует переход к Возрождению XV в. и затем к первой половине XVI в., к вершине его, увенчанной созвездием таких имен, как Макьявелли, Леонардо, Микеланджело, Ариосто.¹⁶

Здесь были названы некоторые крупные и показательные работы, в которых эпоха Возрождения представлена как большой и сложный этап многогранной истории Италии и предлагаются варианты периодизации этой эпохи.

Можно говорить об едином и цельном явлении — Возрождении, об общеталейанском процессе экономической, политической и культурной эволюции страны с XIV по XVI столетие. Однако этот сложный и противоречивый процесс не мог быть абсолютно неизменным на протяжении трех столетий. Существенные качественные отличия дают возможность наметить три основных периода: раннее Возрождение (XIV в.), зрелое Возрождение (с конца XIV до конца XV в.), позднее Возрождение (с конца XV до середины XVI в.).

¹⁴ D. Cantimori e E. Fraser-Jacob. La periodizzazione dell' eta del Rinascimento nella storia d'Italia e in quella d'Europa. Relazioni, vol. IV, Storia Moderna, part. I. X Congresso internazionale di scienze storiche. Firenze, 1955, p. 307—363.

¹⁶ К. М. Свобода (1943 г.) - до 1515 г.; А. Хайме (1951 г.) - 1350-1520; Р. С. Лопез (1953 г.) - 1330-1530; Э. Р. Лабанд (1954 г.) - XIII-XIV вв.; Х. С. Лукас (1960 г.) - XIII-XVI вв.; Д. Хэй (1961 г.) - 1330-1530 гг.; Дж. Саитта (1961 г.) — 1400 г.—XVII в. (до Кампанеллы и Галилея); Р. Романо (1962 г.) — 1450—1550 гг. и т. д.

¹⁸ F. C a t a l a n o. Medioevo e Rinascimento. Stato e società nei secoli, vol. I, L'eta medioevale, Messina—Firenze, 1967, p. 614—615.

195

13*

Такое деление крайне условно, хотя общая характеристика каждого этапа оправдана. Сочетание экономической, политической и культурной истории внутри любого периода весьма противоречиво. Специфика развития процессов Возрождения проявляется не только во времени, но и по отношению к разным районам и даже городам Италии.

Какие критерии определяют начало и конец Возрождения? Почему XIV столетие можно считать первым веком Возрождения, а конец XIII столетия — его прелюдией?

Вторая половина XIII в., Дученто, — канун Возрождения. На границе XIII и XIV вв. происходит качественный скачок, что в области литературы проявилось ярче всего в поэзии Данте, в изобразительном искусстве — в живописи Джотто, в своем творчестве близких, но далеко не равнозначных. В социально-экономической жизни Италии — это век ликвидации крепостничества и появления антифеодальных городских конституций, период накопления торгово-купеческих капиталов.

XIV столетие, Треченто, — эпоха Петрарки, Боккаччо, Саккетти, новой жизнеутверждающей литературы, центральной фигурой которой становится человек во всех его проявлениях, с его сложной внутренней жизнью. В области политической жизни XIV век — эпоха популяционной демократии, республиканских городов-государств. В плане социально-экономическом — век появления мануфактур, раннекапиталистической эксплуатации и вызванных ею острых классовых схваток пролетариата с ранней буржуазией.¹⁷

XV столетие, Кватроченто, — время расцвета искусства Возрождения. В политической эволюции Италии уже с конца XIV в. открывается новый период: подавление революционных выступлений народных масс, установление олигархии и, наконец, тирании — главные его стороны. Далеко не сразу появляются симптомы упадка экономики и аграризации страны.¹⁸

XVI век, Чинквеченто, приносит неожиданный расцвет искусства, на это столетие приходится его высший и последний этап, тогда как в области экономической, а особенно политической, жизни Италия переживает время потрясений. Многие видят в этом необъяснимый контраст между политическим падением и расцветом искусства, хотя, скорее, эти явления во многом взаимосвязаны: борьба за спасение Италии вызывает волну героического сопротивления, отразившегося и в искусстве.

¹⁷ В. И. Р у т е н б у р г. 1) Очерк из истории раннего капитализма. М.—Л., 1951; 2) Народные движения в

²⁴ C. H. Haskins. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge (итальянское издание 1972 г.); Mayer. Die Liturgie und der Geist der Gotik. Jahrbuch für Liturgiewissenschaft, 1926 (VI), S. 69; W. von der Steinen. Die Renaissance des 12. Jahrhunderts. — Bulletin of the International Committee of Historical Sciences, vol. VII, № 40.

1933, p. 606—609; G. Bertoni. Il Rinascimento del secolo XII. —Ibid., p. 605—606; G. Weise. Die geistige Welt der Gotik und ihre Bedeutung für Italien. Halle, 1939; P. Renucci. L'Avanturo de l'humanisme européen au Moyen Âge. Paris, 1953; см. также: Interpretazioni del Rinascimento. Saggi di H. Brown, D. Cantimori, F. Chabod, W. K. Ferguson, D. Hay, R. Fraser-Jacob, P. O. Kristeller, V. Lazarev, G. Mattingly, E. Rosenthal a cura di A. Prandi. Bologna, 1971.

²⁸ G. Walsh. Medieval Humanism. N. Y., 1942; Ch. H. M c - I l - w a i n. Medieval Institutions in the Modern World. Speculum, 1941, № 16, p. 277—279.

²⁶ R. Romano. L'Italia nella crisi del XIV secolo. Nuova Rivista Storica, fasc. V—VI, 1966, p. 582; см. также: H. Haydn. The Counter-Renaissance, 14. Y., 1950 (итальянское издание, 1967 г.), 198

Это явление в историографии Возрождения Фергюсон назвал образно «бунтом медиевистов» начала XX в., поясняя причины этих атак на Возрождение более справедливой оценкой средневековья, исходящей из новых данных источников. Это дало им право ревизовать несколько одностороннюю, недостаточно историчную теорию Возрождения, выдвинутую Буркхардтом.²⁷ Попытки искать черты Возрождения в глубинах веков не новы: в 20-х годах Патцель и Науман открывали их для эпохи Каролингов и Оттонов, а один из итальянских писателей—Гверзони — за полвека до них начисто отрицал Возрождение в Италии, считая средневековье более высоким этапом развития культуры.²⁸ Некоторые сторонники теории растворения Возрождения в феодальной среде соглашались с наличием ранессанских черт в культуре Италии XIV в., но настаивают на существовании «двух ренессансов» (XII и XIV вв.), как это делает, например, названный уже Хаскинс.²⁹ Автор многочисленных трудов по истории философии средних веков Жильсон не принимает творческую разработку философских идей гуманистов и проводит прямую линию от Фомы Аквинского к Декарту.³⁰ Крайней точкой зрения является провозглашение Нисбетом всей эпохи Возрождения мифом, надуманным исследователями.³¹ Все эти теоретические построения направлены к тому, чтобы «медиевизировать» Возрождение, слить его со средневековьем. Их неправомерность вытекает из их антиисторичности: рассматривать в качестве необычных и несоответствующих средним векам некоторые прогрессивные тенденции в области культуры можно лишь при схематическом подходе к эпохе феодализма как к периоду сплошного невежества и мракобесия. Средневековье, занимающее более десяти веков, не могло быть и не было неподвижным и неизменным. Интерес к античности и другие новые явления, справедливо наблюдаемые в XII в., бесспорны; кроме того, некоторые из них послужили истоком будущего Возрождения. Убедительный ответ о роли античных элементов в средние века дан в работах Ульмана, Кристеллера, Гарена. В «Исследованиях итальянского Возрождения» Ульман, несколько не умаляя культуру средневековья, не смешивает ее с культурой Возрождения. Кристеллер приходит к выводу, что наследие античности не прошло мимо

²⁷ W. K. Ferguson. The Renaissance in historical Thought. Five centuries of interpretation. Cambridge, Mass., 1948, p. 329.

²⁸ E. Patzel. Die karolingische Renaissance. Wien, 1924; H. Naumann. Karolingische und ottonische Renaissance. Frankfurt, 1926; G. Guertzoni. Il primo Rinascimento. Verona e Padova, 1878.

²⁹ C. H. Haskins. The Renaissance. . . , p. 5.

³⁰ E. Gilson. 1) R. Descartes. Paris, 1930; 2) Humanisme médiéval et Renaissance. Paris, 1932.

³¹ R. Nisbet. The Myth of the Renaissance. Comparative studies in Society and History. The international Quarterly, vol. 15, № 14, 1973, p. 473—492.

199

средневековья, но далеко не в полной мере дошло до него в отличие от Возрождения. Не менее реалистично определяют суть Возрождения Гарен и Хэй.³² Эпоха Возрождения в значительно большей степени, чем средневековье, восприняла античность, а главное—восприняла творчески, программно, в соответствии с новыми условиями и во многом, что было естественным, качественно превзошла античность. Поэтому нельзя ставить знак равенства между XII и XIV вв., между средневековой городской культурой и культурой Возрождения. Расцвет городов и городской культуры К. Маркс справедливо рассматривал как одну из самых блестящих страниц средневековья;³³ его кульминационный пункт (Glanzpunkt) — качественный скачок во время появления в Италии раннекапиталистических отношений.³⁴ Вопросы хронологии Возрождения неотделимы от его сущности. Перейдем к рассмотрению одного из важнейших вопросов, характеризующих содержание и направленность всего явления.

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РЕЛИГИЯ

Одним из видов «медиевизации» Возрождения является стирание граней между средневековым и возрожденческим отношением к религии. Несмотря на общеизвестные еще в эпоху средневековья элементы свободомыслия и антиклерикальных воззрений, в некоторых трудах все Возрождение объявляется насквозь религиозным, а человек этой эпохи — толкователем деяний бога, стремящимся к уподоблению ему с помощью художественного творчества и науки, — так это делают во многих своих работах Джо-ванни Папини или Джузеппе Тофанин. У последнего,

например, гуманизм, христианство и контрреформация представляются единой линией, да и сам гуманизм начинается у него с Августина Блаженного.³⁵

Возрождение не обходит религиозные проблемы,³⁸ мыслителя

³² B. L. U l l m a n. Studies in the Italian Renaissance. Roma, 1955; P. O. Kristeller. The Pace of classical humanism in Renaissance Thought. — Journal of the History of Ideas, 1943, vol. IV, № 1, p. 61; E. G a r i n. Scienza e vita civile nel Rinascimento italiano. Bari, 1965; D. Hay. The Italian Renaissance Historical Background. Cambridge, 1962; рец. на кн.: F. Smahel. Historica, vol. XII, Praha, 1966.

³³ К. Маркс. Капитал, т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 728.

³⁴ Там же.

³⁵ В. Н. Лазарев. Проблема Ренессанса и ее фальсификация в буржуазной науке эпохи империализма. — Известия АН АрмССР, сер. общественных наук, № 4, 1951, с. 47—65.

³⁶ См.: С. A n g e l e r i. Il problema religioso del Rinascimento. Firenze, 1952; В. Рутенбург. Лоренцо Балла и его время. — В кн.: А. И. Хоментовская. Лоренцо Балла — великий итальянский гуманист. М.—Л., 1964, с. 9—15.

200

и художники этой эпохи подвергли их новому осмыслению, вплоть до атеистического. Сплошная «христианизация» Возрождения лишает его качественных отличий от средневековья. Это не противоречит отмеченной Л. М. Баткиным крайней сложности культуры Возрождения, которая «хотела все примирить: плоть и дух, пантеизм и антропоцентризм. . . язычество и христианство».³⁷ Во многих трудах западных ученых дается интересная и в этом плане реалистическая оценка Возрождения. В первую очередь среди них назовем Гарена, Саитта, Хойзинга, Барона, Кристеллера, Са-пори, Панофски.³⁸

О сложности и противоречивости такого явления, как религиозность в эпоху Возрождения, следует сообщить мнение Ар-мандо Сапори: исходя из мировоззрения крупных мыслителей, можно установить, что это было общество, где религиозное чувство не было существенным, а светским духом было насыщено все, хотя нельзя сказать об исчезновении религиозности в массах.³⁹ В подтверждение того, что светское начало было присуще не только трудам философов, достаточно привести один весьма колоритный пример. Итальянский купец XIV в. Марко Датини из Прато писал: «. . человек — опасная штука, когда с ним имеешь дело, но все же я больше уповаю на людей этого мира, чем на бога, и этот мир хорошо платит мне за это».⁴⁰ Таковы взгляды «среднего итальянца» эпохи Возрождения, не лишённого внешней религиозности. Типична философия ведущих мыслителей этой эпохи, первых гуманистов, и прежде всего Франческо Петрарки.

В целом справедливо характеризует творчество Петрарки итальянский историк философии Джузеппе Саитта, подчеркивая в нем переплетение языческих мотивов с христианскими. Сквозь призму христианства поэт принимает и античную, и созвучную ей новую рождающуюся итальянскую культуру Треченто. Жизнь, природа, история рассматриваются им под знаком христианства как источника полной перделки человека (reformatrice di tutto l'uomo), создания человека новой эпохи. Так, волюнтаризм Петрарки подготавливает гуманистические мотивы в философии,

³⁷ Л. М. Б а т к и н. Очерки из истории итальянского Возрождения. — Наука и религия, 1969, № 5, с. 59.

³⁸ E. G a r i n. Storia della filosofia; G. S a i l l a. Il pensiero italiano nell'umanesimo e nel Rinascimento, vol. I—III. 1949—1951; J. Huizinga. Geschichte und Kultur. Gesammelte Aufsätze. Stuttgart, 1954; H. B a r o n. The Crisis of the Early Italian Renaissance, vol. 1—2. Princeton, 1955; P. O. K r i s t o l l e r. Studies in Renaissance thought and letters. Roma, 1956; A. S a p o r i. La Renaissance. . .; E. Panofsky. Renaissance and Renaissances in Western Art, vol. 1—2. Stockholm, 1960.

³⁹ A. S a p o r i. La Renaissance. . . , p. 12.

⁴⁰ «L'uomo è una pericolosa cosa ad avere a fare con lui. . . io o avuto maggiore isperanza nelle genti dello mondo, che in Dio; e lo mondo bene me ne paga» (см.: В. И. Р у ч е н б у р г. Три книги о Датини. — В сб.: Средние века, вып. 27, 1965, с. 240).

201

религии, искусстве.⁴¹ Формальное облачение его философии — средневеково-христианское, фактическое содержание — новое: гуманистическое, языческое. Первый итальянский гуманист "Петрарка внимательно и любовно прислушивается к глубинным нотам человеческих переживаний, они звучат с самых первых слов его сонетов:

Вы, кто слушает рассеянные в стихах звуки

вздохов, которыми я питал сердце,

потревоженное первыми ошибками юности,

когда я был несколько иным человеком, чем сейчас, мои столь неодинаковые мысли и рыдания, рожденные тщетными надеждами и неясными печальми, в которые погружается каждый, познающий на опыте любовь, помните, что он надеется найти сострадание, а не лишиться

его.⁴²

В этом призыве звучит голос человека Возрождения, обращенный к современникам и их потомкам. Стержнем творчества Петрарки является человек со всем многообразием его внутренней жизни, его чувств и мышления. Само христианство начинает служить человеку, его усовершенствованию. Еще в большей степени гуманистические, языческие, земные мотивы, как и антиклерикальные, звучат в XIV в. в творчестве Джованни Боккаччо, и совсем реальная флорентийская обстановка вырастает из новелл Франко Саккетти, несмотря на многие элементы средневековых традиций.⁴³

Наиболее характерной фигурой XV в. в этом плане представляется Лоренцо Балла — блестящий латинист, разоблачитель известной папской фальшивки — «Константинова дара». Страстное отношение к разуму и любовь к исследованиям — вот главная черта его мышления и деятельности, по характеристике Саитта. Главный принцип Баллы — жизнь человека согласуется лишь с его собственной природой, его религия — религия разума, что Саитта расценивает как самую радикальную реформу.⁴⁴ Однако много ли места остается религии в его философии рационализма, сохраняет ли церковь свою роль, если средневековая религиозная мораль заменяется в ней принципом взаимополь-

⁴¹ G. S a i l l a. Il pensiero italiano. . . Vol. I. L'umanesimo. Bologna, 1949, p. 82—86.

⁴² F. П е т р а г г а. Le Rime. Firenze, 1905, p. 1. — Здесь намеренно дан почти дословный прозаический перевод, по содержанию более точный, чем известные поэтические переводы.

⁴³ А. Н. В е с е л о в с к и й. Боккаччо, его среда и сверстники. — Собр. соч., т. V, Прп', 1915; V. Branca. Boccaccio medievale. Firenze, 1964; V. Pratolini. Franco Sacchetti e la novellistica fiorentina del Trecento. Secoli vari. Firenze, 1958; В. Ф. Ш и ш м а р е в. Франко Саккетти. — В кн.: Ф. Саккетти. Новеллы. М.—Л., 1962.

⁴⁴ G. S a i l l a. Il pensiero italiano. . . , vol. I, p. 231—232-

202

интерес. В этическом учении Баллы нет места нравственным принципам официального христианства и католической церкви, которой надлежало проводить их в жизнь. Он отбрасывает феодально-христианский принцип общения с богом в качестве конечной цели человека. Несмотря на попытки примирить свое этическое учение с христианским, он фактически выводит бога за круг человеческой морали, сохраняя за ним функцию создателя благ, поэтому и любить бога следует не самого по себе, а как источник благодати. Учитывая, что само благо понимается Валлой как проявление природы и человека, бог фактически уступает человеку.*⁵

Возрождение как проявление раннебуржуазной философии и всего комплекса человеческой культуры, вырастающей в окружении феодализма, не могло быть не противоречивым. Период расцвета в Италии городов и городской культуры, особенно XIII в., — период еще предренессансный — уже был полон потрясений: достаточно вспомнить болонский «Райский акт» (Paradisus) об освобождении крестьян и флорентийские «Установления справедливости», лишившие феодалов политических прав. Сдвиги в экономике и политике отражались на мировоззрении эпохи. В сочинениях такого защитника католицизма, как Фома Аквинский, допускаются при определенных обстоятельствах богатство, прибыль, процент. Анализ его сочинений показывает, как даже представитель феодального мировоззрения не мог пройти мимо новых условий развития современного ему итальянского города и, более того, не пойти на компромисс, отражающий необходимость в какой-то мере согласовать теорию с практикой реальной итальянской обстановки небывалого роста товарного производства и первых шагов наемного труда.⁴⁸

Три века — три этапа. В XIII в. — господство феодальной идеологии, олицетворяемой Фомой Аквинским, но уже не без первых трещин компромисса на общем ортодоксальном фоне; в XIV в. — признание христианства Петраркой, но уже по своему качеству иного, очеловеченного, гуманистического; в XV в. — компромисс между религией и человеком у Лоренцо Баллы решен в пользу человека. Средневековые уступают раннебуржуазному мировоззрению Возрождения. Балла стоит у истоков буржуазных теорий полезности Локка и Гельвеция. В литературе, связанной с неотомизмом, обычно переоценивается роль томизма в XIV—XV вв. В действительности же, он не имел преобладающего, господствующего значения в философии Возрождения, в то же время большое влияние имел аверроизм. Томизм не имел преобладания даже в теологии, хотя и занимал видное место в литературе эпохи. Положение меняется в пользу томизма лишь

⁴⁶ В. Р у т е н б у р г. Лоренцо Балла . . . , с. 3—20. ⁴⁶ J. K u d r n a. Stat a spolecnost na usvite italske renesance, Praha, 1964, str. 90—114.

203

к концу XVI в.⁴¹ Со второй половины XVI в. он нередко выступал в форме ортодоксального, томистического аристотелизма иезуитов, превратившего научные положения Аристотеля в католическо-ортодоксальные. Если таковы были результаты контрреформации, то реформационные сдвиги в этой области не избавили протестантские школы от мертвящего и педантичного влияния средневекового аристотелизма.⁴⁸ Нельзя считать неоплатонизм чисто реакционным течением, но не следует также допускать его переоценку, встречающуюся в литературе и учитывать наряду с ним как прогрессивное течение аверроистский неоаристотелизм

с присущими ему элементами материализма и свободомыслия.⁴⁹

Итак, религия в эпоху Возрождения — объект размышлений, сомнений, критики. Будучи наследием средневековья, она вовсе не заканчивается вместе с ним, хотя и претерпевает значительное ослабление под давлением языческих, земных интересов человека Возрождения, стремящегося постичь сущность окружающего его мира. К этому его толкает новая социально-экономическая обстановка Италии.

ИСТОКИ ВОЗРОЖДЕНИЯ: «РЕМЕСЛЕННАЯ СРЕДА» ИЛИ «РАННИЙ КАПИТАЛИЗМ»?

Возрождение связано со средневековьем, вырастает, как правило, из его прогрессивных проявлений, в борьбе с консервативными и реакционными сторонами, поэтому средневековье и не может быть основным его источником. Несмотря на достаточную очевидность этого положения, среди некоторой части историков и искусствоведов существует иная точка зрения. Истоками Возрождения признается «ремесленная среда», т. е. именно средневековая социальная прослойка. Так, в интересной и ценной в отношении материалов своего специального сюжета (о художественном наследии Леонардо да Винчи) работе В. С. Кеменов говорится, что «экономическую основу эпохи Возрождения составляли освобождение крестьян от крепостной зависимости и расцвет мелкого производства, в котором ремесленник владеет средствами своего труда».⁵⁰

¹⁷ P. O. Kristeller. Le tomisme et la pensee italienne de la Renaissance. Montreal—Paris, 1967, p. 123—124.

⁴⁸ G. Spini. Storia dell'eta moderna dall'impero di Carlo V all'illuminismo. Roma, 1960, p. 580.

⁴⁹ J. Macek. 1) La Renaissance italienne (quelques observations generales). — Historica, vol. IX, Praha, 1964, p. 43; 2) Italska Renesance. Praha, 1965; о неоплатонизме см. также: E. Garin. Ritratto di Marsilio Ficino. Belfagor, vol. VI, 1951; N. A. Robb. Neoplatonism of the Italian Renaissance. London, 1935.

⁶⁰ В. С. Кеменов. Художественное наследие Леонардо да Винчи. — Вопросы философии, 1952, № 3, с. 80. 204

В условиях Италии освобождение крестьян городами, как это произошло, например, в Болонье XIII в. с названным уже «Райским актом», было, бесспорно, прогрессивным явлением и одной из предпосылок созревания условий для мануфактурного производства. Однако известно, что за освобождением крестьян в Италии XIII в. или во Франции XV в. непосредственно Возрождения не последовало; «расцвет мелкого производства» в разной степени был свойствен всем странам Европы на протяжении XI—XV вв., а в некоторых случаях и в последующие столетия. Он тоже не вызвал явлений ренессансного типа. Это вполне естественно, так как «расцвет мелкого производства» равнозначен расцвету цехового ремесла, представляющего типично феодальную организацию, которая сама по себе нигде не породила культуры Возрождения. Появление «новых людей», отличных от феодальных землевладельцев, усиление роли купечества известно уже Европе в XII—XIII вв., но это говорит лишь об эволюции феодальных отношений, а не о появлении капиталистических, как это считал А. Пиренн. Ближе к истине подошел в своих работах Добб, находивший истоки капитализма в централизованных государствах XIV—XV вв., связывавший их с дальнейшим развитием буржуазных отношений в последующие столетия.⁵¹

В Италии эпоха Возрождения была периодом раннего капитализма, т. е. временем перерождения цеховой системы и становления мануфактуры. В. С. Кеменов справедливо пишет, что это еще «нельзя считать капиталистическим строем», что «экономическая основа Возрождения имела переходный характер между феодализмом и капитализмом».⁵² Это все верно, но никак не связано со средневековым цеховым производством. Переходный характер носили именно раннекапиталистические отношения с их жестокой эксплуатацией, поисками дешевого заморского сырья и выгодных рынков, необходимостью реалистического познания природы и человека. В. С. Кеменов считает, что капиталистическое производство «не может быть причиной, обусловившей расцвет искусства в эпоху Ренессанса»,⁵³ потому что оно враждебно некоторым отраслям духовного производства, каковы искусство и поэзия. В данном случае В. С. Кеменов опирается на К. Маркса, но без учета конкретной обстановки. Формула Маркса относится к капитализму XIX в., когда он все резче начинает проявлять свои реакционные стороны, а не к периоду нарождающегося капитализма, впервые в Европе подрывающего устои феодального строя.

Неисторично сравнивать эпоху «Установлений справедливости», фактически лишавших феодалов политических прав, с эпохой «Коммунистического манифеста».

⁵¹ H. Pirenne. Les periodes de l'histoire sociale du capitalisme. Paris 1962; M. Dobb. 1) Studies in the development of capitalism. London 1946- '2) Transition from feudalism to capitalism. London, 1963.

⁵² В. С. Кеменов. Художественное наследие. - ""

⁵³ Там же.

205

с. 80.

По этому поводу следует учесть разъяснение В. И. Ленина: «„Мы“ часто сбиваемся все еще на рассуждение: „капитализм есть зло, социализм есть благо“. Но это рассуждение неправильно, ибо забывает всю совокупность наличных общественно-экономических укладов, выхватывая только два из них. Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству. . .».⁶⁴

Итальянский ранний капитализм и являлся для XIV—XVI вв. таким «благом», т. е. рычагом прогресса, истоком Возрождения, тормозом для которых было средневековье, мелкое производство.⁶⁵

Раннекапиталистические отношения возникли в развитых городах Италии именно в условиях разложения цеховой промышленности. И это вполне закономерно. Не без влияния античных традиций — не только в области языка и литературы, но и техники, чеканки денег, некоторых политических форм управления — итальянские города окрепли раньше, чем в других странах Европы; во многом этому способствовало наличие сотен городских центров, сохранившихся еще с римской эпохи, хотя бы в виде материального костяка городского поселения. На территории в 300 тыс. км² одних епископских городов было 278. Отделение ремесла от сельского хозяйства, лежащее в основе развития городов как новых экономических центров средневековья, произошло в Италии в IX—X вв., значительно раньше, чем в других европейских странах. В этот же период началась борьба городов за независимость от феодальных сеньоров, а в XI—XII вв. — образование коммун. Оттон Фрейзингенский писал: «. . . итальянцы управляются консулами, а не господами» и «намного превосходят другие государства богатствами и могуществом».⁶⁶ Коммуны способствовали не только политической, но и экономической самостоятельности горожан, что давало возможность увеличивать средства для развития ремесла и торговли. Победа североитальянских городов над феодальными полчищами Фридриха Барбароссы после двадцатилетней напряженной борьбы свидетельствовала о силе городов, и в результате ее уровень развития экономики и культуры стал еще выше.

«Город и городская культура в Италии — это наследие римского прошлого, в котором город являлся основной ячейкой культурной жизни. . .», — писал В. Ф. Шишмарев. — Город был, ка-

⁶⁴ В. И. Ленин. О продовольственном налоге. — Поли. собр. соч., т. 43, с. 229.

⁶⁵ Л. И. Рутенбург. Об истоках Возрождения в связи с творчеством Леонардо да Винчи. — Уч. зап. Лен. гос. ун-та, № 192, 1956, с. 169—190.

⁶⁶ *Scriptores Rerum Germanicarum. Hannoverae*, 1889, p. 93.

206

залось, той базой, на которой Италия могла возродиться. В известной мере это и произошло».⁵⁷

В отличие от других стран Европы к концу XIII в. феодализм в Италии был значительно подорван благодаря бурному развитию товарно-денежных отношений и прежде всего городского хозяйства.⁵⁸ Этот процесс отразился на всех сторонах жизни-итальянского города, на социально-экономической, политической, культурной, духовной. Весьма типичное отражение этих сдвигов прослеживается в эволюции взглядов на богатство, деньги, прибыль. В XIII в. экономические нормы еще почти целиком подчинены христианской морали, которая требует, чтобы богатство исходило из законных источников. А. Фанфани считал поэтому XIII в. периодом преобладания «предкапиталистического духа» (*uno spirito precapitalistico*). XIV век уже находится в атмосфере борьбы за полновластие денег, а в XV в. данная проблема уже настолько далека от принципов Фомы Аквинского, что богатство рассматривается открыто как средство удовлетворения личной необходимости, а не достижения божеской благодати.⁵⁹ Для подтверждения этого достаточно обратиться к сочинениям Леона Баттисты Альберти и Лоренцо Баллы.

Кроме обычно характеризуемых, столь разных, однако связанных между собой, социально-экономической и духовно-мировоззренческой сторон развития итальянского города, крайне интересной представляется его политическая структура. Дело не только в особо важном месте города, который Ипполит Тэн справедливо считал для Италии уникальным институтом, выведшим ее на дорогу высокой цивилизации.⁶⁰ Городская коммуна, фактически являвшаяся в итальянских масштабах относительно крупным государством-республикой, тем более коммуна типа Флорентийской или Сиенской, где появились раннекапиталистические отношения, не была обычным феодальным городом. Общая социально-экономическая эволюция естественно породила в Италии новую форму государства (*une nouvelle forme de l'Etat*), наиболее прогрессивную из известных в эту в целом для Европы еще феодальную эпоху.⁶¹ Нам представляется, что именно такая политическая форма наиболее удобна для развития ранних капиталистических отношений. Это подтверждает, например, вся организационно-законодательная и конституционная деятельность Флорентийской республики от Джано делла Белла до Медичи.

⁵⁷ В. Ф. Шишмарев. У истоков итальянской литературы. Избранные статьи. -- В кн.: История итальянской литературы и итальянского языка. Л., 1972, с. 26—28.

⁵⁸ К. Маркс. Капитал, т. III. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, с. 365.

⁵⁹ А. Фанфани. *Le origini dello spirito capitalistico in Italia*. Milano, 1933, p. 158—166.

⁶⁰ Н. Тейне. *Voyage en Italie*, t. I, p. 62.

В то же время недостаточно убедительным по своей сути представляется мнение И. Мацека о том, что якобы нельзя говорить о раннем капитализме в Италии, так как там зародились лишь первые и отдельные элементы новой социальной системы, в определенных отраслях промышленности и определенных районах страны.⁶² Зарождение раннекапиталистических отношений в передовых центрах Италии при сохранении феодальных отношений в ней в целом⁶³ — это и есть явление раннего капитализма.

Сама по себе мануфактура не порождает Возрождения, но она представляет собой качественно новый процесс в экономической жизни Италии, свидетельство высокого для XIV в. развития производительных сил, ломки старых порядков. В таких условиях трудно представить незыблемость феодальных отношений и средневекового сознания.

Некоторые исследователи справедливо напоминают слова Маркса о том, что собственно мануфактурный период начался лишь с середины XVI в., что только с ним наступает начало капиталистической эры, т. е. происходит качественный скачок.⁶⁴ Это бесспорно, но здесь говорится об общеευропейских масштабах, а не об Италии. Маркс, написавший классический труд по политэкономии капитализма, одновременно выступил в нем и как автор истории капиталистических отношений в их конкретном выражении. Поэтому следует внимательно присмотреться к тому, что на той же странице «Капитала», где идет речь о начале капиталистической эры в масштабе всей Европы в XVI в., дается особая характеристика раннекапиталистическим отношениям в Италии, которые, как отмечает Маркс, зародившись в XIV в., начали с конца XV столетия движение в обратном направлении, когда вся Европа стояла еще на пороге мануфактурного периода.⁶⁵ Иначе говоря, Италия шла тогда впереди всей Европы, обгоняя ее на два столетия.

Однако наличие высокого уровня развития производительных сил, появление капиталистической мануфактуры само по себе не может быть обязательным условием возникновения культуры Возрождения. Будучи почвой для создания новых условий жизни, прогрессивное экономическое положение в качестве базиса может способствовать возникновению новой, более высокой культуры, но лишь взаимодействие всех сторон исторического процесса —

⁶² Ibid., p. 16.

⁸³ В. И. Р у т е н б у р г. 1) Очерк из истории раннего капитализма. . . ; 2) О прогрессивности капиталистических отношений. . .

⁶⁴ См., например: Т. П. Звамеровская. К вопросу об особенностях и историческом месте XVII века в развитии западноевропейской культуры. — Вестник Лен. ун-та, № 20, сер. истории, языка и литературы..вып. 4, 1966.
ев К. Маркс. Капитал, т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 728.

форм классовой борьбы и государственного управления, политических, юридических, философских, религиозных воззрений, т. е. различных моментов надстройки, — определяет форму и направление развития государства,⁶⁸ а следовательно, и ее культуры. Существенное значение имеют традиции, которые связаны с древней историей страны, и в определенные моменты могут содействовать развитию новой культуры. В итальянском Возрождении они сыграли крайне важную роль.

АНТИЧНОСТЬ И ВОЗРОЖДЕНИЕ

Юристы забыли Юстиниана, медики — Эскулапа. Их ошеломили имена Гомера и Вергилия. Плотники и крестьяне бросили свое дело И толкуют о музах и Аполлоне.

Эти слова Петрарки могут служить основой для суждений о том, из каких культурных традиций выросло итальянское Возрождение. Здесь даны и истоки его: античность греческая и латинская. И первые носители его: горожане и крестьяне. И характерные черты его начальной стадии: народность, универсальность, но прежде всего универсальность гуманитарная, всеобъем-лемая в области искусств. Конечно, не все плотники и крестьяне бросили свое дело, они продолжали работать, строить дворцы и церкви и возделывать поля, но вся атмосфера их жизни действительно была проникнута новыми веяниями, овладевшими Италией, которая черпала свое вдохновение у Гомера и Вергилия. Именно поэтому в XIV в. сын прачки и трактирщика Кола ди Риенцо становится эрудированным поклонником античности и трибуном Рима, провозгласившим его главой мира (Roma caput mmdi), как это было в древности. Этот архаический девиз звучал по-новому в условиях Возрождения. Попопан Флоренции Франко Саккетти, реалистически воспринимающий жизнь, пишет бесхитростные, но рельефные и колоритные новеллы, которые дышат атмосферой Возрождения и доказывают справедливость слов Петрарки о новом духе и напряженном тоне жизни, охватившем все слои Италии.

Античность вдохновила их, она была близка и понятна, хотя их творчество не было и не могло быть повторением греческой и римской литературы и искусства. Античность была для людей эпохи Возрождения источником и образцом творчества и мировоззрения, оправданием политической деятельности, действенным реальным фактором Возрождения. Реализация политических и творческих замыслов, отталкивающихся от античности,

⁶⁶ Ф. Энгельс. Письмо Йозефу Блоху, 21[—22] сентября 1890 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 394—395.

14 В. И. Рутенбург

209

зависела от новых условий,⁶⁷ появившихся в Италии XIV—XVI вв.

Наличие элементов античности в творчестве итальянцев естественно и закономерно, но само по себе оно еще не означает появления Возрождения, хотя и является его истоком.

«В 11 и 12 столетиях, — писал Аллеш, — в Италии опять проявляются отдельные импульсы, бывшие ни чем иным, как внезапными устремлениями античного духа, которым была насыщена почва в ее глубине».⁶⁸ Он именовал это время подготовительным периодом Возрождения. Важен вопрос о причинах появления «античного духа» лишь с XI—XII вв.; почему он не мог проявить себя раньше, какие цепи держали его под спудом с VI по XI в.? Аллеш считает, что он был задержан внешним гнетом. Однако была ли Италия свободна от него с XI по XIII в., когда на античной почве проявились первые ростки, а затем, с XIV в., началось пышное цветение культуры Возрождения? Более плодотворными представляются поиски причин внутреннего порядка. А. К. Джи-велегов говорил, что для итальянца этого периода «древний мир был живой легендой», «страна была богата памятниками старины, преданиями о былом величии, о господстве далеких предков над всем миром».⁶⁹

Наиболее ярким и крупным носителем этой живой легенды был Данте, творчество которого открывает период раннего Возрождения. Античность в образе Вергилия была путеводной звездой Данте в его странствии по аду. Вергилия он называл своим учителем и любимым автором («Tu se' lo mio maestro e lo mio ai-tore»)⁷⁰.

В произведениях Джотто, ясных и выразительных, чувствуются его античные предшественники; фигуры написанных им фресок концентрируют на себе внимание зрителя с такой же силой, как греческий рельеф, как изображения на античной вазе. Кафедра баптистерия в Пизе показывает, насколько такой скульптор, как Никколо Пизано, был склонен к пониманию античных форм (хотя древнеримские образцы, сохранившиеся на пизанском Кампосанто, которые он считал идеальными, относились не к лучшим временам античного искусства): его Мария близка к Юноне, а фигура царя подобна античному юноше. Однако античные истоки вели не к простому подражанию классическим образцам, а к созданию нового.

⁶⁷ Л. М. Баткин. Очерки... — Наука и религия, 1969, № 5; V. Pratolini. Franco Sacchetti; J. Macek. Petrarque et Cola di Rienzo. — Historica, vol. XI, Praha, 1965.

⁶⁸ Г. Аллеш. Ренессанс в Италии. М., 1916, с. 52.

⁶⁹ А. К. Джи-велегов. Итальянская народная комедия. М., 1954, с. 17:

[⁷⁰ Dante Alighieri. *Ladivinacommedia*. Firenze, 1901, *L'Inferno*, canto I, 85, p. 3.

21Q

Но речь идет не только об изобразительном искусстве Возрождения. Так, писатели-гуманисты пользовались языком классической древности — латынью, но это была уже не классическая или средневековая, а новая, гуманистическая, латынь (*il latino umanistico*), которая почерпнула легкость и ясность из живой итальянской речи. Гуманистические теории чистой латыни и стремление подражать классическому языку древности отступали под напором жизни. Классицизм гуманистов был формой их программы решительного выступления против старого мира невежества, он был связан с интересами и требованиями эпохи, с конкретной обстановкой Италии. В разной форме и различной степени это находило выражение в философии, исторических трудах, в творчестве таких крупных представителей Возрождения, как Лоренцо Балла, Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола.⁷¹ Близость творчества крупных поэтов Возрождения, писавших на латыни, к реальной жизни своей эпохи отмечена в начале века еще Ф. Монье в его «Кватроченто». Особенно это характерно для юга Италии, где Бекаделли, подражая Катулле, а Понтано — Лукиану, отображают современную им жизнь, пронизывая свою поэзию духом паганизма и народности.

Латинская лирика Понтано содержит отзвуки народной песни, Пикколомини облачает в латинскую форму современные сюжеты. «Детальное исследование показало, что то, что казалось античным, бывало нередко очень причастно современности и именно благодаря этой

контаминации приобрело характер необычайно живого и острого восприятия древности».⁷² Античное наследие приносило не только строительный материал для Возрождения (язык, сюжеты, технику выполнения). Так, в изобразительном искусстве происходило не простое заимствование мотивов и приемов, но проникновение в существо жизнеощущения, здоровой чувственности и величавого ритма античности.⁷³ Характерные черты античности давали себя знать также в литературе и философии. Античная культура была многоплановой, хотя и менее сложной, чем культура Возрождения. Так, в области скульптуры, ведущей отрасли греческого изобразительного искусства, говорят о двух направлениях — Фидия и Лисиппа. Ипполит Тэн считал, что скульптура Возрождения идет от Лисиппа,⁷⁴ однако искусство Возрождения черпало у античности многое — идеальную красоту и точность пропорций, жизненность и динамичность, т. е. главное, что соответствовало новой эпохе и новому восприятию.

⁷¹ G. Saitta. Il pensiero italiano... , vol. I, p. 4—5.

⁷² В. Ф. III и ш м а р е в. Очерк истории итальянского языка, с. 112.

⁷³ Б. Р. Виппер. Борьба течений в итальянском искусстве XVI в. (1520—1590). К проблеме кризиса итальянского гуманизма. М., 1956, с. 284.

⁷⁴ «Н. Т а i n e. Voyage en Italie, t. 2, p. 91—92.

211

14*

Если у истоков Возрождения итальянские мастера интуитивно обращались к античным предшественникам, то ученые и художники периода расцвета сознательно изучали сочинения древних, переводили Плиния и Витрувия, чтобы приспособить их к запросам своего времени. Можно, например, напомнить о творческом содружестве Луки Пачоли с Пьеро делла Франческа, которые вместе искали секрет пропорций человеческого тела, тонко изученный древними. Они пришли к открытиям в искусстве и теории. Лука Пачоли вводил в свой текст советы Витрувия, призывая быть внимательными к ним. У древних можно почерпнуть знания, но, кроме них, считал Пачоли, нужно обладать талантом пополнять недостающее и убирать лишнее, смотря по обстоятельствам, т. е. творчески усваивать античное наследие. Сознательные поиски античных образцов засвидетельствованы и в известном письме Антонио Филарете к Франческо Сфорца.

| Леон Баттиста Альберти, идеальный человек XV столетия,⁷⁵ в трактате о зодчестве писал, что древние старались подражать природе, лучшей художнице всех форм, а поэтому нужно учиться у античных мастеров. Учился у них и Донателло, занимавшийся реставрацией античных голов, восстановивший античную статую Марсия. Выразительные скульптурные портреты Донателло, вроде его знаменитого «Цукконе», исходят по своему характеру из поздне-римского портрета, но превосходят его, так как в них уже присутствует типизация образа, попытка его синтеза.

Античное наследие окрасило все потоки сложного и многогранного процесса Возрождения, но оно не было и не могло быть простым повторением античности. Не было оно и итогом какого-то вечного, присущего итальянцам свойства. Его появление и окончание связаны, как уже отмечалось, с определенными историческими условиями развития Италии.

Переход от античности к феодализму был переходом от крупного в масштабах рабовладельческого общества хозяйства к мелкому индивидуальному. Элементы феодального экономического уклада давали себя знать уже в поздний период рабовладельческой формации, как в Римской империи, так и на периферии, где первобытнообщинный строй переживал время разложения. Синтез этих двух источников, поздне-римского и варварского, и привел к образованию феодальной формации в Европе. Результат этого сложного взаимопроникновения зависел от силы и форм обоих источников: страны классического рабовладения сохраняли значительные пережитки античной техники, землепользования, мер, веса, денежных систем (Италия); страны, которые рабовладение затронуло неглубоко или совсем не коснулось, сохранили античные пережитки в минимальной степени (Германия). Итак, от сте-

⁷⁵ P.-H. Michel. Un ideal humain au XV-e siecle. La pensee de Leon-Baptiste Alberti. Paris, 1930.

212

пени сохраниения античных пережитков во многом зависели темпы и формы развития феодальных обществ на территории разных стран Европы.

Конкретные формы новых феодальных обществ, производственная специфика деятельности их основного — крестьянского — населения, а затем ремесленного городского были в зависимости также от географической среды, естественно, разной для разных стран Европы. В античный и средневековый периоды истории человечества, характеризующиеся слабым развитием техники, географическая среда играла значительно большую роль, чем в эпоху капитализма. Достаточно вспомнить мысль В. И. Ленина о географических границах, стесняющих развитие рабовладельческих государств античности.⁷⁶ Географическая среда накладывает сильный отпечаток на характер и направленность занятий людей, а следовательно, и на темпы развития производительных сил. Речь идет не о решающем влиянии географической среды, но о ее существенной роли наряду с другими факторами, как это показано В. И.

Лениным на примере истории Англии.⁷⁷ К Англии обращается и Г. В. Плеханов, определяя роль и место географической среды в историческом процессе: «Производительные силы Англии XVII столетия были плодом ее истории, а в этой истории географическая среда никогда не переставала оказывать влияние, хотя всегда различным образом, на экономическое развитие страны. Взаимоотношение между общественным человеком и географической средой чрезвычайно изменчиво. Оно изменяется с каждым новым шагом, достигнутым развитием производительных сил человека».⁷⁸ Географическая среда — условие, которое с учетом всех остальных факторов может ускорить или задержать развитие общества, хотя сама по себе она не может определить развитие производительных сил общества. «Влияние географической среды на общественного человека представляет собой переменную величину», — говорит Г. В. Плеханов.⁷⁹ Он раскрывает эту формулу в том смысле, что власть человека над природой изменяется по мере роста производительных сил от одного способа производства к другому.⁸⁰

В данном случае речь идет о переломном моменте, когда европейские страны переходили от античности, к средневековью. В качестве классического примера можно взять Италию, находившуюся в центре античного мира в период Римской империи

⁷³ В. И. Лени н. О государстве. — Поли. собр. соч., т. 39, с. 73—74.

⁷⁷ В. И. Лени н. Государство и революция. — Поли. собр. соч., т. 33, с. 72.

⁷⁸ Г. В. Плеханов. Очерки по истории материализма. — В кн.: Избранные философские произведения, т. II. М., 1956, с. 157.

⁷⁹ Г. В. Плеханов. Основные вопросы марксизма. — В кн.: Избранные философские произведения, т. III. М., 1957, с. 158.

⁸⁰ Г. В. Плеханов. Нечто об истории. — В кн.: Избранные философские произведения, т. II, с. 228.

213

и бывшую средоточием ее Экономической и политической деятельности. Италия обладает климатом, одним из самых благоприятных в Европе, что сочеталось с пригодностью для обработки большей части ее земель. Если в период господства галлов долина р. По была покрыта дубовыми лесами и болотами, то в эпоху владычества Рима она превратилась в одну из плодороднейших местностей Италии. От Альп к венецианским лагунам и далее вдоль Адриатики до южной оконечности полуострова обширные равнины, открытые с моря, тянутся по западному — Тирренскому — берегу полуострова. Сочетание мягкого климата и плодородных почв способствовало процветанию земледелия уже в античные времена, когда широко культивировалась пшеница, виноград, фруктовые деревья, в некоторых местах оливы, бобы и лен. Значительное место занимало разведение крупного рогатого скота, свиней, овец.⁸¹

Известно, что эпоха великого перелома — гибели рабовладельческой формации и перехода к новой, феодальной — привела к глубоким потрясениям в экономике всего Апеннинского полуострова; варварские нашествия принесли в IV—VI вв. запустение многим областям и обезлюдение, упадок, а нередко и разрушение городов и местечек.⁸²

Однако с античными традициями не было покончено; нельзя считать, что все хозяйственные достижения древнеримских времен были стерты с лица итальянской земли. Это доказано в новейших исследованиях на примере Южной Италии, которая также была ареной жестоких войн и нашествий с VI до XI в. Как и в античную эпоху, в X—XI вв. там восстанавливаются в качестве важнейших отраслей сельского хозяйства виноградарство и садоводство, а в некоторых районах и разведение олив. «Не вызывает сомнений очень большая роль римской традиции; ее можно проследить в устройстве земледельческих орудий, в методах обработки почвы и системе земледелия, в способах ухода за виноградными лозами, садовыми деревьями, оливами, в сочетании древесных насаждений и зерновых культур, в системе ирригации».⁸³ Если даже в Южной Италии эта преемственность была более значительной, чем в Северной и Центральной, то и там она давала ощутимые результаты.⁸⁴

Возрожденная античная традиция агрикультуры, видоизмененная в условиях феодальной формации, приводит к специфич-

⁸¹ Дж. Луццатто. Экономическая история Италии. М., 1954, с. 15.

⁸² R.-H. B a u t i e r. Les grands problemes politiques et economiques de la Mediterranee medievale. Revue historique, t. CCXXXIV, 1965; Дж. Луццатто. Экономическая история Италии, с. 110—150.

⁸³ М. Л. А б р а м о н. О состоянии производительных сил в сельском хозяйстве Южной Италии (X—XIII вв.). — В сб.: Средние века, вып. 28, 1965, с. 35-36.

⁸⁴ Дж. Луццатто. Экономическая история Италии, с. 185—186, 236-237.

214

кации сельского хозяйства, знакомой Италии раннего периода, она усиливается и усложняется — получает более широкое распространение виноградарство, появляются новые виды сельскохозяйственных культур (хлопок, цитрусовые, сахарный тростник), а также разводится тутовый

шелкопряд.

«Таким образом, смена способа производства, превращение мелкого производителя-собственника всех средств производства (за исключением земли) в центральную фигуру в хозяйстве обусловили новый подъем агрикультуры».⁸⁶ Решающим в развитии сельского хозяйства феодальной Италии был более прогрессивный характер этой формации, однако относительно быстрой эволюции главной отрасли феодальной экономики она обязана также возрождению и использованию античных традиций агрикультуры. Это же привело к наиболее ранней в Европе ликвидации крепостничества (XIII в.) и связанного с ней отрыва определенной части сельских трудящихся от средств производства и создания первых форм полукапиталистической формы землепользования — половничества, или медзадрии, а это уже — первые шаги раннего капитализма в сельском хозяйстве.

Восстанавливая производительные силы, разрушенные в период кризиса рабовладельческого строя и перехода к феодализму, непосредственные производители своим трудом способствовали подъему производства в зависимости от условий, в которых они находились, и «среди них немалую роль играл географический фактор».⁸⁶ Эти слова обращены автором к Южной Италии, но они имеют отношение ко всей Италии в целом. «Италия образует как бы колоссальный мост, естественный транзитный путь»⁸⁷ с севера на юг и с запада на восток. Центральное местонахождение ее в средиземноморском бассейне давало себя знать в экономической и политической жизни Римской империи. Еще в античные времена разводились сельскохозяйственные культуры, предназначенные для экспорта.⁸⁸ Такое положение Италии и в средние века способствовало развитию средиземноморских торговых связей. После длительного периода варварских нашествий она снова становится торговым центром Средиземноморья.⁸⁹ Здесь немалое значение имела большая протяженность береговых линий полуострова. Это преимущество в период античности и средневековья было реальнее, чем в последующие эпохи, так как благодаря

⁸⁵ М.Л. Абрамсон. О состоянии производительных сил. . . , с. 36. См. также: А. И. Хоментовская. «О выгодах сельского хозяйства» Петра Кресценция. — В кн.: Агрикультура в памятниках западного средневековья. Л., 1936, с. 285—339; Б.Ч. Скржинская. Поэма о версон-ских вилланах. Сельское хозяйство Северной Франции. — Там же, с. 163—183.

⁸⁶ М. Л. Абрамсон. О состоянии производительных сил. . . , с. 37.

⁸⁷ Дж. Луццатто. Экономическая история Италии, с. 15.

⁸⁸ Там же, с. 25.

⁸⁹ R.-H. Bautier. Les grands problemes. . . , p. 10—12.

215

малому тоннажу кораблей могли использоваться не только высокие и извилистые берега, но и плоские, и низкие, куда небольшие суда легче вытаскивать по вечерам, спасая от ночного прибою и пиратских набегов.⁸⁰

Главным источником развития торговли в средневековой Италии были новые условия, связанные с образованием феодальной формации. Однако античные традиции средиземноморской торговли сказали свое слово в восстановлении и развитии торговли сначала в масштабе средиземноморского бассейна, а затем и общеевропейском плане.

Еще в античности центром товарно-денежных отношений был город. В крупных латифундиях Италии в отличие от таких обособленных хозяйств, какими являлись сальтусы Северной Африки и виллы Британии и Галлии, редко обзаводились ремесленными мастерскими и ремесленную товарную продукцию обычно привозили из городских центров.

Период варварских нашествий крайне тяжело отразился на экономике Италии, однако не уничтожил до конца элемента товарного хозяйства.

При учете всей специфики двух эпох — античной и феодальной — нельзя сбрасывать со счетов наличие пусть слабого, но все же незатухавшего в некоторых центрах Италии огонька товарно-денежных отношений. Это создает известную преемственность, хотя бы в области техники чеканки монет и использования римских денежных единиц. Во всяком случае, античные традиции, не играя решающей роли, имели определенное влияние на раннее появление и относительно широкое распространение денег в ост-готско-лангобардскую эпоху, что в XIII в. привело к чеканке золотого дженовина и золотого флорина.

Это весьма показательно, так как именно в Италии в отличие от других европейских стран натуральные отношения были не столь глубокими, всеобъемлющими и продолжительными. Источники редко рисуют картину замкнутого хозяйства, существующего в условиях почти полной изоляции от внешнего мира.⁹¹ Отсюда и наиболее ранний в Европе процесс отделения ремесла от

сельского хозяйства, появление города как центра ремесла и торговли. Уже К. Маркс отмечал обилие в средневековой Италии городов, «сохранившихся по большей части еще от римской эпохи».⁹² Античный город не тождествен городу феодальному, но даже наличие материального костяка — городских стен, дворцов, домов — способствовало возникновению центра новой городской жизни. Тем более, что крупнейшие историки-экономисты допускают возможность, что «многие римские города не только уце-

⁹⁰ Дж. Луццатто. Экономическая история Италии, с. 116—117.

⁹¹ Там же, с. 187.

⁹² К. Маркс. Капитал, т. I. — К. Маркс и Ф. Энгельс. • т. 23. г. 728.

Соч., т. 23, с. 728.

216

лели, но и сохранили, пусть в незначительных масштабах, свой экономические функции, оставаясь центрами торговли и ремесленного производства».⁹³ Даже если это было в сохранившихся от нашествий городах в небольшой степени, не учитывать этого — нельзя. Во всяком случае, раннее экономическое и политическое развитие городов в Италии бесспорно. В XII в. города-коммуны разрушают феодальные замки в своих землях, насильно переселяя феодалов в города и подчиняя их своим законам, а в XIII в. они издают постановления, лишаящие феодалов политических прав; к концу XIII в. феодализм был значительно подорван.

Ранняя эволюция городов, которой в какой-то мере способствовали античные традиции, была в Италии одним из главных условий зарождения раннего капитализма в наиболее передовых центрах страны.

Античные традиции и античное наследие в целом могут не только способствовать прогрессу, но и тормозить темпы развития общества. Например, средневековая Италия не смогла сохранить судоходность рек как важное условие внутренней торговли. Беспощадное истребление лесов в горных районах привело к изменению режима рек, засорению многих из них обломочным материалом и ограничению судоходности.⁹⁴

Трагическим наследием эпохи варварских нашествий была раздробленность Италии. Источником ее являлись причины не только экономического и политического характера, но и географического, и этнического. Относительное объединение апеннинских племен при завоевании их римлянами, искоренившими местные языки и диалекты и заменившими их единым государственным латинским языком и едиными законами, было болезненным, но в целом прогрессивным явлением. В период варварских нашествий и чужеземных захватов Италия не смогла сохранить прежний этнический состав, древнеримскому единству был нанесен чувствительный удар. Однако, насколько это единство не было прочным, свидетельствует установленный В. Ф. Шишмаревым факт: через несколько веков после латинизации лангобарды могли определить этнические рамки племен доримской эпохи и организовать свои герцогства в основных чертах на базе старых племенных границ. Относительная изолированность разных частей полуострова усиливалась с древнейших времен в связи с географическими условиями. Апеннинская горная цепь изрезана неглубокими долинами, где главным образом и селились люди; сношения между жителями противоположных склонов были в античности крайне затруднены, как и между жителями отдельных долин каждого склона, прежде всего адриатического. Такая изолированность

⁹³ Дж. Луццатто. Экономическая история Италии, с. 186.

⁹⁴ Там же, с. 20; Е. Ч. Скрябин. Очерк из истории Кремоны (в связи с публикуемыми документами). Акты Кремоны XIII—XVI вв. М.-Л., 1961, с. 18-25.

217

Давала себя знать, хотя и в меньшей степени, и в средние века: если техника связи и пути сообщения несколько улучшились, положение усугублялось многовековыми традициями и диалектными особенностями.⁹⁵

Историческая преемственность раздробленности была усилена в период городов-коммун в результате экономических различий отдельных областей и центров Италии и их сепаратистской политики.

Таким образом, античные традиции косвенно или прямо имели большее или меньшее влияние на судьбы феодальной Италии, что в свою очередь определяло темпы и направленность ее развития. В целом они оказали положительное воздействие на прогрессивный ход событий и наряду с другими важными явлениями способствовали возникновению в Италии раннего капитализма и ранне-буржуазной культуры Возрождения.

Глубокие социальные сдвиги, наблюдавшиеся в Италии на пороге Возрождения, произошли не без влияния античного наследия в широком смысле слова. Переработка этого наследия принесла

новые- формы восприятия жизни и новые способы выражения ее сущности в искусстве. Здесь, однако, и возникает центральная проблема: что было причиной расцвета искусства Возрождения, античность ли привела к новому мирозерцанию и новому этапу в искусстве, или Возрождение, т. е. новая обстановка, — к оживлению античного искусства? Это не противоречит тому бесспорному положению, что античность была источником Возрождения: источник — это не обязательно главная причина, главный двигатель, он может играть роль строительного материала, пассивного объекта, используемого в результате решающих причин другого порядка.

«Отправляясь от этого античного наследия, — справедливо пишет В. Н. Лазарев, — итальянские мастера облегчили себе возможность выйти на широкие пути реалистического искусства. Они начали органически усваивать античное наследие лишь тогда, когда оно стало созвучным их собственным творческим исканиям. . . Но это ни в какой мере не означает, что обращение к этим памятникам следует трактовать как основную причину проторенессанс-ного движения. В действительности к ним обратились уже после того, как четко оформились новые художественные запросы, вытекавшие из глубоких социальных сдвигов в итальянской коммуне дученто».⁹⁶

Интерес к изучению римских построек, саркофагов, статуй, монет, медалей, раннехристианских базилик, фресок, мозаик, не лишенных античных традиций, привел к тому, что античность «сделалась самым существенным фактором в процессе формирования нового реалистического искусства».⁹⁷ Эта характеристика может быть пополнена существенным замечанием Л. М. Баткина: «„Возрождение“ античности не только дало точку опоры. . . формы для итальянской культуры, но и до известной степени определило содержание развития. Ведь на сущность культуры влияют не только социальные импульсы, но и характер исходного материала».⁹⁸

, Конечно, античность была не единственным источником итальянского искусства, в его формировании не обошлось без влияния византийских образцов и готики, но они не были столь сильны, их воздействие не могло быть решающим, хотя и из византийского наследия извлекалась наряду с другими его сторонами античная подоснова. Через Византию шли в Италию и восточные влияния. Шли они и непосредственно из юго-восточных стран Средиземноморского бассейна: Леванта, северного побережья Африки. Это сложное переплетение арабских и византийских потоков, питавших итальянское Возрождение одновременно с западноевропейскими, было важной и малоизученной еще его стороной. Соприкосновение и знакомство с дальними странами средиземноморского Юго-Востока было вполне естественным для торговых республик Италии, рано вступивших с ними в экономический контакт. Еще Вазари отмечал это явление по отношению к Пизе, городская культура которой уже в XII—XIII вв. достигла небывалой высоты, выражением чего было создание архитектурного комплекса на площади Чудес и составление математических пособий Леонардо Фибоначчи.

Особой и далеко не до конца выясненной проблемой является влияние и место готики в итальянском Возрождении. Элементы готики начали проникать в Италию со второй половины XII в., но лишь с начала XIII столетия получили более широкое распространение (аббатство в Фоссанова, Сан Гальгано около Сиены, затем собор в Орвието конца XIII в., Сайта Кроче и Сайта Мариа Новелла во Флоренции, особенно ломбардская архитектура). Даже в этих образцах «итальянской готики» не только под влиянием строгих уставов цистерцианцев, францисканцев и доминиканцев, но прежде всего романской основы, античных форм, она становится рациональной, земной и очень далека от сверхчувственности и напряженности готики северофранцузской. Торжествует не готика, а Италия, ее античные традиции. XIV век в лице Симоне Мартини в Сиене, братьев Лоренцетти, авторов «Триумфа смерти» в Пизе, строителей лоджии делла Синьория (лоджия Ланци) и лоджии Дворца гвельфов во Флоренции, во многом продолжает и развивает линию эпохи Джотто. И хотя в XV в. происходит заметный качественный скачок в искусстве, нельзя согласиться, что

⁹⁵ В. Ф. Шишмарев. У истоков итальянской литературы, с. 24—27.

⁹⁶ В. И. Лазарев. Происхождение итальянского Возрождения, т. I. М., 1956, с. 64.

218

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Л. М. Баткин. Очерки. . . — Наука и религия, 1969, № 5, с. 58,

219

между эпохами Джотто и Донателло был полный провал. Конечно, развитие искусства Возрождения в XIV, XV и XVI вв. не было и не могло быть плавным и непрерывно возрастающим процессом. Здесь не только возможны, но и обязательны взлеты и падения: история не идет по прямому и гладкому пути, тем более история такой переломной эпохи, как Возрождение,

ПАДЕНИЕ ИЛИ ВЗЛЕТ?

Последние десятилетия XV в. в истории Италии обычно характеризуют как начало ее экономического и политического упадка. И, действительно, открытие Америки, превратившее Средиземноморье во второстепенный район мировой торговли и, более того, покончившее с европоцентристской политикой, как главной линией борьбы ведущих государств континента, нанесло удар по Италии. Французское нашествие и серия тяжелых войн, именуемых в истории итальянскими, чрезвычайно осложнили обстановку в Стране. Первые десятилетия XVI в. приносят с собой черные тучи феодально-католической реакции. В то же время наблюдается блестящий расцвет искусства и значительный подъем философско-политической литературы. Иногда этот контраст объясняется естественным созревaniem искусства, которое, подобно ароматным плодам осени, достигло своей зрелости к концу эпохи Возрождения, подошло к разрешению специфических проблем искусства, требующих длительного времени, а нередко тем, что искусство якобы развивается по своим собственным законам, не связанным ни с экономикой, ни с политикой. Не будучи явлением непосредственно направляющим и определяющим характер искусства, экономика оказывает влияние на культуру, хотя в расцвете экономики и искусства нет обязательной синхронности. К тому же, как уже сказано, существенное сворачивание экономического развития происходит в Италии только к XVII в. Нельзя отрицать влияния сложного политического положения страны и глубоких идеологических сдвигов, происходивших в конце XV и XVI в. в Италии, на эволюцию культуры и особенно на искусство. Однако существовал и такой своеобразный взгляд, который можно выразить в виде условного афоризма: Возрождение погубило Италию. Эта теория представляет интерес не только своей парадоксальностью, но и своей живучестью. Появившись в XIX в., она имеет хождение в наши дни. Ее автором был один из крупнейших итальянских деятелей и мыслителей прошлого столетия Франческо Де Санктис. Причиной легкой победы Карла VIII он считал пустоту итальянской возрожденческой культуры, лишенной политических, религиозных и моральных интересов. Эти ее отрицательные качества он объявлял усталостью буржуазии, ко-

220

торая уже проделала свою историю (*gia aveva avuto la sua storia*), оторвалась от народа, стала консервативной, потеряла конструктивное и прогрессивное начало, характерное для нее раньше. Она отошла от политической борьбы и ушла в частную жизнь и наслаждения. Расцвет культуры Возрождения был поэтому лишь видимостью всеобщего процветания общества, а сама эта культура, по Де Санктису, носила фальшивый характер и была оторвана от народа. Таким образом, он подходил к осуждению всего итальянского гуманизма, Возрождения в целом, как явления, носившего якобы лишь негативный характер. Исключение составляли отдельные деятели и мыслители, вроде Леона Баттисты Альберти или Макьявелли, но это не меняло общей мрачной картины."

Франко Каталано подверг убедительной научной критике эту точку зрения Де Санктиса, справедливо отвергнув ее как исходящую не из конкретно-исторической оценки условий эпохи, а из положений абстрактной морали.¹⁰⁰ Каталано на основании исследований Э. Гарена, Г. Барона¹⁰¹ и других говорит, что Возрождение первой половины XV в. характеризуется земной жизненной силой, активными проявлениями борьбы против схоластики. Таков «первый гуманизм» (*primo umanesimo*), или гуманизм первой половины Кватроченто (*l'umanesimo del primo Quattrocento*). В качестве его представителей он называет Леона Баттисту Альберти, Поджо Браччолини, Лоренцо Баллу, Леонардо Бруни Аретино. Возрождение второй половины XV в. отличается отходом от реальной жизни, от природы и носит на себе черты абстракции, ирреальности — это «второй гуманизм» (*secondo umanesimo*), или «платонизирующий гуманизм» (*l'umanesimo platonizzante*).¹⁰² В поэзии наиболее типичным Де Санктис считает Анджело Полициано, который представляется ему воплощением присущего этому периоду Возрождения стремления к изяществу, к прекрасной форме независимо от содержания, что проистекает из полного отстранения от общественной жизни, попытки отхода от политического, религиозного и нравственного принципов.¹⁰³

Представляется более верным характеристику, предлагаемую Гареном и Бароном для второй половины XV в., относить лишь к последним десятилетиям этого столетия. Разделение Кватро-

⁹⁹ F. De Sanctis. *Storia della letteratura italiana*, vol. I. Bari, 1949, p. 401, 408—409 et sq. См. русский перевод с туринского издания 1958г.: Ф. Де Санктис. *История итальянской литературы*, т. I. М., 1963, с. 485 и сл.

¹⁰⁰ F. Catalano. *La crisi italiana alla fine del secolo XV*. Belfagor, 1956, № 4, p. 396 e sq.

¹⁰¹ E. Garin. *L'umanesimo italiano. Filosofia e vita civile nel Rinascimento*. Bari, 1952; H. Baron. *Lo sfondo storico del Rinascimento fiorentino*. — *La Rinascita*, 1938, № 3.

¹⁰² F. Catalano. *La crisi...*, p. 398—399, 403.

¹⁰³ Ф. Де Санктис, *История итальянской литературы*, с. 441 — 442, 486.

221

ченто на две равные части неправомерно: процессы, наблюдаемые в эволюции Возрождения, поворот к «платонизирующему гуманизму» происходит не в середине, а именно в конце XV в., в

самые последние его десятилетия. Об этом говорит фактический материал исследований Гарена, Барона и других. Это же убедительно показано в работе М. А. Гуковского, где анализируется содержание и направление трудов блестящего и своеобразного мыслителя конца XV в. Пико делла Мирандола; автор находит в его мышлении и деятельности черты упадка и попытку «спасти Возрождение», его «рационалистически земные, но уже иссякающие потоки гуманизма на путях возврата к средним векам, в'ере, мистицизму».

Медиевализм чувствовался во всей атмосфере Италии, он отвечал вкусам почитателей Боярдо, Пульчи, Боттичелли, Полициано и Фичино. Героические идеалы гуманизма погасли или были близки к тому, чтобы погаснуть, начались лихорадочные поиски путей «спасения того, что еще можно было спасти из мира Возрождения».¹⁰⁴

Обращаясь к работам Гарена и Кристеллера о Пико делла Мирандола, Фичино, Помпонаци, к интереснейшему исследованию Шастеля¹⁰⁵ об искусстве и гуманизме времен Лоренцо Великолепного, разбирая сочинения самого Пико, М. А. Гуковский приходит к выводу: культура Возрождения конца XV в. радикально отличалась от того, чем она была в пору Кватроченто периода расцвета.¹⁰⁸

Рассматривая этот специфический этап Возрождения последних десятилетий XV в., Де Санктис перенес его характеристику на всю культуру Возрождения, осудив ее в целом, что представляло не исторический, а морально-этический подход к явлению. Используя тезис Де Санктиса при анализе Возрождения,¹⁰⁷ Ан-тонио Грамши подходит к нему с точки зрения социально-политической, без элементов морализирования, свойственных Де Санк-тису. Некоторые авторы вплоть до наших дней повторяют его тезис, да еще пытаясь подтвердить его ссылкой на Грамши,¹⁰⁸ который ставил вопрос значительно шире, как общую проблему соотношения Возрождения и Реформации.

¹⁰¹ «... salvezza dei crollanti indirizzi razionalmente terreni deH'uma-nesimo, sulla via del ritorno al medioevo, alia fede, al misticismo»; «... tentativi febbrili di salyar cio che era salyabile del mondo rinascimentale» (М. А. G u k o v s k i j. G. Pico della Mirandola: uomo del medioevo o del Rinascimento? L'opera e il pensiero di G. Pico della Mirandola nella storia deH'umanesimo. Convegno internazionale. vol. II, Comunicazioni. Firenze, 1965, p. 466—467).

¹⁰⁶ A. C h a s t e l. Art et humanisme a Florence au temps de Laurent Je Magnifique. Paris, 1959.

^M М. А. Gukovskij. G. Pico., p. 464, 466.

¹⁰⁷ F. C a t a l a n o. La crisi. . . , p. 400.

¹⁰⁸ См., например: Вопросы истории славян, вып. 2, Воронеж, 1966,

т

С легкой руки Де Санктиса действительный спад, обозначив" шийся в Возрождении в последние десятилетия XV в., как правило, переносят и на последующий период, обращаясь лишь к поискам финальной точки его падения, хронологической и локальной даты его гибели в XVI в. Более того, в начале XX столетия можно отметить появление работы Карла Неймана, носящей буржуазно-националистический характер и предлагающей теорию о «настоящем Возрождении», наполненном средневековым христианским и германским духом, в XIV в. и «ложном Возрождении» в XVI в., причем в качестве отрицательных сторон этого последнего этапа рассматривается среди других и усиление элементов паганизма, сенсуализма и материализма.¹⁰⁹ Кроме также считал, что история мышления XVI столетия свидетельствует об отсутствии в ней энергии и активности (*pensiero non aveva energia fattiva*).¹¹⁰

Подлинная же картина, по мнению Ф. Каталано, совершенно иная. Еще в период «падения», в конце XV в., отдельные мыслители и художники открыто выступали против оторвавшихся от реальной жизни гуманистов. Наиболее ярко это выражено у Леонардо да Винчи: «Хотя бы я и умел хорошо, как они, сослаться на авторов, гораздо более великая и достойная вещь — при чтении [авторов] сослаться на опыт — наставника их наставников. Они расхаживают, чванные и напыщенные, разряженные и разукрашенные не своими, а чужими трудами. . . не изобретатели, а трубачи и пересказчики чужих произведений» (*recitatori i trombetti dell' altrui opere*).¹¹¹

Леонардо являлся не только критиком, справедливо отрицающим жизненную и научную ценность «платонизирующего гуманизма», но прежде всего творческой фигурой качественно нового этапа Возрождения. Абстрактная, платонизирующая культура последних десятилетий XV в. с самого конца этого столетия и в начале XVI-го стала уступать место новому потоку культуры, который был направлен на решение важных, реальных, острых жизненных проблем, выросших в Италии на пороге XVI в.¹¹² Это отразилось в науке, литературе, искусстве. Начался новый этап Возрождения, качественно отличный от «второго гуманизма» — периода усталости, возникшего в условиях политической статичности, нарушенной в самом конце XV—начале XVI в. По своему характеру он был ближе к «первому гуманизму» Кватроченто, также жизнедеятельному и боевому, хотя более примитивному, чем Возрождение Чинквеченто, позднее Возрождение.

¹⁰⁹ G. V o l p e. La Rinascenza in Italia e le sue origini. Momenti di storia italiana. Firenze, 1925, p. 97—127.

¹¹⁰ В. С г о с е. Poeti e scrittori del pieno e del tardo Rinascimento. Bari, 1945.

¹¹¹ Леонардо да Винчи. О своих талантах и своем умении. — В кн.: Избранные произведения, т. I. М.—Л., 1935, с. 3, 46.

¹¹² F. C a t a l a n o. La crisi., p. 401.

223

Третий, последний, этап возрождения — вершина итальянской раннебуржуазной культуры. Достаточно назвать одни только имена его крупнейших деятелей: Помпонацци и Телезио, Рафаэля и Леонардо, Микеланджело и Тициана, Макьявелли и Гвиччардини, и следующие за ними, выходящие за рамки Возрождения, но вырастающие из него и с ним связанные, — Кампанеллы и Ванини и, наконец, подводящие Италию к новому времени, — Джордано Бруно и Галилея.

РЕАЛИЗМ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Последний период Возрождения был самым блестящим этапом в развитии итальянского изобразительного искусства. Именно это привело Ипполита Тэна к формуле: «Мы не способны полностью оценить гений Возрождения» («Nous ne pouvons pas mesurer tout le genie de la Renaissance»), настолько многочисленно и богато его наследие, даже если обращаться только к широко известным именам.¹¹³ Это относится и ко всему комплексу культуры этого периода. Характеризуя Чинквеченто как великую эпоху, Ф. Энгельс говорит о невиданном расцвете искусства, о возникновении новой, современной литературы, о великих итальянцах, от которых ведет свое летосчисление новая философия, о мучениках инквизиции.¹¹⁴

Важно, однако, определить, не только высокий уровень и широкий размах культуры позднего Возрождения, но и его направленность. В западной буржуазной литературе существует имеющая широкое хождение теория (Анджелери, Джентиле, Вейзе и др.), оценивающая итальянское искусство первых десятилетий Чинквеченто как проявление культуры «героизирующей идеализации» (*l'idealita eroicheggiante*), проистекающей из своеобразной реконкисты (*la rivincita*) духовных интересов и религиозных устремлений. Яркий контраст создается при сопоставлении этого периода с Кваттроченто, с его практической и антимистической направленностью и реализмом (*realismo quattrocentesco*).¹¹⁵

Нам представляется, что общая характеристика Чинквеченто как периода «героизирующей идеализации» в развитии итальянского искусства по меньшей мере сомнительна. В большой степени она применима лишь к относительно кратковременному периоду «падения» конца XV в. и ярче всего отражается в творчестве Боттичелли и деятельности Савонаролы и Пико делла Мирандола. Однако в XVI в. в изобразительном искусстве и во всей культуре Италии происходит явный поворот. Все попытки показать твор-

¹¹³ Н. Т а i r i e. Voyage en Italie, t. 2, p. 353.

¹¹⁴ Ф. Энгельс. Диалектика природы. — К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, с. 345—347.

¹¹⁵ G. W e i s e. L'ideale eroico del Rinascimento e le sue premesse umanistiche. Napoli, 1961, p. 253.

224

чество титанов Чинквеченто — Леонардо, Микеланджело, Тициана — как представителей «героизирующей идеализации», порождающей новую мифологическую струю обожествления человека, весьма искусственны. Они исходят из неверного понимания соотношения идеального с реальным. «Обожествление» человека в эту эпоху не равносильно превращению его в бога. Его смысл в воспевании силы, ума, неограниченных возможностей человека. Такого рода идеализация не является ни мифологизацией человека, ни символикой. Скорее это разрыв со средневековой символикой и христианским мифом и создание идеального типа человека, наделенного при этом всеми человеческими качествами. Выделение идеальных черт из реальной жизни не лишает искусство реализма. Достаточно назвать «Св. Георгия» Донателло, а для следующего этапа — «Давида» Микеланджело. Но здесь мы переходим неизбежно к более широкой проблеме — проблеме реализма Возрождения.

Вокруг этой проблемы происходят бесконечные и острые дискуссии, особенно в последнее время, когда справедливо поставлен вопрос о свойственном многим работам по истории искусства абстрактном, а потому и беспредметном, неисторическом подходе к реализму как извечной и одноплановой категории.¹¹⁶

В письме к Маргарет Гаркнесс, относящемся к 1888 г., Энгельс писал: «На мой взгляд, реализм предполагает, помимо правдивости деталей, правдивое воспроизведение типичных характеров в типичных обстоятельствах».¹¹⁷ Эта формула, широко известная в литературе, дает ключ к решению проблемы сущности реализма XIX в., реализма времен Бальзака, произведения которого Энгельс и считал образцом реалистического художественного метода для своего времени. Если с исчерпывающей для критического реализма XIX в. меркой Энгельса обратиться к

искусству и литературе эпохи Возрождения, то она окажется завышенной, а для современной литературы и искусства социалистического реализма она явно недостаточна. Существуют попытки применить ее к искусству XVII в.,¹¹⁸ но и здесь она еще не оправдывает себя в полной мере. Формула Энгельса бесспорна для характеристики определенной эпохи — XIX в. Таким образом, логически можно прийти к вы-

¹¹⁶ А. Карагаиов. Реализм. — В кн.: Основы марксистско-ленинской эстетики, М., 1960; В. Днепров. Проблемы реализма. Л., 1961; Л. Пинский. Реализм эпохи Возрождения, М., 1961; Т. Павлов. К вопросу о реализме и романтизме. — В кн.: Творческий метод, М., 1961; С. М. Петров. Проблемы реализма в художественной литературе. М., 1962; О. В. Лармин. Художественный метод и стиль. М., 1964; Т. П. Знамеровская. К вопросу об особенностях. . . ; Б. Сучков. Исторические судьбы реализма. М., 1967.

¹¹⁷ Ф. Энгельс. Письмо Маргарет Гаркнесс. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37, с. 35.

¹¹⁸ Т. П. Знамеровская. К вопросу об особенностях. . . , с. 71.

15 В-И. Рутенбург

225

воду, что реализм начинает победное шествие только в XIX в. и находит свое выражение в критическом реализме. К аналогичному выводу и пришли Н. И. Конрад, А. Караганов и некоторые другие исследователи. В этом случае характер литературы и искусства Возрождения не может быть признан реалистическим и требует особого определения.

Другой крайностью является понимание реалистического метода как вечно существовавшего и существующего направления — от истоков человеческой истории до наших дней, суть которого — отражение жизненной правды, реальности, различными способами в разные эпохи. На этой или близкой к ней точке зрения стоят М. В. Алпатов, В. Н. Гращенков, Ю. Колпинский, В. Н. Лазарев, М. Я. Либман, Г. А. Недошивин, И. А. Смирнова, Я. Тама-шин и другие ученые. Такой подход, при последовательном доведении его до логического конца, лишает культуру Возрождения специфики, хотя в конкретных исследованиях многие из авторов ищут ее не только в количественном нарастании реалистических черт, но прежде всего в качественно новой сущности.

Несколько отличается от предшествующего подхода к определению реализма точка зрения С. М. Петрова, Р. Самарина, Я. Эльсберга и других, рассматривающих реализм как единый метод, зародившийся именно в эпоху Возрождения, а затем проходящий длинный путь развития.¹¹⁹

Существуют и иные точки зрения; согласно одной из них, реализм впервые появился после эпохи Возрождения, на рубеже XVI-XVII столетий.¹²⁰

III Наиболее полно и убедительно проблема реализма решена в работах О. В. Лармина и Б. Л. Сучкова. Последний предлагает, чтобы не воспринимать реализм как вечную внеисторическую категорию, установить взаимоотношение между реальностью жизненных явлений и искусства. Жизненная реальность — первооснова образа, искусство исходит из нее, однако это не означает, что всякое искусство реалистично. В то же время элементы реализма, жизненной правды, можно обнаружить и в античном романе, и в искусстве готики и барокко, и в произведениях классицистов. По мере вызревания буржуазных отношений все четче проявлялась тенденция к анализу действительности. В искусстве Возрождения стала формироваться такая важная черта, как аналитическая мысль только начала приближаться к познанию мира как материального единства. Фацеции, фавлю, шутовской роман XVI—XVII вв., обращенные к жизни человека, его быту, находятся уже на ближайших подступах к реализму. Аналитическим подходом отличаются произведения Рабле, Сервантеса, Шекспира. Наука подходила к познанию законов природы, а формирующиеся реалистическая литература и искусство —

¹¹⁹ О. В. Лармин. Художественный метод и стиль, с. 69—70.

¹²⁰ Т. П. Знамеровская. К вопросу об особенностях. . . , с. 71.

226

к познанию природы исторического процесса. В XVIII в. реализм достигает уровня складывающегося метода, который приносит особой социальный анализ, изучение и изображение общественных отношений, взаимоотношений человека и общества. Это подтверждается творчеством ранних реалистов — Свифта, Дидро, Гёте, Лессинга. Их произведениям был еще свойствен эмпиризм в изображении действительности и героев, не нашедших углубленной психологической характеристики. Реализм нового типа, критический по своей сущности, синтетичный по методу изображения взаимоотношений человека и общества, появился в XIX в., это реализм Гюльзака, Диккенса, Гоголя.¹²¹

Таким образом, в книге Сучкова отдельные проявления реализма совершенно справедливо не считаются реалистическим методом в искусстве и литературе. Исторический подход к проблеме реализма естественно привел автора к убедительному описанию отдельных этапов реализма, качественно отличных друг от друга. Что касается непосредственно интересующей нас проблемы реализма эпохи Возрождения, автор подчеркивает значение такого фактора, как зарождение буржуазных отношений для формирования существенных сторон реализма в эпоху Возрождения.

О. В. Лармин считает, что нет единого реалистического метода: «. . . реализм Возрождения, реализм

Просвещения, критический и социалистический реализм — это разные художественные методы, хотя и имеющие ряд сходных черт, позволяющих называть их именно реалистическими методами».¹²² Автор основывается на том, что появление нового метода в искусстве связано с важными сдвигами в общественной жизни. Обращаясь к реализму эпохи Возрождения, О. В. Лармин говорит о таких его предпосылках, как развитие капиталистических производственных отношений в Италии начала XVI в., а затем и в других европейских странах XV—XVI вв. Искусство Возрождения ориентировано на действительность, ее черты художники и скульпторы пытаются отразить правдиво и глубоко прежде всего в образе современного человека, независимо от античных или библейских сюжетных условностей. Человек изображается исходя из эстетического идеала прекрасного. Оценка действительности производится с позиций наиболее передового для данной эпохи эстетического идеала, выражающего в целом прогрессивные, хотя и крайне противоречивые тенденции нарождающейся буржуазии. Идеал человека эпохи Возрождения приводит к новым средствам художественного обобщения: человеческая индивидуальность приобретает типические черты. Ренессансные художники достигли передачи сущности характера, хотя типические обстоятельства еще отсутствуют, их заменяют отдельные события; внутренний облик

¹²¹ Б. Сучков. Исторические судьбы реализма, с. 6—8, 11—14, 17-20, 26—29, 105, 106, 116, 141, 142.

¹²² О. В. Лармин, Художественный метод и стиль, с. 70.

227

15*

человека раскрыт еще статично, однолинейно. В центре внимания художника — психология личности, а не причины, ее породившие.

Типизация действительности, свойственная искусству Возрождения, не исключает определенной «идеализации» образа, выражающей эстетический идеал эпохи, дающий эстетическую оценку той же действительности. По сравнению с критическим и просветительским реализмом образцы реалистического искусства Возрождения носят более обобщенный характер.

Реалистический характер творчества, в том числе в эпоху Возрождения, несет с собой материалистическое, на первых этапах стихийно-материалистическое, решение проблемы отношения искусства к действительности, отражает действительность на основе реалистической типизации с позиций прогрессивных для данной эпохи эстетических идеалов. Естественно, те общие черты и тенденции, которые присущи всем реалистическим художественным методам, — эпохи Возрождения, Просвещения, критического реализма, — в каждую историческую эпоху проявляются по-разному.¹²³ В целом трудно не присоединиться к этой обоснованной, лишенной искусственного схематизма характеристике различных реалистических художественных методов, данной в исследовании О. В. Лармина. Каждый из этих этапов является крайне своеобразным и заслуживает особого наименования. Их реалистическая основа и проявления различны, но именно они представляют связующую нить в смене эпох. Речь идет не об отстаивании термина «реалистическое» во что бы то ни стало, а об адекватной искусству Возрождения характеристике. Нам кажется лишь необходимым подчеркнуть безусловную генетическую зависимость каждого последующего этапа реализма от предшествующего, несмотря на их качественные отличия, порожденные условиями эпохи, приводящие к тому, что каждый последующий этап превращается в более высокий самостоятельный художественный метод, хотя и основанный на общих принципах реалистического творчества.

Можно согласиться с положением М. Бахтина, что «сложность ренессансного реализма до сих пор еще недостаточно раскрыта», хотя не подлежит сомнению, что культура Возрождения «оказала определяющее влияние на всю большую реалистическую литературу последующих веков», что «реализм большого стиля... связан (прямо или косвенно) с ренессансными традициями».¹²⁴

¹²³ Там же, с. 71, 74—77, 80, 81, 113, 114, 120, 141, 143—145.

¹²⁴ М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965, с. 28, 29, 60. — Автор прав, когда говорит, что разрыв с традициями Возрождения ведет к «измельчанию» (с. 60), но переоценивает монополярное положительное значение «народной смеховой культуры» в Возрождении, противопоставляемой им «собственно буржуазным концепциям готового и распыленного бытия» (с. 28). Культура 228

Возрождение было первым этапом реализма, а значит, и истоком всех последующих реалистических методов, что вовсе не означает его копирования или повторения. Принципиальный поворот произошел именно в эпоху Возрождения, и это получило образную и яркую характеристику в книге В. Днепров: «Реалистические произведения, — пишет он, — могли быть и бывали и в древности, и в средние века, но эпоха реалистического искусства начинается со времени поворота всемирной истории к капитализму. Путь от Джотто к Рембрандту, от Чосера и Боккаччо к Сервантесу и Шекспиру — это история становления реалистического метода, овладевающего все новыми, все более важными сферами человеческой жизни, решающего те высокие и всеобъемлющие проблемы, которые были привилегией мифологического или религиозного искусства».¹²⁵ Поворот к капитализму начался в Италии XIV в., и он, естественно, привел к реалистическому познанию природы и человека, к реалистическому искус-

ству и реалистической литературе, к Джотто и Боккаччо, а затем, на высшем этапе,— и к Леонардо и Макьявелли. Конечно, метод ренессансного искусства не был последовательно реалистическим.¹²⁶

Поиски начала первого реалистического художественного метода после эпохи Возрождения лишь в XVII в., как это делает Т. П. Знамеровская,¹²⁷ малоубедительны. Общеизвестно влияние реалистического искусства итальянского Возрождения на искусство других стран Европы. Нам представляется также несомненным, что блестящий этап позднего Возрождения был порождением не только внутренних условий Италии XVI в., изученных Ф. Каталано, но и общеевропейской обстановки, смысл которой заключался в повороте к капитализму, к новому времени. Поэтому можно сказать, что высший период Возрождения, создавшего первый в истории реалистический метод, будучи самым блестящим периодом итальянского искусства, имел широкую общеевропейскую базу, а затем и общеевропейский резонанс.

Завершение первого в истории этапа реализма не было его гибелью в абсолютном смысле слова.

Появление в XVI в. маньеризма¹²⁸ можно считать выражением не только процесса распада Возрождения была раннебуржуазной, «буржуазные концепции» лишь складывались, переплетаясь с народной культурой. В культуре Возрождения еще не было «измельчания», она была какой угодно, но не буржуазно-ограниченной для своего времени.

¹²⁶ В. Д н е п р о в. Проблемы реализма, с. 7.

¹²⁶ М. С. Каган. Эстетика эпохи Возрождения. Лекции по истории эстетики, кн. I. Л., 1973, с. 85 и сл. — Однако нельзя согласиться с тем, что искусство Возрождения — это поиски только красоты и гармонии. Оно было более многогранным.

¹²⁷ Т. П. Знамеровская. К вопросу об особенностях. . .

¹²⁸ W. F r i e d l e n d e r. Mannerism and antimannerism. N. Y., 1957; I. Bialostocki. Stil und Ikonographie. Dresden, 1966.

229

стиля Возрождения,¹²⁹ но и созидательного процесса, в ходе которого в борьбе с маньеризмом создаются питающиеся, каждый по-своему и в разной степени, из истоков Возрождения течения академизма и караваджизма,¹³⁰ выливающиеся, в конечном итоге, в новый стиль барокко,¹³¹ этот, по образному выражению, «трагический гуманизм» XVII в.

Бесспорное влияние Возрождения на последующее развитие искусства показано во многих специальных исследованиях. Черпали из него и на более высоких этапах реализма, несмотря на относительную узость его метода. Однако искусство и литература Возрождения в отличие от типично средневековых традиций обратились к наблюдению природы и человека и отражению реальной человеческой жизни в новеллах, хрониках, картинах, скульптурах. Вначале это было подражание внешним качествам природы и человека, без глубокого проникновения в их внутренний мир. Это были свидетельства простой повседневной жизни, получившие уже в XV в. наименование «натурального искусства», «нового искусства» (*arte naturale, arte nuova*),— так называл, например, Гиберти творчество Джотто. Это был шаг от нереалистического подхода к реализму. И если несомненна ведущая роль изобразительного искусства в эпоху Возрождения, то параллельно с ним развивалась и литература, нередко тесно с ним переплетаясь.¹³² Не без основания Бекеруччи считает блестящую по ясности и выразительности языка хронику Дино Компаньи близкой по своему звучанию фрескам Джотто — в творчестве этих мастеров кисти и пера действуют реальные люди, флорентийские пополаны, оба они стремятся запечатлеть реальность жизни (*guardare la realta*) Дученто. В середине XIV в. Доменико Лензи иллюстрирует кодекс о торговле зерном («*Biadaiololo*»), где изображает флорентийский Старый рынок (*mercato Vecchio*) и зерновой рынок Ор Сан Микеле. К этим иллюстрациям близки стихи Антонио Пульчи о рынке и рельефы Андреа Пизано на кампаниле Флорентийского собора. Утонченные кавалеры и элегантные дамы Орканьи в пизанском Кампосанто напоминают собеседников и собеседниц из «Декамерона» Боккаччо и новелл Сак-кетти, которых можно было встретить и на улицах Флоренции, и при неаполитанском дворе. В капелле Бранкаччи флорентийской церкви Сайта Мариа делла Кармине фрески Мазолино да Пани-кале заполнены персонажами, одетыми по моде XV в., а у Ма-заччо отражают обстановку, близкую к флорентийской. У худож-

¹²⁹ М. Т. Петров. Итальянский маньеризм как кризис эстетических идеалов и распад стиля Высокого Возрождения. Л., 1967 (дипл. работа, машиноп. рукоп., б-ка ист. фак. ЛГУ, № 53).

¹³⁰ В. Р. Винпер. 1) Борьба течений. . . ; 2) Искусство XVII века и проблема стиля барокко. — В кн.:

Проблема стилей в западноевропейском искусстве XV—XVII веков. Ренессанс. Барокко, Классицизм. М., 1966,

¹³¹ И. А. Лившиц. Бершши. М., 1957.

¹³² *It, B, echerus c i. La vita pviyata, . .*

230

ников еще нет проникновения во внутреннюю жизнь человека, обстановка служит лишь фоном. Более высоким этапом является творчество Донателло, который стремился передать не только

спокойный, свойственный его веку побед и политического равновесия идеальный тип св. Георгия, но и образы пророков, внутренний мир которых заполнен сомнениями, грустью, самоанализом; к таким принадлежит знаменитая статуя, изображающая пророка Иова (или Аввакума) и прозванная современниками «Цукконе». В то же время античность, классическая литература воспринимаются, судя, например, по иллюстрациям XV в. к «Энеиде» Вергилия, хранящейся в Риккардиане, как сказка, переосмысленная в итальянской обстановке: Приам представлен в виде флорентийского синьора, а обстановка, в которой действуют античные герои, списана с флорентийского контадо, как и у Беноцци Гоццолли в его знаменитом «Шествии волхвов».

В годы упадка, в конце XV в., поэзия Полициано перекликается с живописью Боттичелли, отражающего в своем творчестве Италию, которая пытается заглушить тягостное предчувствие гибели карнавальными песнями Лоренцо Великолепного, как бы исполняя гимн утонченной, но теряющей жизненные силы Флоренции:

Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь.
Счастья хочешь, счастлив будь
Нынче. Завтра — неизвестно.

Удлиненные, теряющие почву под ногами женские фигуры Боттичелли, подобные Клариче Орсини, живут в атмосфере «пла-тонизирующего гуманизма» Фичино. Это не отрыв от реальности, а фактическое отражение реальной действительности, интуитивно понятое влияние общественных условий конца Кватроченто на положение и судьбу человека.¹³³

Красивая мечта о счастливой Флоренции, отдыхающей в мире (*Firenze lieta in pace si riposa*), уходит в прошлое, начинается новый высший этап Возрождения — Чинквеченто, приведший к созданию первого в истории художественного метода реализма. Если в предшествующие периоды появлялись типизирующие образы, лишенные какой-либо идеализации, -то на высшем его этапе эта черта расширяется и усиливается. В начале XV в. возникает обобщенный образ мыслителя в статуе Донателло «Цукконе». Во второй половине XV в. Вероккьо был создан предельно выразительный тип кондотьера в его известном конном монументе Коллеони в Венеции. XVI век приводит к новому этапу создания убедительных типизированных образов, обладающих тонкой психологической характеристикой: достаточно обра-

¹³³ Т. К. Кустодиева. Сандро Боттичелли. Л., 1971.

231

таться к таким шедеврам, как «Мадонна Бенуа» Леонардо в Эрмитаже, являющейся олицетворением материнства, или же его «Св. Иероним» ватиканской пинакотекы, сконцентрировавший в себе человеческое страдание; как «Пиета» Микеланджело в соборе св. Петра в Риме, выражающая предел материнской нежности и силы, его властный и сильный «Моисей» в Сан Пьетро ин Винкелли, целая серия созданных им обобщающих характеров человеческой трагедии в Сикстинской капелле, отражающих социальную действительность Италии.¹³⁴ В творчестве Тинторетто и Бассано, несмотря на их сложность и противоречивость, с особой силой проявляется тема народной жизни Италии, свидетельствующая, особенно у Тинторетто, о симпатии авторов не только к бедному человеку, но и к народной массе.¹³⁵ Несмотря на ран-небуржуазную основу культуры Возрождения, следует учитывать ее социальное многообразие.

Все эти черты реалистического метода Возрождения могли послужить истоками, как в опосредованном виде, так и непосредственно последующих этапов реализма вплоть до критического реализма XIX в., который достиг колоссального расширения сферы отражения социальной действительности главным образом в области глубокого изучения и отражения жизни народных масс.¹³⁸

Возрождение — процесс крайне сложный и многоликий, общая характеристика культуры этой эпохи представляется в целом реалистической, что не противоречит множеству конкретных ее проявлений, далеко не однообразных. Флоренция, Рим, Венеция, Генуя, Милан, Неаполь представляют собой образцы крайнего разнообразия этой культуры. Обратимся к одному из самых своеобразных примеров — к Генуе.

ГЕНУЭЗСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Внешним выражением «золотого века» генуэзского Возрождения было широкое строительство, которым отличалась жизнь лигурийской столицы в XVI в. В середине столетия в Генуе возникает специальное ведомство строительства и архитектурных работ (*conservatores sen ministri Communis Januae*). С 1546 г. Бернардино Кантоне, «камеральный мастер», или «камеральный архитектор» (*maestro di camera, architetto camerale*), начинает создавать новую планировку Генуи (*strada Nuova*), реализация ее являлась как бы символом силы и растущего единства нобилитета Генуи. Это строительство было одним из своеобразных

¹³⁴ В. И. Руте и бур г. Об истоках Возрождения в связи с творчеством Леонардо да Винчи. — Уч. зап. Лен. гос. ун-та. 1956, № 192, с. 175—176.

¹³⁶ Б. Р. Випьер. Борьба течений. . . , с. 330—355.

¹³⁶ О. В. Лармин. Художественный метод и стиль, с. 119, 123—125.

232

проявлений Возрождения на почве Генуи, элементы которого в архитектуре отмечаются сравнительно поздно, лишь с XV в., а крупное городское строительство начинается не раньше начала XVI в. (расширение здания банка в 1508, а затем в 1571 г.).¹³⁷ В связи с этим возникает общий вопрос об особенностях генуэзского Возрождения. Каждый итальянский город-государство, синьория, герцогство, королевство имели неповторимый облик, что, естественно, сказывалось и на характере его культурного развития. Генуя представляет собой такой город-государство, где определенные проявления культуры дают повод говорить некоторым западноевропейским авторам об отсутствии здесь истинного Возрождения или о его слабом выражении, особенно при сравнении с классическим флорентийским. Де Негри считает, что Возрождение — это результат меценатства синьоров, а так как их в Генуе не было, то и настоящего Возрождения здесь быть не могло. Специфику генуэзского гуманизма он находит в организации благотворительных учреждений, так как, по его убеждению, «без любви — нет гуманности».¹³⁸ Недостаточная глубина и сомнительная аргументация этих положений связаны с общеметодологическим критерием Де Негри, который исходит из того, что история — это акт воли, выражение определенной личности; всякая попытка более глубокой оценки исторического процесса —

.. ¹⁴⁰
это, по его мнению, «социологический структурализм»."¹³⁹

Генуя знала фактических синьоров, вроде Дориа, которые были меценатами и привлекали своих и иногородних мастеров, способствуя тем самым развитию искусства. Нет нужды вступать в дискуссию по поводу отличий гуманизма от гуманности. Благотворительность, даже в таких широких размерах, какие знала Генуя, специфична не только для нее, но и для других итальянских центров, и возрожденческой эта деятельность является лишь в хронологическом смысле, а по сути носит еще средневековый характер. Такими были организованное в 1463 г. широко образованным юристом Этторе Вернацца «Братство милосердия» («*Con-fraternita della misericordia*»), участники которого посещали заключенных и оказывали им духовную и материальную поддержку, и в еще большей степени — появившееся в 1497 г. светское частное общество «Ораторий божественной любви» («*Oratorio del divino amore*»), вдохновленное поэтессой (канонизированной затем церковью) Екатериной Фьески Адорно. Знаменитый госпиталь, открытый Вернацца для неизлечимых (*Ridotto degli in-curabili*) в 1499 г. в Генуе, был лишь первым из серии подобных учреждений, созданных затем им же в Риме (1511 г.) и Неаполе

¹³⁷ G. G. M u s s o . La cultura genovese fra il Quattrocento e il Cinque-cento. *Miscellanea Storica Ligure*, vol. I, 1958.

¹³⁸ T. O. D e N e g r i . *Storia di Genova*. Milano, 1968, p. 644—645, 651.

¹³⁹ Ibid., p. 650.

233

(1518 г.).¹⁴⁰ Этого рода деятельность вряд ли может быть охарактеризована как одна из наиболее важных сторон «истинного Возрождения», как «настоящий генуэзский гуманизм».¹⁴¹ В большей степени учреждением гуманистического порядка можно считать школу, основанную Вернацца в 1512 г., где обучали юридическим наукам и медицине, хотя такого направления учебные заведения были известны Италии (медицинская школа в Салерно, юридическая в Болонье) задолго до XVI в.

Характерные черты генуэзского Возрождения и гуманизма можно найти при всестороннем изучении экономической, политической и культурной истории Генуи. Первой является некоторое отставание его от подобного процесса во многих городах-государствах Центральной и Северной Италии. Одной из главных причин отставания было наличие в Генуе сильной прослойки родовитых нобилей (*vecchi*), которые, несмотря на торгово-банковскую деятельность, вместе с титулами сохраняли традиционную феодальную культуру и дворянский быт. Эта прослойка не только не была лишена политических прав, как в городах с преобладанием пополанов, но и составляла одну из ведущих политических сил государства, что было закреплено в XVI в. законодательным путем. Из этого вытекает и вторая черта генуэзского Возрождения — его двойственность, так как наряду с сильным и не исчезающим феодально-нобильским элементом существовал и развивался элемент пополарский, определяющий в большинстве других городов Италии. Эта двойственность усиливается из-за двойственности положения каждой из этих прослоек: феодально-нобильские семьи, владея феодальными поместьями, активно участвуют в деловых операциях; пополарские семьи тянутся до уровня но-бильских, пополары одворяниваются, нобили обуржуазиваются. Третьей чертой представляется значительное влияние на генуэзскую культуру в целом крупных феодальных стран Западной Европы — Испании и Франции, под протекторатом которых или в

союзе с которыми Генуя пребывала длительное время. Они, приближая Геную к себе, как бы отрывали ее от возрожденческой Италии.

В целом все эти черты переплетались, хотя и не были равносильными и равнозначными в отдельные периоды. Их сложное сочетание делало Возрождение в Генуе менее четко выраженным, чем в других центрах.

Отставание процессов Возрождения в Генуе связано с некоторым общим ее отставанием по сравнению с другими развитыми

¹⁴⁰ C. Car pane to. Gli ospedali degli incurabili. Geneva, 1938; R. De .A e n g e i s. Ettore Vernazza e l'assistenza sanitario ai malati poveri. Geneva, 1941, novembre.

¹⁴¹ T. O. De Negri. Storia di Genova, p. 649.

234

центрами Италии. Ее колониальное могущество имело также негативные стороны: оно рассредоточивало силы генуэзского общества, хотя и приводило к усилению процессов взаимовлияния Запада и Востока, культуры латинской и левантийской, восточной и генуэзской. Отставание генуэзского искусства отмечено как в общих, так и в специальных работах.¹⁴²

Запоздание в развитии возрожденческих черт в искусстве, естественно, приводило к заимствованиям. Ранняя городская архитектура XIII в. свидетельствует о значительном влиянии ломбардской и даже провансальской школы; достаточно обратиться к архитектурно-орнаментальному оформлению лоджий нобильских alberghi или пополярских соседских городских общин (gruppi di vicinato). В начале XVI в. в Геную приходят флорентийские и римские формы классического зрелого Возрождения, ощущается влияние искусства Рафаэля и Микеланджело, конкретными носителями которого были приглашенные Дориа из Рима в 1528 г. флорентийские мастера Сильвио Козини и Перин дель Вага, а позднее, в 1538 г., и Монторзоли, украшавшие и обновлявшие дворец Андрее Дориа в Фассоло. Под натиском классического Возрождения несколько отстывает утонченная декоративность ломбардского происхождения. В 1542 г. создается дворец Чикала на пьяцца Дель Аньелло, типичный для возрожденческих строений еще позднего Кватроченто. Особый интерес представляет начатый в 1541 г. силами Камбиозо и Кальви (но не Монторзоли, как иногда ошибочно указывалось) дворец Антонио Дориа, племянника Андреа,— нынешний Дворец Спинолы. Завершенный только в XVI в., он может считаться образцом генуэзской школы Возрождения, впитавшей в себя некоторые элементы флорентийских мастеров.¹⁴³ После установления олигархического режима 1528 г., а затем и новых нобильских порядков 1576 г. род Дориа становится образцом для «великолепных» (magnifici — титул, официально установленный для нобилей по декрету 1581 г.). Они возводят фамильные дворцы, многие из которых, по примеру дворца Дориа в Фассоло, служившего им прообразом, вырастают вне стен города. В XVI и XVII вв. было построено около 200 таких дворцов-вилл, наиболее интересными из которых являются Сан Пьер д'Арена, Пескьеро, Сан Винченце, Д'Альбаро и т. п. Эти дворцы и по стилю, и по названию отражали двойственность природы генуэзского Возрождения, будучи возрожденческими палаццо и в то же время виллами феодальных владетелей.¹⁴⁴ Нередко

¹⁴² G. G. M u s s o. La culture. . . ; P. Coles. The Crisis of Renaissance Society. Genoa 1488—1507. — Past and Present, 1957, № 11; «Rinascimento artistico in Genova sia stato tardivo e modesto» (T. O. De Negri. Storia di Genova, p. 686).

¹⁴³ T. O. De Negri. Storia di Genova, p. 686—688.

¹⁴⁴ G. B a l b i. Uomini d'arme e di cultura nel Quattrocento genovese. — Atti della Società ligure di Storia Patria, vol. II, 1962.

235

их хозяевами были нобили из пополаров, что усиливало социальную и художественную двойственность архитектуры дворцов и их живописных украшений, становившихся нередко составной частью архитектурного замысла. Наиболее ценные из этих архитектурных памятников были творениями мастеров школы Перин дель Вага или Бергамаско, если, конечно, хозяева строящегося дворца не навязывали им своего дурного вкуса (что произошло, например, в случае с купцом Томмазо Марино по отношению к крупному мастеру Галеаццо Алесси, создателю базилики дель Ассунта или ворот Сиберия).¹⁴⁵ Совершенно разные мастера Алесси, Лураго, Бергамаско создали нечто единое в архитектурном облике возрожденческой Генуи, объединенном в идее strada Nuova. Весь старый центр города тяготел к перестройке (alia moderna).¹⁴⁶ Недостаток территории приводил к чисто генуэзскому способу выражения блеска, богатства и разнообразия на небольшой площади узкого фасада здания, украшенного не только рельефами, но и фресками, как на палаццо Империяле, Сиинола и др.¹⁴⁷ Этот своеобразный архитектурно-живописный итог возрожденческого градостроительства Генуи, хотя и выходит несколько за рамки собственно Возрождения, вряд ли было бы справедливо именовать

«римским маньеризмом» или «маньеризмом моноблочного города», как это делает Де Негри.¹⁴⁸

В области живописи можно говорить как о прямом влиянии тех стран, с которыми Генуя была связана, так и о влиянии искусства генуэзского на культуру этих стран. Известны провансальские воздействия на искусство Генуи периода раннего итальянского Возрождения, а затем искусства фламандского. Здесь деловые связи непосредственно несли с собой и связи культурные. В свою очередь испанский двор приглашал живописцев Тавароне, Бергамаско, Камбионо. Следовательно, может идти речь о взаимовлиянии, которое в Геную принесло черты, мало свойственные классическому итальянскому Возрождению, а в Испанию — элементы своеобразной школы генуэзского Возрождения. Таковы некоторые особенности генуэзского Возрождения в целом, тесно связанного со всей спецификой развития Лигурийской столицы.

Важной составной частью итальянского Возрождения являются античные традиции, гуманистические идеи и гуманистиче-

della

¹⁴⁵ E. Pandiani. Vita privata del Rinascimento. — Atti Società ligure di Storia Patria, t. XLVII, 1915.

¹⁴⁶ T. O. De Negri. Storia di Genova, p. 691; B. Polleggi. Strada nuova: una lottizzazione del Cinquecento. Genova, 1968.

¹⁴⁷ G. Feltoni. 1) Per la storia della popolazione di Genova nei secoli XVI e XVII. — Archivio Storico Italiano, vol. CX, 1952; 2) Popolazione e case a Genova nel 1531—1535. — Atti della Società ligure di Storia Patria, vol. IV, 1964.

¹⁴⁸ T. O. De Negri. Storia di Genova, p. 692—693.

236

ское обучение. Генуя не представляла собой видного центра гуманизма, хотя в ней были нерегулярного типа школы грамматики и риторики, руководимые, как правило, преподавателями из других городов. Судя по составу сохранившихся библиотек, здесь были и ученые-гуманисты. Однако генуэзская молодежь искала и находила возможность получить общегуманистическое или специальное образование в Болонье, Павии, Пизе. Слабое и позднее развитие гуманистического обучения Де Негри объясняет «маразмом догмата» и чужеземным господством.¹⁴⁹ Последнее не лишено основания, хотя в целом это отставание можно объяснить изложенными уже общими условиями развития Генуи, повлиявшими на генуэзское Возрождение.

Отставание в области гуманистического образования было весьма значительным. Только в 1571 г. буллой Сикста IV генуэзской коммуне было дано право присваивать степень доктора прав, теологии, медицины и свободных искусств; в 1587 г. это лично совершал дож Паоло Фрегозо.¹⁵⁰ Среди генуэзских гуманистов XVI в. можно назвать латиниста, натуралиста и географа Якопо Брачелли, канцлера республики, который был связан с Барбаро Манетти, а также медика-гуманиста Лоренцо Маджолу. Видной фигурой в области литературы и культуры были дож Томмазо Фрегозо, Паоло Фрегозо, знаменитый Оттавиано Фрегозо, который был введен Кастильоне в трактах «Придворные» в качестве одного из эрудированных собеседников. Некоторые видные итальянские гуманисты не только бывали в Генуе, но и выступали публично или подвизались в роли педагогов в семьях знатных генуэзцев, среди них были Филельфо и Балла.¹⁶¹ Значительной отраслью генуэзской культуры и науки была картография, вызванная к жизни самим географо-экономическим положением Генуи, но эта отрасль не связана с Возрождением и не носила характера типично гуманистической культуры. Школа генуэзской морской картографии имеет свою особую историю, истоки которой обнаруживаются с конца XIII в., а увенчиваются деятельностью и открытиями Христофора Колумба и Америго Веспуччи. Де Негри причисляет картографов к гуманистам «особого рода», «долитературным» (umanisti ante litteram),¹⁵² а некоторые авторы, вроде Челле, находят элементы гуманизма в деятельности таких картографов и открывателей, как Колумб.¹⁵³

Своеобразие генуэзского Возрождения и генуэзского гума-

¹⁴⁹ Ibid., p. 645.

¹⁵⁰ G. Oreste. Il governo genovese e gli studi umanistici. — Bollettino Ligustico, vol. I, 1949.

¹⁵¹ F. Gabotto. Umanesimo Ligure. — Atti della Società ligure di Storia Patria, t. XXIII, 1959.

¹⁵² T. O. De Negri. Storia di Genova, p. 648.

¹⁵³ M. Celle. Gli elementi umanistici nella tradizione colombiana primitiva. Torino, 1932.

237

низма отражает социально-экономическое положение Генуи как итальянского государства, тяготеющего к Франции и Испании. Будучи зависимой от них экономически и политически, она ощущала на себе влияние сильных централизованных феодально-абсолютистских монархий, способствовавшее укреплению экономических и политических позиций генуэзского нобилитета и усилению нобильского характера популяционных элементов Генуи. В свою очередь создание единого, хотя и социально неоднородного правящего класса феодально-популярского нобилитета ослабляло демократические, народные элементы Генуи, лишенные политических прав. Такое соотношение классовых сил; при котором по-попалары даже временно не представляли весь народ,

как это было во Флоренции, не могло не оказать существенного воздействия не только на характер генуэзской культуры, но и на весь социальный и политический облик государства. Близкая к государствам-коLOSSам Западной Европы, Генуя стала «далекой» от попоЛан-ской Италии и ее раннебуржуазной культуры Возрождения, в то же время не лишаясь некоторых черт этой ранней буржуазности в экономике, политике и культуре.

«Генуэзский образец» Возрождения показывает многоликость культуры этой эпохи. Однако для всех центров Возрождения и всего этого явления в целом характерны и общие черты. Одной из них представляется «великое противостояние» Возрождения и Реформации.

Глава вторая

ВОЗРОЖДЕНИЕ И РЕФОРМАЦИЯ

антиподы или союзники?

Одним из наиболее сложных представляется вопрос о степени прогрессивности Возрождения по сравнению с Реформацией. Если ставится вопрос о сравнении двух явлений, то, очевидно, отпадает положение об их идентичности. В то же время в литературе известны попытки слить эти два явления воедино, смешать антиклерикальные элементы Возрождения с антикатолическими течениями Реформации. Проблеме Реформации и гуманизма посвящена огромная литература, требующая специального и подробного рассмотрения. Ранке, Готхейнс, Бурдах настаивали на неразрывной связи Реформации и Возрождения, Трельч и Гарен пришли к выводу об их антагонистичности.^{15*}

В целях сохранения исторической истины следует с крайней осторожностью выводить и Возрождение, и Реформацию из еретических течений средневековья, как и протестантизм из гуманизма. Но это не исключает исследования прогрессивных гуманистических черт в явлениях Реформации и средневековья, сопоставления хронологически близких явлений Реформации и Возрождения.

Истоки этих двух явлений иногда представляются сходными, хотя каждое из них имеет свою особую почву, как и свойственное лишь ему проявление. Это не лишает их определенного взаимовлияния, отдельных точек соприкосновения и общих черт и даже переплетения некоторых из них. Возрождение появилось в условиях подрыва феодальных отношений, возникновения раннего капитализма в Италии XIV в.; Реформация — в условиях ломки феодализма в ряде европейских стран XVI в. Итальянское Возрождение — выражение процессов, происходивших на самой заре капитализма" в одной передовой стране Европы, Реформация — процессов, происходивших в начале капиталистической эры в масштабе всей Европы. Из свойственного и Возрождению, и Реформации можно отметить такие неравнозначные явления, как зарождение и развитие мануфактурного производства, усиление роли буржуазных прослоек общества и буржуазной идеологии,

¹⁶⁴ К. В и г d а с h. Reformation, Renaissance und Humanismus. Berlin, 1926; E. Troeltsch. Aufsätze zur Geistgeschichte und Religions-soziologie. Tübingen, 1925; E. G a r i n. Il Rinascimento italiano. Milano, 1949.

239

использование античных традиций и языков наряду с усилением значения и развитием языков национальных, критика церкви, народные движения. Все-таки все эти явления далеко не совпадают по качественной характеристике. Критика, которой подвергали церковь в своих трудах гуманисты, вроде Лоренцо Баллы, не могла не способствовать выступлениям против папства деятелей Реформации, однако и содержание, и цель этих выступлений были далеко не одинаковыми. Использование античных традиций деятелями Возрождения приводило к усилению языческих антиклерикальных сторон культуры. Деятели Реформации прибегали к античным языкам для опровержения старых и утверждения новых религиозных норм. Более важными и существенными являются здесь не сходство, а отличия, и прежде всего в характере, масштабах и направленности народных движений.

Народные движения в Италии в эпоху Возрождения были ограничены относительно узкими рамками отдельных областей (крестьянские восстания Дольчино, тукинов) или городских центров (восстания чомпи во Флоренции, «дель Бруко» в Сиене и др.), в то время как реформационные движения охватывали почти всю территорию страны (в Германии, Нидерландах), приобретая общенациональный размах. Восстания XIV—XV вв. в Италии были движениями определенных слоев населения (крестьянства Северной Италии, предпролетариата городов Средней Италии); реформационные движения XVI в. охватывали почти все слои населения страны, их глубинные толчки не только сотрясали, но существенно изменяли феодальную почву или даже ликвидировали ее, создавая новое буржуазное общество. В целом народные движения эпохи Реформации заключали в себе революционный заряд огромной силы. В то же время от Италии, если не сбрасывать со счетов всю специфику ее исторического развития, нельзя требовать повторения немецкой или нидерландской обстановки. Реформационные движения в Италии были, но ни сила, ни размах, ни их политический

накал не могут идти ни в какое сравнение с Реформацией в Германии, где она слилась с крестьянской войной, или с Реформацией в Нидерландах, где она превратилась в войну за национальную независимость и выросла до масштабов первой буржуазной революции в Европе, закончившейся победой. Папство и Ватикан были для Германии антинациональными силами, как и Испания с ее католической инквизицией для Нидерландов; для Италии папство было национальным институтом, который подвергался критике несколько иного плана. В литературе много лет назад возник спор: являлось ли для Италии бедой то, что она не примкнула к великому потоку Реформации, что он увлек ее весьма слабо. Почти беспредметный, с точки зрения конкретно-исторического процесса, этот спор имел и имеет теоретический Аполитический-интерес. ОдшиуГиз первых, еще~в~1892 г., Альфредо Ори-ани подчеркивал, что политическая борьба в Италии, происходив-

240

шая в прошлые века, определяет характер борьбы современной.¹⁶⁵ В прошлые века, считал Ориани, несмотря на героев-одиночек вплоть до Бруно и Кампанеллы, народ был индифферентен к серьезной религиозной реформе, сопряженной с народными движениями. Это происходило, по его мнению, от разрыва, существовавшего между мыслителями и народом, идущего еще от Возрождения. Истоки этого исторического исследования ведут к Франческо Де Санктису, оказавшему большое влияние на итальянскую мысль эпохи Рисорджименто и последующего периода. Он высказывал мысль, что образованные классы Италии эпохи Возрождения были скептическими, неверующими, почему и у всего итальянского общества не хватило сил для морального и политического подъема. Спор о путях развития итальянского общества и государства и методах его борьбы был актуальным не только в период Рисорджименто и первых десятилетий существования самостоятельной Италии. На него откликались и прогрессивные деятели темного периода фашизма. Так, П. Гобетти и К. Росселини, после установления в Италии режима Муссолини, считали, что отсталость Италии, в том числе и подавление всяческой демократии и установление фашистских порядков, имеет своим далеким истоком отсутствие в итальянской истории Реформации, могучего народного движения, которое бы ликвидировало почву для ростков реакции. Их критика носила несколько беспредметный характер. В противовес им Антонио Грамши подчеркивал отсутствие в Италии XVI в. национально-народного блока на религиозной почве, который был в странах Реформации. В Италии, говорил он, был церковный космополитизм, не было национального центра, связи между философией и религией, религией и жизнью народа. Пример тому — индивидуальная драма Джордано Бруно, представителя, по его мнению, общеевропейского, а не собственно итальянского мышления. Выступая против мелкобуржуазной идеологии Ориани, Грамши уточнял свою точку зрения:¹⁶⁶ ставить в зависимость слабость национальной и государственной организации Италии от отсутствия там Реформации — значит проявлять несколько механический, абстрактный подход, своего рода литературную конструкцию. Он показывал, насколько ограничены эти мелкобуржуазные историки, не понявшие значения философии марксизма как великой реформы нового времени, порождающей широкое движение народных масс. Либерализм Кроче он подвергал критике, справедливо отмечая, что он ведет к новому «Возрождению», которое сможет служить не широким слоям народа, а узкому кругу буржуазной интеллигенции.

¹⁶⁶ A. O r i a n i. La lotta politica in Italia, origini della attuale. Torino-Roma, 1892.

¹⁶⁸ A. G r a m s i. Il materialismo storico e la filosofia di Benedetto Croce. Torino, 1948.

16 В. И. Рутенбург

241

Деятели реформационных учений, лютеранского и кальвинистского, обращались к народу и поднимали широкие национально-народные движения, чего, писал Грамши, не способны были сделать представители Возрождения. Поэтому он находит возможным провести почти прямую линию от Реформации XVI в. к классической немецкой философии, а затем и к философии марксизма. Грамши выступал против Кроче как противника марксизма, считавшего себя наследником Возрождения, ставившего его выше. Реформации по культуре языка, мышления, искусства, хотя и признававшего большую народность Реформации и некоторый аристократизм Возрождения.¹⁸⁷

Спор Грамши—Кроче носил не только острополемиический, но и главным образом политический характер: речь шла о приме-' нении методов Реформации и Возрождения к своей эпохе, о принципах политической деятельности. В этом споре типичные стороны того и другого явления несколько абсолютизировались: путь Возрождения рассматривался как исток буржуазно-демократической эволюции страны, путь Реформации — народной революции. Естественно, что Грамши импонировала народность и революционность Реформации.

В специальной же исторической и социологической литературе характеристика Реформации нередко преподносилась односторонне— выпускались из вида ее многогранность, наличие в ней как народной, крестьянской, плебейской, так и буржуазной и даже дворянско-аристократической

линии. Подчеркивалось, что Реформация знала массовые революционные методы борьбы, способствовавшие расширению религиозных и политических свобод; забывалось, что после победы Реформации в разных странах эти свободы значительно ограничивались или даже ликвидировались, а новые послереформационные порядки не отличались ни революционностью, ни народностью.

В такой же степени односторонний подход встречался в специальной литературе и по отношению к Возрождению, которое знало не только аристократическую замкнутость гуманистов, но и сильную народную струю в литературе, искусстве и острые классовые битвы.

Поэтому утверждение, что новая история Европы идет от Реформации,¹⁵⁸ весьма неубедительно.

Новая история европейских стран имела истоками и Реформацию, и Возрождение в сложном и противоречивом переплетении. В одних странах большее значение имели традиции Реформации, в других — Возрождения. Для Италии традиции Возрождения играли большую роль, реформационные движения в Италии были менее значительны по раз-

Ч' В. Стосе. *Storia dell'etEi barocca in Italia*. Bari, 1953.¹⁶⁸ См., например: D. Cantimori. *Studi sulla Riforma e sulla religione del Cinquecento*. Torino, 1959, p. 78.

242

маху и результатам. Это вытекало из условий всего исторического развития страны, и поэтому представляется беспочвенным и бесцельным сетовать на отсутствие в Италии реформационного движения немецкого типа и размаха.

ИТАЛЬЯНСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ

Одним из первых реформаторов в Европе был итальянец Жи-роламо Савонарола, подвергший папство жестокой критике и пытавшийся реформировать церковные и светские порядки. Его сожжение было организовано при участии папской курии. Италия являлась пионером Реформации, Савонарола — первой жертвой будущей контрреформации. Он не был единственным критиком католической церкви, в XV в. ему предшествовала антиклерикальная традиция Возрождения, элементы которой встречаются уже у Данте, Петрарки и Боккаччо, развиваются Колуччо Салютати, Луиджи Марсилья, Поджо Браччолини, Леонардо Бруни Аретино и в наиболее яркой форме проявляются в творчестве Лоренцо Баллы.¹⁵⁹ Идеи Возрождения в Италии служили питательной средой для реформационных учений. В общеевропейском масштабе теория и практика движения гуситов в Чехии не могли пройти мимо итальянских гуманистов.

Подтверждением тому служит известное описание Констанцского собора Поджо Браччолини в его письме к Леонардо Бруно Аретино, в котором выявляются симпатии автора к Яну Гусу и Иерониму Пражскому и их учению.

Реформация была выражением глубоких социально-экономических сдвигов, происходивших в Европе в XVI в. Находившаяся под чужеземным игом Южная Италия, раздираемая резкими социальными противоречиями, питавшаяся традициями иоакимизма, стала родиной итальянской Реформации.¹⁶⁰ Учения протестантизма в Южной Италии были направлены против испанской монархии, засилия католической церкви, а также против весьма активных попыток римской курии усилить здесь свою власть. Этим объясняется наличие среди протестантов представителей высшего духовенства и дворянства, выступавших за независимость южноитальянской церкви от Рима. Уже в 30-х годах XVI в. в Неаполе начал свою деятельность ярый противник светской власти пап и испанских властей Джованни Вальдес. Среди его последователей были Джулия Гонзага, оказавшая покровительство многим деятелям реформационного движения в Италии, и Пьетро

16» Итальянские гуманисты XV в. о церкви и религии. Сост., ред. и предисл. М. А. Гуковского. М., 1963; В. И. Рутенбург. Лоренцо Балла. . .

¹⁶⁰ См.: В. И. Рутенбург. Великий итальянский атеист Ванини. М., 1959, с. 11—20.

243

16*

Мартира, вынужденный бежать из Неаполя в Лукку, где он основал протестантскую общину. Такие же общины выросли в Сиене и Флоренции. Итальянская Реформация шла с юга на север. Весьма сильное течение реформационного толка было в самом Неаполе. Там, по словам одного церковного писателя, насчитывалось более трех тысяч еретиков. Это движение охватило такие области, как Калабрия, где его возглавлял Аполлонио Меринда, и Апулия, где им руководили Лодовико Манна и Джованни да Кастофьяно. Неаполитанский протестантизм был близок к цвинглианству и кальвинизму: многие видные деятели -итальянской Реформации отстаивали положение о спасении одной верой. Некоторая часть итальянских протестантов была близка к Меланхтону, хотя последний порицал их склонность к античной философии и «Суетной» науке.

В Южной Италии Реформация носила относительно массовый характер, о чем свидетельствует

преследование протестантов уже с 30-х годов XVI в., порученное Римской курией ордену театинцев. В 40-х годах происходят массовые осуждения еретиков, близких по взглядам к лютеранству. Испанский король со своей стороны ведет их беспощадную травлю, пользуясь услугами доминиканцев; они сжигают запрещенные книги и преследуют гуманистические кружки и протестантские общины. Римская инквизиция также творит в Неаполе суд и расправу не без помощи войск испанского наместника. В начале 60-х годов XVI в. было уничтожено несколько тысяч бежавших в горы Калабрии горожан-вальденсов; террор инквизиции вызвал народное восстание. Таким образом, и итальянская Реформация знала широкие народные движения, которые, однако, не могли оказать решающего воздействия на исторические судьбы страны.

К концу XVI в. в странах Реформации заглух дух бунтарства и установился «твердый порядок»; в Италии, остававшейся страной католицизма, протестантизм был актуальным и действенным орудием борьбы, тем более что он до самого конца XVI в. сохранял здесь радикальные течения, вплоть до анабаптизма.

Многие итальянские протестанты бежали в Швейцарию, к своим единомышленникам цвинглианцам, кальвинистам, анабаптистам. Большой прилив итальянских эмигрантов отмечается в 40—60-х годах XVI в. В Базеле, Цюрихе, Женеве находили приют протестанты и вольнодумцы из разных социальных прослоек. Они образовали там землячества, существовавшие нередко дольше, чем религиозные учения, на почве которых они объединились. В Женеве в середине XVI в. крупным аристократом-протестантом Галеанцо Караччоли, бежавшим из Южной Италии, было основано итальянское землячество. Его возглавил затем проповедник Чельзо Мартиненго из Бреши, не терявший связей с Италией. В землячестве шла борьба между владельцами мануфактур, богатыми итальянскими кальвинистами, и кальвинистами-

244

ческой беднотой во главе с Себастьяно Кастелио. Немало итальянских кальвинистов проживало в Базеле, прославленном центре книгопечатания и университетской науки, религиозной веротерпимости и гуманизма. Это импонировало представителям итальянского протестантизма, известного своими гуманистическими традициями. Они оказывали некоторое влияние на церковный и политический ригоризм цвинглианских и кальвинистических порядков в Швейцарии, но изменить его не могли. Кальвинизм становится нетерпимым к проявлениям передовой свободной мысли, швейцарские власти все с большим подозрением относятся к итальянским эмигрантам, и те нередко становятся жертвами кальвинистического религиозного террора. К началу XVII в. итальянские эмигранты ищут прибежища в Англии, Франции, Польше, Моравии.¹⁶¹

Соотношение между гуманистическими интересами и реформационными можно наблюдать в Италии на примере эволюции отношения к Эразму Роттердамскому. Посещение им Италии было воспринято передовыми кругами с интересом, хотя и не связывалось с его ролью в процессе Реформации. Его рассматривали как известного критика своей эпохи; ему даже присвоили в Турине, вопреки его желанию, степень доктора теологии. Между 1531—1554 гг. в Италии вышло восемь его сочинений (шесть в Венеции и два во Флоренции). Интерес к произведениям Эразма в Италии и влияние их на итальянскую культуру в первой половине XVI в. были совершенно иными, чем в других странах Европы: они воспринимались как христианский гуманизм, судя по тексту посвящения одного из переводчиков — Пьетро Лауро из Модены. Во второй половине XVI в. отношение к Эразму со стороны ортодоксальных католических кругов стало весьма настороженным, а после Тридентского собора, когда его сочинения попали в индекс запрещенных книг, имя этого мыслителя звучит как символ бунта и ереси.¹⁶²

В Италии появляется целое течение, исходящее из возрожденческой традиции, критически воспринимающее ортодоксальный католицизм, допускающее сомнения в его правильности: приверженцев этого течения называли итальянскими эразмианцами (*erasmiani italiani*). Среди них видные деятели церкви, епископы Мороне (в Модене), Верджерио (в Каподистрии), Поле (в Витербо), Контарини, произведенный Павлом III в кардиналы. Относительной независимостью от Рима отличалась Венеция, где поэтому появлялись антипапские теории. Там действовала своя государ-

¹⁶¹ Там же, с. 37—39.

¹⁶² D. Cantimori. Note sul Erasmo e la vita morale e religiosa italiana nel secolo XVI. — In: A. Saitta. *Antologia di critica storica*. Bari, 1958, p. 473.

245

ственная инквизиция, специальная магистратура по расследованию ересей (*Savi all'eresia*).¹⁰³ Показательным примером этой переходной эпохи, столкновения и переплетения гуманистических и реформационных течений, является творчество яркого и своеобразного представителя итальянской культуры Пьетро Аретино; первый журналист Европы, беспощадный критик и насмешник, памфлетист и гроза государей, тонкий ценитель искусства был также автором шести сочинений на религиозные сюжеты. И, хотя Аретино нередко характеризовали как человека без

идеалов и принципов, его творчество от этого не становится менее колоритным свидетельством эпохи.¹⁶⁴ Его знакомство с религиозными сюжетами, особенно в творчестве Тициана и Тинторетто, образное и колористическое их восприятие создали почву для появления таких прозаических сочинений, как «Гуманность Христа», «Жизнь девы Марии» и т. п. Причиной их появления было усиление в Италии XVI в. интереса к проблемам религии, на который откликнулся чуткий к писательской популярности Аретино. Он мог определить настроения некоторых кругов итальянского общества, слабые стороны их мирозерцания (*punctum dolens*), стремления к покаянию перед лицом чужеземных нашествий, краха возрожденческих идей, общеевропейских потрясений эпохи Реформации. В то же время по форме и стилю его «священная проза» исходила из народных традиций религиозной литературы раннего Возрождения. Эту противоречивость Аретино показал в одном из писем, где рассказывал, как демон и ангел объявили ему, что он должен будет пребывать поочередно один месяц в аду, другой — в раю.¹⁶⁵ В Венеции еще было относительно спокойно: пока чаще сжигались книги, чем их авторы. Постепенно и Северная, и Центральная Италия тоже переходят от относительной религиозной веротерпимости властей и эразмианской сдержанности к суровости испанского католицизма. Это был сложный период борьбы возрожденческих, гуманистических традиций, их своеобразного принятия, переработки и использования католической реакцией. В качестве примера переплетения гуманизма с религиозностью можно привести общество зачинателей итальянской реформации, именовавшееся «Ораторием божественной любви». Здесь подвизались эразмианцы типа Контарини и будущие адепты крайней католической реакции, вроде Караффы.

Стремление укрепить «чувство христианской общности» (*san-timento di comunanza cristiana*) и ослабить «дух Возрождения»

¹⁶³ G. Spin i. *Storia dell'eta moderna dall'impero di Carlo V all'illuminismo*. Roma, 1960, p. 134—151.

¹⁶⁴ L. F o n t a n a. *Lineamenti ideali di uno scrittore senza ideali: Pietro Aretino*. *Convivium*, 1947, № 5—6.

¹⁶⁶ и. P e t r o s c h i. *Pietro Aretino. Fra Rinascimento e controriforma*. Milano, 1948, p. 1-53, 264-297.

246

(*spirito del Rinascimento*) было в XVI в. не только идеологической линией развития католицизма, но и политической ориентацией на новую итальянскую и общеевропейскую обстановку, в которой оказалась папская курия в условиях Реформации.¹⁶⁶ Образцом того может служить Феррара как одна из самых ранних итальянских синьорий.¹⁶⁷ В XVI в. она стала объектом политической игры и занимала значительное место в планах папской курии. К этому еще примешивались интересы Франции, связанной с Феррарой династическими узами — женой феррарского герцога Эрколе д'Эсте была дочь Людовика XII Рене (Рената). Папский двор оказывал всяческое давление на Феррару, стремясь превратить ее в один из центров ортодоксального католицизма, чему мешали старые возрожденческие традиции, не лишённые здесь реформационных веяний. В 1543 г. в Феррару пожаловал сам папа Павел III, на словах восхищавшийся ренессансным блеском двора Эрколе, эрудицией его родственников и друзей. Практически же результатами этой встречи было введение в Ферраре инквизиции, которая начала сжигать там протестантов, открытие в 1549 г. иезуитской семинарии, а затем и домашний арест самой герцогини. Наступление католической реакции на Феррару подрывало ее славу литературно-философского салона Италии, в котором подвизались Ариосто, отец поэта Тассо, профессор классической филологии и истории Фульвио Морато Перегрино из Мантуи, его дочь Олимпия — выдающийся эрудит, ее учитель гуманист Синипис из Вюрцбурга и ее муж немецкий ученый-медик, поэт, философ-платоник Грюнтлер, образованнейшие женщины Возрождения Катарина Сфорца, Катарина Чибо, Джулия Гонзага. Это гуманистическое общество Феррары обращается к поэзии, латыни, древнегреческому и древнееврейскому языкам, изучает Платона, Аристотеля. Гуманистическим содержанием отличалось и обучение в университете Феррары, имевшем кафедру классической филологии. Даже в таком монархическом центре Возрождения, как Феррара, где республиканские традиции ограничивались фикцией «избрания» герцога советом старейшин города, гуманистическое течение было достаточно сильным. Гуманизм оказывал здесь решающее влияние на реформационные учения, питая их и окрашивая в возрожденческие тона. Так, к 30-м годам Рената Феррарская переходит от платонизма и аристотелизма к изучению богословских проблем, Катарина Чибо изучает древнееврейский, чтобы понять священное писание, Олимпия читает «Декамерона» Боккаччо, отыскивая в нем критику католических святых. Пове-

(166 E. F u e t e r. *Storia del sistema degli stati europei dal 1492 al 1559*. Firenze, 1932, p. 66—75.

¹⁶⁷ E. B. Б е р и р а д с к а я. *Классовые основы ранней итальянской синьории*. — Уч. зап. Смоленск, гос. пед. ин-та, вып. II, 1953.

рот к реформационным учениям происходил в Ферраре и под непосредственным влиянием немецких и швейцарских адептов: при дворе находился Курионе Селио, ученик Меланхтона; если в Ферраре у Ренаты и не был, как предполагалось, сам Кальвин, то феррарская герцогиня, и не она одна, читала его письма; в Ферраре был университетский городок типа немецкого бурга, где обитало немало протестантов из Германии; не только ученым гуманистом, но и проповедником Реформации являлся названный уже Грюнтлер, венчавшийся с Олимпией в протестантской часовне Феррары.¹⁶⁸ Феррара была и в XVI в. одним из центров Возрождения, как и Мантуя с ее кружком Балтазара Кастиль-оне, друга Рафаэля.¹⁶⁹

Другим примером сложного отношения Возрождения и Реформации в Италии являлась Лукка. Эта небольшая республика Тосканы сохраняла в значительной степени торгово-промышленную активность, а ее пополанские круги — раннебуржуазные воззрения.¹⁷⁰

Еще в 1493 г. в Лукке проповедовал Савонарола,¹⁷¹ и тексты его проповедей были распространены там достаточно широко,¹⁷² особенно среди доминиканских монахов, укрывшихся в церкви Сан Романо, связанной с видными семьями города. Наиболее известными из последователей Савонаролы в Лукке были фра Паоло Бернардни и Заккариа да Луниджана, который в 1528—1530 гг. в осажденной Флоренции выступал за сохранение республики. Главными положениями их учения были требования раннехристианского образа жизни, осуждение продажности духовенства и злоупотреблений папства. Достичь этого они считали возможным через всеобщую реформу церкви, которая должна привести к усилению церковной иерархии и ее главы — папы. Таким образом, лукканские последователи Савонаролы направляли огонь своей критики не на разрушение католической цитадели, а ее укрепление. Поэтому с середины XVI в. Сан Романо превратилась в центр католической ортодоксии, где стала собираться группа иезуитов. Такова противоречивая логика периода Реформации: от Савонаролы к Лойоле. Возможно, что не без влияния савонаролианских критиков в Лукке XVI в. усилился традиционный здесь культ Христа, святого лика, распятия: в 30-х годах

¹⁶⁸ Е. В. Б а л о б а н о в а. Две судьбы. Герцогиня Рената Феррарская и муза Италии Олимпия Мората. Биографический очерк из эпохи Возрождения и Реформации. СПб., 1899.

¹⁶⁹ А. И. Х о м е н т о в с к а я. Кастильоне, друг Рафаэля. К истории и от о universale эпохи Возрождения. Пгр., 1923.

¹⁷⁰ М. B e r e n g o. Nobili e mercanti nella Lucca del Cinquecento. Torino, 1965.

¹⁷¹ С. G i T a s t i. Il Savonarola e i Lucchesi. Giornale storico degli Ar-chivi toscani, vol. VI, 1862, p. 122—126.

¹⁷² А. M'a n c'i'n i. Codici savonaroliani a Lucca. Lucca, 1901.

248

оратории и капеллы распятия распространились по всей Лукка-нии, а в 1556 г. «компания достославного распятия» прочно обосновалась в одном из крупных храмов, в Сан Микеле.¹⁷³ Несмотря на ортодоксальный характер учения савонаролиан-цев Лукки, его нельзя приравнять к иезуитскому, так как объекты их критики — священники и папа — не стали безгрешными и давали дальнейшую пищу для нападков слева. История Лукки XVI в. заполнена непрерывными стычками республиканского правительства с папской курией, ее ставленниками, с капитулами тех церквей и монастырей города, которые поддерживались папой; явной поддержкой правительства пользовались капитулы, настроенные оппозиционно. Так, в 1537 г. оно поддержало каноников монастыря Сан Мартино, которые, отказываясь передавать часть доходов папской курии, согласны были направлять их в городскую казну. Это стало правилом всех лукканских монастырей с 1540 г. В том же году правительство Лукки сократило количество религиозных праздничных дней. Нередко им поддерживались капитулы разных городских церквей в конфликтах с епископом. Материальная заинтересованность совпадала здесь с неортодоксальными настроениями ведущих родов Лукки. Дважды эти столкновения приводили к демонстративному уходу из города назначенных туда папой сановников: в 1522 г. его покинул епископ Риарио, в 1556 г. — епископ Алессандро Гвидиччони. Иногда это приводило к рассмотрению конфликтов между ними и правительством самим папой, как было с епископом Алессандро Гвидиччони. Риарио обвинял лукканцев в «лютеранской заразе» (*infetione luterana*), а кардинал Бартоломео Гвидиччони, будучи лукканцем, по-дружески предупреждал анцианов Лукки о необходимости борьбы с реформационными течениями, иначе «вместо терапевта в дело может вмешаться хирург» (*quel che non fara il phi-sico fara il chirurgo*).

В Лукке находило почву лютеранское учение. С 1530 г., после прибытия туда из Фландрии Агостино Бальбани, который привез дух «отвратительного Лютера» (*pessimo Lutero*), обычно начинается история лукканского протестантизма. Но еще за 5 лет до этого, в 1525 г., в городе были запрещены лютеранские книги, без перечня и определения их содержания. Однако в 1533 г. снова

появляется запрет и уже более точный: наказуется хранение и распространение сочинений Мартина Лютера и Иоганна Эко-лампадия, тем не менее в 1537 г. поток запрещенных книг направляется сюда из Праги.¹⁷⁴ Известны открытые проповеди в пользу лютеранства, которые попадают под запрет самого папы. Так, Павел III дает указание арестовать Джанбаттисту из Венеции,

¹⁷³ M. V e n e t o . Nobili e mercanti. . . , p. 359—360.

¹⁷⁴ Ibid., p. 337, 381—383, 386—392, 398, 400—403, 406, 428.

249

проповедовавшего в Лукке «лютеранскую ересь» (in civitate lu-cana heresiam lutheranam predicaverat).¹⁷⁵

В апреле 1539 г., не подозревая, что они повторяют поступок Лютера, несколько жителей Лукки разорвали буллу с индульгенцией, прикрепленную к воротам церкви. Это не были случайные одиночки. Донесение, составленное в 1542 г. одним агентом, указывает, что не менее двухсот мужчин и женщин (среди них насчитывалось немало знатных горожан) примыкают к учению, которое призывает к отрицанию свободы воли, отказу от проповеди и всех молитв, за исключением «Отче наш», к признанию права на проведение мессы любым мирянином. Рим обвинял и определенных лиц, например Челио Курионе, в том, что он перевел и опубликовал сочинения Лютера (opere di Martino) и придерживался мнения о чисто символическом значении причастия. В том же 1542 г. доминиканцы доносили, как в их присутствии приор латеранских каноников Константине да Каррара называл папу не главой церкви, а лишь епископом, собор — высшей властью, отрицал необходимость церкви в качестве посредника между богом и человеком, настаивал на праве всех христиан читать Лютера. Приказ Рима об аресте Константине не был реализован, так как он, как и многие другие, бежал в Женеву; среди наиболее известных были Пьер Вермилли и Чельзо Мартиненго. Типичным для лукканской обстановки является тот факт, что Мартиненго, покинув Италию в 1542 г., снова вернулся в Лукку и даже сделался в 1550 г. на некоторое время приором церкви Сан Фреддиано, ставшей центром реформационной пропаганды. В Женеву бегут видные горожане, анцианы, члены правительственных советов. Многие из них были близки к кальвинизму и цвинглианству, вроде Франко Каттани, автора предисловия к итальянскому изданию сочинений Кальвина. Радикальные учения, отрицавшие существование чистилища, необходимость месс, культа святых, проповедовали в 1551 г. лук-канские купцы Винченцо Буонвизи и Франческо ди Микеле. Наконец, в Лукке среди рядовых пополапов созревает течение анабаптистского толка. Некий строитель Оливиио да Леббиа заявлял, что не верит никакой церкви, а только богу. Имела хождение поэма «Сеттенарио», автор которой скрывался под псевдонимом Скола-рио. В ней отрицалось наличие чистилища и ада, не признавались таинства, путь к спасению определялся в уважении к словам господина, христианские, мусульманские и иудейские церковные власти расценивались как равноправные. Кроме того, в поэме провозглашалась необходимость создания нового общества, построенного на основах имущественного равенства и ликвидации

¹⁷⁵ B. F o n t a n a . Documenti vaticani contra l'eresia luterana in Italia. — Archivio della Societa romana di Storia Patria, vol. XV, 1892, p. 370—371.

250

различий между религиями и народами.¹⁷⁹ Эта поэма характеризует истоки идей Кампанеллы и Ванини.

Не менее показательными были реформационные течения в таком центре, как Флоренция,¹⁷⁷ где действовали сторонники лютеранства и кальвинизма. Так, в декабре 1531 г. высший уголовный трибунал Флоренции (Otto di Guardia e Balìa) осудил на вечное изгнание врача Джироламо Буонаграция, автора пособия по борьбе с чумой и противника Медичи. Он был обвинен в переписке с Лютером и признании его учения. В приговоре его предупреждали, что будет осужден к сожжению на костре, если вторично впадет в ересь, установленную до этого трибуналом архиепископа и инквизиции. В январе 1552 г. во Флоренции были схвачены многие горожане, обвиненные в лютеранской ереси за участие в запрещенных религиозных собраниях. Герцог Козимо I через инквизицию организовал аутодафе против 22 горожан, среди которых был Бартоломее Панчиатики, бывший посол во Франции. В колпаке еретика его прогнали через весь город до кафедрального собора, где он должен был публично принести покаяние, после чего проклятие сняли. В это время на площади у Сайта Мариа дель Фьоре на костре горели запрещенные книги, найденные у него дома.

Флоренции были также известны кальвинистские настроения. В марте 1548 г. печатник Лодовико Доменичи попал в трибунал инквизиции за перевод и печатание сочинений Кальвина с указанием ложного места издания (Базель); он был присужден к публичному покаянию и десятилетнему

тюремному заключению.¹⁷⁸

В 1566 г. по инициативе папского престола герцог Козимо I передал в руки 'инквизиции' Пьетро Карнесекки, который «отрицал все таинства, все законы веры, папскую власть. . . был весьма близок по духу со всеми видными лютеранами мира. . . со всеми главными гугенотами Франции».¹⁷⁹ Он был осужден, обезглавлен, а его труды сожжены.¹⁸⁰

Подчинение папству, строгая централизация, преследование еретиков — типичная черта* периода контрреформации.¹⁸¹

Пример Феррары, Лукки и Флоренции " показывает, [что в итальянских городах была почва для реформационного движения. Его "характер* и размах во многом зависели от политического

¹⁷⁶ M. Berengo. Nobili e mercanti. . . , p. 406—412, 418, 433—436, 444-453.

¹⁷⁷ A. D'Addario. Aspetti della Controriforma a Firenze. Roma, 1972.

¹⁷⁸ Ibid., Document; 37, 42, 43, p. 414—415, 420, 421.

¹⁷⁹ «Negava tutti li sacramenti, tutti li articoli della fede, Tautorita' del papa. . . havuta intelligence strettissima con tutti i luterani del mondo. . . con tutti i principal! Ugonotti di Francia» (ibid., Document! 41, p. 419).

¹⁸⁰ Ibid.

¹⁸¹ C. Ginzburg. Folklore, magia, religione. — In: Storia d'Italia, vol. I.VTorino, 1972, p. 650—651.

251

и социально-экономического профиля города: в Ферраре реформационные учения охватывали гуманистически образованные прослойки, в Лукке — значительно более широкие круги горожан, хотя и здесь известны случаи обвинения гуманистов в ереси. В Ферраре, монархическом дворянском центре, реформационные учения были более умеренными, в пополанской республиканской Лукке — более радикальными. Итальянская Реформация по своей программе приближалась к кальвинистской, что объяснялось не только непосредственными связями Италии со Швейцарией, но и итальянской обстановкой XVI в.; известную роль могли сыграть раннекапиталистические отношения и раннебуржуазная культура XIV—XV вв. Реформационное движение было наиболее массовым и сильным в Южной Италии, там оно носило специфически анти-папский и антииспанский характер; в Средней и Северной Италии оно, хотя и не имело такого размаха и остроты, но было весьма радикальным, как в Лукке, где появлялись анабаптистские течения. Реформация в Италии находилась под влиянием общеевропейской, что вполне закономерно, так как лютеранство, кальвинизм и цвинглианство были мощными течениями, связанными с широким общенародным движением в разных странах, и имели ярко выраженные программы.

Итальянская Реформация XVI в. была одной из сторон сложного и противоречивого процесса борьбы возрожденческих гуманистических традиций с католической и феодальной реакцией. Только в XVII в. Италия пришла к определенным переменам в экономической сфере, политике и искусстве. Это не означало успокоения в вопросах церковно-идеологической борьбы, но переход ее в XVII—XVIII вв. в новое качество.¹⁸² Усиление католической реакции в XVI в. представляло сложный и многообразный процесс не только контрнаступления католицизма, но и отступления, перестройки католицизма, происходивших под давлением реформационных движений, которые сами были следствием глубинных социально-экономических сдвигов, потрясавших Европу.

В некоторых буржуазных исследованиях по Реформации на чисто исключаются социально-экономические условия и следствия выдаются за причину. В работе Жана Делюмо¹⁸³ главным истоком Реформации объявляется чувство всеобщей печали, пессимизма, убежденности в греховности мира, появившееся в начале XVI в. Разделение на протестантство и ортодоксальных католиков он объясняет тем, что все люди этой эпохи горели священным энтузиазмом теологических проблем. Автор пытается опровергнуть марксистский анализ истоков и содержания Реформации, хотя

¹⁸² A. Vecchi. Correnti religiose nel sei-settecento veneto. Venezia— Roma" 1962.

¹⁸³ J. Delumjeau. Naissance et affirmation de la Reforme. Paris, 1965.

252

его раздраженная критика бьет мимо цели, так как он борется с созданными его воображением ветряными мельницами, с положениями, не имеющими никакого отношения к Марксу и Энгельсу.¹⁸⁴

Делюмо обходит также проблему взаимовлияния Реформации и контрреформации, получившую широкое и своеобразное истолкование в современной буржуазной историографии. В западной историографии возникла теория о якобы независимом от Реформации процессе обновления и улучшения католической церкви и методов ее деятельности; этот процесс получил наименование католической Реформации или даже католического Возрождения.

КОНТРРЕФОРМАЦИЯ ИЛИ КАТОЛИЧЕСКАЯ РЕФОРМАЦИЯ?

Современным носителем этой теории является Марио Бенди-шоли, который именует контрреформацию католической Реформацией (la riforma cattolica), по своему содержанию представляющей процесс укрепления и восстановления сил католицизма (restauratione cattolica), не зависимый от Реформации протестантской, являющейся реформацией самих католиков (la riforma di se stessi).¹⁸⁵ Он рассматривает контрреформацию как процесс «внутреннего обновления (rinnovazione)

церкви, которое предшествует протестантской Реформации и, развертываясь параллельно ей, имеет свои собственные мотивы, формы и характер».¹⁸⁸ Он видит их в действиях отдельных епископов, еще до Реформации в своих диоцезах усердно боровшихся за обновление церкви (*zelanti vescovi*) в Италии, Испании, Франции, Германии; в реформах, проводившихся в XV—XVI вв. в орденах францисканцев, доминиканцев, бенедиктинцев, августинцев, в создании новых орденов в XVI в., вроде театинцев, в пропаганде капуцинов, подобно Франциску Ассизскому, призывавших к простоте жизни; в деятельности теологов гуманистического толка, вроде Джероламо Серипандо, Гаспаре Контарини, кардинала Поле.

Значение Тридентского собора Бендишоли видит в продолжении и расширении обновленческой деятельности в отдельных диоцезах, в обеспечении возможности провести реформу всей церкви (*riforma della Chiesa*). Таким образом, собор стал отправным пунктом широкой и продолжительной реформационной дея-

¹⁸¹ Убедительную критику работы Делюмо см.: *Historica*, vol. XIV, Praha, 1967.

¹⁸⁵ M. Bendiscioli. 1) *La riforma cattolica. 1550—1630.* — In: *Storia di Milano*. Milano, 1958; 2) *Rinascimento. Riforma protestante e Riforma cattolica.* — In: *I papi nella storia*, a cura di P. Paschini, V. Monachino, vol. I; 3) *La riforma cattolica.* Brescia, 1958; 4) *Controriforma o riforma cattolica.* Roma, 1958.

¹⁸⁶ M. Bendiscioli. *Controriforma o riforma cattolica*, p. 118.

253

тельности (*un punto di partenza di una vasta e lunga azione ri-formatrice*). Под «контрреформацией» (этот термин Бендишоли берет в кавычки) он разумеет лишь полемику с протестантами, а также некоторые нововведения в религиозной и моральной практике эпохи, в католической доктрине, в культуре и искусстве. Однако все эти проявления, считает он, были крайне преувеличены в историографии. Попытка обрисовать весь процесс контрреформации как идиллически мирную, веками длившуюся деятельность католической церкви по ее обновлению и улучшению, якобы независимый от общеевропейских потрясений периода Реформации, не только исторически малоубедительна, но опровергается самим Бендишоли. Он показывает, что эта «внутренняя реформа» (*la riforma interna*) была «антипротестантской заботой» (*la preoccupazione antiprottestante*) и что ее решающая программа сложилась при Павле III, т. е. в 30—40-х годах XVI в.¹⁸⁷ Бендишоли выступал против таких генерализирующих выражений, объясняющих сложные исторические процессы, как «дух Возрождения», «дух протестантской Реформации», поскольку они весьма произвольны и не всегда отражают типичное в культурных или религиозно-политических явлениях определенной исторической эпохи. Он считал их неправомерными, если они исходят из рассмотрения одного общественного института, одной идеи, характерных для определенного места и времени.¹⁸⁸ Следуя по этому пути, Бендишоли не должен был бы обобщать специфические для разных мест и веков факты «обновления» церкви в единый процесс «католической реформации», отрицая в сущности такое ярко выраженное по времени и содержанию событие, как контрреформация.

Следует уточнить, что Бендишоли не был первопроходцем на пути идеализации контрреформации, искусного ее превращения из реакционного в целом явления в прогрессивную обновленческую реформу. Переоценка истории Италии и Европы в области религиозно-политических процессов началась в условиях новой ситуации после подписания Латеранских соглашений в 1929 г., а после второй мировой войны тенденция позитивной оценки контрреформации и замены ее термином «католическая реформация» усилилась в итальянской историографии. Собственно автором этого термина был Мауренбрехер, предложивший его еще в 1881 г. и имевший в виду комплекс движений за реформу католической церкви, начавшийся еще в XV в. и продолжавшийся в XVI в.¹⁸⁹

¹⁸⁷ *Ibid.*, p. 148—150.

¹⁸⁸ *Atti del I Convegno degli storici italiani e sovietici. I Quaderni di Ras-segnaSovietica*, quad. I, Roma, 1965, p. 216. В русском переводе см.: Проблемы советско-итальянской историографии. Материалы советско-итальянской конференции историков 12—14 октября 1964 г., М., 1966, с. 267.

¹⁸⁹ Maurenbrecher. *Geschichte der Katholischen Reformation*. Friburg, 1881.

254

Новое название было подхвачено в работах Г. Едина в 30—40-х годах XX в.,¹⁹⁰ а затем широко использовано Бендишоли.

В передовой итальянской историографии (Ф. Шабо, К. Казер)¹⁹¹ показана консервативность контрреформации, нанесшей удар по прогрессивному мышлению и свободомыслию, которыми характеризовалось Возрождение. Казер справедливо полагает: реформы внутри самой католической церкви в XVI в. были реакцией на победы Реформации в Германии, Англии, Шотландии, Скандинавии и также вызваны необходимостью укрепить сильно пошатнувшийся авторитет папства в Италии, Франции, Испании. В начале 20-х годов XVI в. Адриан VI признавал, что «болезнь главы распространяется на все члены организма» и задача папы принять меры к ее излечению. Однако медичейский папа Климент VII был больше занят политикой, чем делами церкви, а за десятилетие его понтификата (1523—1534 гг.) протестантизм одержал заметные победы. И только Павел III и Павел IV

возглавили контрреформацию, основали ордена иезуитов, театинцев, развернули беспощадную деятельность инквизиции. Тридентский собор санкционировал идеи и практику контрреформации, объявив римско-католическую церковь матерью и наставницей всех церквей (*Madre e Maestre di tutte le Chiese*) и фактически приняв идею иезуитов Лайнеца и Сальмерона о непогрешимости папы; Казер именуется все это католическим Возрождением (*Rinascita di Catolicesimo*). Каталано справедливо замечает, что некоторые течения в самой католической церкви служили делу ее «обновления», но перелом сделала лишь Реформация: папство вынуждено было перейти от дел земных, политических, к духовным, идеологическим. Подчеркивая в целом реакционное значение контрреформации, Каталано требует конкретно-исторического подхода к ее роли в истории Италии, считая неверным приписывать контрреформации все беды Италии XVI в., так как такой односторонний подход ведет к отказу от всестороннего изучения социальной и политической реальности эпохи.¹⁹²

Нам представляется, что условный термин «католическая реформация» может быть принят как формула, характеризующая одну из существенных сторон контрреформации, свидетельствующую об ослаблении католицизма в XVI в. и необходимости изменить средневековые методы и традиционнo-схоластическую философию, модернизировать пропаганду и церковное искусство, S¹⁹⁰ H. J e d i n. 1) Gerolamo Seripando, sein Leben. Denken in Geistes-kampf des 16. Jahrhundert. Wurzburg, 1937: 2) Katholische Reformation oder Gegenreformation? Ein Versuch zur Klarung der Begriffe nebst einer Jubila-umbetrachtung fiber das Trienter Konzil. Lucerna, 1946 (итальянское издание 1957 г.).

¹⁹¹ К. К а с е г. Riforma e Controriforma. Firenze, 1928; F. Ч h a-b o t. Per la storia religiosa dello stato di Milano durante il dominio di Carlo V. Bologna, 1938.

¹⁹² F. Catalan o. Medioevo e Rinascimento.

255

допустив в них элемент чувственной экзальтации, и перестроиться не только в целях укрепления разлагающихся феодальных отношений, но и обслуживания растущих капиталистических. Эта сторона^ контрреформации крайне важна как при рассмотрении явлений социально-экономических, так и при изучении эволюции идей и искусства Возрождения в XVI в.

Противоречивое использование элементов Возрождения и «католической реформации» в маньеризме и барокко необходимо учитывать при изучении нового этапа в истории искусства и в целом культуры в Италии и Европе накануне нового времени.

До сих пор мы обращались к проблемам Возрождения в рамках Италии и Европы. Однако в литературе рассматриваются также проблемы Возрождения в мировом масштабе.

Глава третья

ИТАЛИЯ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

«МИРОВОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Гипотезы о возможности появления процессов, подобных Возрождению, во всех уголках мира не новы. Так, идея восточного Ренессанса появилась в конце XIX в. Еще в 1912 г. японский литературовед Кодзима Конкитиро нашел эпоху Возрождения в китайской литературе между VIII и XVI вв., а немецкий синолог Рихард Вильгельм в 1928 г. обнаружил в Китае два Ренессанса, первый из которых охватывает II век до н. э.—II век н. э., а следующий — VII—X столетия.

Китайский автор Ху Ши обнаружил на своей родине четыре Возрождения: в VII—X, XI, XIII и XVII вв.¹⁹³ «Р. Вильгельм (вместе с Кодзима Конкитиро и другими) подготовил почву для концепции советского ученого — Н. И. Конрада — самой разработанной гипотезы о восточном Ренессансе».¹⁹⁴

Эта гипотеза из года в год принимала все более категорические формы. В 1935 г. речь шла о сопоставлении дальневосточной классической литературы с европейской эпохи Возрождения, а в 1955 г. была предложена гипотеза всемирного Возрождения,¹⁹⁵ направленная затем на обоснование процесса цепной реакции Возрождения: «... начинает эту эпоху в VIII—IX вв. Китай, продолжают в IX—XV вв. Средняя Азия, Иран и Индия; заканчивает в XIV—XVI вв. Европа».¹⁹⁶

Идея эта, весьма привлекательная своей грандиозностью и стройностью, настолько увлекла автора, что он сам начал разрушать им же созданную за четыре года до этого концепцию синхронного всемирного Просвещения (Китай, Япония, Европа), как это установил В. И. Семанов, отметивший, что сторонники восточного Ренессанса не успевают отражать изменения в концепции Н. И. Конрада.¹⁹⁷

¹⁸³ См.: В. И. Семанов. Было ли Возрождение в Китае? — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967, с. 476, 477, 479. — В этом разделе рассматривается главным образом литература, вышедшая после 1967 г., когда проблема «мирового Возрождения» обсуждалась в дискуссии (см.: В. И. Рутенбург. Итальянское Возрождение и «Возрождение мировое», с. 93—115).

¹⁹⁴ В. И. Семенов. Было ли Возрождение в Китае? С. 480.

¹⁹⁵ Восток (литература Китая и Японии). М., 1935; Из истории социально-политических идей. М., 1955, с. 77—80.

¹⁹⁶ Н. И. Копра д. 1) Послесловие к кн.: В. К. Чалоян. Армянский Ренессанс. М., 1963, с. 163; 2) Проблема

реализма и литературы Востока. — Вопросы литературы, 1957, № 1; 3) Об эпохе Возрождения. — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967; 4) Запад и Восток. М., 1967.

¹⁸⁷ В. И. Семенов. Было ли Возрождение в Китае? С. 481.

1/417 В. И. Рутенбург

257

теза Конрада оказалась чрезвычайно удобным универсальным методологическим ключом для решения проблем самых разнообразных по языкам, формам, странам и по своим хронологическим периодам литератур. Можно позавидовать творческому порыву востоковедов, и не только востоковедов, борющихся за право переходящего (из эпохи в эпоху и из страны в страну) знамени, на котором красуется надпись «Возрождение». Кроме китайского Ренессанса в VIII—XVI вв., устанавливаются грузинский Ренессанс в XI—XIII вв., армянский Ренессанс, Ренессанс в Иране и Индии в IX—XIII вв., арабский Ренессанс в VIII—XII вв., Ренессанс в Средней Азии XV в., турецкий Ренессанс в XVI—XVII вв.¹⁸⁸ Этими странами не ограничивается кочующая культура всеобщего Ренессанса: «Вопрос об эпохе Возрождения перестает быть вопросом истории какой-либо отдельной страны и становится вопросом мировой истории», более того, как считают сторонники «мирового Возрождения», расширения круга исследований «выдвигают понятие „Возрождение“, как многовекового процесса, в той или иной степени охватившего три континента Старого Света».^{19в} Итак, такое явление, как Возрождение, представляет собой глобальный процесс, занимающий много веков. Таким образом, Возрождение грозит перехлестнуть за рамки социально-экономических формаций и заменить некоторые из них своим многообразным содержанием и удивительной способностью приживаться к любым эпохам.

Что же является мерилем этого грандиозного, всеобъемлющего в хронологическом и географическом смысле явления? «Наличие духа гуманизма», — отвечает Н. И. Конрад, в то же время отмечая, что содержание гуманизма «исторически было различным».²⁰⁰ Можно не сомневаться, что различными по содержанию были и такие исторические периоды, как эпохи «китайского гуманизма» VIII—IX вв., «среднеазиатского и ирано-индийского гуманизма» IX—XV вв., «европейского гуманизма» XIV—XVI вв. Это, есте-

¹⁹⁸ Ш. И. Нуцубидзе. Руставели и восточный Ренессанс. Тбилиси, 1947; И. Джавахишвили. История Грузии. Тбилиси, 1948; В. К. Чалоян. Армянский Ренессанс; И. С. Брагинский. 1) Иранские миниатюры. М., 1965; 2) Возможен ли Ренессанс на Востоке? — В кн.: Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969; И. С. Рабинович. Сорок веков индийской литературы. М., 1969; И. М. Фельштинский. Арабская классическая литература. М., 1965; Н. И. Конрад. Средневосточное Возрождение и Алишер Навои., — Иностранная литература, 1969, № 2; В. М. Жирмунский. Алишер Навои и проблема Ренессанса в литературах Востока. — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы; Р. Моллов. О некоторых ренессансных тенденциях в турецкой литературе. — В кн.: Теоретические проблемы восточных литератур.

¹⁹⁹ Н. И. Конрад. Об эпохе Возрождения. — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы, с. 44, и резюме к сборнику.

²⁰⁰ Н. И. Конрад. Об эпохе Возрождения, с. 34.

258

ственно, признают и сторонники гипотезы универсальности Возрождения, исследующие конкретные проявления культуры в разных странах и регионах мира. Сам основоположник этой гипотезы Н. И. Конрад говорит не о едином по содержанию явлении гуманизма, а об его специфических проявлениях: по отношению к Китаю речь идет не о нашем понимании гуманизма как идеологии Возрождения, а о гуманизме, «как его понимали китайские мыслители рассматриваемой эпохи».²⁰¹ «Индийское Возрождение, — пишет И. С. Рабинович, — чеканит свой человеческий идеал».²⁰² В. А. Чельшев находит возрожденческие тенденции в индийской культуре в интересе к человеку.²⁰³ Р. Моллов обнаруживает в турецкой литературе лишь «некоторые ренессансные тенденции».^{20*} Л. Позднеева видит в китайской авторской новелле VIII—IX вв. элементы «новой

современной литературы», типа европейской возрожденческой/²⁰⁰ Очевидно, все эти характеристики доказывают, и это вполне закономерно, наличие совершенно специфических условий творчества и его проявления в каждой отдельной стране, что не исключает возможности некоторых сходных черт в их развитии. Поэтому следовало бы воздержаться возводить каждую общую формулу, выдвинутую в качестве гипотезы (пусть интересной, но требующей проверки в конкретных исследованиях) в степень абсолюта, как это делает Позднеева, говоря о гипотезе «мирового Возрождения»: «... каждое обобщение, — утверждает она, — ценно уже тем, что способствует прогрессу науки».²⁰⁶ Ценно может быть лишь обобщение, основывающееся на достаточно убедительных данных конкретных исследований. Конечно, развитию науки может

способствовать дискуссия по формулировке, еще не обеспеченной такой базой. Когда же недостаточно обоснованное обобщение перерастает в догму, оно может лишь тормозить развитие науки. Тем более если в разгар исследований объявляется достигнутым желаемый результат: «Конрад доказал его существование», — пишет Л. Позднеева.²⁰⁷ Однако еще в силе остается положение О. Л. Вайнштейна и Б. А. Чагина о том, что «наличие на Востоке такого же культурного, экономического, социального и политического перелома,

²⁰¹ Там же, с. 24.

²⁰² И. С. Рабинович. Сорок веков. . . , с. 115.

²⁰³ В. А. Чельшев. К вопросу об эпохе Возрождения в индийской культуре. — В кн.: Теоретические проблемы восточных литератур, с. 206.

²⁰⁴ р. Моллов. О некоторых ренессансных тенденциях. . . , с. 100—105.

²⁰⁶ Л. Позднеева. К спорам о средневековье и Возрождении в Китае. — Вопросы литературы, 1971, № 7, с. 176.

²⁰⁶ Там же, с. 168.

²⁰⁷ Там же, с. 169. — Речь идет о «конфуцианском Ренессансе» XI—XII вв., исходя из появления ересей в этот период, но это вовсе не доказывает наличия Возрождения. Здесь важен сам принцип подхода к дискуSSIONной, требующей исследования проблеме. Некоторые авторы ополчаются против тех, кто «переходит к сомнениям в возможности китайского Возрождения», именуя это «теоретическим заблуждением», «удивительным утверждением», «пройденным отапом» (там же, с. 165—167, 170), а их самих

17 В. И. Рутенбург

259

каким было Возрождение на Западе, никто еще не доказал». ²⁰⁸ Более того, обращаясь к исследованиям востоковедов, прежде всего к книге Н. И. Конрада «Запад и Восток», А. В. Гулыга и В. А. Рубин справедливо отметили уникальный характер европейского Возрождения, а главное «контраст между тем, к чему привело Возрождение в Европе и в Китае»; в Европе оно привело к бурному росту науки и техники, к прогрессу, к переходу от средневековья к новому времени, а в Китае — к стагнации. ²⁰⁹ В спорах востоковедов по проблемам Возрождения звучит нотка обиды на западников, не желающих поступиться частью «своего» европейского Возрождения (хотя оно уже и объявлено производным от восточного), «своего» прогресса. Но это не научная, а этическая проблема. Можно, поступаясь истиной, пойти на компромисс и согласиться с требованиями авторов гипотезы восточного Ренессанса, но возникает закономерный вопрос: насколько Китай, Индия, Иран, Турция и другие страны Востока, их культура нуждаются в отстаивании «прав» на звание возрожденческих. Следует ли, при всей целесообразности применения сравнительно-исторического метода исследования, искать прямого соответствия Китая VIII—IX вв. и Италии XIV—XVI вв. Сложное и интересное явление, наблюдаемое в Китае VIII в., который, по определению Н. И. Конрада, был «временем кризиса экономических, социальных и политических форм феодализма», ²¹⁰ и вызванное им стремление к возрождению гуманистических идей классической китайской древности вполне закономерно может быть сопоставлено с Италией XIV в., но не для доказательства «прав» на полную аналогию, а для установления и уточнения специфики, своеобразия явлений VIII в. Эти явления могут быть в рамках своей эпохи (VIII — IX вв.) богаче и значительнее тех процессов, которые происходили в других странах и в другие эпохи, но не могут быть такими же. Поэтому попытка поставить знак равенства между «китайским случаем» и «итальянским случаем», защита положения, утверждающего, что китайская культура VIII—XIII вв., эта «эпоха имеет также все права называться „Возрождением“ в том большом историческом смысле», что и эпоха Возрождения в Италии, ²¹¹ рассмотрение их как единого по содержанию процесса Возрождения не способствует выявлению исторической специфики носителями теории «мнимой невозможности Ренессанса на Востоке» (И. С. Брагинский. Возможен ли Ренессанс на Востоке? С. 414) и, более того, противниками «многообразного, свободного развития человека и его искусства» (!) (Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы, резюме).

²⁰⁸ О. Л. Вайнштейн, Б. А. Чагин. Рец. на кн.: Из истории социально-политических идей. — Вопросы истории, 1957, № 2, с. 176.

²⁰⁹ А. В. Гулыга, В. А. Рубин. Размышления о всемирной истории. — Вопросы философии, 1967, № 3.

²¹⁰ Н. И. Конрад. Запад и Восток, с. 152. • ²¹¹ Н. И. Конрад. Об эпохе Возрождения, с. 24.

260

различных эпох и стран. Применение к явлениям, различным по содержанию, форме и времени, единого термина «Возрождение» (или более популярного у востоковедов «Ренессанс») делает его внеисторичным и поэтому беспредметным. Н. И. Конрад справедливо ищет Ренессанс в переломные эпохи. «А почему Ренессанс обязательно должен быть «переломом» (т. е. чем-то чрезвычайно радикальным и кратковременным), а не целой эпохой, несущей для общества медленные, но очень важные качественные изменения?» — ставит вопрос В. И. Семанов. ²¹² Но

ведь социально-экономическая формация тоже медленно ведет общество к качественным изменениям? Не следует ли и ее именовать Возрождением? «Радикальность» итальянского и всего европейского Возрождения является его характерной чертой («переломом»), «кратковременность» же его весьма относительна: итальянское Возрождение длится более трех столетий. В то же время трудно представить «переломную» эпоху Ренессанса, которая длится почти тысячелетие, вроде «китайского Ренессанса». Возможность тысячелетней продолжительности такого явления, как «китайское Возрождение», не становится более вероятной, если его разделить на две стадии — раннего (VIII—X вв.) и позднего (X—XIV вв.), как это предложил Н. И. Конрад в докладе, предназначавшемся для международного конгресса, состоявшегося в 1970 г. во Франции.²¹³ Не более убедительным является тезис о нескольких эпохах Возрождения в мировой культуре.²¹⁴ В работах последних лет востоковеды стали обращаться не только к поверхностным сопоставлениям, но и к существенным признакам «перелома», свойственного эпохе Возрождения. Так, И. С. Брагинский, определяя характерные черты Возрождения, говорит о нем как о «комплексе обязательных, конститутивных признаков Ренессанса» и приходит к выводу о возможности его появления «в определенных исторических условиях», об оформлении гуманистических идей в «сочетании с социально-экономическими факторами», хотя капиталистический уклад он считает не обязательным условием появления Ренессанса.²¹⁶ Ранее уже была приведена четкая формулировка М. А. Гуковского, определяющая сущность итальянского Возрождения как переворота универсального в сфере экономической, социальной, политической, культурной.²¹⁶ Это был наиболее ранний случай отмеченного Марксом разложения феодальных отношений и зарождения отношений раннекапиталистических (XIV—XV вв.), что приобретает

²¹² В. И. Семанов. Было ли Возрождение в Китае? С. 473.

²¹³ Н. Конрад. О всемирной литературе в средние века. — Вопросы литературы, 1972, № 8, с. 103.

²¹⁴ Там же.

²¹⁶ И. С. Брагинский. Возможен ли Ренессанс на Востоке? С. 414.

²¹⁶ М. А. Гуковский. Итальянское Возрождение, т. I, с. 4—5.

261

17*

бурный характер во всей Западной Европе в XVI—XVII вв. Поэтому итальянское Возрождение и представляло образование новых форм производительных сил (мануфактура), производственных отношений (капиталистическая эксплуатация), государства (синьория), раннебуржуазной культуры (литература, искусство, философия, наука) с ее противоречиями и разнообразием. Капиталистический уклад в Италии мог и не сложиться, но он начал складываться. Без всего этого немислимо итальянское Возрождение. Какие «определенные исторические условия» могут привести к восточному Ренессансу, остается пока тезисом весьма неопределенным. Какие именно «социально-экономические факторы» порождают его, также пока остается секретом автора статьи «Возможен ли Ренессанс на Востоке?». О. Л. Фишман более определенно говорит, что для появления Ренессанса необходимы «сходные исторические условия», очевидно, сходные с европейскими, так как автор, сравнивая китайскую литературу с европейской, говорит о «феодальном абсолютизме» как общей почве для возрожденческих явлений в Европе и Китае.²¹⁷ Следует уточнить, что абсолютизм только и бывает феодальным, если иметь в виду существо явления, а не его форму. А кроме того, различные его формы в одной лишь Европе могут способствовать возрожденческим явлениям и могут их тормозить. К тому же эпоха абсолютизма проходит несколько, далеко не однохарактерных стадий. Так, В. И. Семановым проводятся интересные параллели в области китайской и европейской драматургии и романа XIV—XVI вв., прежде всего испанского и немецкого.²¹⁸ Использование этого сравнения является скорее контраргументом по отношению к теории «китайского Возрождения» и лишь подтверждает отсутствие в Китае социальных и политических условий, типичных для процесса Возрождения как прогрессивного процесса развития общества и его культуры; элементы Возрождения в литературе Испании проявились вопреки «азиатской форме правления», имеющей «лишь чисто внешнее сходство с абсолютными монархиями Европы».²¹⁹ Испанский абсолютизм заостенел, так и не породив, в отличие от Франции и Англии, растущей буржуазии, капиталистического уклада, т. е. не был

²¹⁷ О. Л. Фишман. О важности сравнительно-исторического изучения сходных процессов в литературах Востока и Запада. Взаимосвязь и взаимодействие национальных литератур. Материалы дискуссии 11—15 января 1960 г. М., 1961, с. 412, 415.

²¹⁸ В. И. Семанов. Было ли Возрождение в Китае? С. 499. — В. А. Челышев считает, что в Индии в эпоху развитого феодализма положение было аналогичным Испании, Италии (Ферраре) и Германии (В. А. Челышев).

ы ш е в. К вопросу об эпохе Возрождения. . . , с. 205). Это весьма сомнительно и вряд ли способствует нахождению истоков возрожденческих тенденций.

²¹⁹ К. Маркс. Революционная Испания. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, с. 432.

262

прогрессивным. Германия же в этот период вообще не знала абсолютизма, кроме мелкокняжеского. Выводы из этого сравнения можно сделать, пользуясь словами самого В. И. Семанова: «... окончательные решения по такому спорному вопросу кажутся мне преждевременными. . . сомневаюсь, что на Востоке происходило настоящее Возрождение, я уверен, что там были значительные элементы Возрождения или ренессансные тенденции».²²⁰ Что же такое «элементы Возрождения» или «ренессансные тенденции»? Если обратиться к явлениям социально-экономическим, то это, по мнению востоковедов, — «зародыши товарно-денежных отношений, ломающих феодальные отношения».²²¹ Хорошо известно, что товарно-денежные отношения не только свойственны феодальной экономике, но даже могут ее консервировать, и только их перерастание в раннекапиталистические способно ее подорвать, как это было в возрожденческой Италии. Это свидетельствует об отсутствии «сходной культурно-исторической обстановки», о которой говорит Н. И. Конрад.²²² Еще более туманно обосновывается наличие «индийского Ренессанса»: «Степень развития индийского феодализма в XIII—XV вв. теоретически вполне допускает возможность возрожденческих тенденций или Возрождения как самостоятельной эпохи в истории культуры вообще и литературы в частности».²²³ Даже самая высокая «степень развития феодализма» во многих странах, в том числе и европейских, не привела к Возрождению.

Некоторые авторы среди ренессансных тенденций отмечают обращение к античности, к прошлому²²⁴ или, что более точно,

появление новых идеи на материале возрожденной древности. Решающим здесь является не само по себе обращение к древности, к прошлому, а то, чем это прошлое было (есть ли в нем элементы, способствующие критике духовного засилия церкви, реалистическому отношению к человеку и природе) и какие новые идеи образовались из этого источника. Действительно, Ф. Энгельс считал источником ведущего положения возрожденческой Италии унаследованную ею цивилизацию, но речь здесь идет не о простой преемственности культур, а о творческой переработке Возрожде-

²²⁰ В. И. Семанов. Было ли Возрождение в Китае? С. 432.

²²¹ Р. Моллов. О некоторых ренессансных тенденциях, с. 105. — Речь идет о «турецком Ренессансе».

²²² Н. И. Конрад. Предисловие. — В кн.: Литература древнего Китая. М., 1969, с. 4.

²²³ И. С. Рабинович. Сорок веков. . . , с. 7.

²²⁴ «Эпоха Возрождения на Востоке, так же как и в Европе, отмечена обращением к прошлому» (И. В. Бородин, В. Б. Никитина, Е. В. Павес'кая, Л. Д. Поаднеева. О некоторых общих проблемах Возрождения в литературах Востока. — В кн.: Теоретические проблемы восточных литератур, с. 379).

²²⁵ И. С. Брагинский. Возможен ли Ренессанс на Востоке? С. 414.

263

нием античного наследия, которая качественно превосходит древнюю культуру. Обращение к знаменитой, глубокой и предельно историчной характеристике эпохи Возрождения, данной Энгельсом в «Диалектике природы», без всяких оговорок применяемой к любой эпохе и стране, где можно, как кажется авторам, обнаружить «величайший прогрессивный переворот» и «титанов Возрождения», мало обосновано. Тем более что авторы не всегда берут на себя труд проверить, имеет ли рассматриваемый «переворот» аналогию с Возрождением и действительно ли «титаны» данной эпохи являются возрожденческими по своей сути;

Так, обращаясь к китайской литературе VIII—XII вв., Л. Позднеева говорит о воздействии титанов Возрождения на новую современную литературу, «о возникновении которой в Европе в эпоху Возрождения писал Ф. Энгельс».²²⁶ Энгельс действительно отметил возникновение новых национальных литератур в западноевропейских странах в XVI в., а среди «титанов мысли и характера» назвал двух художников и двух мыслителей Италии и Германии. В этот круг величайшего переворота Энгельс не включал целый ряд стран Европы,²²⁷ поэтому следовало бы крайне осторожно и во всяком случае более обоснованно утверждать наличие аналогичных «переворотов» в странах Востока.

Нередко в качестве аргумента в пользу ренессансных тенденций или даже Возрождения на Востоке приводят данные о развитии или расцвете городской культуры. В интересном небольшом исследовании чехословацкого сиолога Я. Прушека говорится о сходстве «городской литературы» в Китае и Европе около 1300 г. Судя по статье, общее между Боккаччо, Чосером и китайскими «народными рассказчиками» — это сюжеты из городской жизни, стиль же и методы их разные.²²⁸ И это вполне естественно, так как в жизни (а значит, и в истории) не существует «город» вообще, а есть древние города Китая, Индии, Индонезии, Вавилонии, Египта, античный полис Греции, древнеримский

муниципий, раннефеодальные города Европы и Азии, города-коммуны, города эпохи развитого феодализма и город буржуазной эпохи. Общая дата (1300 или любой другой год) ничего не объясняет и не подтверждает, требуется найти общую обстановку. Поэтому можно брать на веру, но нельзя считать доказанным, что «большой подъем городской жизни, а из-за него и создание блестящей городской культуры были обусловлены в Китае, следовательно, теми же факторами, что и в Европе».²²⁹

²²⁶ Л. Позднеева. К спорам ..., с. 176.

²²⁷ Ф. Энгельс. Диалектика природы. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 346.

²²⁸ Я. Прушк. Средневековая городская литература в Европе и Китае. В кн.: Теоретические проблемы восточных литератур, с. 312—317.

²²⁹ Л. Позднеева. К спорам ..., с. 174.

264

Расцвет Городской культуры наблюдают также исследователи среднеазиатского региона, который, согласно гипотезе Н. И. Конрада, являлся продолжателем эстафеты возрожденческого духа с Востока на Запад. В Средней Азии XV в. они наблюдают монументальное городское строительство, ч покровительство ремеслам и торговле, производство оросительных работ. Последнее характерно не только для эпохи феодализма, но и для эпохи дофеодальной, а городское строительство и рост ремесел известны всем феодальным странам задолго до разложения феодализма. Поэтому неубедительно звучит не подкрепленное фактами сообщение о том, что Средняя Азия в XV в., при Тимуридах, достигла развития производственных и общественных отношений, очень близко соответствующих эпохе раннего Возрождения в Италии (XIV в.— первая половина XV в.). «Алишер Навои, — по словам автора, — напоминает своей творческой многогранностью тех титанов эпохи Возрождения, о которых говорил Энгельс».²³⁰ Неоспорима многогранность Алишера Навои, однако главным для решения вопроса о возрожденческой направленности его творчества является установление содержания социально-экономической обстановки и, конечно, прежде всего той культуры, которая была свойственна древнеузбекской литературе XV в., хотя творчество Навои могло выходить и за ее рамки.

Расцвет городов и городской культуры сам по себе не является доказательством наличия Возрождения и даже ренессансных явлений. Городская культура — это культура средневековая, которая может перерасти в возрожденческую, питать ее, а может и не пойти дальше феодальной, городской.

Прорывающая городская культура включала в себя элементы античности, но не способна была качественно переработать ее. Даже итальянская городская культура X—XIII вв. в целом носила на себе этот отпечаток средневековья.²³¹ Из-за отсутствия четкого размежевания городской средневековой культуры и культуры Возрождения и возникло недоразумение, приведшее к гипотезе о «Возрождении XII века».

Возможно, острые дискуссии о наличии или отсутствии Возрождения на Востоке приняли бы более конкретные и убедительные формы, если бы был принят в расчет этот особый период городской культуры средневековья. Это относится также к исследованию вопроса о характере культуры Грузии и Армении, имеющих весьма древние истоки. В качестве ренессансных явлений некоторые исследователи отмечают в ней элементы реализма, антиклерикализма и античности, хотя они наблюдаются и в городской культуре средневековья. В. М. Жирмунский справедливо считает, что грузинская литература XI—XII вв. — «явление периода раз-

²³⁰ В. М. Жирмунский. Алишер Навои, с. 462, 464.

²³¹ См.: История Италии, т. I, с. 200—272, 375—389; J. Le Goff. Los intelectuels. ...! Huizinga. Le declin. . . 265

витого феодального общества», которое «нельзя отождествлять с Ренессансом ни по его социальной природе, ни по идейному содержанию».²³² Очевидно, это относится и к литературе Армении этого периода, ее нередко характеризуют как возрожденческую.²³³ Наличие восточных влияний в западной культуре и западных влияний в восточной бесспорно, в том числе и в Италии эпохи Возрождения, которая была связана с Левантом, но масштаб и конкретные формы этих взаимосвязей требуют строго исторического подхода и прежде всего определения внутренних истоков явления. «Восточные корни западного Ренессанса»²³⁴ должны исследоваться на основании этого научного принципа. Многие исследования посвящены характеристике Возрождения в различных странах Западной Европы.²³⁵ Соотношение местных национальных условий и внешних влияний культуры убедительно показано, например, в исследованиях об итальянском Возрождении и славянских странах Европы,²³⁶ о Данте, его связях с арабской культурой и влиянии его творчества на литературу различных европейских стран,²³⁷ о заимствованиях западных сюжетов на Востоке и восточных на Западе.²³⁸ Большой интерес представляют сравнительные исследования историков русской культуры в целом и русской литературы в особенности.²³⁹ Одна из первых работ в этой области появилась еще в 40-х годах и в ней рассматривались «общие закономерности духовной культуры России и Запада», изучаемые «с

точки зрения стадий исторического мышления». Исходя из этого принципа, автор считал XVI в. в России периодом подготовки Ренессанса, XVII в. — ранним Ренессансом.

²⁸² В. М. Жирмунский. Алишер Навои, с. 461.

²³³ В. К. Чалоян. Армянский Ренессанс.

²³⁴ Ш. И. Нуцубидзе. Руставели.

²³⁶ Одним из многочисленных примеров конкретно-исторического рассмотрения этого явления может служить работа: E. Uitz. Friihrenais-sance und Fruhhumanismus in Frankreich. Wissenschaftliche Zeitschrift des Pa-dagogischen Institute Magdeburg. Н. 2/69.

²³⁶ И. Н. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI веков. М., 1963.

²³⁷ И. Н. Голенищев-Кутузов. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971.

²³⁸ И. С. Лисевич. Сюжет эзоповской басни на Востоке. — В кн.: Типология и взаимосвязь литератур древнего мира. М., 1971.

ази и. И. Иоффе. Русский Ренессанс. — Уч. зап. Лен. гос. ун-та, сер. филол. наук, вып. 9, № 72, 1944; М. П. Алексеев. Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI—XVII вв.). — В кн.: Доклады к VI Международному съезду славистов. М., 1958; Д. С. Лихачев. 1) Предвозрождение на Руси в конце XIV—первой половине XV века; 2) Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. — В кн.: Доклады к VI Международному съезду славистов; Я. С. Лурье. Элементы Возрождения на Руси в конце XV—первой половине XVI века. — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы; А. И. Клба н р в. У истоков русской гуманистической жизни. — Вестник истории мировой культуры, 1958, № 2, и др.

266

сом, XVIII в. — петровскую эпоху — высоким Ренессансом.²⁴⁰ Оспорить 'справедливость этой характеристики — дело специалистов, однако сама посылка автора об одинаковых стадиях исторического мышления, возникающих в разные эпохи и в разных социально-экономических условиях, представляется недостаточно убедительной. Более убедительным является обращение к сравнению социально-экономических условий России и Италии,²⁴¹ однако экономическое возрождение русских городов скорее свидетельствует о том, что русская культура XIV—XV вв. относится по характеру к типично городской культуре эпохи феодализма, несмотря на всю свою специфику.²⁴² Русская культура и литература достаточно богаты по содержанию и по форме, независимо от того, что они по характеру не являются возрожденческими.

Исследование проблем культуры для разных регионов и стран мира должно быть основано на конкретном материале, поддающемся изучению лишь специалистами, которые могут ответить на вопрос о внутренних причинах, внешнем или существенном сходстве, косвенном или прямом влиянии возрожденческих сюжетов, -форм на литературу и искусство, при обязательном учете всей исторической обстановки. Так, некоторые синологи приходят к убеждению об отсутствии даже внешнего сходства китайской поэзии VIII—XIII вв. и драмы XIII—XIV вв. с возрожденческой литературой, не говоря уже об отсутствии в них «ренессансности» по существу.²⁴³ «Хотелось бы, чтобы огромный этот предлагаемый нам мир китайского Возрождения. . . был подтвержден не широкими рассуждениями (когда легко и заманчиво похожее принять за действительное), а точными фактами литературы, да и истории».²⁴⁴

Подобное мнение поддерживают и некоторые индологи, отрицающие сходство социально-экономического и культурного развития Индии и Европы, считающие искусственным термин «Возрождение» для индийской литературы, — все это сходно со стремлением «подстригать манговое дерево под липу». Попытки такого рода справедливо рассматриваются как бесплодные, ибо происходит «сопротивление объективного материала, не желающего, несмотря на решительные усилия автора, укладываться в жесткие ее [рабочей гипотезы] рамки».²⁴⁵

²⁴⁰ И. И. Иоффе. Русский Ренессанс, с. 237, 244, 259.

²⁴¹ Д. С. Лихачев. Предвозрождение, с. 138—139; Я. С. Лурье. Элементы Возрождения на Руси. . . , с. 183.

²⁴² См.: В. И. Рутенбург. Итальянское Возрождение и «Возрождение мировое», с. 107.

²⁴³ Л. Эдлин. Идеи и факты. Несколько вопросов по поводу идеи китайского Возрождения. — Иностранная литература, 1970, № 8.

²⁴⁴ Там же, с. 228.

²⁴⁵ И. ""С е р е б р я к о в. Когда материал сопротивляется. — Вопросы литературы, 1971, № 8, с. 224, 225, 229; см. также: Т. А. Измайлова. К вопросу об армянском Ренессансе. — Византийский временник, т. 35, 1973, с. 226-231.

267

В равной мере оценка реальности характеристики эпохи в целом, ее культуры и, в частности, литературы как возрожденческих в России XIV—XVI вв. может быть представлена в исследованиях специалистов. Еще более убедительной звучит эта оценка в трудах ученых, счастливо сочетающих в себе глубокие знания русского и западного искусства. Достаточно назвать труды В. Н. Лазарева, в которых дана характеристика основных черт итальянского Возрождения и крайне

своеобразного взлета русского искусства XIV—XVII столетий.²⁴⁶

В них показано, что специфика русского искусства, как и искусства западного, не означает его изолированности от культурных процессов других стран: путь древнерусского искусства близок к путям развития византийского и южнославянского. Эти влияния сыграли свою положительную роль в X—XII и XIV вв. Соприкосновение с западнороманским миром определенно отражается на искусстве Владимиро-Суздальской Руси, Новгорода и Пскова. Однако термины «Проторенессанс» («Предвозрождение»), «Ренессанс» («Возрождение»), считает В. Н. Лазарев, не приложимы к русскому искусству, эти термины исторически приложимы только к Италии. Сходными с искусством итальянского Возрождения является лишь искусство Франции и, в меньшей степени, Германии XVI в., частично Венгрии и Польши.²⁴⁷ Распространять понятие «Возрождение» на искусство и всю культуру любой страны не только неверно, но и вредно: «... с такими домыслами следует всячески бороться, ибо они засоряют нашу науку. Их опасность в том, что коль скоро они напечатаны, многие принимают их на веру».²⁴⁸ Обращаясь, например, к творчеству Андрея Рублева, В. Н. Лазарев определяет его как «великий расцвет русского искусства», отличный, однако, от возрожденческого по своему характеру: рублевской абстрактности противостоит реалистичность Возрождения, равновесие — эмоциональности, спокойствие — порыву. В этом сравнении вырисовываются и особые черты искусства итальянского Возрождения. В целом же Ренессанс им рассматривается как процесс, в ходе которого переплетаются в едином могучем потоке такие его составные части: 1) смелый разрыв с традицией; 2) победа светского начала над церковным; 3) интерес к реальному миру и человеку; 4) поиски новых средств художественного выражения. Это не только вопросы мировосприятия и мировоззрения. Уже на пороге Возрождения (в период Предвозрождения) создается комплекс социально-экономических, политических и культурных предпосылок этого великого качественного скачка: 1) появление раннекапиталисти-

²⁴⁶ В. Н. Лазарев. 1) Происхождение итальянского Возрождения, т. I.; т. II, М., 1959; 2) Русская средневековая живопись. Статьи и исследования. М., 1970.

²⁴⁷ "В. Н. Л а а р е в. Русская средневековая живопись, с. 300—311.

²⁴⁸ Там же, с. 313.

268

ческих отношений и ранней буржуазии; 2) интерес к античности (творчество Никколо Пизано, Арнольфо ди Камбио); 3) литературная борьба за народоправство (Марсилиус Падуанский); 4) перелом в литературе (Данте); 5) реалистическое течение в живописи (Джотто).²⁴⁹ Таковы почти неоспоримые стороны Предвозрождения (или раннего Возрождения) и Возрождения зрелого; можно пополнять или уточнять их характеристику и примеры, но нельзя отвлечься от главного: Возрождение — это комплекс всех процессов определенной эпохи, создающих неповторимое явление в истории определенной страны. Искусственно налагать итальянский шаблон на культуру других стран — значит предпринимать попытку решить проблему истории антиисторическими средствами. Поэтому не может быть перечня характерных сторон Возрождения вообще. Даже внешне сходные явления подобны сложным химическим формулам, за внешней близостью которых кроются качественно различные продукты природы. Неправоммерно рассматривать культуры разных стран и эпох как одинаковые: они не могут быть «такими же», как культура итальянского Возрождения, как не могут быть «хуже» или «лучше» ее, но могут быть только такими, какими они были. В этом плане целиком можно присоединиться к мнению С. С. Аверинцева о взаимоотношении культур: «В качестве методологической параллели можно упомянуть попытки распространения категории „Возрождения“ (или хотя бы „Предвозрождения“) на весь цивилизованный мир. Попытки эти так же представляются нам, по сути дела, обидными как для гуманизма итальянского типа, в предельном напряжении сил создавшего доселе небывалые нормы культуры, так и для народов, шедших иным путем и творивших в соответствии с иными нормами. Если, например, русский XV век описывается как Предвозрождение (так сказать, „еще не совсем Возрождение“), позволительно спросить, что это значит? Разве не очевидно, что эта эпоха — отнюдь не преддверие, не предвосхищение, а полное исчерпывающее осуществление некоего культурного идеала, самозаконного, самооценного и весьма мало общего имеющего с Ренессансом? Критика европоцентризма, усматривающего везде и повсюду культуру, соответствующую специфически европейским идеалам и нормам культурного творчества, являет собой усложненную разновидность того же европоцентризма».²⁵⁰ Исторический подход к изучению явления требует рассмотрения специфики, и в этом плане неоспоримо положение Л. М. Баткина о месте итальянского Возрождения: «... значение западноевропейский Ренессанс приобрел не потому, что был самым типичным и наилучшим среди всех случившихся

ренессансов, а потому,

²⁴⁹ Там же, с. 310—312.

²⁶⁰ С. С. А в е р и н ц е в. Греческая литература и ближневосточная словесность (противостояние и встреча двух творческих принципов). — В кн.: Типология и взаимосвязь литератур древнего мира, с. 251—252.

269

что других ренессансов не было. Этот оказался единственным». ²⁵¹ Нет необходимости повторять, что сравнительный анализ разных форм культуры не только возможен, но и необходим для изучения их специфики, но он всегда предусматривает учет историчности.

Еще в 1934 г. М. А. Гуковский предложил марксистскую характеристику итальянского Возрождения как явления, охватывающего все стороны исторического процесса. На основании последующего изучения он в 1967 г. снова подтвердил ее, несколько уточнив. По мнению исследователя, «социальный переворот в Италии, положивший начало Возрождению, произошел в XIII— начале XIV в., а влияние его продолжалось до середины XVI в. Этот отрезок времени и есть период Возрождения. Такая периодизация включает все социально-экономические и культурные явления эпохи. . .

Возрождение — это конкретная историческая эпоха с глубокими изменениями в социально-экономической сфере, отражающимися затем в сфере культурно-политической. В эпоху Возрождения появляется новый тип человека, с новой культурой, резко отличающийся от человека предшествующей эпохи. Нет основания говорить о Возрождении в этих странах, где можно наблюдать только отдельные черты этого явления». ²⁵²

Специфика культуры каждой страны и каждой эпохи является не отрицанием, а подтверждением известного ленинского положения, что «разные нации идут одинаковой исторической дорогой, но в высшей степени разнообразными зигзагами и тропинками». ²⁵³

Изучение итальянского Возрождения ни в коей мере нельзя считать законченным, а его характеристику — бесспорной. Эволюция понятия Возрождения и общего понимания эпохи, непрекращающиеся научные битвы вокруг этих проблем являются достаточно показательными. ²⁵⁴ Хотя со времени первой книги о Возрождении прошло более века, до сих пор некоторые исследователи отстаивают правильность позиций ее автора (Буркхардта), который сумел «насквозь просветить эпоху»; ²⁵⁵ другие же ученые вообще не признают единство эпохи Возрождения, подразделяя ее на «классический Ренессанс», «контрренессанс» и т. д. ²⁵⁸ Эти

²⁵¹ Л. М. Б а т к и н. Тип культуры как историческая целостность. — Вопросы философии, 1969, № 9, с. 108.

²⁶² См.: Ю. Г. Алексе в'в. Дискуссии и обсуждения. — Вопросы истории, 1969, № 11, с. 108.

²⁵³ В. И. Ленин. Заключительное слово по докладу о партийной программе на VIII съезде РКП(б). — Поли. собр. соч., т. 38, с. 184.

²⁶⁴ См.: W. K. Ferguson. Recent trends in the Economic Historiography of the Renaissance. — In: Studies in the Renaissance. N. Y., 1958; E. Panofsky. Renaissance and Renaissances in Western Art. Stockholm, 1960.

²⁶⁵ A. Martin. Soziologie der Renaissance zur Physiognomie und Rhythmik der burgerlichen Kultur. Frankfurt a/M., 1949, S. 17.

²⁴⁶ Н. Haydn. The Counter-Renaissance. — Представляется неправомерным внесение в учебник (Литература Востока в средние века. М., 1973) дискуссионных недоказанных положений (см.: Р. М. Самарин. Насле-

270 споры служат еще одним доказательством, что без изучения специфики, внутренней закономерности явления не следует проводить сопоставления комплексов культуры разных стран и эпох. В плане же сопоставления достаточно реальной представляется попытка рассмотрения места и значения итальянской мысли в Европе в XVI-XVII вв.

ИТАЛЬЯНСКАЯ МЫСЛЬ В ЕВРОПЕ

Возрождение было глубинным процессом, охватившим все стороны жизни Италии. Он не мог пресечься внезапно, несмотря на экономические и политические потрясения. Жизненные силы Возрождения не были исчерпаны в XVI в.; они проявляли себя и в начале XVII в.: все лучшее, чего достигла мысль Возрождения, вошло на новом этапе в новой форме в учения виднейших представителей итальянской философии. ²⁵⁷

Италия — родина Возрождения, оказывала заметное влияние на развитие передовой мысли в Европе в целом. Если Европа несла в Италию идеи Реформации, то Италия продолжала нести в Европу передовую мысль, истоком которой было Возрождение. Именно к XVI—XVII вв. можно говорить о Европе в целом: в это время понятие «Европа» приобретает определенное содержание, появляются новые представления об экономической общности европейских стран, ²⁵⁸ отражающие истинное положение вещей. Эта относительная общность стран Европы, подходивших в XVI в. к более сложному этапу развития, нашла отражение в исторической литературе ²⁵⁹ и не требует особых доказательств. Она проявлялась на всех сторонах сложного процесса исторического развития Европы — экономической, политической и культурной. Многие европейские государства еще долгое время находились в финансовой зависимости от Италии, в то время как папство — от общеевропейских церковных поборов. Папский католический универсализм не только исходил из Италии, но и нередко

был связан с определенными ее политическими силами и государственными образованиями.²⁸⁰ Италия была не только объектом борьбы различных европейских государств, но и существенной

дне Энгельса и некоторые проблемы исследования литературы эпохи Возрождения. — В кн.: Ф. Энгельс и вопросы литературы. М., 1973).

²⁶⁷ Здесь сознательно опущена такая важная тема, как историческая мысль эпохи Возрождения, исследованная и блестяще изложенная в специальной монографии. См.: О. Л. В а и н ш т е и н. Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964, с. 235—315.

²⁶⁸ А. Л. Г о л ь д б е р г. Формирование и содержание понятия «Европа» в западноевропейской историографии XVI—XVII вв. — В кн.: История и историки. Историография всеобщей истории. М., 1964, с. 144—147.

²⁶⁹ Н. H a u s e r. La modernité. . . ²⁶⁰ G. S p i n i. Storia. . . , p. 55.

271

политической силой, так как ее отдельные государства были участниками общеевропейской борьбы. Като-Камбрези не стало политической смертью Италии,²⁶¹ ее государства продолжали развиваться как регионально-абсолютистские монархии и перестраивающиеся на новый лад республики. В целом эпоха Возрождения для Европы была значительным шагом вперед, ее деятели сознавали новизну и величие своего времени: «... на протяжении одного века, — говорил Пьер де ла Раме, — мы увидели большие успехи, чем наши предки за все предшествующие четырнадцать веков».²⁸² Если первые два века итальянского Возрождения — XIV и XV — неразрывно связаны с общеевропейской социальной эволюцией и все его проявления должны рассматриваться как процессы всеобщей истории,²⁶³ то XVI в., третий век Возрождения, в еще большей степени представляется общеевропейским явлением. В XVI в. «Европа еще смотрела на Италию, как на мать всех искусств, родину красоты и утонченной жизни»,²⁸⁴ «веяние Возрождения» (*il soffio del Rinascimento*) чувствовалось во всей Европе.²⁸⁵ Во Франции, Германии, Англии и других странах Европы Возрождение зародилось не без влияния своего первоисточника — итальянского Возрождения — как в области искусства, так и литературы. В то же время это не было простым результатом итальянского веяния, а главным образом закономерного развития собственной культуры со всей ее спецификой. И само итальянское Возрождение было крайне многообразным, вовсе не одноплано-вым,²⁸⁸ и каждая страна воспринимала отдельные его стороны, воспринимала их по-разному, подвергая естественной переработке в условиях своей национальной обстановки. Появление искусства и литературы Возрождения в странах Европы объяснялось как силой влияния итальянского Возрождения, так и возникновением в европейских странах новых социально-экономических предпосылок, открывших собой общеевропейскую капиталистическую эру. Почва для восприятия итальянской раннебуржуазной культуры Возрождения была готова, хотя в каждой из стран она имела свою специфику.

Италия питала Европу своими идеями, как античность питала Италию эпохи Возрождения, хотя итальянские идеи и ее культурные традиции были более близкими к соответствующим усло-

²⁸¹ Ibid., p. 363.

²⁶² См.: А. Х. Горфункель. Джордано Бруно. М., 1965, с. 12—13.

²⁶³ J. M a s e k. La Renaissance italienne, p. 7.

²⁶⁴ G. S p i n i. Storia. . . , p. 362. ²⁶⁸ Ibid., p. 38-44.

²⁶⁶ См., например; M. Salmi. Rinascimento, Classicismo e Anticlas-sicismo. Rinascimento, 2 ser., vol. 6. Firenze, 1966. — Вопросу о Возрождении в разных странах Европы и влиянии Италии на его развитие посвящена целая библиотека исследований; это специальная большая тема, выходящая за рамки этой книги.

272

виям других европейских стран, чем античные традиции для Италии, где они подверглись коренной переработке. Италия оставалась источником, питавшим искусство Европы вплоть до XVII в.

Итальянская наука дала толчок научной мысли нового времени, научные теории и открытия, которые принесли произведения Бруно и особенно Галилея, представляли собой итог Возрождения.²⁶⁷

В области политической мысли идейное наследие позднего Возрождения проявляет себя как реальный исторический фактор, не только воздействующий на развитие политических учений, но частично и на их воплощение, что блестяще показано в исследовании Джулиано Прокаччи на примере наследия Макьявелли.²⁸⁸

Уже во второй половине XVI в. этот мыслитель стал объектом литературной критики: Макьявелли-прозаик, пишущий на итальянском языке, как автор «Мандрагоры» расценивался знатоками выше, чем Боккаччо как автор «Декамерона». Переписка засвидетельствовала острую борьбу вокруг идей Макьявелли в эпоху, когда чтение его произведений допускалось только по получении специального разрешения, а хранение их было небезопасно: астролога.Чезаре де Пише в 1610 г. схватили и пытали за найденные в его библиотеке сочинения' Макьявелли и Бодена. Иезуиты типа падре Луккезини, Поссевино вырисовываются как противники Макьявелли, прогрессивно мыслящие круги — как его сторонники. Один из корреспондентов Леона Алация, Габриэль Ноде, бывший большим почитателем Макьявелли, защищал писателя от критиков и клеветников, рассматривал его «Государя» не в качестве памфлета на тирана, а как описание правителя нового типа. Флорентийский эрудит Якопо Гадди

собирал о Макьявелли архивные сведения и опубликовал свои замечания о нем в 1649 г. История тайного Макьявелли свидетельствует об отсутствии перерыва в философской мысли Возрождения, она продолжается и в XVI—XVII вв. Два века молчания существовали лишь в официальной ортодоксальной литературе.

Итальянская прогрессивная мысль пересекает границы страны и обретает широкое распространение в Швейцарии, Германии, Франции, Нидерландах и даже Швеции. Во второй половине XVI в. в Базеле публикуются латинские переводы «Государя» и «Рассуждений». Сочинения Макьявелли читали не только эрудиты, но и политические деятели. Австрийский дипломат Форстнер рассматривал «Государя» как конкретно-исторический итальянский образец, как «новый принципат». Профессор Гельмштадт-ского университета Конринг составил в 1660 г. комментарий

²⁸⁷ J. M a s e k. La Renaissance italienne, p. 49.

²⁶⁸ G. P r o c a c c i. L'erudizione seicentesca e settecentesca e il mito del Machiavelli repubblicano.—Annuario dell'Istituto Storico Italiano per l'eta moderna e contemporanea, vol. XIII—XIV (1961—1962). Roma, 1964.

273

к «Государю». В качестве медика он был в свите шведской королевы Кристины и, очевидно, способствовал тому, что она стала почитательницей Макьявелли, с которым познакомилась в переводе Амело де ла Оссэ. Фридрих II считал, что «Государь» Макьявелли в области морали — то же, что сочинения Спинозы в области веры; это суждение коронованного антимакьявеллиста не было лишено основания, так как Макьявелли был одним из источников творчества великого философа. Будучи противником Макьявелли, Фридрих II фактически находился под его влиянием в области военной теории. Характерно, что в Голландии не только Спиноза, но и другие передовые мыслители воспринимают «Государя» и «Рассуждения», переведенные там в 1615 г., в качестве сугубо республиканских и демократических по своей направленности, а автора этих произведений — как проповедника демократии и главного врага тиранов. «Государь», считали они, написан не для правителей, а для народа и представляет памфлет, разоблачающий правителей. Оссэ, облегчивший своими переводами знакомство с Макьявелли всем странам Европы, на основании 10-й главы его «Рассуждений», где говорится о превосходстве республики над монархией, характеризовал автора «Государя» как республиканца, который учит политических деятелей современным методам управления государством. Приверженцем республики Макьявелли прошел через сочинения Бейля, Вольтера, Руссо.²⁶⁹

Сочинения Макьявелли — высшая точка политической мысли позднего Возрождения²⁷⁰ — сыграли большую роль в истории идеологического развития многих стран Европы, независимо от их восприятия и переработки в специфических условиях каждой из них.

Рядом с Макьявелли стоит такая крупная фигура, как Гвиччардини, чье творческое наследие также не прошло мимо Европы. Это своеобразный и противоречивый продолжатель гуманистических традиций XV в., создатель буржуазного этического учения, фокусом которого является выгода, типичнейший представитель реалистической политической мысли позднего Возрождения.²⁷¹

²⁶⁹ Ibid., p. 7, 12, 15, 23—25, 30—51, 57, 61.

²⁷⁰ П. В и л л а р и. Макиавелли и его время. СПб., 1914; А. Д ж и - в е л е г о в. Никколо Макиавелли. — В кн.: Н. Макиавелли. Соч., М., 1938; U. S p i r i t o. Machiavelli e Guicciardini. Roma, 1945; A. S o g - s a n o. Umanesimo e machiavellismo nel pensiero del tardo Rinascimento. Milano, 1951; J. Malareczyk. U zrodet wloskiego realizmu politycznego. Machiavelli i Guicciardini. Lublin, 1963; J. K u d g n a. Machiavelli a Guicciardini. K typologii historickopolitickeho mysleni pozdni italske Renesance. Brno, 1967; В. И. Р у т е н б у р г. Жизнь и творчество Никколо Макьявелли. — В кн.: Никколо Макьявелли. История Флоренции. — Л., 1973.

²⁷¹ В. И. Р у т е н б у р г. Гвиччардини. — В кн.: Итальянское Возрождение. Л., 1966.

274

Именно в качестве выдающегося политического мыслителя он, подобно Макьявелли, вышел за пределы Италии.²⁷²

Гвиччардини был менее известен в Европе, чем Макьявелли, что объясняется сознательным стремлением первого скрыть свои истинные мысли при жизни. Но уже в 1561 г., через 20 лет после смерти Гвиччардини во Флоренции вышли десять книг «Истории Италии», а в 1564 г. в Венеции — следующие четыре. В 1569 г. его труд был издан в Базеле и таким образом стал известен в Европе. И хотя «История Италии» — далеко не лучшее произведение Гвиччардини, она принесла в Европу интересный анализ причин итальянского политического заката и позволила обратиться к рассмотрению проблемы государственных форм XVI в. — единого национального государства монархического типа, олигархической республики, конфедерации государственных образований на территории одной страны. К тому же в базельском издании была дана резкая критика папства, целиком исключенная из-за своей одиозности из ранних итальянских изданий. Еще через несколько лет, в 1576 г., в Париже вышли «Заметки» Гвиччардини, они открыли Европе Гвиччардини — философа Возрождения и критика реформационного толка, который по новизне и размаху своих положений, нередко противоречивых или намеренно замаскированных, стоит между Макьявелли и новой философией XVII в.²⁷³

В значительно большей степени философская и научная мысли Италии XVI в. оказали влияние на Европу смелыми научными теориями и гипотезами Джордано Бруно.²⁷⁴ Его философские идеи были наиболее передовыми для своего времени, поэтому они будили и толкали вперед европейскую мысль, чему способствовала известность Бруно, деятельная пропаганда им своих идей в разных странах Европы. Распространению же его идей в Италии помогло то, что за Леонардо да Винчи, Макьявелли, Гвиччардини Бруно обратился к итальянскому языку, став тем самым одним из создателей итальянской научной прозы. Великий Ноланец вслед за Телезио отверг учение Аристотеля. Не останавливаясь на отрицании его учения о первом двигателе, он восстал против аристотелевского решения проблемы материи и формы, где последней определялось активное начало, а первая, материя, становилась, по словам Бруно, «почти ничем». Отсюда делался логический переход к опровержению томизма, который усилился в XVI в. Самостоятельное существование чистой формы, принятое томизмом,

²⁷² В. В. Самаркин. К вопросу о формировании политических взглядов Ф. Гвиччардини. — Вестник МГУ, 1960, № 5.

²⁷³ В. И. Рутенбург. Гвиччардини, с. 105—114.

²⁷⁴ А. Х. Горфункель. Джордано Бруно; А. Штекли. Джордано Бруно. М., 1964; В. С. Рожицын. Джордано Бруно и инквизиция. М., 1955; G. Saitta. Il pensiero italiano. '., vol. III.

18 В. И. Рутенбург

275

вело к признанию сотворения мира богом «из ничего». С философскими доказательствами сочетались сатирические сочинения Бруно, в резкой и непримиримой форме разоблачавшие беспочвенность всей системы религиозного мировоззрения. Он не только разрушает, но и строит. Будучи воспитанником натурфилософской школы эпохи Возрождения, Ноланец примыкает к идее всеобщей одушевленности природы, вкладывает в нее глубокий смысл, открывая в природе внутреннее развитие, самодвижение. Несмотря на относительную ограниченность материализма Бруно, он приходит к такой важнейшей идее, как бесконечность материи, которая не рождается и не исчезает. Он считал, что вселенная не сотворена и существует вечно, непрерывно изменяясь. Бруно, исходя из теории Николая Кузанского, разрабатывает диалектическое учение о совпадении противоположностей. Бог в философии Бруно совпадает с природой, он — не только сумма всех вещей материального мира, но и совокупность внутренних законов движения и развития. Бог у Бруно — метафорический образ, хотя и почерпнутый из богословско-идеалистической терминологии. Более существенным является допущение им тезиса о целенаправленном характере движения материи. Материю Бруно делил на два вида: атомы и эфир, причем источник движения заложен уже в самих атомах, которые движутся в эфире. Он подошел к глубочайшей догадке об относительности времени, к попытке связать время с движением небесных тел. Подлинную революцию в науке произвело космологическое учение Бруно. Отталкиваясь от мысли, зародившейся еще в североитальянских университетах XV в., Коперник пришел к гелиоцентрической теории, совершившей переворот в естествознании. Бруно обогатил и развил теорию Коперника, провозгласив центральным положением своей космологии учение о бесконечности, элементы которого встречались уже в работах английских и французских натурфилософов и которое в богословской форме уже в XV в. было сформулировано Николаем Кузанским. Бруно отбросил не только геоцентрическую, но и гелиоцентрическую систему, противопоставив им учение о бесчисленном множестве миров. Учение о материальном единстве вселенной естественно вело Бруно к мысли о существовании жизни, в том числе и жизни разумной, на других небесных телах. Тем самым был нанесен непоправимый удар по аристотелево-томистскому представлению о мире, питавшему религиозные воззрения в Европе.

Этическое учение Ноланца исходило из нравственных идеалов эпохи Возрождения, было направлено против религиозного аскетизма, но в отличие от Баллы, с его учением о максимальном наслаждении и взаимопользовании, и от Гвиччардини, с его учением о выгоде как критерии поведения, оно находит предназначение человека в труде. В то же время он не был сторонником ликвидации частной собственности, как Томас Мор и Кампанелла.

Его идеал общественных преобразований предполагал ликвидацию церковного и светского произвола власти, наследственных феодальных привилегий, поощрение труда и науки, установление равенства по закону. Эта программа Ноланца была прогрессивным проектом просвещенной монархии или республики, соответствующим интересам и реальным обстоятельствам развития буржуазного общества в условиях Европы XVI в.

Наконец, великий Ноланец был истинным революционером в науке, выдвинувшим требование свободы мысли и сомнения при решении любой научной проблемы: «...предосудительно давать определение неизученным вещам, — писал он, — низко — думать чужим умом; продажно, раболепно и недостойно человеческой свободы — покоряться; глупо — верить по обычаю», в вопросах науки «не может служить аргументом авторитет любого, сколь угодно великолепного и знаменитого мужа». Этот призыв, как и личный пример Джордано Бруно, имел огромное влияние на методы исследований и в

области философии, и во всех отраслях европейской науки XVI—XVII столетий; его имя озаряло революционные события во Франции XVIII в.²⁷⁵

Учение Бруно являлось не случайным продуктом индивидуального гения, но итогом философской, научной мысли итальянского Возрождения, совершившей в творчестве Ноланца качественный скачок. В прямом и переносном смысле слова Бруно был носителем итальянской мысли, которую он безуданно и смело переносил на почву многих стран Европы: он вел смелые диспуты в Женеве и Камбре, читал курс философии в Тулузе и Париже, Оксфорде, Виттенберге, Гельмштедте, издавал свои сочинения в Париже, Праге, Франкфурте. Швейцария, Франция, Англия, Германия — страны, в которых научные гипотезы и открытия Бруно излагались им самим. Влияние Ноланской философии не замыкалось в кругу его непосредственных слушателей и учеников: с ней был знаком Кеплер, она оказала влияние на философа-материалиста Пьера Гассенди и его ученика Сирано де Бержерака, на Спинозу и Френсиса Бэкона. Произведения Бруно изучал философ-деист Блаунт и переводил в конце XVII в. Толанд, его наследием интересовались Дидро и Вольтер.²⁷⁸

Подобно Джордано Бруно, пронес через многие страны Европы свои философские, атеистические идеи другой великий нарушитель спокойствия феодально-католического мира Джулио Чезаре Ванини²⁷⁷ — фигура, значительно уступающая в целом великому

²⁷⁶ А. Х. Горфункель. Джордано Бруно, с. 28, 29, 43, 49, 51, 70, 71, 78—83, 88—99, 101—116, 136, 137, 159—161, 168—171, 178.

²⁷⁶ Там же, с. 41—58, 177—178.

²⁷⁷ В. И. Рутенбург. Великий итальянский атеист Ванини. М., 1959; Е. В. Тарле. Джулио Ванини (из истории европейской культуры). — Мир божий, 1900, № 5; G. S a i t t a. Il pensiero italiano. . . , vol. II; G. Spin i. Vaniniana. Rinascimento, vol. I. Ricerca di libertini. Firenze, 1950.

²⁷⁷

18*

Ноланцу, однако не менее колоритная и заметная по общеевропейскому резонансу. Его также сожгли на костре, спустя 19 лет после гибели Ноланца. Как и Бруно, он был ниспровергателем дутых авторитетов и смелым исследователем: «... я отбрасываю общепринятые мнения, и чем больше мои мнения удаляются от хоженных троп, тем более они подвергаются нападкам», — говорил Ванини. В «Амфитеатре» и «Диалогах» он обращался ко многим проблемам философии, не обходя почти ни одну из современных ему наук, подвергал критике и разоблачению церковные легенды и деятельность папства в завуалированной форме. Несмотря на непоследовательность и противоречивость своих взглядов, Ванини приближался к материалистическим выводам: считал материю вечной, несотворимой и единой, отрицал сотворение мира богом и господство его над миром, утверждал первичность материи. Исходя из трудов предшественников, он признавал закономерность и необходимость перехода явлений в свою противоположность; эти элементы диалектического подхода он применял как в исследовании явлений природы, так и общества. Он возрождает и углубляет теорию происхождения религии, предложенную еще Лукрецием: веру в богов породил страх перед неизведанными силами природы. Ванини считал, что религии могут появляться и исчезать под влиянием небесных светил. Эти астрологические теории, свойственные и другим представителям натурфилософии, были у Ванини попыткой найти естественное, материальное объяснение явлениям и событиям. Он, кроме того, подвергал критике современные ему общественно-государственные порядки.

Ванини также был непосредственным пропагандистом своих идей: он посещает Страсбург, Кельн, Прагу, Амстердам, Флис-синген, Гент, Брюссель, Женеву, Лион, Лондон, Париж, Тулузу, выступает там с лекциями или ведет диспуты, подготавливает свои сочинения и издает их («Амфитеатр» вышел в Лионе, а «Диалоги» — в Париже). Последний кружок вольнодумных последователей Ванини был в Тулузе, где он и был казнен. Борьба вокруг наследия Ванини велась во многих странах Европы в XVII и XVIII вв., он был неправильно понят Вольтером и высоко оценен Дидро и Бабефом.²⁷⁸

Г] Не прошло мимо многих европейских стран и влияние известного итальянского философа и бунтаря Томмазо Кампанеллы,²⁷⁹ в учении которого переплетались идеи утопического социализма

²⁷⁸ В. И. Рутенбург. Великий итальянский атеист Ванини, с. 57—63, 67—68, 72—88, 101—106.

²⁷⁹ А. Х. Горфункель. Томмазо Кампанелла. М., 1969; А. Штекли. Кампанелла. М., 1959; В. И. Рутенбург. Кампанелла. Л., 1956; П. Лафарг. Кампанелла. Страница из истории социализма. Пгр., 1920; А. С o g s a n o. Tommaso Campanella. Milano^Mes-sino, 1944.

²⁷⁸

с теориями создания единого мирного государства труда и науки под эгидой светской или духовной власти. Кампанелла, будучи почти пожизненным узником, не смог, в отличие от Бруно и Ванини, пропагандировать свои идеи в диспутах и лекциях, но к его сочинениям было приковано внимание многих европейских мыслителей. У него бывали видный филолог Каспар Шоппе и

Товий Адами. Последний в 1623 г. опубликовал во Франкфурте сочинение великого узника •— «Город Солнца», получившее общеевропейский резонанс и сыгравшее большую роль в истории социалистических учений. В 1629 г. в Лионе была опубликована «Астрология». К его французским поклонникам принадлежал известный философ-материалист Пьер Гассенди. Во Франции по поручению Ришелье Кампанелла руководил учеными собраниями, на основе которых затем выросла французская Академия наук. Идеи Кампанеллы оказали немалое влияние на философскую и политическую мысль Европы.

Развитие философской мысли и всех наук происходило при взаимовлиянии ученых и учений разных стран Европы; это было особенно характерно для XVI в., когда история перешла на общеевропейские рельсы. Однако в целом влияние итальянской мысли на Европу в XVI в. было несомненно более значительным, чем влияние теоретических идей других стран на Италию, так как в основном именно Италия была фокусом общеевропейской мысли.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Государственный архив Флоренции

^

Документ I

ДОНЕСЕНИЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПОСЛА В ВЕНЕЦИИ ДОНАТО БАРДИ ГЕРЦОГУ
ТОСКАНСКОМУ 1 ИЮНЯ 1549 г.

Il Principe insieme con la Regina Maria andarano rivedendo et visitando tutte quelle frontiere della Fiandre et havevan trovato che da dua mesi in qua, erano passati alia spiciolata meglio di 3000 fanti todeschi¹ et dicevano per passar in Scotia condotti et pagati da francesi, la qual cosa non era niente piaciuta a Sua Maesta et per questo hautano reiterate i bandi sotto gravissimi pene. . . Dicono, che gl'Inglesi facevano una grossa armata per impedire i francesi.

Di Levante ci furono lettere de 20 d'Aprile dalle quale s'intende come il S^{te} era risoluto far la impresa di Giorgino et farla Galgiarda. . .

Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 2968, p. 17—18.

ДОНЕСЕНИЕ ПЬЕТРО

Документ II

ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПОСЛА В ВЕНЕЦИИ КАМАЯНИ ГЕРЦОГУ ТОСКАНСКОМУ 9 ОКТЯБРЯ
1549 г.

Con giustificarse che cio che haveva fatto era stato meramente per vendi-carse del suo inimico tenendo per fermo, che non havessi da dispiacere V. Ecc^{za}

Eer havergli e ha scritto amorevolente in risposta de una sua, doppp che egli ebba assaltato in Genova il detto Dom[eni]co, che lui non impacciava delle inimitia particolare et che le tasciarebbe sbrigata a lui et a chi tocchavano et per havergli V. Ecc^{za} anche detto quanto lui venne ultimamente.

Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 2968, p. 75.

ДОНЕСЕНИЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПОСЛА В ВЕНЕЦИИ
ПЬЕТРО КАМАЯНИ ГЕРЦОГУ ТОСКАНСКОМУ

15 ОКТЯБРЯ 1549 г.

L'Amicp mi ha dettocomeda pochi giorni in quale venuto in Venezia un mes-sere Bernieri parmigiano, che è haverno del Signore Ottobuono et di trovo nell cose di Genova. . .

1

¹ Так в тексте (todeschi — венецианский диалект, ит.—tedeschi).

. . . un altra guardia al ditto Re, duale fu vedute volontieri da la nobilta et condotto in Londra. Il Protettore havendo inteso che se gli facera processo adosso di ribello volse andare ad un certo luoco * fabricate da lui, ma fa preso per strada et condotto in Londra, dove si tenuta, che presto finirebbe Ji giorni suoi. Et con la presa di questo li tumulti erano quietati.

Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 2968, p. 76, 77.

Документ III

ДОНЕСЕНИЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПОСЛА В ВЕНЕЦИИ
ОРАЦИО УРБАНИ ВЕЛИКОМУ ГЕРЦОГУ ТОСКАНСКОМУ

7 МАЯ 1575 г.

Serenissimo gran duca, mi-o signore

Mercoredi ^a passato con l'ochasione del' signore Sansonetto de farli. . . sempre in lingua fiorentina. . .

... in questa Citta o da nove libra o da appassiamente o genti che hanno modo che fare sia. . . fuora fa voce perche non è mancato ancora di habbia mormorato che di l'intenzione del' Cardinal' Morone sia di intertener' tanto quei garbugli di Geneva di che . . . di Spagna sia in punto per esequire quel' tanto che si e stabilito nell' animo di voler

fare essere per tale effetti il Signor Don Giovanni d'Austria se tratti gia incognito in Italia, hanno in questa Citta questi preparamenti di Sua Magesta Cattolica molto da sicurezza udendo, alcune che siano per fortificare porte Farenò, altre per l'impresa d'Algier et altri pure che le cose di Genova. Di Levnate non s'intende altro che il Turco un anno non sia per fare cosa alcuna, qua e l'unione tanto forma stabile pervasione che potrebbe di voler' esser* piu savio degli altri, che dicesse intendere il contratio, ma quatio ancora sia pur vero che essi per questo anno voglio starsi a riposo, si considera che tanto piu potehte dovera uscire l'anno seguente, oltre che contare i principi cristiani securi da quelle arme potrebbe esser' causa de' qualche movimento pro Corte medesimo, massime con l'occasione, tanto pericolosa di questi garbugli genovesi, a quali seguitano de tanta mala natura, che Illmo legato sia, per potere a noctare pocho rimedio ancor che quella eletione delli dodici deputati desse nel principio qualche speranza e discernosi molti di quello, che non fara esec³ [itiajnella quale e tanta providentia e tanto valore non sia manco proposto fare alcun' altro. Mohsignor Nuntio si comescrissi a V. S. non intervene alle cerimonie per le il giorno di S. Marco.

Horatio Urban!

Archivio di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 6987, p. 331—334.

ДОНЕСЕНИЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПОСЛА
В ВЕНЕЦИИ ОРАЦИО УРБАНИ ВЕЛИКОМУ ГЕРЦОГУ
ТОСКАНСКОМУ 14 МАЯ 1575 г.

. . .buonissime sperante massime passate le cose con somma secrete. . . 26 del passato con avviso de il Marescial Memoransi e loro fossero liberl che cosi essendo per grazie segno d'acordo cefcato di tenere d'esser liberati prima che si pubblichi l'achordo . . . loro innocenzia . . . di Spagnia et di Francia.

² Так в тексте. ³»Лакуна.

281

. . .tanto tempo che non hanno lettere della corte non percio si presta loro intere fede, si sta percio hora con molto desiderio aspettato universalmente di vedere qual' di questi due achordi», sara il primo a credendosi, che se il Re Cat-tolico, oome il Cristianissimo cerchera di non essere il secondo per le molte con-seguenze che passano risultare a loro interessi, a tantp piu, quanto s'intende tuttavia che l'accomodamento delle cose di Geneva, si ha come perperate e perche quella Cittik ppssa dar⁸ lungo tempo con questo modo presente di go-verno. Hanno questi signori cercato di persuader' Monsignor Nuntio a inter-venire alia sollenita come prima con mpstrare infinite dispiacere di questa re-solutione di Ser^{ma} per cagione che hara il mondo di mormorarne e gli nimici^e di ambe le parti di rallegrarsene, ma SS^{ma} Rev^{ma} ha risposto hauta in cio ordine espresso, il quale non puo preferire, ma che se essi vogliano, che intervenga sanno come hanno di fare, cioe con mettere a l'loco Ambasciadore a Roma, che intervenga in Cappella con sedere a l'luogo suo de sito e chome tale gl' estato consegnato, e perche questi stanno par tuttavia resistenti e dicano, che Illmo Ambasciatore Ant[onio] Coronata, che sedera a quel luogo, esse comandato subito al loro, che faccia il medesimo, dice Mons. Nuntio che risponde ai di loro. . .

Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 6967, p. 336—338.

ДОНЕСЕНИЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПОСЛА В ВЕНЕЦИИ
ОРАЦИО УРБАНИ ВЕЛИКОМУ ГЕРЦОГУ ТОСКАНСКОМУ
19 МАЯ 1575 г.

Al Serenissimo mio signer Gran Duca di Toscana. Signer Don Gianozzo non sarebbe forse cosi presto passato in Italia venne di Turino . . .

. . .questi signori della mala satisfatione del Papa s'intende andar tuttavia augmentando, partendo di gK achorde di strettamente si trattano in Francia et in Fiandra, i tre francamenti, che fa Sua Maiesta Cattolica, e spllevatione di Genova ricerchino ogni altra cosa, che stare al presente in questi disfacere, ma di piu tostop s'il papa, come essi e tutti gli altri principi d'Italia dovessero sosporre⁷, ogni sdegno particolare, stando solamente intenti a quello che piu far' che import! all'interesse comune. Et a me cnpferito il conte Pierro Avvo-gardo, che la un' senatore di molta autorita gli e stato mostro un discorso, il quale tratta assai largamente quanto sarebbe utile, che . . .⁸ se stabilisse una lega o una perfetta e secura intelligentia • sotto qualche forma d'articoli fra questa Repubblica e V. S., ma pero tal' discorso, dice, che era concetto particolare di quel' senatore, il quale non ne haveva ancora fatto mentione in se-nato, ma che bene confermava l'intention' sua essere di spstener' quelle conspi-razione, quale fosse ochorso¹⁰ ochasione¹⁰ di parlare di si fatta materia. . ."

Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 6967, p. 339—342.

⁴ Так в тексте.

⁵ В тексте ошибочно darar. • В тексте описка mimici.

⁷ sosporre = sottoporre.

⁸ Лакуна.

⁹ 13десь — взаимопонимание. ¹⁰ Так в тексте.

282

ДОНЕСЕНИЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПОСЛА В ВЕНЕЦИИ
ОРАЦИО УРБАНИ ВЕЛИКОМУ ГЕРЦОГУ ТОСКАНСКОМУ
4 ИЮНЯ 1575 г.

. . .pro conto della Nave, che predorno li mesi passati e de contenui danni, che fanno in quei conspi alle gente turchese, che nel resto quanto alle cose di Levante qua'hora pocho sene ragione, se per l'opinione confermata per tante mani, d'avvisi per questo anno il Turco voglia starsi in pace, come perche le cose di Genova presente e vicine

danno contenuta materia d'altri discorsi massime sa l'occasione ^u della partita di questo Ambasciatore Cesareo, che domani s'invierà a quella volta comandamento hauto da Sua Maestà con l'ultimo ordinaro.

Horatio Urbani

Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 2967, p. 352.

Документ IV

ДОНЕСЕНИЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПОСЛА В МИЛАНЕ

АЛЕССАНДРО ВЕРРИ ВЕЛИКОМУ ГЕРЦОГУ

ТОСКАНСКОМУ 11 МАЯ 1575 г.

... in Pavia e successo rumor grandissimo tra scolari et cittadini et osere che da ambe le parti ne son sta feriti, molti ne sono anco morti di poveri,^{la} et sendovi interessate un figliuolo del Podesta di quel loco. Il Senate di Milano ha mandate doi senator! a processare contra coloro che haverano falliti.

... che l'Armata Turch[esa] non sia per uscire, ma che piu facilmente sia per andare in Fiandra, sendo quelle cosi in peggior termine, che mai fossero et allor yogliono che venghi in ogni modo, per li dispareri di Genova, con occasione d'impatronirsi di detto loco, il che non sara si facile come si crede. Et per queste voci che si spargono pare che Genovesi siano entrati in sospetto, et che di novo faeciano star la Gente armata et le Porte della citta serrate, volendp sapere chi entra et esce, havendo anco fatto carcerare circa 20 persone, de quali n'erano andati sei del Vicelegato ad annunciarli che havevano 150 vpci per cias-cuno, quali valevano che si levassero tutte le Gabelle dela vittovaglie, et che volevano gridare viva, viva, il Populo suo novo disegno.

Monsignor Illmo Morone deve in breve partirsi ritrovandosi in disposta di Gotta et vedendo le cose lontane, et fore di speranza d'accomodamento. . .

Si e anco detto Sua Eccellenza haver ordine dalla Maesta Cattolica di fare la restitotione di san...^{ls} et Arte al Signer Duca di Savpia. . .¹³ con le speranza, che da Franza d'accordarsi con gl'Ugonotti, et lasciarli vivere a lor modo con molt' altre condition! in favor loro. . .

Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 3114, p. 207.

¹¹ Далее зачеркнуто delle.

¹² В тексте paver! .!? Лакуна.

283

ДОНЕСЕНИЕ ИЗ ПЬЯЧЕНЦЫ ФЛОРЕНТИЙСКОГО ЦОСЛА

АЛЕССАНДРО ВЕРРИ ВЕЛИКОМУ ГЕРЦОГУ

ТОСКАНСКОМУ 15 ИЮНЯ 1575 г.

... mi jmrto per tal efetto et giongero dal Signor Conte Giovanni Ango-sciola, accio habbia occasions d'osar maggior diligenza per questo fatto, paren-domi easer piu necessario d'ogn' altro locho, et detto Signor Marchese m'ha detto, che haria con maggior comodita. risposto a Sua Aitezza, volendo anc'egli partir questa notte per tempo per giongere domani in Alessandria, con inten-tione de starvi sino a lunedì prossimo per godere le feste, et piacere che la si fa-ranomi compagna della Signoria sua consorte, sendosi inteso da questi di Corte che nel Consiglio s'e fatto alia specia col' signer Don Gibvan Andrea Doria et questo Signor Marchese si e deliberate di cassar questa fanteria italiana et alemana, et se cosi sara levata assai di sospetto di Genovesi con qual fine hu-milmente bascio a San Aitezza le mani. Di Piacenza il XV di Giugno MDLXXV.

Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 3095, p. 248—249.

Документ V

ПИСЬМО ДОЖА ГЕНУИ ГЕРЦОГУ ТОСКАНСКОМУ 7 АПРЕЛЯ 1575 г.

Illmo et Ecc^{mo} Sr

L'amorevole ufficcio, che ha fatto con noi V. S. Illmo dandra ^u parte per sue lettere che si ha presentato. Monsignor di Negro con quel di piu che ha soggiunto deirhonorantissimo suo mariaggio, stabilito con quel' Augustissima casa d'Austria e stato veramente degno dell' humanita sua e dell'amicitia nostra. La^uuale e tale che c'e fa correre di pare affetto con coloro, che ne hanno sentito all'animo maggior' contento, si come le monstera il Magnifico Lazo de'Gri-maldi, npstrogentiluomo, il quale per non poter noi con lettere pareggiarel'alle-grezza viene ad esprimerla vivamente di pressura, et a ringraziarle del favor, che habbia ^{vi} ricevuto coll' haverei alia cosi amorevolmente communicate, se prosperita sua sia dunque servita o credergli e prometterli di noi ogni dovuta corrispondenza con che facendo fine e pregandole ogni maggior contento che li offeriamo di tutto cuore. Da Geneva a VII di Aprile MDLXV

al piacer di V. Ecc^{za} Il Duce e Governatori della Republica di Genova

Archivio di Stato di Firenze, Mediceo. del Principato, reg. 2839, p. 9.

Документ VI

ПИСЬМО ИЗ ГЕНУИ ПОСЛА ИСПАНСКОГО КОРОЛЯ

ДОНА ПЕДРО МЕНДОСА ВЕЛИКОМУ ГЕРЦОГУ

ТОСКАНСКОМУ, 1580 г.

... morendo la moglie senza figliuoli, con patto pero all'incontro che la moglie guadagni scudi cinque milia, et non piu, morendo il marito senza figliuoli.

Che il signor di Piombino cauteli in buona forma la restituzione di detti dotti nel modo sopradetto, et parimente la restituzione delli scudi quattro milia

¹⁴ Так в тексте.

284

d'anticiparsi, come sopra si e detto, senza alcuna dedutione, quando il detto matrimonio non havesse effetto, o per morte, per altro accidenti.

Che di tutte le sopradette cose se ne faccia instrumento publico nel tempo o delle Nozze, con le clausule, et oblighi soliti et

di ragione validi.

Et perche detti signori di Piombino et don Pietro di Mendoza intendono in tutte le sopradette cose procedere pianamente et starne in fede l'uno all'altro rispettivamente, pero ne danno la parola a Sua Aitezza Serenissima per questa scrittura, la quale per cautela di ciascuno di loro sara duplicata et firmata di lor mano, et sigillo

don Pedro de Mendosa.

Archivio di Stato di Firenze, Mediceo del Principato, reg. 2859, p. 255—256.

Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина

Документ VII

ВЕДОМОСТЬ

оплаты должностных лиц папской курии

(утверждено папой Сикстом V в 1586 г.)

Relazione della Corte et Governo di Roma Della Dataria

Offitii venali, quali essercitano giurisdizione cioe:

Scrittori di Petitenzeria 2900 Segretarii de'Brevi . . .

Scrittori apostolici 1800 <700—800¹⁷>scudi

Culicularii apostolici..... 1300 l'anno

Scudieri apostolici 9000¹⁶

Scrittori de'Brevi..... 800

Giannizzeri 1700

Piombo 1900

Cardinali valeri di S. Pietro 1500 Cardinale vicario ha 100

ducati il mese

Cardinali valeri di S. Pavolo..... 1600

Cardinali del giglio..... 500

Cardinali 500

.....ie Entrata della chiesa

Cardinali lauretani..... 500 Le dogane di Roma per

Archivia 2200 nove anno 135000 scudi

Portiere..... 800 Entoate incerte l'anno

Presidente..... 600 68250 scudi

Officii di Palazzo di Roma:

Prima catena 300

Seconda catena 300

Porta ferrea..... 300

Custode delle pitture..... 1000

Verghe rubee 700

Mazzieri 600

Girolamo Lunadoro senese scrisi

Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ин. 1318, листы, 292, 295, 312, 313, 352, 353.

¹⁶ Было 4000, исправлено на 9000.

¹⁶ Лакуна.

¹⁷ Было 900—1000, зачеркнуто и надписано 700—800.

285

Отдел рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

Документ VIII

ПИСЬМО ИЗ БОРДО ФЛОРЕНТИЙСКОГО ПОСЛА ВО ФРАНЦИИ ФРАНЦУЗСКОМУ КОРОЛЮ КАРЛУ IX

16 МАЯ 1565 г. Sire, re

Jo vorrei posser piu largamente ringratiar la M. V. dell' amorevole offitio che con la sua lettera, et in voce II Cavalier De Sevre, in nome di V. M. ha osato meco. Ma piu alij concettj et maggior parole bisogneriano di quelle che lo sa-pesse o trovare, o usare. Pero mostrando con l'effetto quanto lo sia stato da questa cortesia incitato, et con il debito dell'obedienza, quanto lo sia desideroso di met-ter ad esecuzione quello che Sua Maiesta desiderar che io faccia. Gl' offero una pronta volonta di presto transserirmi in quel luogo, che V. M. ha fatto ordinare per alloggiamento di questi altri Sig^{ri} Ambascitori et mio, et un fermo animo (qual sempre e stato in me) di dirla in quello che gli piaceva comandarmj et seguirla dove la vorra, perche, si come nissuna incommodita mi ha mai ritenuto dair esserli presso, che tal giudico il servitio di V. M. et quel del Duca, mio sig^{re}, cosi meno mene ritardera adesso poi o contanta benignita sono da V. M. stato chiamato. Alia quale, basando humilmente la mano, prego da Nostro Signore Dio per ogni maggior contento et felicita di V. M. Da Bordeos li XVI di Maggio MDLXV

D. V. M. ser^{ma}

Dedilissimo L'Ambasciatore di Firenze

Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки в Ленинграде, колл. Дубровского, авт. MS 43, 25, л. 44.

Документ IX ПИСЬМО КОЗИМО I МЕДИЧИ ГЕРЦОГУ САВОЙСКОМУ

29 НОЯБРЯ 1562 г.

Ш^{mo} et Ecc^{re}» Sig^{re}

Sa l'Eccelenca Vortra con quanta prontezza furono da me offerti le cento mila scudi per servitio del 'Re

Cristianissimo, puo anco esser sicura, che con la medesima prontezza io mi sia ingegnato di fame la provisions, poi che le qua-lita de'tempi, et le gravi spese non mi hanno concesso il poterli sborsare di su-bito, si come harei desiderate per maggior sadisfatione, et comodo di Sua Maiesta Cristianissima. Doppo la partita de cinquanta mila, che furono in mio nome pagati nella Piazza d Anversa alii Agenti del Re, ho ordinato per mezzo d'alcuni mercanti, amici miei, che ne siano sborsati sino alia somma di venti o venti-cinque mila in Milano, de quali aspetto a ogni hora di intendere, che sia seguito lo sborso, et che li medesimi mercanti habbiano dato lettere allo ministri miei, per il pagamento di altanta somma in alcuna altra Piazza d'Italia, et come io sia avvisato del successo, provvedero, che li Ministri Regei se ne possino ogni volta valere, il che e quanto posso dire sopra questo negotio a Vostra Eccellenza, la quale prego a voler essere certa, che da me si sia fatto quanto hanno compor-tato le forze mie per servire al Re Cristianissimo, tanto piu volentieri in questa causa, poi che si tira dietro il beneficio, et la quiete publica, et a persuaders!,

286

che io vivo con molto desiderio, che ella mi comandi et baciandole affettuosa-merite le mani, supplico Nostro Signore Dio, che la sua III^{ma} et Ecc^{ma} persona conservi et prosperi come desidera. Da Pisa li XXIX di Novembre MDLXII

Di V. Ecc^{za} Ecc^{to} S. D. di Savoia

affectio el Duca di Florentia

Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки в Ленинграде, колл. Дубровского, авт. № 43, 14, л. 23.

Документ X

ПИСЬМО ИЗ РИМА ВИНЧЕНЦИО БАЛЬДАЛОКЬО ЕКАТЕРИНЕ МЕДИЧИ 9 НОЯБРЯ 1566 г.

Serenissima e Christianissima Regina. Il dolor che io sento di vedere, che la causa di V. M^{la} che era tanto bene incaminata, et nella quale a lei era piac-ciuto di far a me tanto d'honore, et di gratia di commetermi la solentatione di quella, et nella'quale si era contenuto fare di molte fatiche per isvegliarLa, havendo lungamente dormito per il passato, secondo che la M^{ta} V. potra haver veduto per le informationi, mandate per l'III^{ma} Madama di Villa paris, il dolor, dico che io sento, di vedere che detta causa pur si ritorni a dormire, e l'disiderio ardentissimo, che io ho di mostrarle la prontezza dell'animo mio in tutte le cose, che a lei possono tornare servizio, quale che egli sia, mi faranno per aventura accusare appresso di V. M^{ta} di improntitudine in solecitandola cosi spesso nelle cose sue medesime, ma il conoscere io lei essere da troppo maggiori cure occu-pata. Et il vedere che in questa causa la M^{ta} V. non puo ricevere danno alcuno se non questa della lunghezza del tempo, poi che vincendosi la causa ella gua-dagna il monte della fede e i frutti deccorsi, che non e pero poca somma, et per-dendo la racquista il castello di Sant'Angelo, e standosi cosi gli avversarii go-dono il monte; et i frutti et Madama resta padrona del Castello, et V. M^{ta} non ha cosa alcuna, et io a lei non posso mostrare l'affettuosa e pronta volonta mia di seryirla, non posso non dolermi, et humilissimamente, et con ogni riverenza supplico V. M^{ta} che me perdoni, se pur le pare, che in questa io sia impronto e troppo ardito raccordandole di nuovo, che sono gia passate piu settimane, e giorni di Ruota senza poter fare alcuna cosa nella causa sua, solo per manca-mento non dico di denari, ma di alcune a chi si devono pagare i denari per distri-buire nelle spese della causa, per che l'Sor Anibale Rucelai si mostra apparecchiata di pagare tutta quella somma, che sara necessaria per questo a chi n'haura ordine de lei, il qual ordine non vi ha fin ora persona che dica d'haverlo, et se molto piu si tarda a mandarlo di qua da natale non si potra fare alcuna cosa, di che io finalmente non posso far se non dolermi, et in tanto aspettar la diliberatione sua, intorno a che non diro al presente altro a V. M^{ta} alia quale mi pare nondi-meno d'esser tenuto a dar conto ancora di certa impresa fatta dal Musotto contra di me tanto fuor di proposito, e tanto fuori d'ogni mia espetatione, quanto io non saprei piu dire, et invarita, se le cose fossero passate fra lui, e me io me ne riderei come colui, che lo conosco molto bene, ma perche esso ci ha michiate la M^{la} V. et Mons^{or} III^{mo} il Car^{le} di Loreno per cio ho voluto dime a V. M^{ta} » queste quattro parole le quali essa medesima conoscerà piene di verita, e quelle del Musotto tanto bugiarde, quanto alle mie sono contrarie. Egli adunque ha voluto persuadere a Mons^{or} III^{mo} di tornare di non mi tenere a suoi servitij, secondo che hanno fatto gli altri predecessori suoi, dicendo che io habbia fatti mali uffitij contra di detto Mons^{or} III^{mo} di Loreno con V. M^{ta} et con Mon^{or} III^{mo} et R^{mo} Car^{le} di Borbone, la qual cosa se io habbia mai fatto con lei, esso lo sa, se con detto III^{mo} et R^{mo} Sor Car^{le} di Borbone: S. S. III^{ma} et R^{ma} nonnecelarala verita a V. M^{ta}, ma havendo udito affermare da alcuni, questo non esser yero, ha poi detto che io debbo dunque haverne fatto contra il Car^{le} della Burdesiera, la qual cosa V. M^{ta} sa bene in quanto a lei s'appartiene non esser vera, et il medesimo

287

se le piacera, potra ancora intendere dal sudetto III^{mo} et R^{mo} Sor Car^{le} di Borbone, in questo ancora essendole mostrato che s'mgannava, ha poi detto che debbo avere scritto di lui, a che ho risposto che inverita io non l'ho mai tanto stimato, che lo riputassi degno di penetrare alle orecchie di V. M^{ta} per mie lettere pur cosi fatti mezzi, come per far mali ufficij, che non usai di far giamaj.

Ma la cagione della sua mala volonta verso di me puo essere che essendosi oppostogi[a]^{ls} malvagiamente, et con uno instrumento falso a Mons^{or} Serafino Oliviero nominate dal Re al loco della Ruota qui di Roma, et reprehendendolo io di questo amorevolmente, et la fratello, egli si duole per aventura di vedermi huomo da bene, et consapevole delle sue malvagie opere, oltre che gli puo do-lere ancora che da me non ha mai potuto intendere cosa alcuna de miei Padroni, et per questo desiderava cacciarmi da questo servitio, «ccio ci entrasse poi un Romagnolo chiamato Messer Andrea Mengacci, stato quest! anni addietro segretario del Car^{le} della Burdesiera, il quale messer Andrea ha pregato d'HI^{no} Car^{le} di Ferrara, ma bene in vano pur che facesse offitio per lui con Mon^{or} III^{mo} di Tornone, secondo che io ne ho lettere dal segretario di detto III^{mo} signor car-dinale di Ferrara; sopra di che non daro piu lungamente noia a V. M^{ta} a reverente et con ogni humiM bacio le honoratissime mani, e prego da Dio ogni felicità, et contentezza. In Roma, il di IX di Novembre MDLXVI

Da V. M^{ta} Christianissima

Dorso: Alia

Serenissima e Cristianissima Reina

Humiliss^o e Deyotiss^o servitore

Vincenzo Baldalocchio Vincenzo Baldalocchio

Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки в Ленинграде, coll. Дубровского, авт. М 43, 33, л. 56-59.

Документ XI

ПИСЬМО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ГЕНУИ

ПРИ ФРАНЦУЗСКОМ ДВОРЕ ФРАНЦУЗСКОМУ

КОРОЛЮ КАРЛУ IX 10 СЕНТЯБРЯ 1564 г.

Saera e chr^{ma} M^u

Nissuna cosa poteva piu alleggerirei la molestia, che ci apprtano i movi-menti di Corsica, come ha fatto il vedere per sue lettere de sei del passato, che vostra Maiesta Chiarissima ne senta quel dispiacere, che jichiede l'osse-quente affetto che le portiamo, riputando noi a specie di felicità, che a lei pre-mano i travagli della Repubblica nostra, ma molti piu che per diyertirli cadesse gia nella Regal sua mente amorrevol pensiero ¹⁹ di ammonir Sampietro da Baste-rica, nostro ribelle, quando parti da lei, che si astenesse di tentar cosa nell'Isola nostra di Corsica, che potesse offender la pace, comandandogli poi per sue lettere, che si ritirasse dall'impresa, quando intese, che contro gli ordini e coman-damenti suoi, e contra la dispositions) di essa pace, era gionto in Corsica con una delle galere sue, et cui subornando i popoli, che sono assai creduti per natura e facili a levarsi, haveva suscitato tumulto e disordine in quell'Isola. Di guesta sua benigna et amorevolo dimostratione ne rendiamo alia Maiesta Vostra ^uelle gratie, che possiamo piu humili, e maggiori spggiugnendole, che il disdegno, che ha meritamente conceputo contro il Sampietro, per haver violata la pace a negletti gli ordini suoi, dovera hora aggrandirsi molto piu, quando sappia, che oltre cio e stato ardito, et ardisse tuttavia di servirsi, e spendere il suo nome Regale, dando a vedere a popoli ch'egli habbia in favpre suo la mano di Vostra Maiesta Christianissima sotto il qua! colore giuntavi l'apparenta ostentatione della galera, ha potuto agevolmente indurli a cose nuove, ma piacesse a Dio

¹⁸ Лакуна.

¹⁸ После этого слова следовало di, зачеркнутое в тексте.

288

che le attioni altrui fossero conform! al religiose volere di V. M^{ta} che ne hora la Corsica per quel che veggiamo sarebbe in corsa in travaglio et al giorno d'oggi sarebbe acquistato ²⁰ ogni rumore e riportatione ²¹ Sampietro il dovuto castigo alle malvagie sue operationi: se castigo pero alcuno puo egli ricever maggiore, che col perder la grazia di tanto alto e poderoso Re. Quanto tocca al particolare della fregata, noi narreremo il fattp a V. M^{ta} come per la verita e successo e con questa la supplicaremo che sia servita conforme al suo costume di acquistarsene.²² Quando arrivo l'Ecc^{za} del Sig^{or} Don Garzia con l'armata del Re Catolico in Corsica, truvo all'ancora nella spiaggia d'Istria una fregata ²⁵ con un sol'huomo che la guardaya, essendo gli altri discesi in terra con tutti gli apparecchi del vassello per timor, che haveyano del Corsali, e domandatogli ch'ivi facesse, dove era e come si chiamava il patrone. Rispose ch'era ito a trovar Sampietro e che si chiamava Patron Antone Corso. Hora che si avvenisse della fregata, noi certamente noi sappiamp, se non che verissima cosa e, che in poter nostro, e meno di alcun nostro ufficiale non pervenne il marinaio per quanto habbiamo inteso, poi disceso, che fu in terra, dando di se sospettione a certi segnali, che fosse rinegato, fa condotto in carcere nel luogo Agghiccio in compagnia di alcuni schiavi turchi et assai tosto consignato sopra la galera nostra patrona. Fra questo mezzo tempo havendoci scritto sopra tal fatto Г 111ⁿ¹⁰ Sig^{or} Conte di Tenda, le risposimo, che ci doveva che a notitia nostra, si come era vero, e meno in poter nostro, non fosse ne fregata, ne cosa alcuna, per l'pccasione, che perdevamo di gratificar S. Ecc^{za} in cosi massimamente, che mirassero la soddisfazione e servizio di V. M^{ta} Chr^{ma} alia quali portiamo quella riverita osservanza, che si cpnyiene, et e propria della Repubblica nostra. Il giorno seguente poi, venen-doci significatp, essere un'provensale sopra la galera patrona, comandammo a npstri Prpveditori del mare ch'usassero diligenza per vedere chi costui era e qual cagione glie l'havea condotto. Sopra il che fa fatto l'esame, che qui incluso le mandiamo, e deliberate di consulta nostra, che fosse rilassatp, ma come che quel giorno proprio per sua mala sorte e nostra insieme partissero le galere frettolosamente per Corsica, fu in quella confusione trascurato il nostro ordine, e cosi partite, quando furono tra l'Agghiaccio e Callui investirono essa patrona, o la Minerva in terra, cacciate da Corsali: ne finqui se sa che si sia salvato e chi no, e voglia Dio, ch'egli sia capitato in mano de'nostri, che senza dimora sara rimesso in liberta. Essondo noi ben rissoluti di mirar sempre con ogni riguardo all'osservanza de'pace e di fugir come scoglio ogni occasione, che possa violarla, massimamente in quelle attioni, che concerneranno il servizio di sua Regal Corona o l'interesse de'suoi sudditi. Cosi sta il fatto veramente come noi lo nar-riamo, onde viviam sicuri, poi che ha tanti giustificationi in se e che in man nostra non e poterne far di piu, che V. M^{ta} Chr^{ma} cpnfirmandoci alia bonta e religion sua propria, si appaghera facilmente del discarico, e sodisfattione che le ne diamo, si come con caldo e riverente affetto ne supplichiamo a V. M^{ta} Chr^{ma} con pregar Nostro Signore Dio, che le dia ogni compimento ai felicità.

Di Geneva a 8 di Settembre MDLXIII Di V. Saora e Christianissima M^{ta}

Dorso: 1564 r^{ma} M^{ta}

Republique de Genneve

Devotissimi servitori Il Duce e Governatori della Repubblica di Genova Matteo

Отдел рукописей Гос. публичной библиотеки в Ленинграде, coll. Дубровского, авт. Jft 43, 22, л. 39—40.

²⁰ В тексте aquetato.

²¹ В тексте riportatone.

²² В тексте aquetarsene.

²³ В тексте fragata.

289

Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР

Документ XII

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСА УЧАСТНИКОВ ГЕНУЭЗСКОГО ВОССТАНИЯ 1575 г.

Samarium consilii Domini Hieronimi Girardi super processu in carceratorum compilati ac noto . . . curia super eodem processu factorum

Die 14 maij 1575 Ex dicto Iacobi Scivoli. Dixit: Magnifici signori, io voglio dir la verita, che prima Gazzo 1 mi fu parlato da Piergiovanni Gazzo, il quale diceva haver

1 parlato al signore Giorgio Doria haver havuto danari et haver Doria j parlato con Antonio Rocca Battista Arquata, Barlotolomeo Cimino et altri, et con il capitano Caserata et Bernardo Viello Rocca alia marina di Sarzana, li quali erano per esser a favore dello

Arquata Portico di San Luca con numero di genti, et Gazzo dicea che Cimino. Caserata et Viello havevano ancora loro havuti danari et che Caferata questi del portico di San Luca volevano vedere, che numero Viello di genti s'arebbe nel presentare la supplica a Mons. Illmo e se-

r> condo che vedessero che vi fosse banda de gente provederiano

Viell 1 a[^] tutt⁹> e di denari, e di gente, et Antonio Rocca e compagni

Caferata I andorno a San Piero d'Harena dove hebbero li denari o dal

' servitore o da altri, come mi disse, che l'venerdi a sera andorno

Gaggio } a casa d'esso constitute l'Viello et il Caferata, e gli disse che

Gaggio } doyesse comparere, che si non compareva a presenter la supplica

Caferata) agli sarebbe dato dell' archibugiate, la mattina li sei domini

Viello) andarno a San Francesco e diedero ordine di comparere. Il Gag-

gio gli sa detto haver havuto dal signore Giorgio scudi cento, di quali presto ad esso costituito scudi venti, l'mi disse il Gazzo, chi questa Caferata et Viello a banchi erano per far novita. Et che per cio io non andassi al mio scanno. Et cio gli disse due o tre giorni prima della presentatione della supplica. Ch'el servitor del Gazzo sa ch'el Gazzo spesso Io chiamava et diceva ci espetto nel tale e nel tal luogo. Che li soi campagni sapevano che il Caferata e l'Viello havevano havuti danari per che n'hanno ragipnato insieme si sono ragunati.

Rocca } Che si fu dato li danari perche fossero a favorire quelli

d'il portico di San Luca, che sono quelli con chi a tratato Antonio Rocca e li quatro campagni. Tengo che volessero vedere se l'popolo fosse a lor favore nelle disparare ch'anno nella citta ho detto, che volevano veder le genti ch'avevano. Et il

Rocca \ Rocca e Battista m'hanno detto che questi signori nel presen-

Battista J tare la supplica volevano veder se y'era banda de genti.

Viello | Ex alio dicto ser Iacobi Suvoli. Che in San Lorenzo si

Cafer. \ doveva far tumulto, capi erano Viello, Caferata e Bolero.

Bolero) Che v'erano nella casa a trattare di tumulto, Bartolomeo Conte,

Bart.^{eo}) Giovanni Francesco Rivaruola, il Vandorno sellaro, Battista Conte I Arquata, Bartolomeo Cimino, Antonio Rocca etc. Il Gazzo Rivarolo Γ non v'era, ma sappia il tutto e trattava continuamente col Vandorno j Capitano Giorgio. Il Gazzo mi disse che questi messeri ^{2*} grandi havevano manegio d'importanza, et che vi doveva esser il

²⁴ B текте Meseri.

290

Arquata Capitano Tasso o Giovanantonio delli Corrieri. E vero ch'el

Ciminio Gazzo gli disse che a Savona detti genti l'homini erano ben-

Rocca voluti, che con l'occasione della supplica volevano che si fa-

Caro cesse tumulto. Ch'il Gazzo gli disse che l'Viello e Stefano

Tasso Caferata dovevano amazzare li genti l'homini novi a banchi

Gio Ant^o e questo si doveva fare avanti due giorni che si presentasse

la supplica. Antonio Rocca disse ne dette quelli denari che

quelli signori gli havevano mandati perche ogn'uno si potesse

tirare delle persone con lui per conto del tumulto, che poi

Cazo \ provederiano de genti e di navi.

Rocca /

Che si doveano ragunar in San Lorenzo maggior numero che si poteva, e sotto nome de presentar la supplica si doveva

Arquata gridar abbasse gabello, e dare a dosso a chi dovea far resistenza.

Rocca E questo si era trattato con li sei deputati cioe Arquata, Rocca,

Cimina Cimino, Rivaruola, Bartolomeo Conte, Anero nelli luoghi

Rinaldo chi vi ho detto nelli mei essamini.

Conte Et Bartolomeo dissi che si potria gettar giu il Portello

Anero di Sarzana e pigliar artelaria, et altre armi, e si risoluettero etc.

Che no v'erano altri capi che li sei sopranominati il Gazzo, Viello e Stefano Caferata.

Et il Rocca disse ch'aveano genti assai verso la Marina e questo Io diceva sempre.

Et tutti dovevano haver piu numero de' genti che posse-vano, ma esso non haveva altri che. . . Et non missero ad effetto questo trattato perche esso fu ritenuto in Palazzo e perche si misse a piovvere.

Io venni a Palazzo conoscendo ²⁶ haver fallito per che non era venuto primo dalla Signoria III^{ma} a rivelar queste cose, ma Io voleva fare all' hora.

Che in San Lorenzo v'era della gente assai e credo che fosse per questo effetto.

Ho era stato ordinato ch'io montassi nel Portico e ben vero che mi fu detto ch'io montassi e non conosceva ^{2c} quelli che me Io dissero.

Bolero I Il Bolero vi si trovo per che Io vidi in Palazzo nella sala,

Tasso I del quale mi dissi che se fosse fuora mandare 300 huomini
Corriero J a quel Palazzo, Del Tasso e del Corriero intesi del Gazzo.
Carisetto) Ch'el Garisetto et il Ligalupo dovevano esser con noi con nu-Logalupo mero de' genti per che
Iacomo gli disse che vi seria Uberto
Castello e Stefano Carderia.
Carderina Et Giovanni Francesco Rivaoluola mi disse molti del Molo.
Rivarolo Et Battista Arquata e Cimino chi vi seriano genti di la
Battista da Pre. Et Pier Giovanni Gazzo che vi seria Luca Iachino con
Arquata J molti de la Madalena.
Che l'capitano Giorgio in san Ileodoro disse oltra questo Capitano ho detto altra volta ch'erano stati cacciati della
citta.
Georgio Et si quelli del Portico di San Piero pensavano essi soli
G(iovanni) governare la Repubblica che s'mganavano e che si dovevano Messer ch'el Popolo gli havesse cosi
offesi e li aiutassi.
Doria
Et il sabbato ch'io fui ritenuto messer Giovanni Doria del Re, mi si accosto al scagno andando a disinare²⁷ e disse Dio sia
con noi in quello che sete per far ma che пої, sa come
²⁵ B текте conosendo.
²⁶ B текте conosceva.
²⁷ B текте disnare.
291
messer Giorgio lo saposse. A li fu detto che vi doveva ossere non so so fa Iacomo Ligalupo, Emanuelle di Chero, ma io
non
Emanuelle I lo mai visto, nelle nostre congregazioni, l'ho ben visto parlare
Ghero / con Iacomo Ligalupo.
Caserata et \
Viello j Il tumulto si doveva fare da quelle genti, ch'erano ivi,
delle quali²⁸ erano capi Caferata et Viello ect. Et non vi era altro ordine se non di tumultuare quelle genti fossero stati²⁹
tutti insieme.
Cassiccia j Con noi a Monsignore Illmo comparse Iacomo Cassiccia,
Iacopo I il quale era in quella casa esso anchora.
Vivaldo J Cassiccia e Gazzo mi dissero che vi seriaao alquanti de fabbri d'argento.
Mi ẽ sovvenuto che l'giorno avanti il sabbato, Messer Iacomo Vivaldo si accosto allo scagno e dissi: ho inteso che sete per
fare una cosa, mi sete cresciuto assai nelle mani, et io non gli risposi et egli se n'ando.
Ex alia depositione Iacobi Scivoli die 13 Che un altra volta parlo con il Capitano Giorgio in San Do-minico, dove con
esso constitute n'era il Gazzo et Antonio Rocca, che fu la prima volta che si ragiono di questo tratto. E si ragiono che loro
nobili si chiamano maltrattati.
Carisetta I Et un altra volta il Carisetta et il Ligalupo mi mostro
Gio Batta / uno schizzo d'una supplica che diceano haver fatta Giovanni Battista procuratore, ma non so quello
contenesse. Ex dicto Bartolomeo Cimino die 18 mai, folio 200 Che Giovanni Francesco Rivaoluola disse che seria
bene che si pigliasse l'armi e che s'andasse al portello de la Marina di Sarzana a tore de l'artegliaria e far come si fece,
quando si abbate il garibetto. Che ricerco messere Asinsilvano e messer Giovanni Antonio Arcatore, che dopo disinare
dovessero essere a presentare questa supplica.
Che nel presenter la supplica con questa occassione vole-vano far tumulto in quel modo che si fece il Garibetto.
Dinari } Che li danari gli haveva preso per guardia della sua per-
sona, in tal effetto e fu a loro non vi a altri capi, se non che parse a tutti gli nominati nel processo d'andar dal Cardinale.
Gazzo) Ch'el Gazzo era quello che faceya tutto re.
Rocca f • Ch'il Rocca haveva in casa dodici o quidici alii quali
diceva che dava da mangiare.
Modo di far I Si doveva presentare al Cardinale la detta supplica con
tumulto j detto modello, poi far sentire quella ostinazione delle gabelle,
et che come le persone havessero inteso questo, come cosa che li doveva piaccere, haveriano poi loro fatto il tumulto come
loro fosse parsi, o d'abbate gabelle, o in altro modo, ma il piu numero era di fare come si fece al Garibetto, perche la SS^{riu}
Illma haversi preso comodamento. fol. 204
Rivarola } Al Rivaoluola conforme il suo examine a di suo examine a di 25 maij. Ex altro dicto Cimino die 24 maij fol. 237.
Ottavio \ Ch'el primo a parlar di questo pratiche e stato messer
Cattaneo / Ottaviano Cattaneo, avanti che venisse il Cardinale, ci disse che seria bene ch'el Popolo havesse qualche parte,
che essi nobili havevano dato loro la loro parte et cio disse ad esso costituito Giovanni Francesco Rivaoluola et Battista
Arquata in casa d'esso messer Ottavio, dove andavamo, perche esse
²⁸ B текте guali. ²⁹ B текте statti.
292
Arquata chiamamo. *°Ci disse messer Ottavio, che non ahdassimo tutti, che bastava ch'andasse Battista.
Ne la sua casa messer Ottavio ci disse che seria bene ch'el Popolo havesse il terzo del governo, e che per cio seria con
quelli della sua fattione, e che faria che ne daria a quinto. E dicendo il detto Giovanni Francesco Rivaoluola a messer
Ottavio, che bisognava dar ricapito di danari e fame per dar a quelli poveri della Marina di Sarzana, con l'ordine dello di
sppra, rispose ?¹ Ottavio, che seria con li compagni e daria ricapito al tutto offerendosi ad esser con noi, con l'ordine che vi

doyesse andar Battista solo come di sopra.

Dipoi⁸² Γ Arquata e andato piu volte a parlar con messer Ottavio e come esso Battista mi referiva, Ottavio mi diceva che li deputati de la sua banda erano yecchi ireddi, e per cio pensava esser con li giovani a dar principio a quanto di sopra. Me dessimamente parland' io altre volte con Arquata, mi dissi chi haveva parlato un altra volta con messer Ottavio e che li haveva detto che li vecchi havessero paura e che du-bitava che non li volesse dare ne terzo ne altro, e che dubitava, che non li volesse imbarrare a far qualche vicenda. Un altra volta esso Cimino et Arquata parlorno con Ottavio et disse loro che non haveva possuto far cosa alcuna, ma che parlassimo al San Giorgio al qualche altri suoi credevano molto e non li dicessimo che non li volemo parlare.

Gazzo } Dppo si parlo con il San Giorgio a San Teodoro che ci con-
dusse il Gazzo e dopoi a san Piero d'Harena che fu dopp ch'il Cardinale era a Genoya. E nel loco di San Teodoro, cioe nel Arquata } chiostra, sedendo con il San Giorgio, Battista Arquata, comin-cio a dire che Pier Giovanni Gazzo n'haveva fatto andar li per parlar con sua Signoria, mostrandoli una supplica nella quale noi domandavamo il terzo d'il governo et il San Giorgio rispose³¹ che non credeva che li suoi 8? campagni se ne conten-tarebbero qual supplica, par mi che se li mandasse a San Piero Riva-ruola } d'Arena con il modello Giovanni Francesco Riva-ruolo, poi seguito a dire come per far questo servitio piu cauto si seria possuto per via della Marina di Sarzana^{8*} far provisione di farine, d'armi e munitione. Giorgio } Et il S.Giorgio rispose³¹ ch'armi non havevano, ma non potevano far altro se non da danari, perche l'armi l'havevano mandate fuori. E queste provisione se potevano fare con fregate, banche,. e mi par ricordar che mentovassero galere. Et io dicendpli, se si poseva pigliar arme, risposi si pud pigliar da dieci³⁵ luochi, e particolarmente dal lo Portella {di Sarzana}." Riva-rola } Et il detto Giovanni Francesco Riva-ruola disse ancora

al San Giorgio, che li bisognava de'danari, e che n'haveva speso molto, dandoli a quelli poveri, suoi "I vicini, al che il San Giorgio rispose, che li ne mandarebbe, e che haveva dato danari al Gazzo, il quale Gazzo disse, ch'haveva hauto cento scudi per guardia della sua persona, il qual Gazza era a S. Teodoro. Nella casazza di San Siro havendo havuto il Gazzo ris-

³⁰ В тексте siamo.

*¹ В тексте ripose.

82 В тексте dopoi.

88 В тексте soi.

*• В тексте Serzana.

*5 В тексте dici

^{3*} Здесь и далее слова в фигурных скобках надписаны в тексте над строкой.

19 В. И. Рутенбург

293

posta della supplica e del modello, la quale era che quei sig-nori non s'accontentavano di dar il terzo del governo, ch'armi non havevano, ma che dariano danari quanto volevano, cio otto o diece milia scudi.

E fra noi si disse, se haveremo danari, con li danari si pud ?⁷ accatar ogni cosa. In di a due giorni andassimo a San Piero d'Arena, Riya-ruolo, Arguata, Rocca, et io alia chiesa³⁸ della cella ne li chiostri dove trovassino in chiesa^{as} o poi ne li chiostri Jacomo de Negro, Giovanni Battista Spinola, Massone, Iacomo Ambrosio Silvagp et Arguata, cominciando parlar o disse

Negro, che messer Ottavio Cattaneo in loro nome haveva detto di dar
Battista loro il terzo d'il governo come di sopra.

Spinola, Ambrogio Silvago,

Capitano l Et il capitano Giorgio rispsps ch'havevano fatto male

Georgio j par che non havevano ordine di dirlo. Battista li rispose: aver-tite signori che non farli niente d'haver la mita, perche volendo noi haver la negativa in mano non e cosa honesta.

Et finalmente si concluse che si pigliassi la supplica con il modello e si presentasse al Cardinale con ordine o fino che s'il Cardinale non li havesse dato qualche espediente, poi che si dovesse pigliar l'arme per far come quando si levo il Garibetto. Accio questi signori pigliassera qualche attrecia-mentp insieme e che si dovesse dire a piu gente, che si potesse, che si doveva presentare questa supplica e modello, e che si dovessero ritrovar per favorir la causa e per parere che fossimo elletti dal Popolo.

Et puo esser ch'el Riva-rola habbia detta a Caferata et a'quelli de la via, che mi si dovessero ritrovar et ad Viello ancora.

Riva-rola } Giovanni Francesco Riva-ruola disse ch'haveva parlato

a quelli del Molo de la Maremma de la Cola et a quelli di Pre, e detto che si doveva comparire e che s'haveva carico di far pigliar d'armi da questi sudditi per far come si fece al Garibetto e per far nascere 39 tumulto, accio questi signori s'accomodassero insieme. Et esso Giovanni Francesco sapeva il tutto et lo diceva mentre trattavanp le sopra dette cose.

Signori Et ch'haveva parlato alii quatro signori, cide messer

Giovanni Giovanani Paolo Pinello, messer Giovanni Usodimare, mes-

Paolo ser Franco L'Arcaro, e messer Antonio Palavicino, e che tutti

Pirello, gli havevano detto che non mancassero di fare qualche cose

Giovannini per loco, che loro non li dariano bala contra. Et messer Gio-Usodimare, vanni Paolo disse che se bisognava li daria suo figliolo per Franco ostagio. Et questa parola⁴⁰ diceva Giovanni Francesco in pro-

Larcare, posito con dire che quelli signori non li dariano dalla contro,

Antonio accio per mezzo delle giustitia non havessero da dubitare.

Palavicino j

Questi tumulti l'havevano a fare, accio li nobili vecchij havessero la parte del governo et alhora vi chiesta e per far piacer alii quatri sopra nominati, cioe Doria, Negro et Salvage, quali gli havevano per deputati degli altri.

ordine l E mi credo si doveva fare quando si presentava la supplica

del Riva / a l'ordine l'haveva dato il Riva-ruola nel modo di sopra d'haver

3' В тексте р6. за В-тексте giesa. 3' В тексте nassere. ⁴⁰ В тексте parolla.

294

parlato a quelli d'il Molo si doveva far tumulto quando si presentava la supplica. Vide aliud constitutum Cimini sub die 9 lunij, in fra fol. . .

Gazzo) Ex dicto Iohannis Petri Gazzij fol. 204.

Giorgio I Messer Iacomo da Siyoli disse che Giorgio Bolera haveva

Bolera j 500 uomini, li quali tutti veneriano. Un giovine di Zacaria,

sellaro, mi confirmo il medesimo⁴¹ di Giorgio *² Bolero

Giorgio] alia piazza di Palazzo, e che questi huomini veneriano per

Bol^{ro} 1 tutto lui andasse.

Arquate J Messer Battista d'Arquata ⁴² lui mi mando un modello,

il qual si mando a San Piero d'Harena sopra il particolare di dover mostrar di ripartir il giornp in terzo. Questo modello lo lesse al San Giorgio nella medesima ⁴¹ chiesa di San Teodoro. Me lo mando ch'io non lo vidi et io lo mandai a San Pietro d'Harena e lo diede a un servitore del San Giorgio fasciato, si come me lo mandorno.

Arquato } Hora l'Arquata, essendo un giorno nella Casazza di San

Syro, me dissi in compagni di Cimino, Rivaoluola, Scivoli, Rocca e Ponte, che questi signori di San Pietro d'Harena se volevano, che si dessi principle a dover mettere ad essecutione la presentate della supplica, che do poi, che loro fossero nel hallo, volevano saper come si dovevano governare, a che li bisognava ricatto di danari assai, cio X o XII millia scudi per provedere di farina, accioche molti poyeri di quelle bande ch'havessero ad esser in favore loco poterli intertenerli, perche ad ogni hora che si fosse comparse ad Cardinale bisognava haver dinari, farine et haver provisione d'armi. Perche dubbitavano, non havendo fundamendo questo negotio. Li Giustiniani intendendo delli nobili novi, non li potessero fare opposte. E di piu, quando detti di San Pietro d'Harena fossero risolti acio era ben fatto mettere casa e di gia ragionorno di pigliar la casa di Bellochini in San Donato. Io risposi ad Arquata et a Cimino, ch' a mio parer, non accadeva far questo, chi se si volevano servire di me, che io volevo star sei o vero otto di a San Lorenzo, atteso ch' io <volevo>⁴³ {doveyo} dar non so che danari. Et se a loro pareva ben fatto vennirli, che mi di-cessevo chi volevano ch'io facesse a loro servitio ch'havere a mezzo d'haver una camera Antonio Rocca delli 200 scudi,

Rocca } ch'io ho havuto dal signore Georgio un giorno li accomodai

di lire sesanta, perche mi diceva e mi disse al' hora et molte altre volte, ch'haverevo ogni sera la casa piena d'huomini che non haveva al' hora mpdo di soccorrerli.

Viello } Messer Bernardo Viello mi disse quella sera nella mia

bodega col Caferata, come gia dissi. Al sangue di Dio se questi non fano giustitia gli amazzaremp gl' uni e gl' altri, che credo che intendesse delli nobili vecchii et novi. Et Io risposi, Bernardo non dite cio, che bisogna fare le cose giudiciosamente. E gli mi replico: noi non possiamo piu tener quelle persone di Sarzana.

Caferata } Allhora il Caferata bevete il sirope di che ho gia detto.

E disse, che <se> volevano andare a casa di Battista Arquata.

E cosi uno di quelli doi ⁴⁴ homini ch'aveva meco ando

⁴¹ В тексте medemo, medema.

⁴² В тексте Giorgio.

⁴³ В тексте Arquata.

⁴⁴ Здесь и далее слова в острых скобках в тексте вычеркнуты.

⁴⁵ В тексте dui.

19*

con loro, che si chiamava Dominica. A banchi quella mattina ch'io detto soggiungo ch'il Bernardo mi diceva. . . non est finis exer. . .

In alio constitute Bernardi Vielli facto sub die. . . dicit Ottavio Cattaneo m'ha dato scudi cento per mantenerli della gente et se per amore non potremo haver il terzo l'haveremo per forza.

Dorso:

Ex processu carceratorum die VII Mai

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 29/51, p. 253—265.

Документ XIII

СПИСКИ ДЕЛЕГАЦИЙ, ПРИНЯТЫХ КАРДИНАЛОМ МОРОНЕ

7 МАЯ 1575 г.

A di VII Maggio 75

Domini Cittadini venuti spontaneamente dal legato per quanto dicono a nissuna istanza

Giovanni Scorza Lazzaro Scorza Ambrosio Correzza Francesco Martini Josepho Bargoni Giovanni Pietro Capriata

Lazzaro Savignani Josepho Bianchetti

Jan Maria Carlone Steffano Sangunetti Capitano Ieronimo Roccategliati Giovanni Francesco Levanti Domenico Bernardi

Giovanni Battista Strazzeria Battista Andora ⁴⁶ Cordognone Cosmo Crosa

Questi . . . verbo chiamano la legge del Republica et si dia repulsa a chi propone altri partiti diversi, et biasimano il piu numero de cives, che non siano idonea a governare, et degni, et si rimettino alia sue 12 deputati.

Giovanni Antonio Riccio] Petro Gatta Vignpla I pppulare Girolamo Bergagli f citta

Francesco Jertrani j

Questi han detto il medesimo et si castigli i vecchi susurratori nella chiesa a mette su la plebe, perche si faccia cives et si davevano rebuttare, et si hanno oppose alia lege de 28 la dicano perche essi non la lascieranno mai, et si lamentano della poca giustizia.

Altri per medesimi venuti doppo questi sono

Niccolo Bernardi	Desiderio Croce
Bartolomeo Raggi	Bartolomeo Penco
Giovanni Battista Isole	Antonio Raggio
Battista Martioni	Geneto Solaro
Steffano Chiavari	Guglielmo Lenaiga
Genesio Semino	Giovanni Antonio de Morazzano
Aurelio Belmosto	Agostino Campoantigo

Questi dicono il medesimo et ladano il governo de' pochi, et che la queste non e turbata se non da che non la da perder niente, piacendo a chi sa le sue facolt^ de conservarle in pace.

4^e Так в тексте; возможно, Andrea.

296

Deputati a nome del popolo different! dalli due portichi de' vecchi et {da quei} de' nobili nuovi {et con . . .} Battista Arguati ⁴⁷ Giacomo Suvori ⁴⁸ Antonio Rocca, notaro Giovanni Francesco Rivarolo ⁴⁹ Bartolomeo Semino ⁵⁰ Giacomo Cassiccia

Questi chiamano rimedio alia poverta et alle gabelle et protestano che, chi la parlar a suo nome, non ha detto vero et san' daro un memoriale. Simone Terri, servitore casa Manari Josepho, castellano

Questi sono venuti a disingannare che questi sudetti siano del popolo et si guardi da loro.

Bartolomeo {11} Montecio et altri hanno soggiunto contra quei a nome de' quei di San Luca, et del memoriale pubblico lettoli si sono quetare et iti a disingannare chi bispogna Antonio Lasagni Antonio Artuso Orazip Strata Agostino

Mastignoni Jacopo Casaretti Giovanni Battista Tarlone

aggiegandi,

credete questi siano della speranza d'esser aggregati Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 27/51, p. 191.

Документ XIV

«СВЯТЕЙШАЯ ПЕТИЦИЯ» (PETITIONS SANTISSIMA)

Memoriale dato dalli del popolo mandato a Roma

Memoriale fatto da Gisba (?) procurante. . . del Memoriale mandato a Roma

Ell^{mo} et R^{mo} Mons. e sig. Oss^{mo}

Vedendo molti cittadini ⁶¹ et artigiani di giorno in giorno sopra stare rovine di molta consideratione alia Repubblica nostra e disiderando ciasceduno di noi in generale e particolare, che della procurare quiete et che si repigli stato gieno-vese⁶² ad ognuno antepoendo sempre la Reale giusticia, per mezzo della quale ognuno habbi da caminare virtuosamente.

Riccorriamo noi tutti a nome nostro come di molti altri in gran' numero da V. S. Illma supplicandola che continuando al buon zello, che ha sua Sta et V. S. Illma ad agiutare questa travagliata Rep^{ca} che resti servita di ameterne e favorirne in modo che possiamo liberamente ricorrere da Lei per poterli dire l'animo nostro e della maggior parte di questo populo, il quale e tutto intento et e a mantenere la Rep^{ca} in servizio de Dio e quiete de gli habitant!, non disiderando altro salvo, quello che e bene della nostra Rep^{ca} e non sariamo stati fino adesso a dichiarare questa nostra volonta et oppenjone,

⁴⁷ В других текстах Arguata, Arquata.

⁴⁸ В других текстах Ясоро (Jacobi), Suvoli, Scivoli, ⁴⁹ В других текстах Riyaruolo, Rivarolo, Riva.

⁶⁰ В других текстах Cimino.

⁵¹ Так в тексте.

?^r В тексте genevose,

297

se con minacci et altre impertinent! raggioni, non ne fusse stato contradecto et fatta relazione appresso di V. S. Illma defferente dal nostro volere, quando da uno quando da un altro, che si fanno deputati del populo, il che non e vero, per tanto suplichiamo V. S. Illma che resti servita di havere consideratione che questa Rep^{ca} ha bisogno di esser governata da uno regimento stabile et fermo et che per cio sia durabile sotto quel miglior modo che dio ispirara, chi ha cura de provederli.

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 131/51, p. 187, 190.

Документ XV

ПЕРЕПИСКА ПАПСКОГО ЛЕГАТА В ГЕНУЕ
КАРДИНАЛА МОРОНЕ С КАРДИНАЛОМ КОМО
(ТОЛОМЕО ГАЛЛИ)

1. *Письмо Мороне из Аграперденте кардиналу Комо 28 марта 1575 г.* Illmo et Rev^{mo} Signer mio Oss^{mo}

Sebbene io non ho cosa <molto> degna di scritte, trovero. . . mi {pero} nel medesimo terra <stato>, che V. S. Illma sa, ad aspet-tar qui vostra resolutione <di fatti miei>, <nonostante> ho voluto con <l'occasione della cavalcata> {l'oratore} di Fiorenza, che passa<te> <l'oggi> l'oggi diqui per Roma; ho voluto dirli, che Monsignor Grimaldi m'ha mostrato lettere <continuano nella medesima diversita, dicendo hora> che li nobili {vecchi} non solo non son scacciati, ma <retirati> redotti da se alle lor ville, sono da <li altri> {nobili nuovi et popolani} <pregati> a <redursi> {ritornare} e mutare defenso <et l'affermare> ad accomodarsi <a cosa stretta> a forma legale, che {tutta non} non fa termine, onde all' andare {alia quiete} <et si li offerono a cosa d'accomodare possibile et>, io trovandone {con offerta} in tanta perplessita, non so chi altro, si non clarissimo {a cosa} forese faccia Illmo Signer sicuro della povemza mai in obedire volentieri a quanto mi sara comandaro.

Qui attorne e neve grande e nella terra sta gelone, il tempo pero e buono et mi vi trattengo contentamento, et V. S. Illma si degni tenermi in sua buona grazia alia quale continue mi gaudersi.

Di Agraperdente alii 28 Marze 75.

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 3/52, p. 62.

Illmo

Da queste parti rare volte V. S. Illmo porta picevere da noi cosa certa buona, perche tanto poca {e il tratto et} la stabilita di questa citta in abbrac-ciar il bene, et tanto ẽ Γ ostinatione et tenacita di esequire la propria volonta, che seben altra volta appare un poco di lume per ogni picciola cosa si estin-gue, et per il contrario nissuna ragione, o pericolo evidentissimo <et> {de} la tota⁶³, l'anima puo entrar nel capo d'ambe la parti, le quali mostrano haver il loro contento nel contradire et perseguire l'un l'altro. L'altr' hieri essendo gia le deputati deli nuovi doppo disersi ragionamenti del sudetti danni et peri-coli, le piegai, che volessero consigliarmi et proposse qualche cosa, medjante

Так в тексте,

298

la quale si potesse aprir- la strada alia concordia et allo stabilimento del buott governo. Dissero di volermi parlare⁶⁴ et hieri tornorno a me con dirmi che non trovavano nissuna migliore per conservare la liberta, che l'osservanza della legge del 28 {Io li replicai} che questo non era buon mezzo, perche vecchi non potevano star sotto quella legge, la quale in poco tempo gli escludeva total-mente dal governo della repubblica <ma> {or} di piu {si}⁶⁵ reduceva {in poca tempo}⁶⁶ tutta la podesta di essa<in poca tempo> in mano de suoi adversari. Con la qual potesta l'aurebbono possuto ruinarli nella robba, nel' imposizione et nella vita d'ecedendoli a lor modo con <di essi> con Io scudo della repubblica ill^{ma} et per questa cagione, ch'essi vecchi mai si sarebbono posti a tal discrezione, essendosi mostrati tanto nemici per il passato et tuttavia per-severando con ogni occasione quontaque minima {per metterli le nove}^{6*} in orrore dal popolo.

Mi replicorno, che non potevano proporre altro che la osservanza di detta legge, havendo tutto il popolo congiurato <che da> di farla osservare. Et pro-hibizione aloro che non parlino mai ne ascoltino cose pertinente o alia desti-natione o ambulazione qualco⁶³ aggiungere o minuire di essa legge. <Questo> il portico di San Luca per la maggior parte non voglo⁶⁷ sentire il nome di essa legge per le cause ditte di sopra et tuttavia hanno mandate et mandano fuor di Genova le loro famiglie et robbe, et essa ancora invano. Et quei pochi, che rimangono al presente tosto vi anderanno tante piu che legge esequito un' altro del ordine assai importante, per il quale il popolo quasi s'emisso in arme, perche volevano che Γ due commissarii ch'erano nelle castelle de Savona fossero posti nel prigione et processati et puniti, come di delitto capitale ec. Monsignore . . . et vanno cercando d'haver occasione di parlare nel medesimo modo contra altri de' vecchi, che stimano complici et stato nel grazio lasciarli ritenere per acquetar⁶³ il popolo. Se bene in cio non si e servato altro termine iuridico et⁶⁸ e ponlo aparte di esso et della plebe seguitar questa sera de notte quest! commissarii, che le conducevano dalla galera {alia prigione con grossa guardia di tedeschi con molte voce dei ignomi et strepiti}⁵⁹.

Questo modo di procedere con le arme del popolo et il mai arbitrio di quelle che hanno autorita in esso, fara al testo che li vecchi stab[i]lenteranno affato et piu lontano <di porta>. Seguito un' altro case il quale pur e drezzato contra li vecchi et che in un paese detto di Poncevra et di Santo Pietro in Arena, che qui sa le porte di Genova ove sano molte case, {giardini} et palazzi bellissimi ch'elli vecchi e stato dalle nove della lor patrone mandate un commissario {armato di} <molti> cento novante fante}, il quale giovane et insolente assai subito ha fatto una grida come stessimo vederla per le allegare copia <et e> {quale e} tanto fuor che ragione et essorbitante, ch'io ne le fatto conventa con la Signoria, la quale ne la risposto di volerle provvedere reverendissimo nostro monsignore, questo ancora sa posso in tanta sospettione, et fuga li vecchi, che Messer Giovanni Andrea Doria logge in la Ghetto, che hieri partirno con gentildonne nobilissime con le loro, robbe, che stareano nelle loro case. Et si <sono> vanno spargendo fuori di qua et di la con molta comparse al meglio, che possono. Questo commissario de Poncevra, ha poste fine {comissario} e quardine a tutti li passi, che vanno nelle stato, che essere et non lascia passar a le senza special licentia, ch'elli suoi adherenti {si ben questa e forma contra al bando che la ca[se]}⁶⁰ come loggi e intravenuto ad un servitore di Monsignore che di Montefeltro, il qual non ha potuto passar a Monsignore per suoi affari et se ne tomato a dreto e torre il passaggio.

⁶⁴ В тексте parlare.

⁵⁶ Написано другим почерком.

⁶⁶ В тексте otto.

⁶⁷ Io написано дважды.

⁶⁸ С этого слова и до конца письмо написано другим почерком. 4⁹ Дополнено на полях.

⁶⁰ Лакуна.

299

Per queste mode di procedere si vede che il popolo con le nuovi vuole usur-parsi tutto il governo dello Stato, et escludere in tutto li vecchi, seben⁶³ in parole dimostrato il contrario. Jo piu volte gli so detto che si vogliono sanare una repubblica quieta, et sicura, et durabile <che> non bisogna separar un membro di tanta importantia come questo, perche detto membrp e una buona et honorevole parte di questa repubblica et hanno <il> li vecchi denari, state et reputatione assai fuori di Genova et gli ho rappresentato in qual tennine la honoria dela citta, se per mare et per terra, o consentendo, p tacendo il Re cattolico se movessero l'arme contra di loro, con le quelli gli . {sarebe} leva {tanto} tutto il vivere di mare et di terra fra poco tempo et li comertij et traf-fiche delle mercantie di seta et di lana, che mantengono tutto questo popolo et vivano con le loro fatiche, ho per di questo et face popolo affamato et senza quadagno carico di mogliere et famiglie talmente torra revoltarsi {contra di loro}. In che termine esso del portico di Santo Piero si troveranno et con molte altre ragione della private, della liberta sua, del pericolo et governo in tutto popolare, della fortezza di Genova, quanto alle mura, che mai piu si potria {levar et} mettere in liberta, capitando in

mano de' Principi grandi, come e piu volte dalla la <lettura> letturie delle loro letione {s'e visto che} e capitato nelle tempi passati con il'dissonare di tante huomini et perpetua lor vergogna con Hondumsardis fabulam canimus et seben pare che allhora si trovato alquando fanno pero semper a loro solito. Il perche io veggo per eo rimedio et ho loro detto alcune volte che Monsignore parla chauta paterna, che ha verso questa citta, et per satisfare all' refficio suo di vero passare, ha mandate geremie con tanto incpmodo della eta, della sanita {et} del longo, et malmaggio, et tempo <perche> quando gli saneso con pacientia essortate et pregare apegliarla via della pace et a mettersi in ragione, non tirando loco a questi persuasione mie, et entrare pulverem de peditus meis seco il coman-damento del Salvator nostro et faro sempre letione bisognera della loro osse-quiale passione. Et (<cosi> percio sendo cosi <sara> necessario ch'io faccia, pregando reverendissima voglia ottenere grazia da Monsignore, che guardo io veggia di non poter fare profitto altro per di giunta della sede Apostolica et che S. Benedictione <io habbia licentia> in aritritio mio di <possa> ritor-narmi a Roma <perche> benche con ogni pacientia, et longanemento faro tutto quello, ch'ip porto per far bene et durero fino all'ultimo et non usero senon necessa chiamare di questa {quella} licentia. <Hoc hora> s'e inteso che certo che Monsignor dela Guardia giunto⁶¹ <stato spediro> locate de Sancto <in la volta de> Piemonte con 3500 fanti et alcune cavalli, et anco in questa banda e stato visto certo francese con otto soldati suoi, che tutto l'stroncato mo. . . fatto <per le cose et> a che segno {delle cose} di Genova.

De Genovalli 4 di Maggio 1575

Dorso:

4 Maggio 1575

copia a Illmo Como

Ron. . . ello disegno ch'elle sempre

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 15/52, р. 195—199.

3. Письмо кардинала Комо из Рима кардиналу Мороне 6 мая 1575 г.

Havendo gia scritto in risposta de le letters di V. S. Illma e comparsa l'altra sua lettera li 2 di questo portata dal Corriero venuto da Lione, la quele subito comunicata con honesto signer, gli e molto piacciuta la diligenza et mezo, che li adqpera per assicurar li nobili vecchi, et persuaderli al ritorno.

⁶¹ Написано дважды.

300

Ma quanto a quel particolare di procurer col Re catholico, quel che la scrive in cifra, a S. Trinita pare che non si possa entrate in cosa tale senza pericolo grande di fine turbulento per mplt cause, et pero giuriica esser meglio che V. S. Illma con mettergli inanzi li occhi questo, et altri travagli che gli potreb-bono venir adosso perseverando ne la lor durezza, cerchi tuttavia di'guadagnarli, et ridurli quanto si pio a l'honesto. Baso humilmente le mani di V. S. Illma et prego il Signer Dio che sia sempre con lei. Di Roma a l'VI di Maggio 1575.

D. V. S. Illmo et R^{mo}

Humiliter servitor

Cardinale di Como

Sr Car¹⁶ Morono

Dorso: Al Illmo et R^{mo} sig^r mio Oss^{mo} Monsr Car^{le} Morono Legato Ap^{co} dilaterio in Genova

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 1/44, р. 203.

4. Письмо Мороне из Генуи кардиналу Комо 6 мая 1575 г.

Illmo S'

Hiero l'altro scrissi a V. S. Illma diffusamente quanto mi occorreva dippi le cose sono rimaste piu tosto nella medesima mala conditione, che altrimenti. Si tento di assicurar li vecchi per la via, che la scrisse di giuramenti et l'ha data la forma dell' institutio a ciasquenduno delle parti. Et quando pensano perche i nuovi non lo rifiutavano, che detti vecchi lo accuttassero ne succese quel bando, ch'io scrissi fatto in Poncevra, da quel comissarip, che la posti questi in tanto spavento, che non e piu possibile di assicurarli.

Hora havendo io fatto ten tare, et tentati li vecchi a rimette le cose in mi a mano, et pare se ne contentino, et li nuovi non risolvono di farle, sta guardar di con alia diligentia se mai il popolo se ne contentasse, che non credo, precha non ho se non qualch'uno di questi capitani de' quartieri, quai ne anco ben sicuri, perche se lasciarlo intendere, che se pure lo vogluerno, sara con condi-zione, che io loro conferred tutta l'attione loro, che segui alle XV di Marzo, et le altri qnartieri non veggono, et le sei novi⁶² deputati paiono posti in altrettante spavento, per trovarle il popolo armato, et che non possono tenerlo in frono i che non tumultui ad ogni tratto et non procuri voler cose a mpdo suo piu tosto; che di loro, che non sanar come governarsine ardiscono stabilir cosa alcuna ne trattarla, che possa concitarli il popolo contra el casame, che non stara molto a vedersi, et la nissuna giustitia, et total irresolutamente in tutte le cose di questo Illmo senate, du-biti non faccia risolvere e quelli alia sprovista, o vero se il Consiglio grande si sentasse conferir et far alcuna cosa altra, che non <sosie>. Trepito popolare, tale che non rinovino et Duge et Signpria et se faccino l'esecutione di tutto quello da le che si<e> decreto alii XVdi Marzo etche qui da qui ne nasca con la exclusione affatto de'nobili vecchi la total ruina et si faccia una repubblica popolare o vi voglia havere egli dentro la terza parte. Jo pero sto avertito a ritenere tutto al male et persuadere quel bene, che posso, et s'e mi guadagnassi i popolari libero, crederei operare che nuovi et vecchi s'acquettriano meglio et piu facilmente alia cose del dovere per tutti.

Ho preso l'oggi medicina con la quale pero non lo restaro di dar audientia a molti et sperero che anco la gotta se me dovera andare, et domane aspetto alcuna resolutione da nuovi⁶³ con i quali haverro risoluto parlar altrimenti che di piacevolezza, ne anco ascoltarli, se non si mutavano della durezza solita. Staro a sentirli et non consentiro per niente a nesuna cosa mala o peri-

⁸² Так "в тексте, novi=nuovi.

⁶⁸ На полях против слова nuovi знак +.

301

colosa alia consetiamente della repubblica. Et se pure vorranno contimmre in quello che non devono, le faro le proteste mie et preghero Dio come faccio continue che yi truovi rimedi.

Che Don Giovanni non venghi qua per non metter gelosia, tutto sarebbe bene, quando se vedesse piega nella concordia, che quando restino le cose di sperare come piu tosto tremido, che altramente non saria forse ma le ch'egli s'accostasse per adomprare, et con la paura sentire di redurli V. S. III^{ma} vederla una copia d'una trascritta qui da uno in Francia, che sara per avviso se bene io non la credo.

Et venuto uno a posta a trovarmi, mandate dal vescovo di Modena con avviso della vacanza d'una certa curata di Santo Vincenzo in Modena e ha seco un beneficio semplice vacanze in questo mese per Jomine Alessandro casatino, et vi e un'altra parrocchiale di Quaria et l'altfa di Linizaro sotto la me-desima diocesi, parte de quali tocca all'onorario et altra e vaccata nel mese del papa. Prego V. S. III^{ma} avvertirne supplicando S. Benedictione, perche non sia levato aioratio et sia conservato con bona grazia sua, quello che pud toccare a me o di collazione o di nominare per la pensioni, — si come Pio quinto vo. . . me concedeva et aver S. S^{ia} et stessa m'ho sempre riservato, come se l'avessi effettivamente l'indulto e havevo pazienza il consenso secondo il consenso. Co'l fine di questa accensero la ricevuta delle {due} lettere di V. S. III^{ma} di 29 e le bale. Di Genova alii VI Maggio 75.

Il padre Don Benedetto prefga] ogni sesta come fa ancora il parociale a San Francesco et si fa quale se frutto per Dio grazia.

Dorso: VI Maggio 75 all III^{mo} Como

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 16/52, р. 207—210.

5. *Письмо Мороне иа Генуи кардиналу Комо 8 мая 1575 г.*

III^{mo}

Con l'ordinatio qui di hier l'altro scrissi a V. S. III^{mo} due mie, una de 4, et l'altra de VI, quali seben^{9B} non contenevano altro, che le occorrente delle cose, dubiti pel successo di tumulti, che tuttavia seguiti com'ella vederla dalla lettera pubblica qui annessa, che non siano ite a male et perche con esse io pregavo V. S. III^{mo} vederlo t'cose in che desperamente, che sono ad ot-tener da III^{ma} de. . . seryitore guidicassi bene, mi potessi parlar a posta mia le replico hora il medesimo parendomi per giunta dirle, che con posa reputa-tione di San Pietro et della legation mia siano stati presi et trattarne le pren-dino alcuni poveretti popolari, che sono ricorsi da me per dirmi il bisogno loro, com'ella vederla dalla copia d'un'memorale, che mi diedero, non esagerando altro, che la gran necessita de'poveri, benche li signori deputati de nuovi di-cono non haverli pigliare, perche siano venuti a me, ma perche proponevano l'estimatione delle gabelle al popolo per sollevarlo tutto. Et questo fu ancora in parte vero.

Jo veggo come comince questo negotio alia varia, perche tutti per l'ab-sentatione de'vecchi dependera dalle nuovi, che col popolo armato esequira cio' che vuole. Dicono alcuni et anco io temo, che si la partita mia sara, cau-sera piu inconventuente et forse che ocasioni, ma se vi fosse questo pericolo, io vi advertiro. Dicono, che radunera Monsignore grande et si fara mutazione de Signoria, perche questi signori presenti sono ancora divisi, et che vogliono pregarmi, che di novo m'interponga a quietar li vecchi alia legge che l'28, mostrando che sempre l'havera di loro bona considarazione nel governo dalla repubblica.

•⁴ На полях здесь знак +. •^ Так "в тексте.

302

: . . che seguira andero avviesando V. F. III^{m<1} nonche basciando fora esser piu longo la fretta dal corriere di Lione, che parti..

Di Genua alle 8 Maggi 75 qui un inserta la lettera pubblica.

Dorso: 8 Maggio 75. al II. Card. Como con la lettera pubblica dell. . . di prigionii fatti +

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 17/52, р. 210—211.

6. *Письмо Мороне иа Генуи кардиналу Комо 8 мая 1575 г.*

Hieri {che fu alii 7 Maggio}

mentre io stavo ad aspettare, che i deputati nuovi venissero a darmi al-cuna bona resolutione per trovar partite a qualche accomodamento. Si come havevo lofo laterati in appuntamenti, intendo doppo molta pratica fatta si la notte innanzi per i quartieri, che svegliorno molte qualita di persone loro a venir da me et dirmi la <risolotione loro> mente {sua}. Percio che dal successio Io credo: che hieri doppo pranso,⁶⁶ mentre <io> stanno a letto, assai afflitto dalla poca sanita mia, mi vennero [molti] in <troppo di molti> {di-versi troppi, che sono delli aggregati} a dirmi in l'istanza, che non voleano altra legge, che quella del 28, et <si> rebatassi cose d'altro, che venisse a par-larmi in confidentic et si dolserp, che <in santo> nella chiesa chatedrale vi fossero radunati infiniti popolari bassi, quali risolvevano d'esser ancor esse chiamati cives et che alcuni de vecchi gli ander[r]no⁶⁷ San Bernardi a tumultuare, et che io non gli dassi fede per essere persone di bassissima qualita, che non savevano niente da perdere. Et cose simili minacciandoli se fossero stati fuori della chiesa havrebbero fatta remostratione col sangue. Jo li pregai a lasciar star i poveretti et non impedire, l'adito da me, ch'io come pubblica persona <non> potessi ascoltare loro, perche inquirere ello, che fossero nas-cersi anche haverci esauditi, et che io non farevo altro finB, che accomodar se fosse stato possibile la quietezza di questa repubblica. Di tutti questi, et d'altri presi i nomi <et>, notando cio che mi dicevano. Vennero dipoi sei deputati da detta moltitudine popolare, i quali con le lag-rime all'occhi mi dederono unmemorale <che petitione santissima II che> {onde}, come l'altri che tuttavia, acusando le attioni di questi et {l'havavano con la moltitudine} il mio palazzo fino all' {loro impeto} ancticamera et <per tutte la strade, a tutta la

porta del palazzo stava pieno da loro> alia porta da basso, {cosi parte di loro} <parte da> da me a dolersi di <questi> {quelli popolari}. Et a spiare che cosa havevano <operato trattato> detto.
 <Jo> Le quali io acquetai talmente per quello che si vidde allhora con leggerli il medesimo memoriale e le parvero disingannati della mala impres-sione, c'havevano concepita.
 Questi poveretti <andorno a palazzo>⁶⁸ usciti di casa mia per quello che intendo furno circondatio da molti altri cittadini per intragarli, et essi che adritamente dicevano la <lo> ragione loro, furno voltati cosi ragionando alia volta del palazzo della Signoria <et con impeto urtati> {et persuadere e. . . ad andar a dir la ingrazia sul alle santi colleggii }.⁶⁹

In quali finalmente pervenuti del Magistrati adunato dederò certo del medesimo <con ardimento et modestia Parte {ne}> Questi fue ritenuti>. Quei che si trovorno entrati fue tutti ritenuti et dipoi s'ando per la citta pigliano l'altri amici, figli et adherenti, et con molto impeto compagnati daU'carne del popolo si sono presi molti <et questa mattina> {fino a notte} et dipoi man-

⁶⁶ Так в тексте.

⁶⁷ Лакуна.

⁶⁸ В тексте andorno a blasso. ⁶⁹ Лакуна.

303

dorno un bando <facendo> serrando le porte delta citta con trade il terena et non li accusava sotto pena della vita. Et questa mattina non s'e fatte altro, che pigliar genti et massimamente <andorno> a San Siro ove dierno che s'adunavano alcuno de'vecchi. Uno di quest! loro deputati, che mi vennero a par-lare, s'era retirato nella canonica et uscito ad instare a di certi, che gli persuade vanp il poter fuggire, subito fu preso et da li a poso un <sede> {staffero} ancora di Monsignore Odescalco {uscire quali pero se ne sono questi, questa mattina}⁷⁰ Il quel subito fu relassar intendendosi e l'era della famiglia mia.⁷¹ Questi due come. . . Spinola et Grimaldi si troverno qui hiersera in casa mia, i quali vedendoli atteriti seben tutti. . . fare colpa medesima in casa medesima non voile lasciarli <questi>.⁷² atendo} numerate

t x dia

grazia a me di trovarmi assetto, che non credo a nessun modo possibile.

Dorso: Illmo et B^{mo} Sr mie Oss^{mo} Con or^{tio} dell' altr'hieri lettera pubblica inserta nella lettera delli 8 Maggio.

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 128/5, р. 215—217.

7. Письмо Мороне из Генуи кардиналу Комо 10 мая 1575 г.

V. S. Illma

Domenica passata, che fu alle 8 di questo li nuovi del portico di .Santo Peitro mi diedero contro del tumulto seguito il sabbato inanzi. Havendo poste pri-gioni circa quattordici tra tutti, et principalmente quelli sei, che vennero a parlarmi et darmi il memoriale del quale {con l'ultime mia dell' 8 scritte a V. S. Illma pel corriero di Lione} l'mando copia. Aggravorno assai questa che chiamono conspiratione et dittero, che l'loro disegno era d'impatronarsi del palazzo et ammazzar la Signoria. Et che tutto di feceva ad istanza ch'elli vecchi del portico che Santo Luca i quali haveano dare denari et subornare questi poverhuomi⁷³ et l'hauriano posto ine⁷³ tutto quello, che mi dicevano, come ancofa'havriano fatto dell'altro trattato sopra le castelle di Savona. {Et s'allgravano di veder che l'popolo tutto sentiva contento di veder da questo atto principle di esecuzione di justitia alia queste esso medesimo unitamente inserviva con precinar et condanar quei tanti quelle prigionii}. Io le risposi quietamente che li savevano posti prigionii questi poverhuomi, perche havassero cercato di parlarmi et havessero viarsi a me, che questo non eragiusto, preche sendo mandar qua per la tranquilita et pace di questa repub-blica et honesto, che io passa intender ognuno et saper le loro infimita per poter darli rimedij opportuni. Ma se la coniurazione e[ra] vera che' volentieri haurei veduto questa loro chiarezza, che mi dicevano dell'un'o et l'altro trattatto.

Soggiunsero per che ⁷¹ loro havevano sempre desiderate et desidaravano la quiete della patria et per questo s'erano portati di maniera, che li vecchi liberamente havevano potuto star nella citta, et uscir a lor beneplacito et che in tanti tumulti et corsa di tempi, mai, e stato fatto [un] minimo eccesso ne in la vita, ne in la robba con alcuno di loro, et che ancora addresso deside-ravano, che volessero ritornar a casa. Et si offrivano pronti a me di trattar

⁷⁰ Эта фраза дописана по полях вдоль строк.

⁷¹ Эта фраза дописана в конце страницы другим почерком.

⁷² Вся эта фраза дописана в конце страницы очень мелким почерком, отличным от первых двух.

⁷³ Так в тексте.

?* В тексте por che.

304

ahcora sopra la legge del 28, stando pero salva la sostantia ch'essa legge circa la unita et ugualita de' nobili et circa la electione delli loro consigli et magi-strati, che se poi vi era qualche cosa c' avesse havuto bisogno di riforma, l'havrebbero intesa et disputata, et poi rasenta al popolo senza il consenso che l'quale non potevano stabilir cosa alcuna*

Ma quando esse non volessero tornare, et sottoporsi a detto legge, che la repubblica era sforzata der ordine et stabilimento allo stato sue, et questo per la reverenzia, che mi portavano [et] desideravano di poterle fare con mia buona volonta et consenso.

Io le risposi: i' haverei fatto chiamare queste deputati delli vecchi se alcuno se ne fosse trovato nella citta et li haverei sptto intendere la loro proposta secondo la risposta che quali gli haverei⁷⁴ poi decto il parer mio <st> circa la secondo parte del stabilir la repubblica.

Facendo cercare trovar qui merrer <Aless [andro]> Silvestro Cattaneo, uno de' deputati del portico di Santo Luca et sera intendere quanto scritto disopra. Egli ch'era qui solo demandp tempo per parlare con li suoi deputati et altri nobili. Et legge deve portarmi al risposta, peche tutti quali sono fuori della citta in queste ville qui dattorno tutto quelli che sono andare con tutti le famiglie a Fiorenza, a Pisa, a Massa et a molti et altri luoghi, li essortare assai a volersi accomodar al tempo per queite et sicurita della liberta della patria. Et per non {inserarla} incorrere <nella> {in ognun} ruina <et> subiet-tione <de essa>, quando si venga a manifesta rottura. Et le diede un certo modello, che m'era" stato .date "da uno della loro fattione secretamente. Ma non era stato contracto <"da con alcuno di loro et cpstui non voleva'che si.sa-pesse esserne stato anthiere,' perche temeva, che non'festassero offesi [li suoi]. .. A questo punto che l'modello egli..mi rispose, che non <se> potevano I vecchi trattar accetar cosa alcuna senza la volonta del Re di Spagna, preche non volevano darli cagione di <ess. . . > abbandonarli et sperando che Sa Maiesta con la occase c'ha dell'esercito et armata preparata con il turco posse tentare di ridurre li nuovi a ragione et alia restitutione della legge de 47, la quale ugu-almente partiva il governo della republica tra l'una perte et l'altra.⁷⁶ Et quando anco.per cose certa che l'Duca di Savoia ha' offerto a Sa Maiesta la persona le facolta. Et costato <tutto> in servitio di quella impresa di Geneva.⁷⁷

Aspettero la risposta di questa gentilhomio {come jam ho detto} et andero poi caminando con questi altri secondo me parera opportune, ma veggo chiar-amente chTvecchi non sono mai per sottoporsi a quella legge, massimamente sperando potersi per qualche altra via prevalere et li nuovi. C'hera sono vit-toriosi, non sono per partirsi, ne anco una minima et <particella> da essa legge, ne accetteranno la restitutione della legge del 47 in modo alcuno. Et per cio verranno allo stabilimento del governo come alor parera, potendolo <loro> fare senza contraddittione, perche li Signori essendosi partiti alcuni della partite {vecchia} <loro> testa <ma le parte> {co'la maggior parte delli voti della sua fattione}.

Hora si attende a processare questi prigionii et dicono {questi minori gran cose contra tutti i nobili et hanno parimente calunniato monsignor Spinola, et il Grimaldi. Et habbino havuto mano in questa trattato ultimo sopra che Mons. Spinola nela scritto l'alligata ha in istituamente sua, la qual mando a V. S. Illma et sinqui ho sempre cercato de disculparli, come infatti credo siano innocenti.

Il popolo e piu in arme, che mai, seben non si fa mai alcuno per dio gratia et s'attende solo a cercar et pigliar prigionii.

Hiersera il signor Giovanni Andrea Doria mise le guardie alle case sue dentro et fuori, perche s'e detto, li nuovi all'improvviso gli volevano dare

⁷⁵ В тексте avrei.

⁷⁸ От А questo до l'altra отмечено особой чертой на полях и отметкой «d'altra».

11 От Et до Genova дописано другим почерком, di Geneva — на полях.

305

la stretta. Egli attende a spalmare le sue galere et dice voler andar in Sardegna. Secreto oratore del Re cattolico aportarvi artiglieria et fanti.

Questi nuovi credevano, che hoggi volessero partirsi affatto con esso Signer Giovanni Andrea quei pochi {vecchi}, che restarno in questa citta et dicono, che gia doi del governo sanno tolto casa a Massa.

Le donne et la robba, et tutte le famiglie de'vecchi sono quasi tutte ali. . . sentare, et e cosa degna di compassione a vedere tanta travaglia di queste per-sone cosi tenere et imbecilli, et le case <belle> et le {belle} ville dentro et fuori com' abbandonate⁷⁸ <tenere et imbecilli, et le case, et le belle ville dentro, et fuori com'abbandonate>.

Sono giunti qui due grosse navi cariche di grano, et ne aspettano dell'altre di Sicilia di che l'popolo sta allegro, et mi dicono senza "Questo. E savevano grano per il mese di settembre.

Io credo che nello stabilir il governo non seguira tumulto alcuno et credo ancora, che questi signori nuovi anderan con gran destenza in apparenza et per loro honore cercaranno far le cose iustificate, et non provocar piu li vecchi per il presente, et non daranno causa alcuna al Re cattolico di moversi contra di loro, et dicono, che se non fosse stata la presentia mia, gia haurebbono i seguiti tutti questi loro ordini, ma che per rispetto hanno aspettato quello ch'io potero fare con questi loro adversari sopra li quali semper ppngono tutta la colpa.

Io aspetto con desiderio la facolta di Nostro Signore di potermi partire pgni volta che mi parera spediante, et non manco di metter acqua secondo l'occasione et mitigare gli animi delle fattioni, se ben credo si faccia poco, o nullo profitto.

Baso⁷³ le mani di V. S. Illma» et il piede a Sua Santita.

Di Genova alia X Maggio

MDLXXV Dom. V. S. Illma et R^{ma}

Perche in Sua Santita havera occasione persona de mandare la sudetta, dird a V. S. Illma qui appresso, che hieri torno il Cattaneo

Voltare

Dorso: X et XI Maggio insieme, copia di lettera al cardinale Como con ziffra co'un or(dina)tio de Genova.

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 18/52, р. 219—223.

8. Письмо Мароне из Генуи кардиналу Como 11 мая 1575 г.

Illmo Signore

Hieri torno il Cattaneo {et un altro} dalli vecchi con risposta che l'essi a modo alcuno non volevano mettersi a disentione del'novi accusando le leggi del 28 <et> {ce} venendo qui nello mani loro.

Et percio non volevano anco mandar altri deputati per trattar piu oltre ante mi disse, che se la republica per questa causa deggesse, altri deputati della sua fattione com'haveva fattp <de nuovi> {in loco delli absentii suoi} esso et compagno suo

<i> protestariano, che a suo no me non si trattasse cosa alcuna. Ho vocato del sua dirli assai a non rompere la pratica, perche fosse nel trattare si potrebbe scoprir alcuna lume di concordia et con tutti le ragioni vive et utili aloro '• <stessi> ch'io l'ho proposto non e stato possibile {mai} et rimoverli dalla deliberatione fatta. Se ben {poi} hanno offerto che vorranno nello Stato di Milano et a Lucca o Pisa quando San Sabb. . . da trattar secondo quello che l'essi ricercato <et modo perche vpigliano {ma} in nessuna modo consentire> et modo di consentir, mai modo alio alia legge del 28. com'abbandonate дописано другим почерком. Против алого на полях аного.

306

L'ambasciatpre cattolico venne da me {dali a poco} <lo> quale pregai a persuader {detti vecchi} a non rompere il trattato, perche con questa rottura oltre l'altri donni {fine vario} {a} giudicare alle casa <sua> et tirare a se le colpe. Hoggi, doppo disnare,⁸⁰ sono <ri>tornare {poi} a dirmi, che trattanno, ma lo dicono <si> ireddamente, lascia {n}dosi {tuttavia} interesse d> el modo tenere di non voler a nissun modo la vetta legge del 28 <che dubito non l'habbia et potra far altro et nulo fa credere >.

Il che⁸¹ mi fa credere ch'essi vecchi sperirno vale {r}si della presente occasione delli apparate con il turco, seben <stimo> {fugo} non li debba succedere pro piu ragioni <et> {ma} principalmente, perche doppo questi tumulti sinhora non ho la risposta alcuna da respubblica. Sono <dapoi> {ultimamente} venuti i nuovi da me, ma sotto <colore> {nome solamente} di visitarmi pro amore volerla {quali ho ringratiato assai} et seben <per passaggio s'il detto> ragione et alcuna cosa. Essi pero sono stati solamente s'il essi avere a farmi poi vedere le cose chiare delle congiure {scoperte} <et non se sono allargati ad altra, onde {siche} da questo modo <non loro suo> {non} mi <e> perche <bene tempo darli> {allhora} <pro allhora all. . . pro allhora modo> entrar in ragionamento della sudetta deliberatione dei vecchi <et credo> {oltre ch'io credo}, che questi delle nuovi habbino nell'animo loro altrettanta resolutione di cominciar ad ordinare la repubblica altre modo. A che <et pero che> {pero} caminano con destrezza affin de restare iustificati com'essi dicono appresso Dio, appresso il mondo, et massimamente presso Sua Santita et il Re cattolico <et a questo ultima co. . .>. Io a questa parte <io> H essorto sempre perche il tempo poi potra portar mutatione di volonta, et seguirne piu favoralmente {tra tutti} qualche concordia.

De Genova alii X+XI Maggio subscripsit.

Dorso: X et XI Maggio insieme, copia di lettera al cardinale Como con ziffra co'un or[dina]tio de Genova.

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 18/52, р. 225—226.

9. Письмо Мороне из Генуи кардиналу Комо 12 мая 1575 г.

Habbi seconda la lettera di V. S. Illma de 2 co'la ziffra portatemi dall' ord[ina]rio di Lione et due altre de VI con li breve della legation} et delle facolta venutemi con l'or [dina]rio di qui al contenuto de quali per haver risposto in buona parte co'altre mie, che le verranno dentro al medesimo spaccio, poco piu mi resta che dirle.

Diedi il breve di Nostro Signore al Ambasciatore cattolico et havrei fatto il medesimo in dar il suo al Signer Giovanni Andrea Doria, se l'ultima volta, che fu da me egli non m'havesse trpyato a letto, ove stavo non troppo sano, et fu a puntp in tempo di quei strepiti maggiori, ch'andavano a volta ne man-cara modo di scusar seco la tardanza se vi sara questo bisogno che non credo, come anco non comprendo, che nessuna causa in questo affare sia .di tanto rilevp, che habbia potuto generare ombra in alcuno se non per opera de mali operarii come ben dice V. S. Illma o perche di natura nazionale o misteriasamente alle volte si compiacciano gli huomini di essere sospettosi.

L'avertimento che ha hanto V. S. Illma in scrivere al Nontio⁸² che procuri dalla Maesta cattolica, che dia gagliarde commissioni a suoi Ministri d'Italia per haver bona intelligentia meco potra essere di profitto quando quelli potes-sero operare cio che sarebbe necessarissimo a disporre queste due fattioni alia concordia et havessero con nuovi tanta confidanza, et co'li vecchi tanta autho-rita di poterlo fare. A ciascuna de'quali quando bene io gli ho anteposto li pe-

*° Так в тексте.

⁸¹ На полях близ этих слов написано Ziffra.

⁸⁸ Так в тексте.

307

ricoli, la rovina, et tutto quello di male che gli puo succedere, et dall'altro canto Futile, il comodo private et l'unione et quiete di questa Repubblica, pare che piu tosto risolvino d'acutarsi con altra via, che di accomodamento che sia pouto^{8a} differente dal'ostinata deliberatione loro, onde nasce che li vecchi piu tosto se ne sono iti, et li Novi mantengano il populo armato tuttavia a piu cautela, ne puo drizzarsi la giustitia, ne altra cosa buona durante questi fervori et sospetti.

Ben' e' vero che questi nuovi si mantengano il populo tanto unito et con-fidente, che con le forze di esso concertano et danno forma a tutto quello, che vogliano etiam a questo modo che si trovano.

L'Ambasciatore Cattolico mi mando certi ayisi delle cose di Francia quali mi e'penso bene includere in questa, se di piu mi occorrera soggiongerò a V. S. Illma co'altre mie alia quale lettere.

Di Geneva alii 12 di Maggio 1575

Gli avisi sono

For cartas de Paris di 19 d'Abril 1575

25 deputados por los rebelles tuvieron dos audientias con el Rei Chatoli-cissimo y su madre y se spera conclusion de la par.

Che il dicho Rei se dezira que embiaria d'pedir denero prestanto al Papa, Venetia y Genova.

Che se ha resuelto de no embiar persona de Franzia a'Genova paresciendo que si queresiendo su asistentia la acceptassen no ternia como poder complir el offrescimento.

Dorso: XII Maggio 75 Genova, copia di letter all Illmo Como con l'or^{tio} di Genova.

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 19/52, р. 229—230.

10. Донесение Мороне из Генуи кардиналу Комо 13 мая 1575 г.

{Dippoi ch'e non s'e potuto operare cosa alcuna per accordo tra queste due fat-tioni et mi e pronto bene voltarmi a trattare com'ho scritto con i vecchi}.⁸³

Per <satis> fare un poco piu <forse> di cognitione all' . . . signori della ra-gioni ch'io ho usate a {cercare di} persuadere

Spendono in edificiis, compre di stato, pompe ec. et aiutarli non dico donarli il suo, ma con accomodarli sicuramente {et con utile} per propri possino trofi-carsi in qui starano facilmente la benevplentia de'tutti non gratia spressandoli, ingiuriandoli, opprimendoli, come molti di loro hanno fatto {non dico che tra essi non vi ne siano ancora molti da bene} et a questo modo {fra poco tempo} verranno ad esse stimati. Et sempre etiam forstati⁸⁰ saranno posti nel governo et conservavano la legge, la qual e stimata tanto sancta et salutar et desiderata da tutta la citta, con pace et tranquillita de tutto il Dominio, perche geusta legge, che " " " " - . * . - .

Per Γ ..

sotto una legge, fatta per la maggior parte l'uso de molti anni con quiete della citta, et con reputatione grande de loro stessi {mentre e durata} essendo stati assomperti quasi ogn'anno et piu, che permetta a tutti li magistrati secondo l'occasioni, che saranno reputati superbi, cupi di vi-ver senza leggi oppressori de'ppveri et voler essere tiranni.

Et ⁹¹ se {dirono che} li nuovi si sono mostrati troppo loro nimici, {che in dono che} l'hanno fatto per studio della forliberta, non havendo pero posto le mani nel sangue d'alcuno, ne nellaroba et havendo sempre detto, che summamente desiderano, che un membro cosl nobile del corpo dalla republica genuese in resti separate dal resto d'il corpo, pur che non possano usar' a lor voglia la tirranide, et resti qui la vera liberta. Appresto gli ho detto, che essendo tra essi nobili non pochi et non haverano <pero > il modo di durar lungamente con le lor f amiglie exuli voluntarii lasciando le loro case, ville ec. et andando vagabundi di qua et di la con infiniti incomodi et spese, saranno sforzati a ritornar alia patria. Et alloro non haverano la commodita d'un legato apostolico sotto l'ombre, qual possono a pregar suoi ritornar et esser ben visti ante saranno poi vilipesi et maltrattati. Et meritamente, perche tornarono per necessita et stracchezza, non per volonta. Et sara loro piu grave del yedersi per colpa sua totalmente esclusi dalli honori et commodi, ch'ano li boni cittadini. Gli ho ancora detto, se essi pensarano ritornar a casa col braccio potente et per forza, se questo ha da esser, non pup esser senza la ruina della lor patria <et>, {della quale} saranno stimati nimici <della patria per la qual tutti li> {havendo per amor di quella molti} huomini, non solo christiani, m'ancora <gentili hanno> tolerati <molti> ingiurie gravissime, et ne sono stati lodati assai come per il cpntrarij vituperati, quelli che per vindicarsi l'hano ruinata o posta in periculo, di che gli ne detto molti essempli non solo antichi, m'ancora moderni, et del nostri giorni.

Gli ho detto ancora: se pensano far <questo > {simile} ritorno con forze pro-prie {perche si iattano di volerlo far qualunque non possono valersi d'altre}, che sara molto difficile levar' questi turri d'una citta cosi gagliarda et bene provista per molti mesi et che li danari suoi; che sogliono aumentarsi con suoi trafichi. Presto si scemarono cessando il guadagno et crescendo la spesa, se bene fossero gli miglioni perche la guerra e vorragine troppo ingorda, et le spese non sonno mai fine, et qualunque bene potessero mantenere qualche tempo questo eccesive spese di fuori; le ruine loro qui dentro. Et de futorno ^{8e} sariano inestimabili. Et con tutto questi l'essito e fu certo <et se vorrano far' il ritorno con forze d'altre >. Et da questo principio si moveria ogni modo tutta la christia-nita et succenderebbe fuoco mestinguibile per longo tempo. S'ancora disegnano valersi delle forze esterne, che questi ancora faro no il medesimo {et essi farano gran parte se non tutta la spesa} et il fine sara il loro giogo perpetuo, essendo

⁸⁹ В тексте аii.

•° В тексте f forstati.

⁹¹ В тексте et повторено дважды.

310

preda di l'vincitor et questo giogo non sara per poco tempo corne forse e stato per il passato, perche la terra hora e fortissima et vi <tenevano> {mettevano} soldati et {fare bene} castelli et diriano veteres migrati coloni. Et <essi> sono princepi^{8*} potentissimi d'alte nomi di quali sarebbe impossibile il liberarsi, Et con raggione {perche} <vedendosi> l'instabilita et contentione di questa citta, et dmpostando tanto> l'opportunita del'luoco {accessimo} a offender altrui o diffenderil suo <altre che> {per} perche <fu> intuita ogn'uno ad impatro-nirsene <questo sarebbe occasione necessaria>, ma che con occasione simile* Ne in loro presentia sarebbe conservar' come dicono solita liberta per le cause sopradetti. Ma <che ancora> di piu e da considerar ch'l'Re cattolico essendo tante imprese per le mani et fatte per le passato tante spese, et per esser di nature, che piu presto cerca conservar li stati suoi, che occupar li altrii, ne vora⁸⁶ facilmente turbar la quiete della qual Sua Maiesta, gode fu fralia, et dar occasione a questi nuovi, i quali <si > {voglio esser} chiamarsi⁸⁶ <tra loro > suoi amici et con-federati et si mostrano sia qui parer {mi} alii medesimi commodi, et servitii, che Sua Majesta ha ricevuto peril passato {da questa citta}, anzi <credo che> Sua Maiesta haveria molto euro, che <vi> s'accomodasse il negotio. Et non man-carebbe di favoriti per via di amicitia et intercessione li vecchi, quando qualun-qui, stando quieti non posse tenuto il debito avuto di loro, come ancora farebbe Nostro Signore per l'animo paterno, che porta a tutti cittadini et per il desiderio della pace et quiete universale. Tanto piu che trattandosi {d'} armi, si guasta la religione, si mettano le cose in mani di soldati, si corre periculo, chenoncre-schino le heresie ove sono le guerre et la Hcentia di dir' et far' quel che si vuole.

Con tutte questi ragioni et con altri ancora ho cercato persuader' alii vecchi al ritorno della patria con l'abolitione et tutti li errori commesse in questa se-ditione da l'una et l'altra parte, ma mi par' haver' fatto poco fatto, et ho fatto intender'il medesimo al Signore Giovanni Andrea Doria per un suo servitio, ch'esso non puo intrar' solo per sospetti et intrar con molta compagnia in. . . non sana, admesse et {credo} mi mandate la risposta. Et l'ho ancora notificato all'Imperatore⁹² . . . Carlo, ^{8e} et di tutto questo ho volute dar noticia^{8e} a V. S. Illmo, perche <questo> hora {questo} et il parer mio se bene forse poco prudente, ma desideroso di fugir le guerre. Et ancora perche se Nostro Signore lo giudicar, se bonp⁸⁸ lo facesse trattar col Re cattolico per via del nuntio suo al quale io non ho scritto, non sapendo se Sua Santita l'approve et per via dell'ambasciatore cpsti di Sua Maiesta et con li altri mezzi {delle car. . . ⁹² genovesi o altri} che li ponessero oportuni, se ancora non piacera sia per non scritto, et attissimo baso⁸

Di Geneva pi. . . *² {Roma}

Maggio 1575.

Dorso: Relatione del fatto Al Signer Cardinale di Como XIII Maggio 75

co' l'or^r<> di Geneva

3^a di sercho.

Архив ЛОИИ, зап.-европ. секция, ф. 1, 20/52, 28/51, р. 233—239. ⁹² Лакуна.
20*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Аахен 27, 30

Абруццы 21

'Августин Блаженный 200

Аверинцев С. С. 269**
Австрия 27, 88
Адами Товий 279
Адорни, генуэзский род 78, 97
Адорно Фьески, Екатерина 233 • Адриан VI, папа 255
Адриатическое море* Адриатика 35, 214
Азия 264
Азовское море 35
Азорские острова 35
Акви 93
Акви, епископ 88
Алаций Леон 273
Алеати Дж. 11
Алессандрия 68, 69
Алесси Галеаццо 236
Аллеи Г. 210
Алпатов М. В. 226
Альба, герцог 91
Альбергати Фабио 117
Альберти, флорентийский род 78
Альберти Леон Баттиста 108, 207, 212, 221
Альпы 214
Америка 34, 36, 55, 57, 220
Амстердам 33, 53, 58, 278
Англия 12, 15, 21—23, 28-30, 35, 36, 45, 51, 56, 58, 73, 109, 112, 125, 191, 213, 245, 255, 262, 272, 277
Анджелери 224
Анеро 154
Анкона 53
Антверпен 24, 55—58, 86, 100, 187
Апеннинский полуостров 214
Апулия 244
Арагон, Бласко де 70
Ардити Бастиано 33, 41—45, 53, 72, 82, 85, 87, 88, 91, 93, 123, 124, 128, 129, 145, 149, 150, 169
Аретино, Леонардо Бруни 221, 243
Аретино Пьетро 246
Ариосто 195, 247
Аристотель 104, 204, 247, 275
Арквата (Арквато) Баттиста 142, 154-156, 159, 161, 165, 169, 175
Армения 265, 266
Арно, река 124
Арригони, сенатор 72
Артузо Антонио 173
'Асти 49
Атлантика 16, 32, 47
Аугсбург 27, 53
Афинский ' герцог, синьор Флоренции 106
Африка 34, 35, 219
Африка Северная 216
Бабеф Гракх 278
Бадалокьо Винченцо 86
Бадоев Федерико 68
Базель 244, 245, 251, 273, 275
Балканы 22, 37
Бальбани Агостино 249
Бальзак, Огюст де 225, 227
Барбагалло К. 15
Баргони Йозефо 166
Барди, флорентийский род 40
Бари 53
Барон Г. 201, 221, 222
Барселона 53, 55, 93
Бартоломеи, компания 55
Бассано Я. 232
Бастерика Сампьеро 87
Баткин Л. М. 201, 219, 269
Батталья Ф. 108, 109
Бахтин М. 228

Безансон 48, 49, 53
Бейль Пьер 274
Бекаделли 211
Бекеруччи Л. 193, 230
Беккер М. 10
Белла, Джано делла 207
Беллокини 155
Бендишоли М. 253—255
Беноцци Гоццоли 231
Бергальи Джироламо 166
*" Составлен И. С. Шарковой. ** Курсивом набраны фамилии авторов XIX—XX вв.

312

Ёргамаско 2М
Бергамо 18, 19, 53
Бернарди Доменико 166
Бернарди Никколо 138, 140, 168
Бернарди Паолино 248
Бернардини, компания 54
Бертони Дж. 198
Бираго (Брисаке), Марио ди 87
Блаунт 277
Блумингтон 46
Воден Жан 109, 273
Боккаччо Джованни 195, 196, 202,
229, 230, 243, 247, 264, 273 Болеро Джордже 161, 163, 164 Болонья 14, 21, 45, 53, 106, 205,
234, 237 Больцано 53 Борго ди Прэ, район Генуи 135,
154, 157
Борджа Чезаре 111, 115 Бордо 25, 86
Борис Годуно, в., русский царь 33 Борромей, миланский род 71 Борромео Ренато 70 Боттичелли Сандро 222,
224, 231 Боярдо 222 *Брагинский И. С.* 261 Брандини Чучо 182 Брачелли Якопо 237 Бреша 18—20, 244 Брисаке см.
Бираго, Марио ди Британия 216 *Бродель Ф.* 9, 15, 65, 100 *Брунелло Б.* 113, 114 Бруно Джордано 224, „241, 273,
275—279 Брюссель 278
Буонаграций Джироламо 251 Буонамичи Никколо 185 Буонвизи Винченцо 250 Бургос 56 *Бурдах К.* 239
Буркхардт Я. 193, 199, 270 Бьянкетти Йозефо 166 Бэкон Френсис 112, 277
Вавилония 264
Вазари Джордже 219
Вайнштейн О. Л. 112, 259
Валансьен 24
Валенсия 53
Балла Лоренцо 202, 203, 207, 211,
221, 237, 240, 243, 276 Вальдес Джованни 243 Вальядолид 56 Ванини Джулио Чезаре 224, 251,
277—279 Вассало 99 Ватикан см. Папское государство
Веизе ф. 19Й, Ы
Вена 53
Венгрия 27, 268
Венето 19, 21
Венето Уго, адмирал 35
Венецианская республика см. Венеция
Венеция 3, 13, 15, 16, 18, 19, 32, 34-37, 45, 50, 53, 55, 61, 63, 77, 81, 85, 91, 102, 115-117, 174, 186, 231, 232, 245,
246, 249, 275
Вентури Бастиано 51
Вергилий 209, 210, 231
Верджерио, епископ 245 .
Вермильи Пьер 250
Вернацца Этторе 233, 234
Вероккьо Андреа 231
Верона 14, 18—20, 50, 106
Верри Алессандро 81, 181
Веселовский А. Н. 193, 194
Веспуччи Америго 237
Веттори ИЗ
Вивальдо Якомо 163
Вида Марко Джироламо 117
Виджевано 14
Византия 28, 29, 219
Вико Джамбатиста 114
Вильгельм Р. 257

Виньола Пьетро Гатта 166
 Висконти, миланский род 61, 71
Витале В. 100, 136—139, 142, 143, 149, 187
 Витербо 245
 Витрувий 212
 Виттенберг 277 " "
 Вичентино 21
 Виченца 14, 19
 Владимиро-Суздальская Русь 268
 Вольтер Франсуа Мари Аруэ 274, 277, 278
 Вольтерра 185
Вольф 193
 Восток 35, 36, 45, 235, 259, 260, 263-266
 Вьелло Бернардо 159—164, 176—178, 181, 182
 Вьяке 136, 139, 156
 Вюрцбург 247
 Гави 94
 Гадди Якопо 273
 Галилей Галилео 195, 224, 273
 Галлия 216
Гарен Э. ИЗ, 199—201, 221, 222, 239
 Гаризетта 161
 Гаримберто Джироламо 117 *Гаркнесс М.* 225 Гассенди Пьер 277, 279
313
 Гаттилузйо, гшуэзОДш род 36
 Гаццо (Гацца) Джованни (Пьер Дзкованни, Джованни Пьетри) 145, 154-156, 158-160, 162, 178, 181
Гверцони, Дж. 199
 Гвидиччони Алессандро, епископ 249
 Гвидиччони Бартоломее, кардинал 249
 Гвидобальдо, герцог Урбинский 147
 Гвинея 35
 Гвиччардини Франческо 61—64, 67, 68, 96, 110, 114-116, 224, 274—276
 Гельвеции 203
 Гельмштедт 277
 Генрих III, французский король 53, 85, 87
 Гент 278
 Генуэзская республика 37, 40, 84, 85, 87, 89, 90, 94, 96, 99, 104, 105, 122, 124, 128, 130, 143, 148, 149, 153, 172, 187
 Генуя 3, 11, 14, 32-40, 45, 48-50, 52-56, 61, 63, 66, 68, 73-85, 87-91, 93-104, 117, 118, 122-125, 128, 130, 131, 133-136, 139, 141-145, 147, 149-152, 156, 159, 160, 162, 174, 176, 181, 183, 186, 188, 232—238
 Германия 26, 27, 29, 51, 73, 109, 110, 191, 192, 212, 240, 248, 253, 255, 262-264, 268, 272, 273, 277
 Гете Иоганн-Вольфганг 194, 227
 Гиберти Лоренцо 230
Гобетти П. 241
Гоголь Н. В. 227
 Голландия см. Нидерланды
 Гольфо, крепость 94
 Гомер 209
 Гонзага, синьоры Мантуи 106
 Гонзага Джулия 243, 247
 Гонзага Эрколе 70.
Готхейнс 239
Грамини Антонио 222, 241, 242
Граценков В. Н. 226
 Греция 264
 Григорий XIII, папа 80, 83, 84, 149
 Грилло, генуэзский род 97
 Грилло Лука 131
 Гримальди, генуэзский род 56, 89, 97
 Гримальди Лазаре 88, 139, 150, 181
 Гримальди Франческо 94
 Грузия 265

Грюнтлер, немецкий гуманист 247, 248
 Грюнтлер Олимпия 247, 248
 Губбио 106, 147
 Гукоеский М. А. 194, 222, 261, 270
 Гульеа А. В. 260' Гус Ян 243
 Даванцати Бернардо 49
 Д'Альбаро, пригород Генуи 122J
 Данте Алигьери 194—196, 210, 24Э, 266, 269
 Да Сильва Х. Ж. 11, 39, 48, 100
 Датини Марко 201
 Дегранж Эдмон 51
 Дезьмосто Аврелио 168
 Декарт Рене 499
 Дель Бене, кбмпания 31
 Дель Вага Перин 235, 236
 Делюмо Ж. 11, 252, 253
 Де Мари, генуэзский род 97
 Де Негри Т. О. 36, 100, 101, 233, 236, 237
 Де Санктис Ф. 220—223, 241
 Де Форнари 79
 Джанбаттиста из Венеции 249
 Джанотти Донато "76, 110, 114, 116, 117
 Дженестрерио 14
 Джентиле Дж. 224
 Джерарди Джеронимо 153
 Дживелегов А. К. 210
 Джигантино 185
 Джинальди, генуэзский род 97
 Джон Э. Т. 51
 Джотто 196, 210, 219, 220, 229, 230, 269
 Джустиниани, генуэзский род 36, 97
 Диана Антонио 50
 Дидро Дени 227, 277, 278
 Диккенс Чарльз 227
 Дино Компаньи 230
 ди Прэ см. Борго ди Прэ
 Ди Туччи Р. 97, 100
 Днепров В. 229
 Добб М. 205
 Дольчино 240
 Доменичи Лодовико 251
 Донателло 212, 220, 225, 231
 Дони Антонио Франческо 117
 Дорен А. 10
 Дориа, генуэзский род 40, 80, 89, 97, 123, 134, 233, 235
 Дориа Андреа 36, 75, 76, 78, 80, 87, 96, 176, 235
 Дориа Антонио 235
 Дориа Джованни Андреа 80, 83, 84, 90, 93, 94, 103, 123, 131, 132, 134, 135, 144, 151, 152, 159
 Дориа Джордже (Джованни), капитан 158, 159, 164, 180, 182
 Дориа Карло 96
 Дориа Эразмо 75
 Дураццо Карло 107
 314
 Дюпре Э. 16, 65 Дюренбергский граф 88 Дюрер Альбрехт 192
 Европа 3-7, 10, 12, 15, 16, 17, 22, 24, 28, 33, 35, 36, 38, 45-47, 49, 51, 52, 54, 56, 57, 59, 61, 62, 65, 73—75, 80, 89, 99, 101, 105, 106, 116, 122, 125, 128, 186, 191, 192, 198, 205—208, 212—216, 229, 234, 238—240, 242, 243, 245, 246, 252, 254, 256, 257, 260, 262, 264, 266, 267, 271—279
 Европа Восточная 41, 45, 46
 Европа Западная см. Европа
 Европа Северная 34, 45
 Европа Центральная 27—29, 191
 Египет 264
 Един Г. 255

Екатерина Медичи, французская королева 85, 86
Женева 47, 244, 250, 277, 278 *Жильсон Э.* 199 *Жирмунский В. М.* 265
Закариа, шорник 164 Закариа да Луниджана 248 Запад 6, 15, 35, 36, 45, 235, 260, 265, 266
Захарио, генуэзский род 36 Зеленый мыс 35 *Знамеровская Т. П.* 229
Иберия 35
Ивреа 49
Идиаквеца дон 90
Иероним Пражский 243
Изоле Джованни Баттиста 161, 168
Империя см. Священная Римская империя
Индия 32, 34, 257, 258, 262, 264, 267
Индонезия 264
Иннокентий III, папа 75
Инуреа Стефано 151
Иран 257, 258, 260
«Историк-Политик» 66, 73
Иския 36
Испания 5, 11, 12, 22, 32, 34-36, 38, 45, 53, 55-57, 61, 62, 64-67, 70, 72, 74, 75, 80, 83, 84, 87—89, 91, 93, 95—97, 99—101, 103, 112, 144, 150, 151, 178, 183, 186, 187, 191, 234, 236, 238, 240, 253, 255, 262
Италия 3—7, 9, 11—18, 20—22, 24, 26, 28-32, 34, 35, 38, 41, 45, 47—49, 51, 53-59, 61-73, 75, 77, 80, 82, 83, 85-88, 90, 91, 96, 97, 102—105, 109—112, 114—118, 121, 122, 125, 128, 150, 184, 185, 188, 191-193, 195-197, 199, 200, 203-220, 222-224, 227, 229, 231, 232, 234, 235, 238—248, 250, 252—257, 259—268, 270—273, 275, 279
Италия Северная 7, 9, 11, 13, 121, 214, 234, 240, 246, 252
Италия Средняя 9, 121, 240, 252
Италия Центральная 11—13, 214, 234, 246
Италия Южная (Юг Италии) 12, 50, 121, 186, 211, 214, 215, 243, 244, 252
Йертрани Франческо 166 Йозефо, кастеллан 173, 177 Йорк 22
Кавальканти Бартоломео 117
Кадис 53
Казале 79, 96, 103
Казаретти Якопо 173
Казер К. 255
Казерата (Каферата) Стефано 159, 161—164, 182 Казони Филиппе 82, 89, 90, 94, 95, 103, 123, 124, 130, 136, 140, 153, 175, 182 *Каицци Б. ii* Калабрия 185, 244 Кальви 235
Кальвин Жан 85, 248, 250, 251 Камаяани Пьетро 103 Камбино, Арнольфо ди 296 Камбиоазо 235, 236
Камбрэ 277 Кампанелла Томмазо 117, 195, 224, 241, 251, 276, 278, 279 Кампоантиго Агостино 168 *Канделоро Дж.* 7, 9 Кандиа, герцог 94 Канобио Франческо, епископ 82 *Канттимори Д.* 194 Кантоне Бернардино 232 Каподистрия 245
Каппони, флорентийский род 54 Капри, остров 36 Капри, Уго да 16 Каприата Джованни Пьетро 166
Караваджо, маркиз 70 *Караганов А.* 226 Караффа, кардинал 246 Караччоли Галеаццо 244 Карачоло Джованни, принц Мельфийский 65
Карбоне Никколо 138, 140, 162 Карбоне Томмазо 159, 168, 181, 182 Кардано Джироламо 117
ЗДЗ
Кардериа Стефано 161
Кардуччи 193
Карл IV, германский император 195
Карл V, германский император 49, 67, 74-76 Карл VIII, французский король 37, 220
Карл IX, французский король 85—87 Карлоне Ян Мариа 166 Карнесекки, флорентийский род 54 Карнесекки Пьетро 251 Каррара, Константино да 250 Каррара, Франческо да, синьор Падуи 107
Кассичча Джакомо 154, 169 Кастелио Себастьяне 245 Кастелло Уберто 161 Кастилия 35, 56
Кастильоне Бальтазаре 237, 248 Кастофьяно, Джованни да 244 Кастраккани, синьоры Луки 106 *Каталано Ф.* 16, 195, 221, 223, 229, 255
Като Камбрези 272 Каттанео, генуэзский род 97 Каттанео Никколо 139 Каттанео Оттавиано (Оттавио) 142, 155, 159, 160, 165, 169, 182 Каттани Франко 250 Катулл 211 Каффа 36, 37
Квацца Р. 59, 61, 62, 100 *Келленбенц Г. II* Кельн 27, 30, 278 *Кеменов В. С.* 204, 205 Кеплер Иоганн 277
Керо, Эммануэле ди 154, 164 Кипр 16

Китай 257, 259, 260, 262, 264 Климент VII, папа 75, 255 Козини Сильвио 235 Коллеони, кондотьер 231
Колпинский Ю. 226 Колумб Христофор 36, 237 Кольбер Жан-Батист 15 Комо, город И, 14, 16, 20, 31, 68 Комо,
 Толомео Галли, кардинал ди
 83, 149, 150, 163 *Конде Ж.* 111 *Конильо Дж.* 11 *Конкитиро Кодзима* 257 *Конрад Н. И.* 226, 257-261, 263, 265
 Конринг 273 Контарини Гаспаре, кардинал 117,
 245, 246, 253
 Конте (Понте) Бартоломео 154, 158 Коперник Николай 276 Кордоньоне Баттиста Андора 166 Коронато
 Бартоломео 136, 138—140,
 143, 148, 152, 156, 168, 178, 180,
 182, 183, 188
 Корсика 36, 37, 80, 87, 94, 99, 121 Корьецца Амброзио 166 Краков 85 Кремона 11, 67—70 *Кристеллер П. О.*
 199, 201, 222 Кристина, шведская королева 274 К роза Космо 166 *Кроче Б.* 195, 223, 241, 242 Кроче Дезидерио
 168 *Кудрна Я.* 112,,, Курионе Челио'250 Къеза Антонио 136, 137, 152 Къявари Стефано 168 Къяссо 14
Лабанд Э. Р. 195
 Ладаньи Антонио 173
Лазарев В. Н. 218, 226, 268
 Лайнец 255
 Ландо, Микеле ди 177
 Ланфранко, генуэзский род 97
Лапейра Л. 100
Лармин О. В. 226—228
 Лауро Пьетро 245
 Лациум 121
 Леббиа, Оливио де 250
 Левант 35, 38, 197, 219, 266
 Леванти Джованни Франческо 166
 Леверетто 99
Ле Гофф Ж. 198
 Лейден 23
Лейхт П. С. 15
 Ленайга Сильвестро 168
 Лензи Доменико 230
Ленин В. И. 206, 213
 Леонардо да Винчи 192, 195, 204, 223-225, 229, 232, 275
 Лериче, крепость 94
 Леркари, адмирал 35
 Леркари Джованни Баттиста 137, 138
 Леркари Франко 139, 161
 Лессинг 227
 Лессиус Леонард 50, 58
 Лечче 53
Либман М. Я. 226
 Ливорно 19, 33, 50, 53, 56
 Лигалупо Якомо 161, 164
 Лигурийская республика см. Генуэзская республика
 Лигурийская Ривьера 78, 94, 95, 100
 Лигурийское море 93, 131, 150
 Лигурийское побережье см. Лигурийская Ривьера
 Ликург 115
 Лион 47-49, 53, 56, 85, 100, 125, 278, 279
 Лионские ярмарки 47—49
 316
 Лисипп 211
 Лиссабон 53, 56
 Лоди 68, 69
 Лодовико Моро, миланский герцог
 37, 67
 Лойолла Игнатий 248 Локк Джон 203 Ломбардия И, 14, 15, 21, 34, 63,
 68, 69, 71, 72, 101 Ломеллини, генуэзский род 40, 97 Ломеллино Леонардо 36, 103, 104 Лондон 53, 58,
 278 *Лопец Р.* 36, 75, 100, 195 Лоренцетти, братья 219 Лоттини ди Вольтерра, Франческо
 117
 Лука, генуэзский род 97 *Лукас Х. С.* 195 Лукиан 211 Лукка 19, 45, 50, 53, 54, 66, 106, 124,
 150, 244, 248-252 Лукканья 249 Луккезини 273 Лукреций 278 Луниджана 90 Луого делла Пьетра 94 Лураго 236
 Льежская область 24 *Лайн Ф.* 11 *Люблинская А. Д.* 26 Людовик XII, французский король
 85, 247 Лютер Мартин 192, 249—251
 Магра, долина 134

Маджола Лоренцо 237
Мадрид 53, 84, 90, 91, 187
Мазаччо 230
Мазолино да Паникале 230
Майорка 35
Майснер С. Г. 51
Мак-Аилуэйн Ч. 198
Максимиллиан II, германский император 80, 88
Макьявелли Никколо 63, 67, НО— 115, 192, 195, 221, 224, 229, 273— 275
Маларчик Я. 112
Малатеста, синьоры Римини 106
Мальвецци Пьеро 70
Мальфанти Антояио 35
Манетти Барбаро 237
Манна Лодовико 244
Манрике Джорджо 70
Мантуя 53, 66, 106, 247, 248
Мантуя, герцогство 61
Марино Томмазо 236
Марка 121
Маркс Карл 4, 22, 27, 30/38, 58, 105, 109, 112, 200, 205, 208, 216, 253, 261
Марсилиус Падуанский 269
Марсилья Луиджи 243
Мартелли, флорентийский род 54
Мартиненго Чельзо 244, 250
Мартини Симоне 219
Мартини Франческо 166
Мартиньоли, феодальный род 89
Мартиони Баттиста 168
Мартира Пьетро 243, 244
Маруццо Кристофо, кардинал 72
Маручелло Андреа 152
Масса 90
Масса ди Каррара 153
Массоне 161
Мастиньони Агостино 173
Мауренбрехер 254
Мацек И. 208
Маччо 14
Медина-де-Риосеко 56
Медина-дель-Кампо 53, 56, 100
Медичи, семья, синьория 10, 31, 34, 64, 78, 82, 97, 110, 115, 146, 147, 178, 194, 207, 251
Медичи Джулиано 86
Медичи Козимо 78
Медичи Козимо I, герцог Тосканский 67, 86, 251
Медичи Лоренцо Великолепный 67, 222, 231
Медичи Сальвестро 138, 142, 148
Медичи Франческо Мариа, великий герцог Тосканский 33, 53, 54, 81, 82, 85
Мейер К. Ф. 198
Меланхтон 244, 248
Мелис Ф. 10
Мендоса Педро 102
Мендризио 14
Меринда Аполлониио 244
Мер они И. 11
Мессина 53
Микеланджело Буонарроти 195, 224, 225, 232, 235
Микеле, Франческо де 250
Милан 3, И, 14-16, 18, 20, 34, 39, 52, 53, 61, 62, 64, 66-70, 72, 74, 75, 80, 81, 87, 89, 93, 94, 100, 121, 124, 137, 143, 150, 181, 187, 232
Миланское герцогство 18, 34, 50, 56, 63, 68-71
Миланское государство см. Миланское герцогство
Миттилана, мастер 16
Модена 245
Молина Луис 50, 58

Моллов Р. 259

317

Моло ди Маремма (Моло), район Генуи 136, 154, 157, 158

Монако, княжество 89

Монс 24

Монтефельтро, синьоры Урбино 106

Монтеччо Бартоломее 173

Монтоббио Бартоломее 136

Монторзоли 235

Монферрат, герцогство 61, 121

Монье Ф. 211

Мор Томас 276

Моравия 245

Мораццано Гульельмо 168

Мораццано, Джованни Антонио деи 168

Моро Ф. 14

Мороне, епископ 245

Мороне Джованни, кардинал 81—84, 87, 89-91, 94, 117, 123, 124, 126, 128, 129, 144, 148—155, 157, 162, 164—170, 173—177, 180—183, 186

Московское государство см. Россия

Мусетто 86

Навои Алишер 265

Намер 9. 111

Науман 199

Неаполитанское королевство 36, 40, 63, 97, 121, 187 Неаполь 3, 12, 21, 53, 55, 93, 94, 134,

232, 233, 243, 244 Негро, синьор 88 Негро, Якомо де 161, 180 Недошивин Г. А. 226 Нейман К. 223

Нери, флорентийский род 54 Нидерланды 22—24, 28—30, 45, 56,

125, 240, 273, 274 Никоклеонте Коленуччо 102 Николай Кузанский 276 Нисбет Р. 199 Нифо Агостино

117 Ницца 74 Новгород 33, 268 Нови 49, 50, 94, 100 Нови, республика 89 Ноде Габриэль 273 Ноли, Антонио да 35 Норвегия 45 Нюрнберг 53

Оксфорд 277 Ольдони, мастер 16 Онелья, синьория 89 Орвието 219 Ориани А. 240, 241 Орканья Андреа 230

Орсини Клариче 231

Оссэ, Амело де ла 274 Оттон Фрейзингенский 206

Павел III, папа 67, 80, 245, 247, 249, 254, 255

Павел IV, папа 255

Павия 11, 14, 69, 70, 75, 237

Падуя 18, 107

Палермо 20, 53

Палескандоло Марио 50

Паловичино Антонио 161

Панормита 107

Панофски Э. 201

Панчиатики Бартоломее 251

Папини Дж. 200

Папская область см. Папское государство

Папское государство 3, 45, 61, 63, 64, 73, 84

Париж 25, 85, 275, 277, 278

Парута Паоло НО, 114—116

Пассано Стефано 152

Патрици Франческо 108, 117

Патцель Э. 199

Пах З. 46

Пачоли Лука 212

Пезаро 147

Пенко Бартоломее 168

Пеполи, синьоры Болоньи 106

Перегрино Фульвио Морато 247

Пери Джованни Доменико 51, 55

Перуцци, флорентийский род 40

Пескара, маркиз 71

Петр Леопольд, великий герцог Тосканский 20

Петрарка Франческо 107, 194, 196, 201—203, 209, 243

Петров С. М. 226
 Петруччи Кастальдо 16
 Петруччи Оттавио 16
 Пиза 10, 14, 54, 86, 210, 219, 237
 Пизано Андреа 230
 Пизано Никколо 210, 269
 Пий II, папа см. Пикколомини Эней Сильвий
 Пикколомини Эней Сильвий 108, 109, 211
 Пико делла Мирандола 211, 222, 224
 Пинелло Джованни Паоло 161
Пиренн А. 205
 Пиччинарди 70
 Пшпе, Чезаре де 273
 Платон 247
Плеханов Г. В. 213
 Плиний 212
 По, река 214
 Поджо Браччолини 108, 221, 243
Позднеева Л. Д. 259, 264
 Поле, кардинал 245, 253
 318
 Полибий 114
 Полиньи 49
 «Политик-Солдат из Монферрата» 65,
 68, 84, 95, 102
 Полициано Анджело 221, 222, 231 Польчевера (Пончевра, Понцевра),
 долина 136, 137, 151, 162 Польша 27, 41, 45, 85, 191, 245, 268 Помпонацци Пьетро 222, 224 Понтано 107,
 211 Понтарлье 49
 Портелло ди Сарцана 156, 157 Портовенере 94 Портофине 94 Португалия И, 32, 34 Поссевино Антонио 273
 Прага 249, 277, 278 Прато 21, 50, 53, 201 Прибалтика 41, 45 Приули Джироламо 32 Прованс 74, 75, 80
Прокаччи Дж. 273 *Прушек Я.* 264 Псков 33, 268 Пульчи Антонио 222, 230 Пьемонт 20, 21, 65, 97, 121
Пьери П. 63
 Пьеро делла Франческа 212 Пьетри Анджело 51 Пьомбино 103 Пьяченца 14, 49, 50, 53, 80, 100, 185
Рабинович И. С. 259
 Рабле Франсуа 226
 Равенна 185
 Раджи Бартоломео 168
 Раджо Антонио 168
 Раме, Пьер де ла 272
Ранке Л. фон 67, 239
 Рапалло 94
 Рафаэль Санти 224, 235, 248
 Реджо 21
 Рекко, Никколозо да 35
 Рембрандт Ван Рейн 229
Ренуччи П. 198
 Республика св. Георгия см. Генуэзская республика
 Республика св. Марка см. Венеция
 Риарио, епископ 249
 Риварuolo (Риварола) Джованни Франческо 142, 145, 154—158, 160, 161, 169, 176
 Риволи 49
 Риенцо, Кола ди 107, 209
 Рим 12, 16, 34, 53, 62, 64, 75, 83, 84, 86, 116, 153, 154, 160, 166, 170, 180-182, 197, 209, 214, 232, 233, 235, 243,
 245, 250
 Р-имини 106
 Римская империя 212, 213, 215 Риччи, Джульяно деи 95 Риччо Джованни Антонио 166 Ришелье,
 кардинал 279 Розео да Фабриано, Мамбрино 117 Рокка (Рокки) Антонио 154, 155,
 158—160, 163, 169, 177, 178 Роккатальята Иеронимо 166 *Голова А. Д.* 9, 14, 15, 34 *Романа Р.* 13, 100,
 195, 198 Романья 121 *Росселини К.* 241 Россия 33, 45, 266-268 Руан 25
Рубин В. А. 260 Рублев Андрей 268 Румыния 27 Руссо Жан-Жак 274 Руччелаи Аннибале 86
 Савиньяни Ладзаро 166 Савойское герцогство 48, 61 Савойя 49, 66, 74, 85, 97 Савона 74—76, 89, 94,
 151—153 Савонарола Джироламо 115, 224, 243,
 248

Саитта Дж. 114, 195, 201, 202 Саккетти Франко 196, 202, 209, 230 Саксония 27, 30 Салерно 234
 Салуццо 121 Сальбриджо Марио Чезаре 61, 62,
 144, 162
 Сальваго Амброджо 180 Сальмерон 255 Салютати Колуччо 107, 243 *Самарин Р. М.* 226 *Самаркин В. В.* 186
 Сангвинетти Стефано 166 Сан Джордже, капитан 156—158,
 160, 162
 Сан Доменико, район Генуи 154 Сан Леучо, городок 21 Сан Пьер д'Арена, пригород Генуи
 94, 123, 151, 154, 155 158, 163, 172 Сан Сиро, район Генуи 154, 158, 180 Сан Теодоро, район Генуи 154, 156,
 158, 160
 Сансовино Франческо 117 *Санори А.* 3, 9, 10, 31, 194, 195,
 197, 201 Сарагоса 53 Сардиния 121, 137 Сарцана 37, 145, 154, 156, 159, 160,
 163, 174
 Саули Марк Антонио 103, 104, 117 Светлейшая республика см. Венеция Свифт Джонатан 227 *Свобода К. М.*
 195
 Священная Римская империя 5, 61,
 62, 74-76, 78, 80, 88, 89, 96,
 105, 186
 Северное море 36 Севилья 53, 55 Сеговия 56 Селио Курионе 248 *Селла Д. И*
Семанов В. И. 257, 261—263 Семино Дженазио 168 Сервантес де Сааведра, Мигель 226,
 229
Серени Э. 34
 Серипандо Джеронимо 253 Серравалле 153 Сестри 94 *Сиволи Г.* 39, 130 Сиена 54, 80, 219, 240, 244 Сикст IV,
 папа 237 Сикст V, папа 84 Сильваго Амброзио 161 Синапиус 247 Сирано де Бержерак 277 Сицилийское
 королевство 106, 108 Сицилия 33, 51, 121, 131, 187 *Сказкин С. Д.* 185, 186 Скала делла, синьоры Вероны
 106 Скандинавия 255 Скачча Сиджисмондо 50 Скио 21
 «Сколарио», автор «Сеттенарио» 250 Скорца Ладзаро 166 Словакия 27 *Смирнова И. А.* 226 Соединенные Штаты
 Америки 33, 45 Соларо Дженето 168 Соларо, Джованни дель 165 Солдайя 36 Спарта 115 Специя 16, 91, 94 *Спини*
Дж. 16, 33 Спиноза Барух 274, 277 Спинола, генуэзский род 97 Спинола Агостино 88 Спинола Джованни
 Баттиста 161,
 180-182 Спинола да Лукколи, генуэзский
 род 77
 Спинола да Лукколи, Элиано 77 Спинола да Сан Лукка, генуэзский
 род 77 Средиземное море, Средиземноморье
 16, 32, 47, 99, 215, 220 Средняя Азия 257, 258, 265 .Страсбург 278 Страта Орацио 173 Страццериа Джованни
 Баттиста 166 Строцци, флорентийский род 54 Строцци Бернардо 54
Сучков В. Л. 226, 227 Сфорца, синьория 10, 61 Сфорца Катарина 247 Сфорца Франческо 115, 212 *Сэйю А. Э.* 100
 Тавароне 236
 Таврия 36
Тальяферри А. 145
Тамашин Я. 226
 Тарлоне Джованни Баттиста 161, 173
 Тассо Торквато 247
 Телезио 224, 275
 Терра ди Лаворо 21
 Терри Симоне 173, 177
 Тимуриды 265
 Тинторетто 232, 246
 Тирренское море 76, 214)
 Тициан Вечеллио 224, 225, 246
 Толанд 277
 Торре, Рафаэле делла 50
 Тортона 68, 69, 86
 Тоскана 3, 7, 12, 15, 17, 21, 45, 50,
 54, 55, 73, 77, 146, 248 Тосканское герцогство, Тосканское
 великое герцогство 18, 20, 32, 33,
 50, 56, 61, 81, 82, 86, 97, 114 *Тофанин Дж.* 200 *Трелъч Э.* 239
 Тривульци, миланский род 71 Тривульцио, генуэзский род 75 Тривульцио Никколо 134 Тридент 49 Тридентский
 собор 149, 169, 245, 253,
 255
 Тулуза 25, 277, 278 Турин 53, 99, 245 Турция 32, 85, 101, 260 *Тэн И.* 189, 193, 207, 224
 Уджиате 14
 Удине 145, 188
 Узодимаре Антонио 35
 Узодимаре Джованни 139, 161
 Уильтшир 23

Ульман В. Л. 199
 Умбрия 121
 Уоли Дж. 198
 Урбани Орацио 81, 82, 91, 92, 102, 117, 174
 Урбино 106, 147, 186 Урбинское герцогство 147 Уццано, флорентийский род 31, 40, 78
 Фамагуста 36 *Фанфани А.* 15, 207 Фарнезе, кардинал 67 Фассоло 93, 96, 123, 235 Фаттинанти Просперо, 18,3
330
 Фацио Сильвестро 183
 Федеративная Республика Германии 33
Фергюссон У. К. 199
 Фериа, герцог ди 93, 94
 Феррара 44, 85, 86, 106, 247, 248, 251, 252, 262
 Фибоначчи Леонардо 219
 Фидий 211
 Филарето Антонио 212
 Филельфо 237
 Филипп II, испанский король 32, 83, 88-91, 94, 180
 Финале 80, 89, 91, 100, 101, 153
 Финале, маркизат 89
 Фино 14
 Фичино Марсилио 211, 222, 231
Фишман О. Л. 262
 Фландрия 15, 22, 24, 36, 39, 73, 249
 Флиссинген 278
 Флорентийская республика 62, 207
 Флоренция 3, 10, 11, 15—17, 19, 20, 34, 36—39, 41—45, 50, 51, 53, 55, 56, 64, 78, 80, 81, 91, 97, 98, 106, 110, 112, 116, 122, 125, 142 145-147, 150, 169, 178, 182, 209, . 219, 230-232, 238, 240, 244, 245, 248, 251, 275, 279
 Фокея 35
 Фома Аквинский 199, 203, 205
Фомичева Г. Д. 16
 Форни Дж. 51
 Форстнер 273
 Фоссаново 219
 Франкфурт на Майне 53, 277, 279
 Франциск I, французский король 75
 Франциск Ассизский 253
 Франция 5, 12, 15, 21, 25, 26, 28—30, 33, 35, 38, 45, 47, 48, 51, 56, 61—65, 71-76, 80, 85-89, 96, 99, 101, 109, 112, 186, 191, 198, 205, 234, 238, 245, 247, 251, 253, 255, 261, 262, 268, 272, 273, 277
 Франш-Конте 48, 49
 Фрегози, генуэзский род 40, 78, 97
 Фрегозо Галеаццо 87
 Фрегозо Оттавиано 75, 237
 Фрегозо Паоло 237
 Фрегозо Пьетро 36
 Фрегозо Томмазо 237
 Фрегозо Чезаре 79
Фрезер-Якоб Э. 194
 Фрески 70
 Фридрих I Барбаросса, германский император 206
 Фридрих II, прусский король 274
 Фриули 21
 Фриуль 185, 186
 фьески, генуэзский род 40, 78—80, 97
 Фьори Лодовико 50 *Фютер Э.* 63
Хайме А. 195
Хаскинс Ч. Г. 198, 199
Хейзинга И. 198, 201
 Хондсхот 24
Ху Ши 257
 Хуан Австрийский 90, 91, 93, 94, 144, 186 *Хэй Д.* 195, 200
 Цюрих 244
Чагин В. А. 259
Челле М. 237

Челмиев В. А.	259, 262
Чентурионе, генуэзский род	40, 97
Черецца Амброзио	136
Черное море	35
Черонио Себастьяно	136
Чехия	27, 243
Чибо Катарина	247
Чимино Бартоломео	142, 154, 155,
157-159, 169, 176, 178 Чиполла К. М.	9, 11, 15 Чистозвонов А. Н.
11, 24 Читта ди Ноли	94 Чосер
Шабо Ф.	9, 11, 255
Шамбери	49, 53, 125
Шампанские ярмарки	47, 197
Шастель А.	222
Швейцария	244, 245, 252, 273, 277
Швеция	45, 273
Шекспир Вильям	226, 229
Шиволи Джакомо	144, 154, 158, 159,
164, 169, 177, 182 Шипионе, генуэзский род	97 Шишмарев В. Ф.
206, 217 Шоппе Каспар	279 Шотландия
Штейнен, В. фон дер	198
Эг-Морт	35
Эколампаций Иоганн	249
Эльсберг Я.	226
Эммануил Филиберт, герцог Савой-	
ский	86 Энгельс Фридрих
3, 83, 109, 119,	
191, 192, 195, 224, 225, 253,	
263—265	
Эразм Роттердамский	245 Эре
37—40, 77, 97 Эсте д', синьоры Феррары	106 Эсте, Рене (Рената) д'
247, 248	
Эсте, Эрколе д', феррарский герцог	
247	
Япония	257
321	
ОГЛАВЛЕНИЕ	
Введение.....	3
Часть первая ЭКОНОМИКА	
Глава первая. Промышленность.....	9
XVI век: развитие или «обратимость процесса»? . . .7.....	9
Перестройка в промышленности.....	14
Разложение цехов.....	17
Ранний капитализм — общеевропейское явление.....	21
Глава вторая. Торговля.....	32
Новые направления, новые формы, новые масштабы.....	32
Восток и Запад.....	34
Глава третья. Финансы.....	47
От торговых ярмарок к финансовым.....	47
Общешалянский финансовый центр.....	48
Международная фондовая биржа.....	49
Испанское золото	54
«Безансон» или Антверпен?.....	57
Часть вторая ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА	
Глава первая. Итальянские государства и Европа.....	61
Италия XVI в. — политическая сила или объект международной	
политики?	61
Щит Италии и ворота в Италию.....	67
Глава вторая. Генуя и политика европейских государств ...	74
Генуя накануне международного вмешательства.....	74
Генуя в центре международных столкновений.....	81
Генуя и Испания — неразделимые участницы общеевропейской политической борьбы.....	96
Глава третья. Государственная практика и теория государства	102
Генуэзские проекты государственного устройства.....	102
Итальянская синьория.....	105
Теории идеального государя.....	107
Итальянский региональный абсолютизм.....	109
Политические теории Макьявелли и Гвиччардини, Джанотти и Паруты	110
утопии и реальность.....	И7

Часть третья КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Глава первая. Социальные группировки..... 121

Два издания итальянского феодализма 121

Нобили, буржуазия, народ..... 122

Глава вторая. Социальные конфликты..... 131

Война двух портиков..... 131

Третья партия 132

Вооруженный народ..... 133

Восстание народа..... 135

Победа Сан Пьетро..... 137

Глава третья. Программы социальных группировок..... 140

«Почтенные» — между двух стульев..... 140

Требования ремесленников 141

Программа плебса..... 143

Глава четвертая. Генуэзское восстание 1575 года..... 149

Бегство старых нобилей..... 149

Восстание 7 мая 1575 года..... 153

Генуэзское восстание на фоне городских движений в Италии..... 183

Часть четвертая КУЛЬТУРА

Глава первая. Итальянское Возрождение..... 191

Италия во главе европейской цивилизации..... 191

Начало и конец Возрождения..... 193

«Ренессанс XII века»..... 197

Возрождение и религия..... 200

Истоки Возрождения: «ремесленная среда» или «ранний капитализм»? 204

Античность и Возрождение 209

Падение или взлет?..... 220

Реализм Возрождения..... 224

Генуэзское Возрождение..... 232

Глава вторая. Возрождение и Реформация..... 239

Антиподы или союзники?..... 239

Итальянская Реформация 243

Контрреформация или католическая Реформация? 253

Глава третья. Италия и мировая культура..... 257

«Мировое Возрождение»..... 257

Итальянская мысль в Европе..... 271

Приложения 280

Указатель имен и географических названий..... 312

323

Виктор Иванович Рутенбург

ИТАЛИЯ

И

ЕВРОПА

НАКАНУНЕ

НОВОГО ВРЕМЕНИ

(очерки)

Утверждено к печати

Ленинградским отделением

Института истории СССР

Академии наук СССР

Редактор издательства Л. И. Зайцева

Художник Л. А. Яценко Технический редактор Я. Ф. Виноградова

Корректоры З. В. Григи и на, 9. Я. Липпа и Н. З. Петрова

Сдано в набор 18/VI 1974 г. Подписано к печати 17/IX 1974 г. Формат бумаги 60х90/и- Бумага № 1. Печ. л. 20'/и+6 вкл. (3/« печ. л.)=21 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 24.67. Изд. N, 5477. Тип. зак. № 1266. М-44568. Тираж 2000. Цена 1 р. 84 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука» 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука» 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
15	4 снизу	civilta	civilta
53	5 снизу	anvario	aiiuario

61	13 сверху	прэ-	upe-
П1	9 снизу	de	di
117	24 снизу	C a n t a r i n i	C o n t a r i n i
130	2 сверху	шелковиков	шелковщиков
140	2 и 4 снизу	principiali	principal!
142	4 снизу	Hivaronlii	Rivamola
157	13 снизу	Potello	Portello
159	5 снизу	Sua	sua
181	26 сверху	че	чем
281	1 сверху	tluale	quale
281	14 снизу	esec ³ [itia]	esec ³ [titia]
283	11 снизу	viva, viva,	viva, viva
311	7 снизу	Pi	al

В. И. Рутенбург